

МИР
МИСТИКИ
WORLD
OF
MYSTERY

ВОЛШЕБНЫЕ
БРАТСТВА
САЙМАКА

МИР
МИСТИКИ
WORLD
OF
MYSTERY

ВОЛШЕБНЫЕ БРАТСТВА САЙМАКА

МОСКВА
RENAISSANCE
EWO-S&D
1992

Серия МИР МИСТИКИ

Основатель серии И. В. Розова

Художественный редактор серии Ф.Е.Барбышев

В67 Волшебные братства Саймака. Романы. / Пер. с английского Н. Р. Бобровой, И. В. Южаковой. — М.: Издательство "Ренессанс" СП "ИВО - Сид" (Серия "Мир мистики"), 1992. - 480 с.

Многоплановость бытия плодит миражи и химеры. Такой искусно сконструированной иллюзией является любая фантастическая литература, и волшебная фантастика, в частности. По словам Дж.Толкиена, «Любой человек, унаследовавший механизм фантазии, может сказать "зеленое солнце". Многие потом могут представить или изобразить нечто подобное. Создать вторичный мир, в котором зеленое солнце окажется на своем месте и будет восприниматься с доверием, — для этого необходимо приложить и мысль, и труд, и еще особое мастерство, подобное мастерству эльфов. Но когда подобная попытка сделана, и она в какой-то мере удалась, тогда мы имеем редкостное произведение искусства». Именно так и можно сказать о любом творении Клиффорда Саймака.

Два романа К.Саймака ("Братство талисмана" и "Зачарованное паломничество") вводят нас в волшебный мир, населенный волшебными существами — гоблинами, ведьмами, колдунами, баньши, духами и даже вступившим в ряды воинов Господних демоном, которые ведут неустанную борьбу со Вселенским Злом.

В 4701000000- 075
Б(03)- 73- 92 подписное

ББК 84.7

ISBN 5-8396-0036-9

© Перевод: Н. Р. Боброва, И. В. Южакова, 1992;

© Оформление: Ф. Е. Барбышев, 1992;

© Оригинал-макет: Л. Г. Кротов, 1992.

Клиффорд САЙМАК

БРАТСТВО
ТАЛИСМАНА

Clifford Simak
The Fellowship of the Talisman

Глава 1

На всей территории, опустошенной с невероятной и ужасающей методичностью, замок оказался первым уцелевшим зданием, которое они увидели на протяжении двух дней пути.

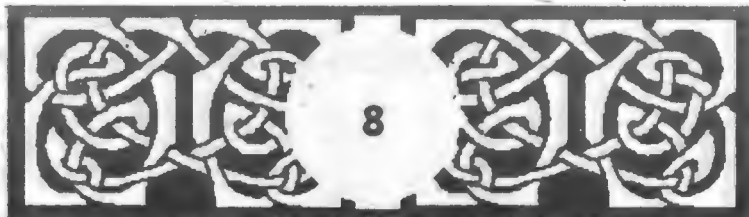
В течение всего этого времени они встречали волков, следивших за ними с вершин холмов, лис, прятавшихся под кустами, волоча хвосты, и канюков, которые, сидя на мертвых деревьях или обугленных стропилах сожженных ферм, поглядывали на них с пустым любопытством. Ни одной человеческой души, зато в чаще им попало несколько человеческих скелетов.

Хорошая погода держалась до середины второго дня, потом осеннее небо начало затягиваться тучами, а с севера подул холодный ветер. Временами он хлестал по их спинам ледяным дождем и даже мокрым снегом.

Вечером, поднявшись на невысокий холм, Дункан Стэндиш увидел замок — примитивное строение, защищенное палисадами и узким рвом. За палисадами, напротив подъемного моста, находился двор для лошадей и сарай для рогатого скота, овец и свиней. По двору расхаживало несколько человек, из труб шел дым. Снаружи палисадов располагалось множество мелких строений, частично обгоревших. В целом поселение выглядело бедно и неряшливо.

Дэниел, крупный боевой конь, который, как собака, шел за Дунканом, остановился позади хозяина. Вслед за Дэниелом, стуча копытцами, подошла нагруженная выюками маленькая серая ослица Бьюти. Дэниел поднял голову и подтолкнул хозяина в спину.

— Все в порядке, Дэниел, — сказал ему Дункан. — Здесь мы укроемся на ночь.

Конрад поднялся по склону и остановился рядом с Дунканом. Это был могучий мужчина почти семи футов ростом, и даже при таком росте он выглядел массивным. С его плеч свисала до колен одежда из овчины. В правой руке он сжимал тяжелую дубину, сделанную из дубового сука. Он молча смотрел на замок.

— Что будем делать? — спросил Дункан.

— Они видели нас, — ответил Конрад. — Над палисадами высывались головы.

— Твои глаза зорче моих, — заметил Дункан. — Ты уверен?

— Уверен, милорд.

— Перестань называть меня лордом! Я не лорд, лорд — мой отец.

— Я считаю вас лордом, — сказал Конрад. — Умрет ваш отец — вы станете лордом.

— Разрушителей не заметил?

— Нет, только людей, — ответил Конрад.

— Странно, что Разрушители прошли мимо такого места.

— Может, хозяева отбились от них? Или Разрушители куда-то спешили?

— Вряд ли, — возразил Дункан. — Судя по всему, что мы видели, мимо они не проходят, любую хижину сжигают.

— Тайни идет, — сказал Конрад. — Сейчас он на них посмотрит.

По склону поднимался мастиф. Он остановился возле Конрада. Конрад погладил пса по голове, и тот замахал хвостом. Дункан снова отметил сходство между ними. Тайни был великолепным животным. Он почти достигал Конраду до пояса. На нем был широкий ошейник с металлическими бляхами.

Поглядев на замок, пес насторожил уши и негромко зарычал.

— Ему не нравится, — сказал Конрад.

— Но это единственный кров, который мы встретили, — возразил Дункан. — Ночь сырая и холодная.

— Тут наверняка водятся клопы. И вши тоже.

Ослик прижимался к Дэннелу, чтобы укрыться от ветра. Дункан поправил перевязь меча.

— Мне все это нравится не больше, чем вам с Тайни, но впереди очень уж мерзкая ночь.

— Будем держаться вместе, — сказал Конрад. — Не дадим им разделить нас.

— Правильно, — согласился Дункан. — В случае чего — уйдем.

Они стали спускаться с холма. Дункан бессознательно сунул руку под плащ, чтобы нащупать мешочек, висящий на поясе. Когда его пальцы коснулись мешочка, он услышал шелест пергамента и рассердился на себя. В течение этих двух дней он то и дело совершал эту дурацкую процедуру, проверяя, на месте ли манускрипт. Он сравнил себя с деревенским парнем, который едет на ярмарку и все время щупает свой карман, проверяя, не потерялся ли его драгоценный пенни.

Коснувшись пергамента, Дункан как бы вновь услышал голос архиепископа: Эти несколько страниц, возможно, заключают в себе надежду человечества.

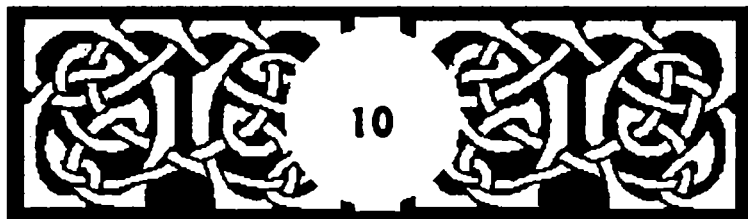
Хотя, если подумать, архиепископ мог и преувеличивать, и не все его утверждения следовало принимать всерьез. Но в данном случае Дункан считал, что старый священнослужитель вполне может оказаться прав. Конечно, узнают они это только в Оксенфорде.

Именно из-за этого, из-за этих исписанных мелким почерком листов пергамента он, Дункан, здесь, а не в удобном и безопасном Стэндиш-Хаузе, и сейчас собирается искать убежище в таком месте, где, по мнению Конрада, могут быть только клопы.

— Меня одно беспокоит, — сказал Конрад, поравнявшись с Дунканом.

— Неужели тебя может что-то беспокоить?

— Маленький народец, — пояснил Конрад. — Мы никого из них не видели. Кто другой мог бежать от Разрушителей, но гоблины, гномы и прочие — вряд ли.

— Может испугались и попрятались? — предположил Дункан. — Прятаться они умеют.

Конрад подумал.

— Да, пожалуй.

Подойдя к замку, они увидели, что правильно оценили его. Ветхое сооружение было весьма непривлекательным. Тут и там из-за палисадов показывались головы, следившие за их продвижением.

Мост был все еще поднят, когда они подошли к вонючему рву. Зловоние было просто непереносимым, и в зеленоватой воде плавало что-то, что вполне могло оказаться разлагающимися трупами.

Конрад закричал головам, торчавшим над палисадами:

— Открывайте! Путники просят крова!

Ничего не произошло, и Конрад проревел те же слова. Наконец, мост начал рывками опускаться, скрипя и скрежеща. Когда они прошли по мосту, их встретила пестрая толпа типичных оборванцев, только оборванцы эти были вооружены копьями, а у некоторых были самодельные мечи.

Конрад взмахнул дубиной.

— Расступись! — крикнул он. — Дорогу моему господину!

Те попятились, но копий не опустили, и мечи остались обнаженными. Скрюченный человечек отделился от толпы и, волоча ногу, подошел к прибывшим.

— Мой господин приветствует вас, — проскулил он, — и просит вас к столу.

— Сперва надо устроить животных, — сказал Конрад.

— Навес здесь есть, — ответил хромой скулящим голосом.

— Он, правда, открытый, но у него есть крыша и стена. Для лошади и осла будет сено, а собаке я принесу костей.

— Не костей, — возразил Конрад, — а мяса. Большой кусок, как положено такому большому псу.

— Я найду немного мяса, — сказал хромой.

— Дай ему монетку, — обратился Дункан к Конраду.

Конрад запустил пальцы в кошелек у пояса, достал монету и бросил человеку. Тот проворно подхватил ее и коснулся пальцами лба, правда, немного насмешливо.

Павес был неважным убежищем, но хоть как-то защищал от дождя и ветра. Дункан расседлал Дэниела и повесил седло на стволу палисада. Конрад снял с ослика тюки и положил их юзерх седла.

— Разве вы не возьмете седло и мешки с собой? — спросил хромой. — Целее будут.

— И здесь не пропадут, — ответил Конрад. — Если кто коснется их — переломаю ребра, а то и глотку перерву.

Беспорядочная толпа, встречавшая их у моста, теперь рассеялась. Мост поднялся с надрывным скрипом.

— А теперь, — сказал хромой, — благоволите следовать за мной. Хозяин сидит за ужином.

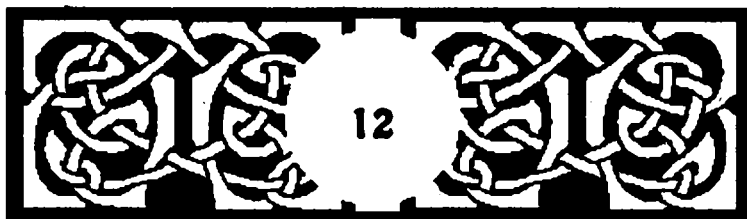
Главный зал замка был плохо освещен, и воняло в нем отвратительно. В стены были воткнуты дымящиеся факелы. Тростник, устилавший пол, не меняли несколько месяцев, если не лет. Он был усеян обглоданными костями, которые натащали собаки или просто побросали на пол пирующие. Собаки лежали тут же, и комната пропахла мочой — собачьей, а может стать, и человеческой. В дальнем конце зала находился камин, в котором горели чурбаки. Труба тянула плохо, и дым просачивался в зал. В центре зала стоял длинный стол на козлах, вокруг которого сидела весьма разношерстная компания.

За их спинами сновали мальчики-подростки, подавая блюда и кувшины эля.

Когда Дункан и Конрад вошли в зал, разговор оборвался, и неясные пятна лиц повернулись к прибывшим. Собаки побросали кости и оскалили зубы. На дальнем конце стола поднялся человек, который радостно взревел:

— Добро пожаловать, путники! Подходите и разделите стол с Гарольдом Ривером.

Он повернул голову к прислуживавшим юношам:

— Отгоните с дороги этих проклятых собак, чтобы наши гости могли подойти, не боясь, что их укусят.

Мальчики охотно принялись за дело, разгоняя пинками огрызавшихся, рычавших и визжавших собак.

Дункан выступил вперед:

— Благодарю вас, сэр, за вашу любезность.

Гарольд Ривер был костляв, волосат и неопрятен. В его волосах и бороде, казалось, могли жить мыши. На нем был плащ, когда-то пурпурный, но теперь до того грязный, что цвет стал почти неразличим. меховые обшлага и воротник были побиты молю.

Ривер показал на сиденье рядом с собой.

— Прошу садиться, сэр.

— Меня зовут Дункан Стэндиш, а человека, сопровождающего меня, — Конрад.

— Он ваш слуга?

— Нет, товарищ.

Ривер некоторое время обдумывал этот ответ, а потом сказал:

— В таком случае он сядет с вами.

Он обратился к человеку, сидевшему рядом:

— Эйнер, убирайся отсюда к чертям. Найди себе другое место. И доску для резки мяса с собой прихвати.

Эйнер недовольно встал, взял свою доску и пошел искать другое место.

— Теперь, когда все устроено, — обратился Ривер к Дункану, — благоволите садиться. У нас есть мясо и эль. Эль отличный, а насчет мяса — не сказал бы. Хлеб тоже неважнецкий, но мед зато у нас самый лучший, какой только бывает. Когда Разрушители напали на нас, старый Седрик, наш пчелиный хозяин, рискуя жизнью, унес ульи и тем спас их для нас.

— Давно это было? — спросил Дункан. — Когда приходили Разрушители?

— Поздней весной. Сначала пришли разведчики Орды, их было немного, поэтому и удалось спасти скот и пчел. Когда,

наконец, пришла настоящая Орда, мы были готовы. Вы, сэр, когда-нибудь видели Разрушителей?

— Нет. Я только слышал о них.

— Скверная компания, — сказал Ривер. — Всяческих форм и размеров. Бесенята, черти, дьяволы и множество других, от вида которых скручивает кишки и выворачивает желудок, и каждый пакостит по-своему. Хуже всего безволосые. Люди, да не совсем. Похожи на безмозглых идиотов, но идиотов крепких и сильных. Они не знают страха и просто одержимы потребностью убивать. На них нет ни единого волоска, они белые, как черви в гнилом полене. Как тяжелые и жирные черви. На самом-то деле они не жирные. Мускулистые. Вы в жизни не видели такой мускулатуры. И силы непомерной. И безволосые, и другие наступают все скопом и сметают перед собой все. Убивают, жгут. Пощады от них не жди. Злоба и магия — вот что в них главное. Передать не могу, как трудно нам было держать их на расстоянии. Магии мы сопротивлялись, а ярости и у нас хватает, хотя один их вид может испугать человека до смерти.

— Но вы, вроде, не испугались.

— Мы не струсили, — подтвердил Ривер. — Мои люди — народ крепкий. Мы наносили им удар за ударом. Мы не хуже их. Мы захватили это место и отдавать его не собирались.

— Захватили?

— Ну, да. Вы сами понимаете, конечно, что мы не из тех, кто обычно живет в таких хоробах. Видите ли, Ривер — это кличка, просто так, для смеха. Мы — честные работяги, оставшиеся без работы. Здесь много таких. Работы для нас нет, так мы объединились и стали искать спокойный уголок, где могли бы вести хозяйство и кормить себя да свои семьи. Ну и набрали на этот покинутый уголок.

— Вы хотите сказать, что тут никто не жил?

— Ни души. Никого вокруг. Мы посоветовались и решили здесь поселиться, — конечно, пока не придут настоящие хозяева.

— А в этом случае вы им все вернете?

— Ну, ясное дело, — сказал Ривер. — Отдадим и пойдем снова искать тихое местечко.

— Это благородно с вашей стороны, — сказал Дункан.

— Спасибо, сэр. Но довольно об этом. Расскажите о себе. Вы сказали, что путешествуете. В этих краях не часто видишь путешественников. Слишком уж опасные места.

— Мы идем на юг, — пояснил Дункан, — в Оксенфорд, а затем, возможно, в Лондон.

— И не боитесь?

— Боймся, конечно. Но мы вооружены и будем настороже.

— Да, осторожность вам понадобится, — согласился Ривер, — вы пойдете через самое сердце Опустошенных Земель. Опасностей там встретится множество. Трудно будет с пропитанием. Здесь, точно скажу, ничего не осталось. Даже воронам, летящим через эту местность, нужно брать с собой провиант.

— Вы, однако, обходитесь.

— Нам удалось спасти скот. Сеяли мы поздно, когда Разрушители ушли, поэтому урожай получился бедным. Пшеницы вполовину меньше обычного, ржи и ячменя еще вдвое меньше, овса совсем мало. Гречиха погибла вовсе. Сена, правда, запасли. Но у скота яшур, и волки на овец нападают.

Перед Дунканом и Конрадом поставили доски и огромное блюдо с бычьей ляжкой на одном его конце и седлом барашка на другом. Мальчик принес каравай хлеба и блюдо сотового меда.

За едой Дункан оглядывал стол. Что бы Ривер ни говорил, а сидевшие здесь отнюдь не были честными работягами. Глядели они по-волчьи. Видимо, Разрушители застигли разбойничий отряд во время набега. Отогнав Разрушителей, отряд не нашел ничего лучшего, как осесть здесь, хотя бы на время. Это место было неплохим укрытием. Никто не появится здесь, даже представители закона.

— А где сейчас Разрушители? — спросил он.

— Кто их знает? — ответил Ривер. — Они могут быть где угодно.

— Но здесь почти самый край Опустошенных Земель. А был слух, что Разрушители в глубине северной Британии.

— Может быть. Мы не слышали слухов, они сюда не доходят. Вы единственные, кого мы увидели. Очевидно, вас привело сюда очень важное дело.

— Мы возьмем сообщения. Вольше ничего.

— Вы сказали — в Оксенфорд или в Лондон?

— Именно так.

— В Оксенфорде ничего нет.

— Возможно, — сказал Дункан. — Я там никогда не был.

Он обратил внимание, что здесь не было женщин. Ни одной леди за столом, как полагалось бы во всяком порядочном замке. Если женщины здесь и были, то к столу их не допускали.

Один из юношей принес кувшин эля и наполнил чаши путников. Дункан попробовал — эль был отличный. Он сказал об этом Риверу.

— Следующая партия такой не будет, — ответил Ривер, — в этом году зерно гораздо хуже, да и сено тоже. Мы чертовски потрудились с заготовкой сена, но оно все же неважное. Нашей бедной скотине зимой придется туговато.

Большинство сидящих за столом покончило с едой. Многие тут же уснули, положив голову на руки. Немногим лучше животных, — подумал Дункан, — постелей нет у них, что ли? Ривер покачивался на стуле, закрыв глаза. Разговоры в зале стихли.

Дункан отрезал два ломтя хлеба и один протянул Конраду. Свой ломоть он намазал медом. Ривер не солгал, мед был великолепный: чистый, сладкий, цветочный, не то что темный и грубый на вкус продукт из северных краев.

Дрова в камине догорели. Некоторые факелы на стенах погасли, но еще распространяли жирный чад. Две собаки сцепились из-за кости. Вонь в зале, казалось, стала еще сильнее.

Приглушенный крик заставил Дункана вскочить. Секунду он постоял, прислушиваясь. Крик повторился. Боевой клич — крик ярости, а не боли. Конрад тоже вскочил.

— Это Дэниел! — крикнул он.

Они бросились к дверям. Какой-то человек, очнувшись от пьяного сна, преградил Дункану дорогу. Дункан отшвырнул его в сторону. Конрад обогнал Дункана и стал дубиной расчищать путь. Те, кто испытал эту дубину на себе, злобно завывали сзади. Собаки, визжа, разбежались по углам. Дункан выхватил меч, и сталь просвистела в воздухе.

Конрад распахнул дверь. Они с Дунканом выскочили во двор, посреди которого полыхал большой костер. Перед навесом, под которым размещались животные, собралась группа людей.

Увидев на дворе Дункана и Конрада, некоторые бросились наутек. Дэниел, яростно ржал, встав на дыбы, и копытами передних ног колотил людей впереди себя. Один человек неподвижно лежал на земле, другой отползал. Пока Дункан с Конрадом бежали через двор, конь ударил тяжелым подкованным копытом еще одного. В нескольких футах от Дэниела разъяренный Тайни держал человека за горло и свирепо встряхивал его. Ослик возбужденно молотил копытцами по воздуху.

При виде бежавших через двор мужчин те, кто еще оставался под навесом, почли за лучшее смыться. Дункан остановился возле коня и сказал:

— Все в порядке, Дэниел. Мы здесь.

Дэниел обнюхал хозяина.

— Тайни, оставь его, — позвал Конрад. — Он уже готов.

Собака презрительно отошла, облизывая окровавленную морду. На шее человека, которого она выпустила, зияла рваная рана.

Двое лежащих перед Дэниелом не шевелились, третий кое-как пытался ползти по двору со сломанной спиной. Кто-то хромал, кто-то согнулся вдвое.

Из дверей главного зала высыпали люди. Они собирались в кучки и глазели на происходящее. Ривер пробился сквозь них и подошел к Дункану с Конрадом.

— Это что такое? — захохотал он. — Я оказал вам гостеприимство, а вы убиваете моих людей!

— Они пытались украсть наше добро, — ответил Дункан. — Скорее всего, они хотели увести наших животных. А нашим животным, как вы сами видите, это не понравилось.

Ривер прикинулся разъяренным.

— Вранье! Мои люди никогда не унижутся до такой гнусной шутки!

— Твои люди — гнусный сброд, — сказал Дункан.

— Зря вы так, — протянул Ривер, — обычно я не ссорюсь с гостями.

— И не ссорься! — резко ответил Дункан. — Опустите мост, и мы уйдем. Я требую этого.

Конрад, покачивая дубиной, подошел к Риверу.

— Слышали? — спросил он. — Милорд настаивает.

Ривер попытался уйти, но Конрад схватил его за плечо и повернул кругом.

— Моя дубина соскучилась, — предупредил он. — Она уже несколько месяцев не разбивала черепов.

— Опустите мост, — не слишком вежливым тоном потребовал Дункан.

— Ладно, — сдался Ривер и крикнул своим:

— Опустите мост, чтобы наши гости могли покинуть нас!

— Все отойдите! — гаркнул Конрад. — Отойдите подальше. Дайте нам дорогу. Не то у кого-то треснет череп.

— А ну, отойдите! — пронзительно завопил Ривер. — Не вмешивайтесь, дайте им проход. Нам не нужны неприятности.

— Если будут неприятности, — заметил Конрад, — то первым пострадаете вы. — Он повернулся к Дункану. — Вы оседлайте Дэниела и навьючьте Бьюти, а я с этим типом управлюсь.

Мост уже начал опускаться. Он еще не успел удариться о землю позади рва, а они уже были готовы в путь.

— Я прихвачу Ривера с нами, — сказал Конрад, — до конца моста.

Он дернул Ривера за собой. Люди во дворе стояли далеко позади. Тайни за ними приглядывал. Перейдя мост, все остановились. Конрад выпустил Ривера. Дункан приказал не слишком гостеприимному хозяину:

— Когда вернетесь, поднимите мост и не вздумайте посылать своих людей вдогонку за нами. Если вы это сделаете, мы спустим на них лошадь и собаку. Это боевые животные, и сражаться они умеют, как вы уже видели. Они разорвут ваших людей на куски.

Ривер ничего не сказал и пошел через мост. Очутившись во дворе, он рывкнул:

— Поднимайте!

Завизжали колеса, лязгнули цепи, заскрипело дерево. Мост начал медленно подниматься.

— Пошли, — скомандовал Дункан, когда мост поднялся наполовину.

Они спустились с холма и двинулись по едва заметной тропинке. Тайни шел впереди.

— Куда идем? — спросил Конрад.

— Не знаю, — ответил Дункан, — лишь бы подальше отсюда.

Тайни предупреждающе зарычал и остановился. На тропинке стоял человек. Дункан подошел к Тайни, и они вместе двинулись к незнакомцу.

Тот сказал дрожащим голосом:

— Не бойтесь, сэр. Я всего лишь старый Седрик, пчеловод.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Дункан.

— Я пришел проводить вас, сэр. Кроме того, я принес вам еду.

Он поднял мешок, стоявший у его ног.

— Тут бекон, — сказал он, — ветчина, сыр, каравай хлеба и немного меду. И я могу показать вам самый удобный и быстрый путь. Я живу здесь всю жизнь и знаю местность.

— Чего ради ты помогаешь нам? Ты же слуга Ривера. Он рассказал нам, как ты спасал пчел от Разрушителей.

— Я не слуга Ривера, — ответил пчеловод. — Я жил здесь много до того, как он появился. Хорошая была тогда жизнь, для всех хорошая: и для нашего господина, и для его людей. Но когда пришел Ривер, мы не смогли ничего сделать. Мы не умели драться. Ривер и его хулиганы пришли два года назад в Михайлов день; и...

— Но ты же остался у Ривера.

— Не остался. Я был оставлен в живых. Меня пощадили, потому что я единственный умел обращаться с пчелами. Мало кто знает пчел, а Ривер, похоже, любит хороший мед.

— Значит я не ошибся, когда подумал, что Ривер и его люди захватили замок и убили всех, кто жил в нем, — проговорил Дункан.

— Ох, — сказал Седрик, — эта несчастная местность пережила тяжелые времена. Сначала Ривер и ему подобные, потом Разрушители.

— И ты покажешь, как кратчайшим путем уйти подальше от Ривера?

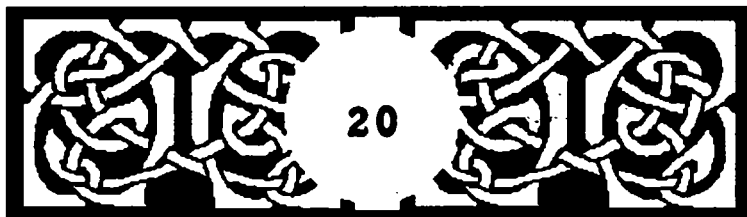
— Покажу. Я знаю самые короткие тропы. Даже в темноте их найду. Когда я увидел, что произошло, я пошел на кухню и собрал провизию, потом прошел по палисадам и стал ждать вас.

— Но если Ривер узнает, он отомстит тебе.

Седрик покачал головой.

— Меня не хватятся. Я всегда с пчелами, даже ночью возле них. Сегодня вечером я пришел, потому что холодно. Если и заметят, что меня нет, подумают, что я с пчелами. И знаете, сэр, послужить человеку, который так здорово осадил Ривера, это честь для меня.

— Не любишь его?

— Ненавижу. Но что я могу сделать? Слегка цапнуть то тут, то там, вроде, как сейчас. Каждый делает то, что в его силах. Конрад взял мешок из рук старика.

— Я сам понесу. А потом мы его переложим на Бьюти.

— Как ты думаешь, Ривер с людьми гонится за нами? — спросил Дункан.

— Не знаю. — ответил старик. — Думаю, что нет, но кто знает.

— Ты сказал, что ненавидишь его. Так почему бы тебе не уйти с нами? Конечно, если тебе не хочется оставаться у него.

— У него — нет. Я бы пошел с вами, но не могу оставить пчел.

— Пчел?

— Сэр, вы что-нибудь знаете о пчелах?

— Очень мало.

— Удивительнейшие создания. В одном улье их столько, что и не сосчитать. Но они нуждаются в человеческой помощи. Каждый год у них должна быть одна сильная королева, чтобы отложить много яиц. Одна королева, только одна, заметьте, и улей будет сильным. Если будет не одна, а больше, пчелы начнут роиться, часть уйдет куда-нибудь, их число в улье уменьшится. И силу улья хранит пчеловод, умеющий ухаживать за ним. Он осматривает соты, находит лишних королев и уничтожает их. Он должен также уничтожить слишком старую королеву и проследить, чтобы выросла сильная новая...

— Из-за этого ты и остаешься с Ривером?

Старик выпрямился.

— Я люблю моих пчел, и я им нужен.

— К черту пчел, — вмешался Конрад. — Мы так и порем здесь, болтая о пчелах.

— Я слишком много говорю о пчелах, — согласился старик.

— Идите за мной и не отставайте.

Он заскользил перед ними как призрак. Шел он то медленно, то почти бежал, то опять ступал осторожно и не спеша, нащупывая тропку.

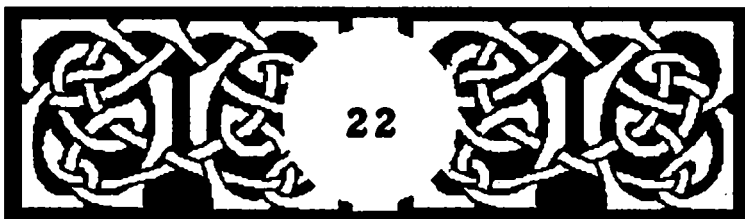
Они спустились в ложбину, поднялись на холм, опять спустились в долину побольше, снова поднялись. Звезды медленно кружились над ними, луна клонилась к западу. С севера все еще дул холодный ветер, но дождя не было.

Дункан устал. Его тело требовало сна и протестовало против каждого шага. Один раз он споткнулся, и Конрад сказал ему:

— Садитесь на лошадь.

— Но Дэниел тоже устал.

Дункан погрузился в глубокую задумчивость. Ноги сами несли его вперед по темным холмам и долинам, слабо освещенным луной. Мысли его были далеко. Они вернулись к тому дню, с которого все началось.

Глава 2

Предчувствие того, что ему предстоит сделать что-то важное, впервые посетило Дункана, когда он спускался по винтовой лестнице в библиотеку, где, как сказал Уэллс, его ждали отец и архиепископ.

В том, что его хотел видеть отец, ничего необычного не было. Дункан привык, что отец нередко вызывал его к себе, но какое дело могло привести в замок архиепископа? Преосвященный был стар, растолстел от хорошей пищи и безделья, аббатство он покидал редко. Только что-то очень важное могло заставить его приехать на старом сером муле, который шел медленно, но мягко, что облегчало путешествие человеку, не любившему движение.

Дункан вошел в библиотеку, до потолка уставленную книжными полками, с цветными стеклами в окнах и оленьей головой над горящим камином. Его отец и архиепископ сидели в креслах у огня. Когда Дункан вошел, оба встали, приветствуя его. Архиепископу это удалось не без труда.

— Дункан, — сказал отец Дункана, — у нас гость, которого ты, конечно, помнишь.

— Ваше преосвященство, — проговорил Дункан, быстро подходя под благословение, — как приятно снова увидеть вас!

Он опустился на одно колено. Благословив его, архиепископ сделал символическое усилие, как бы поднимая Дункана.

— Еще бы ему не помнить меня, — сказал архиепископ отцу, — мне частенько случалось ему пенять. Преподобным отцам пришлось немало потрудиться, чтобы вложить латынь и греческий в его сопротивляющуюся учению голову.

— Но, ваше преосвященство, — возразил Дункан, — все это было так скучно! Зачем нужен грамматический разбор латинских глаголов...

— Чтобы говорить, как подобает джентльмену, — ответил архиепископ. — Когда мальчики приходят в аббатство и сталкиваются с латынью, они всегда недовольны. Но ты, в основном, учился лучше, чем большинство остальных.

— С парнем все в порядке, — проворчал отец Дункана. — И я сам не слишком-то знаю латынь. Ваши люди в аббатстве придают ей слишком большое значение.

— Может быть, и так, — согласился архиепископ, — но это единственное, что у нас есть. Мы не можем обучать их верховой езде, владению мечом или уходу за девушками.

— Ну, оставим шутки и перейдем к делу, — предложил отец. Садись поближе, сынок. Дело касается тебя.

— Хорошо, сэр, — ответил Дункан.

Он сел. Архиепископ глянул на его отца.

— Рассказывать буду я, Дуглас?

— Да, — ответил отец. — Вы знаете об этом больше меня и говорите вы лучше. У вас есть нужные слова для этого.

Архиепископ сложил пухлые пальцы на объемистом животе.

— Два года назад, — сказал он Дункану, — твой отец принес мне манускрипт, который он нашел при разборе семейных бумаг.

— Эту работу, — вмешался отец Дункана, — надо было сделать еще сто лет назад. Документы и записи были перемешаны без всякой системы. Старые письма, дарственные, старинные рукописи — все в беспорядке валялось в ящиках. Разборка всего этого и сейчас еще не закончена. Я занимаюсь ею от случая к случаю. И не всегда легко понять, что к чему.

— Твой отец принес манускрипт мне, — продолжал архиепископ, — потому что тот был писан на незнакомом языке, на таком, который не только твой отец, но и вообще мало кто в глаза видел.

— Вроде бы арамейский, — заметил отец. — Кажется, на нем говорил Иисус.

Дункан переводил взгляд с одного на другого. К чему они ведут? Что все это значит, и при чем тут он, Дункан?

— Ты не можешь понять, с какой стороны это касается тебя?
— спросил архиепископ.

— Да, — ответил Дункан.

— Сейчас мы к этому подойдем.

— Догадываюсь, — отозвался Дункан.

— Так вот, наши преподобные отцы помучились с этой рукописью. Только двое из них отчасти знакомы с этим языком. Один едва умеет читать, а другой, похоже, разбирается получше. Но я подозреваю, что и он знает гораздо меньше, чем хочет показать. Мы не знаем главного: подлинный это отчет или мистификация. По форме своей это дневник, рассказывающий о деяниях Иисуса. Не обязательно ежедневный. Иногда записи делались каждый день, есть и пропуски в несколько дней, но тогда тот, кто вел дневник, снова возвращался назад и записывал все, что случилось в эти пропущенные дни. Выглядит это так, будто автор дневника жил в то время и был свидетелем того, что записывал. Он, вроде бы, не входил в число спутников Иисуса, но каким-то образом был поблизости. Ну, вроде при-спешника. Нет ни малейшего намека на то, кем он был.

Архиепископ помолчал, по-совиному глядя на Дункана.

— Ты понимаешь, конечно, какое значение может иметь этот документ, если он подлинный?

— Да, конечно, — ответил Дункан. — Он может дать нам подробные, день за днем, сведения о деяниях Господа.

— Не только это, сын, — вмешался отец. — Это был бы отчет очевидца. Это явилось бы доказательством, что человек по имени Иисус действительно существовал.

— Но я не могу...

— Твой отец уловил суть, — перебил архиепископ. — Если не считать этих нескольких рукописных листов, у нас нет ничего, что могло бы служить доказательством историчности Иисуса. Существует несколько отдельных записей, показывающих, что такой Человек был, но все они сомнительны. Среди них могут быть подделки, толкования или искажения, сделанные при переписке монахами, чья набожность иной раз оказы-

мались выше их человеческой природы. Мы верим без доказательства. Святая Церковь не сомневается в существовании Христа, и наша религия основана на вере, а не на доказательствах. Мы в них не нуждаемся. Однако вокруг нас такое множество иноверцев и язычников, что о доказательствах думать приходится. Если этот манускрипт является доказательством, то наша мать-Церковь сможет с его помощью убедить тех, кто не разделяет нашей веры.

— А также, — добавил отец Дункана, — устранил сомнения и скептицизм внутри самой Церкви.

— Но вы сказали, что это может быть и мистификацией.

— И это возможно, — согласился архиепископ. — Однако мы склонны думать, что нет. Но отец Джонатан из нашего аббатства не может быть экспертом. Нам нужен ученый, знающий арамейский язык и изменения, происшедшие в нем, и время этих изменений. За прошедшие столетия этот язык разделился на множество диалектов. Современный диалект, на котором еще говорят в некоторых уголках восточного мира, конечно, очень отличается от того, на котором говорили во времена Христа, а ведь даже тогда в разных частях страны были разные диалекты.

— Я счастлив, — сказал Дункан, — что в этом доме обнаружена такая важная для всех вещь, но я не понимаю... Вы сказали, что я...

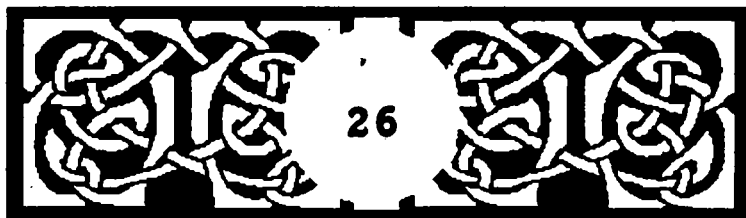
— Во всем мире есть только один человек, который может сказать, подлинный это манускрипт или нет. Этот человек живет в Оксенфорде.

— Оксенфорд? Это на юге?

— Именно. Он живет в маленькой общине ученых, которая за последнее столетие...

— Между нами и Оксенфордом лежат Опустошенные Земли, — сказал отец.

— Мы думаем, — подхватил архиепископ, — что маленький отряд мужественных и преданных людей может проскользнуть через них. Мы с твоим отцом подумывали, не послать ли

рукопись морем, но у тех берегов столько пиратов, что порядочный корабль едва ли осмелится бросить там якорь.

— Насколько мал должен быть отряд?

— Как можно меньше, — ответил отец. — Мы не можем послать полк вооруженных людей через половину Британии. Такие силы привлекут к себе слишком много внимания. А маленький отряд, идущий тихо и незаметно, имеет больше шансов. Скверно, конечно, что отряду придется идти через Опустошенные Земли, но кругного пути нет. Экспедиция была бы много легче, если бы мы знали, где именно находятся сейчас Разрушители, но, по нашим сведениям, они могут быть практически в любом месте на севере. Правда, на прошлой неделе мы получили более свежие новости: похоже, что Разрушители двигаются в северо-восточном направлении.

Архиепископ торжественно кивнул.

— Прямо на нас, — возвестил он.

— Вы имеете в виду Стэндиш-Хауз?

Отец Дункана слегка улыбнулся.

— За нас здесь не бойся, сынок. Этот старый замок стоит почти тысячу лет, и кто только на него не кидался. Но если отряд хочет добраться до Оксенфорда, ему надо выступить как можно скорее, пока Орда Разрушителей не подошла к нашим дверям.

— Вы думаете, что я...

— Да, — ответил отец. — Мы обдумали это.

— Мы не знаем лучшего человека для этого дела, — сказал архиепископ. — Но решать ты должен сам. Путешествие будет весьма опасным.

— Если ты решишься идти, — сказал отец, — у тебя шансов на успех будет больше, чем у кого бы то ни было. Если бы я думал иначе, мы бы не поднимали этого вопроса.

— Он вполне преуспел в боевых искусствах, — обратился архиепископ к хозяину замка. — Я слышал, хотя лично в этом не разбираюсь, что ваш сын владеет мечом лучше всех на севере. Он очень много читал о войнах прошлого...

Но я ни разу не поднимал меча для боя, — запротестовал Дункан. — Я больше знаком с искусством фехтования. Мы столько лет жили мирно, столько лет не было войн...

Так тебя и не посылают в сражение, — мягко заметил отец. — Чем меньше ты будешь сражаться, тем лучше. Твое дело — пройти незамеченным через Опустошенные Земли.

Но ведь вполне возможно, что мы наткнемся на Разрушителей. Полагаю, что я каким-нибудь образом выкручусь, хотя это совсем не та роль, в которой я представлял себя. Мои интересы, как и твои, и деда, связаны с поместьем, с людьми, с землей...

— Не ты первый, — отозвался отец. — Многие Стэндиши жили на этой земле, но, если было нужно, уходили за нее сражаться, и никто из них не опозорил свой род. Так что за тобой длинная цепь воинов.

— Кровь скажется, — важно произнес архиепископ. — Кровь всегда сказывается. Хорошие старинные роды, вроде Стэндишей, — опора Британии и Господа нашего.

— Ладно, — сказал Дункан. — Раз уж вы так решили, раз хотите, чтобы я участвовал в этой вылазке на юг, то хоть расскажите мне все, что вы знаете о Разрушителях и Опустошенных Землях.

— Известно только, что все, связанное с ними, происходит с определенной периодичностью, — сказал архиепископ. — Это начинается в разных местах примерно раз в пять столетий. Мы знаем, что около пятисот лет назад это произошло в Иберии. За пятьсот лет до этого — в Македонии. Есть указания, что еще раньше то же самое было в Сирии. Начинается с того, что в некую область вторгается рой демонов и различных духов. Они все сметают перед собой. Жителей убивают, дома сжигают. Местность остается в полном запустении. Такая ситуация существует неопределенное время: от двух-трех до десяти лет, а то и больше. Затем силы Зла вроде бы уходят, народ снова заселяет страну, хотя требуется не меньше ста лет, чтобы ее восстановить. Демонов этих и их войско называли по-разному.

Во время нынешнего крупного вторжения их зовут Разрушителями. Иногда еще называют Ордой. Но главное, конечно, — сущность этого явления. Многие ученые ломали над этим голову, насочиняли кучу теорий, в основном, слабо отражающих реальность. Ясное дело, никто из них и не пытался исследовать пострадавшие территории непосредственно в момент вторжения, и я их за это не порицаю...

— А теперь, — перебил отец Дункана, — вы предполагаете, что мой сын...

— Я не предлагаю ему заниматься исследованиями. Он должен только постараться пройти через пострадавшую область. Не будь этот Вайс из Оксенфорда так стар, мы могли бы и подождать, но он весьма стар и, по последним сведениям, сильно слабеет. Он уже на ладан дышит. Того и гляди, отойдет к праотцам. А он — единственная наша надежда. Я не знаю больше никого, кто мог бы судить о подлинности манускрипта.

— А если манускрипт пропадет на пути в Оксенфорд? — спросил Дункан.

— Все может случиться, хотя я знаю, что ты будешь беречь его, как собственную жизнь.

— Так сделал бы каждый, — ответил Дункан.

— Это великая драгоценность, — промолвил архиепископ, — возможно, величайшая во всем христианском мире. В этих нескольких листах, быть может, заключена надежда человечества на будущее.

— Вы могли бы послать копию.

— Нет, — сказал архиепископ, — посылать надо оригинал. Как бы тщательно ни копировать, — а у нас в аббатстве есть копиисты великого умения, — и все-таки можно нечаянно пропустить какую-нибудь характерную деталь, которая окажется существенной при определении подлинности. Мы сняли две копии, они будут храниться в аббатстве под семью замками. Если оригинал будет утерян, у нас останется хотя бы текст, но потеря оригинала равносильна катастрофе.

— А если Вайс установит подлинность текста, но усомнится и пергаменте и чернилах? Вряд ли он и в этом столь же компетентен?

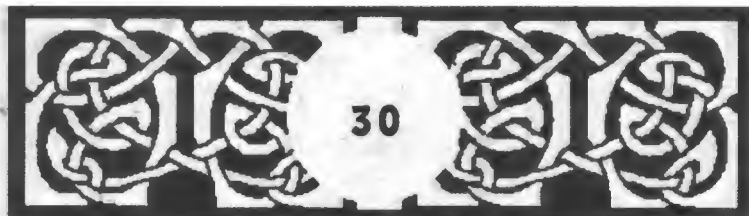
— Не думаю, — возразил архиепископ, — что возникнет эта проблема. Вместе со своими коллегами он сможет решить все вопросы и дать заключение о подлинности рукописи. Но если все же сомнения появятся, ты найдешь другого эксперта. Там должны быть и такие, кто понимает толк в чернилах и пергаменте.

— Ваше преосвященство, — сказал отец Дункана, — вы говорили, что были теории насчет Опустошенных Земель, насчет причин этого опустошения. Какая из этих теорий наиболее правдоподобна?

— Выбрать трудно. Все теории весьма изобретательны, но (к) большей части обманчивы и логически ненадежны. Только одна, пожалуй, кажется мне разумнее прочих: что Опустошенные Земли используются мировым Злом для восстановления сил — возможно, они иногда нуждаются в покое и убежище для планирования своих действий, для укрепления и восстановления своей энергии. Вот они и опустошают местность, превращают ее в место ужаса и отчаяния, что служит им защитой от вмешательства, пока они выполняют какие-то свои нечестивые ритуалы, необходимые для их усиления на следующие пятьсот лет господства Зла. Тот, кто предложил эту теорию, хотел показать, что за несколько лет до разрушения земель происходит ослабление Зла, а некоторое время после Разрушения Зло намного сильнее, но я сомневаюсь, что тому ученому это удалось. Для таких утверждений слишком мало данных.

— Если это правда, — сказал Дункан, — тогда наш маленький отряд, идя очень осторожно и избегая столкновений, сможет, пожалуй, пройти незамеченным. Силы Зла, убежденные, что Разрушение защищает их, будут не так настороже, чем при других обстоятельствах, и будут заниматься своими делами.

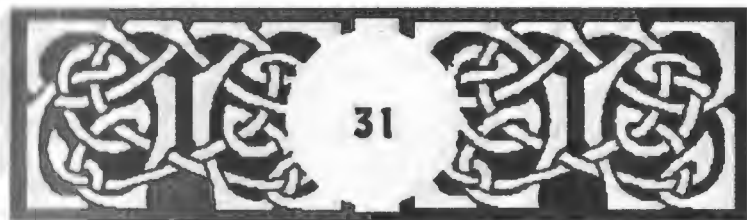
— Пожалуй, ты прав, — согласился отец.

Архиепископ молча слушал разговор отца и сына, сложив руки на животе и полузакрыв глаза, поглощенный какой-то своей мыслью. Некоторое время все трое молчали. Наконец, преосвященный пошевелился и сказал:

— Мне кажется, великие силы Зла, появившиеся в мире за бесчисленные столетия, надо серьезно изучать. Мы приходили от них в ужас, объясняли бессмысленным суеверием. Нельзя сказать, что те истории, которые мы слышали, лишены оснований. Некоторые из них правдивы, другие подтверждены документально, но немало среди них и вранья, глупых крестьянских сказок, придуманных от безделья. У крестьян, в сущности, так мало развлечений, только шутки да блуд, вот они и распускают всякие глупые слухи. Рассказни эти только затемняют дело, а нам необходимо сосредоточиться на понимании Зла. У нас ведь хватает и своих глупостей: существуют чары и заклинания для изгнания дьявола, рассказы о людях, превращенных в собак или во что-нибудь похуже. Ма верим, что вулканы могут служить вратами ада. Не так давно какие-то болваны распустили слух, что некие монахи спустились в шахту и обнаружили там чистилище. Такого рода мифы нам не нужны. Нам нужно понять Зло, потому что только понимание окажется для нас почвой, на которой мы сможем со Злом сражаться. Мы должны начать эффективную борьбу не только за мир в наших мыслях, за какую-то меру свободы от оскорблений, несправедливости и боли, которые Зло насылает на нас, но и за развитие нашей цивилизации. Если вдуматься, мы веками остаемся застойным обществом, мы топчемся на месте. То, что делается каждый день в этом поместье и во всем мире, ни на йоту не изменилось за тысячу лет. Сеют семена и собирают урожай, молотят, как молотили всегда, поля вспахивают теми же малопригодными орудиями, крестьяне так же голодают...

— В этом поместье они не голодают, — возразил отец Дункана. — Здесь не голодает никто. Мы заботимся о своих людях, а они — о нас. Мы делаем запасы на черный день, и

когда такой день приходит, хотя это редко бывает, у нас есть пища для всех и...

— Милорд, — сказал архиепископ, — простите меня, но я говорил в общем. То, что я сказал, не относится к вашему поместью, я это прекрасно знаю. Но в целом дело обстоит так, как я сказал.

— Наша семья, — продолжал лорд Стэндиш, — управляет этими землями почти десять столетий. И, как управляющие землей, мы принимаем на себя безусловную ответственность...

— Простите, но я не имел в виду ваши владения. Я продолжу?

— Сожалею, что прервал вас, но я обязан был разъяснить, что в Стэндиш-Хаузе никто не голодает.

— Совершенно верно, — сказал архиепископ. — Вернемся к тому, о чем я говорил. Я считаю, что великий груз Зла, который лег на наши плечи, работал против любого прогресса. Так было не всегда: в незапамятные времена люди изобрели колесо, стали делать посуду из глины, приручили животных, окультурили растения, научились добывать разные руды. Но после этих первых шагов достижений было мало. Было время, — если верить истории, — когда появлялись искры надежды. Такая искра зажглась в Греции, но Греция сошла на нет. Казалось, что Рим представляет определенную величину и что-то обещает, но и Рим превратился в пыль. Теперь, в двадцатом веке, казалось бы, должны появиться какие-то признаки прогресса. Лучшие повозки, лучшие дороги, лучшие плуги и лучшее понимание, как использовать землю, лучшие способы постройки домов, чтобы крестьяне не жили больше в скверных хижинах, лучшие корабли. Иной раз я размышлял над возможностью альтернативной истории, над близнецом нашего мира, где этого Зла не существует. В этом мире столетия прогресса открыли бы возможности, о которых мы даже гадать не можем. Наш мир, наш двадцатый век мог быть иным. Но это всего лишь мечта, конечно. Мы знаем, что где-то на западе, через Атлантику, есть новые земли, незаселенные земли, как

говорят. Моряки с юга Британии и с западных берегов Галлии ходят туда ловить треску, но немногие, потому что мало достаточно надежных кораблей. А может, и желания большого нет, потому что нам недостает предприимчивости. Мы поработаны Злом и не изменимся, пока не сделаем что-нибудь с этим Злом. Наше общество страдает и болеет от недостатка прогресса и многого другого. Я часто думаю, что Зло питается нашей нищетой, черпает из нее силу и, чтобы обеспечить себя пищей досыта, делает все, чтобы эта нищета продолжалась. Мне кажется также, что это великое Зло не всегда было с нами. В прежние времена людям удавалось как-то продвигаться вперед. Они изобрели те немногие вещи, которые сделали возможным существование такого общества, как наше, пусть даже бедного. Было время, когда человек работал ради более безопасной и удобной жизни, и это показывает, что он не был прижат Злом, от которого страдаем мы, или, по крайней мере, прижат не так сильно. Возникает вопрос: откуда же пришло Зло? Конечно, сейчас мы не можем ответить. Но одно, по-моему, ясно: Зло остановило нас на пути. То немногое, что у нас есть, мы унаследовали от наших далеких предков, чуточку от греков, самую малость от Рима. Когда я вчитываюсь в нашу историю, мне кажется очевидным обдуманное стремление Зла отстранить нас от развития, от прогресса. В конце одиннадцатого века святой папа Урбан предпринял крестовый поход против язычников, подвергавших гонениям христиан и осквернявших святыни Иерусалима. Великое множество людей собралось под знаменами Креста, и, будь у них время, они, без сомнения, проложили бы себе дорогу к Святой Земле и освободили бы Иерусалим. Но этого не случилось, поскольку как раз в это время Зло напало на Македонию, а позже распространилось на Центральную Европу и, опустошив ее, как ныне опустошены земли к югу от нас, создало среди участников крестового похода панику, которая их остановила. Крестовый поход окончился, не начавшись, и другие не предпринимались, поскольку понадобились столетия, чтобы выйти из хаоса, причиненного этим нападением

Теперь. Из-за этого даже ныне Святая Земля, наша по праву, все еще пребывает в руках язычников.

Он смахнул слезы, катившиеся по его полным щекам. Когда он снова заговорил, в голосе его слышалось подавленное рыдание.

— Крестовый поход яровалился. И хотя историки доказали, что нашей вины в том не было, мы все же лишились последней надежды найти какое-нибудь свидетельство реальности существования Иисуса. В те времена его еще можно было отыскать, а теперь оно, без сомнения, исчезло и недоступно для смертного. Из всего этого тебе, конечно, ясно, почему мы придаем столь большое значение рукописи, обнаруженной в этих стенах.

— Время от времени, — заметил лорд, — возникали слухи о подготовке крестовых походов.

— Это верно, — ответил архиепископ, — но ни разу ничего не получилось. Сфера действия Зла была наиболее обширной за всю историю, и было оно настолько ужасным, что уничтожило наше мужество. Даже освободившись от гнета Зла, люди сбивались в кучки на немногих акрах земли, неся в себе несказанный страх, и, возможно, новые попытки активных действий вновь приманили бы Зло во всей его ярости. Зло сделало из нас трусливых и малодушных людей, лишенных даже мысли о движении вперед.

В пятнадцатом веке в Лузитании* была сделана попытка выйти из оцепенения и застоя путем освоения новых земель мореплавателями. Зло тогда обрушилось на Иберийский полуостров, опустошив его, и все планы пришлось оставить и забыть, так как в страну вполз ужас. Два таких набега не могут не вызвать мысли, что Зло действительно держит нас на одном и

* Лузитания (в реальной истории ок. XV в. до Р.Х.) - древнеримская провинция на юго-западе Иберийского полуострова, занимавшая большую часть современной Португалии

том же уровне, в нищете, чтобы ею питаться и расти за счет наших бедствий. Мы — скот Зла, мы пасемся на его пастбищах и предлагаем Злу нашу нищету, когда оно в ней нуждается.

Архиепископ вытер лицо.

— Я думаю об этом ночами, пока не усну. Это меня мучает. Мне кажется, что свет ушел от нас, и мы погружаемся в древнюю тьму. Мне кажется, что это конец всему.

— Вы делились с кем-нибудь своими размышлениями? — спросил лорд Стэндиш.

— Мало с кем, — ответил архиепископ. — Людей это не интересует. Они не обращают внимания на то, что я говорю. В дверь тихо постучали.

— Да, — отозвался хозяин. — Кто там?

— Это я, — послышался ответ Уэллса. — Я подумал, что, может быть, бренди...

— Да, действительно, — воскликнул архиепископ. Он ожил. — Немного бренди было бы неплохо. У вас чудесный бренди. Куда лучше, чем в аббатстве.

— Завтра утром, — сквозь зубы процедил отец Дункана, — я пришлю вам бочонок бренди.

— Чрезвычайно любезно с вашей стороны, — сладко отозвался архиепископ.

— Подавай, — приказал лорд Уэллсу.

Старик принес поднос со стаканчиками и бутылью. Осторожно ступая в своих козовых шлепанцах, он разлил бренди и вручил всем по стаканчику.

Когда он вышел, архиепископ откинулся на спинку кресла и посмотрел бренди на свет.

— Замечательно! — проговорил он. — Какой прекрасный цвет!

— Каким же, вы предполагаете, будет отряд? — обратился Дункан к отцу.

— Ты намерен идти?

— Да, пойду.

— Так и должно быть, — поддержал архиепископ. — Дерзновение составляет часть высоких традиций вашей семьи и этого дома.

— Традиции, — резко возразил отец Дункана, — тут ни при чем. — Он обернулся к сыну. — Я полагаю, человек двенадцать.

— Слишком много, — ответил Дункан.

— Возможно. А по-твоему, сколько?

— Двое. Я и Конрад.

Архиепископ поперхнулся бренди и выпрямился.

— Двое? А кто этот Конрад?

— Конрад, — ответил отец Дункана, — амбарный рабочий. И он умеет обращаться со свиньями.

— Я не понимаю, причем это?

— Конрад и мой сын — друзья с детства. Когда Дункан ходит на охоту или рыбалку, он берет с собой Конрада.

— Он хорошо знает леса, — добавил Дункан. — Он всю жизнь ходит по ним. Когда у него есть время, а это иной раз бывает, поскольку работой он не перегружен, то всегда уходит в лес.

— Мне кажется, — заметил архиепископ, — что хождение по лесам не требует высокой квалификации.

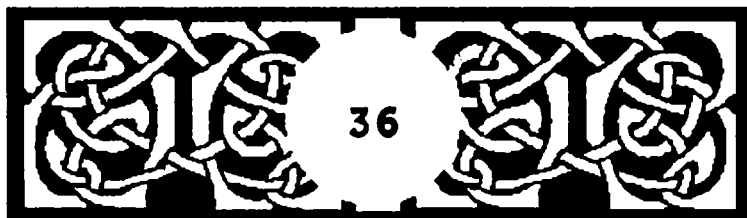
— Может пригодиться, — возразил Дункан. — Мы ведь пойдем по диким местам.

— Этот Конрад, — пояснил отец, — сильный парень семи футов ростом и почти двадцати стоунов весом. Быстрый, как кошка. Полуживотное. Он предан Дункану, готов умереть за него, я в этом уверен. Он носит дубину, здоровенную такую дубину.

— Дубину! — простонал архиепископ.

— Он ловко с ней управляется, — сказал Дункан. — Если он выступит с ней против десятка меченосцев, я поставлю на Конрада и его дубину.

— Пожалуй, это неплохой выбор, — согласился отец. — Двое пойдут быстро и незаметно. Если придется, они сумеют защититься.

— С нами пойдут Дэниел и Тайни, — сказал Дункан.

Архиепископ поднял брови, и отец пояснил:

— Дэниел — боевой конь, обученный сражаться. Он заменит троих людей. Тайни — крупный мастиф. Он тоже тренирован для боя.

Глава 3

Седрик вывел их на тропу в густой чаще, где они расположились на отдых, и ушел задолго до света. На заре Конрад разбудил Дункана, они позавтракали хлебом и сыром, не желая разводить костер, и снова двинулись в путь.

Погода улучшилась. Ветер стих, тучи ушли, пригрело солнце. Путники шли по обезлюдевшей лесистой стране с глубокими долинами и живописными передесками. Им случалось проходить мимо небольших ферм. Строения были сожжены, урожай оставался неубранным. Не было ни одной живой души, если не считать нескольких воронов, пролетевших так тихо, словно их напугала тишина местности, да двух кроликов. Казалось, край дышал миром и благополучием, и это было странно, поскольку вокруг лежали Опустошенные Земли.

Через несколько часов лесная дорога начала круто подниматься. Деревья стали редеть, лес кончился. Перед путешественниками возвышался голый скалистый гребень.

— Пойдите здесь, — сказал Конрад, — я схожу на разведку.

Дункан остановился рядом с Дэниелом, глядя вслед Конраду. Дэниел потерся мягкими губами о плечо Дункана и тихо заржал.

— Спокойно, Дэниел, — сказал Дункан.

Тайни сидел в нескольких шагах от них, наклонившись вперед и насторожив уши.

Бьюти подошла к Дункану с другой стороны, и он потрепал её по шее.

Тишина, казалось, вот-вот разорвется, но ничего не изменилось. Не было ни звука, ни движения. Даже листья не шумели. Конрад исчез среди скал. Близился вечер. Дэниел запрядал ушами и снова прикоснулся мордой к плечу Дункана, но уже молча.

Появился Конрад и быстро спустился с холма, ужом скользнув по камням.

— Я видел две вещи, — сообщил он.

Дункан молча ждал продолжения. Конрада иной раз приходилось и подождать.

— Внизу деревня, — сказал, наконец, Конрад. — Черная, сгоревшая. Кроме церкви. Она каменная и сгореть не могла. Никаких признаков жизни. — Он помолчал и добавил: — Не нравится мне это. Думаю, лучше обойти ее стороной.

— Ты сказал, что видел две вещи.

— Еще есть долина. Далеко за деревней. По долине спускаются всадники.

— Всадники?

— По-моему, во главе их Ривер. Они далеко, но, мне кажется, его я узнал. Человек тридцать, если не больше.

— Ты думаешь, они преследуют нас?

— А чего им еще тут надо?

— По крайней мере, мы знаем, где они, — сказал Дункан, — а они не знают, где мы. Однако, странно. Я не ожидал, что они последуют за нами. Месть может дорого обойтись им в таком месте, как это.

— Не месь, — поправил Конрад. — Им нужны Дэниел и Тайни.

— Ты думаешь, они здесь для этого?

— Неплохо иметь боевого коня и боевого пса.

— Да уж. Но ведь захватить их непросто. Эти животные не поменяют хозяев по доброй воле.

— Что будем делать?

— Будь я проклят, если знаю, — сказал Дункан. — Они направляются к югу?

— К югу и чуть к западу. Точно по долине.

— Тогда нам лучше свернуть к востоку, обойти деревню и увеличить дистанцию между нами.

— Вообще-то они далеко. Но чем дальше будут, тем лучше. Тайни встал, метнулся влево и зарычал.

— Пес что-то учуял, — сказал Дункан.

— Человека, — уточнил Конрад, — судя по рычанию.

— А ты откуда знаешь?

— Я всегда понимаю, что он хочет сказать.

Дункан повернулся посмотреть, что увидел Тайни, но ничего не заметил. Никаких признаков человека не было.

— Приятель, — сказал Дункан в пространство, — я бы на твоём месте вышел. Мне не хотелось бы напускать на тебя собаку.

Некоторое время ничего не происходило, потом кусты зашевелились, и из них вылез человек. Тайни шагнул вперед.

— Оставь, — приказал собаке Конрад.

Человек был высок и костляв. На нем была рваная коричневая ряса, доходившая ему до лодыжек. На плечах горбом лежал капюшон. В правой руке он держал длинный сучковатый посох, в левой — пучок трав.

Кожа так плотно обтягивала его череп, что выступали кости, а подбородок украшала жиденькая борода.

— Я — Эндрю, отшельник, — сказал он. — Я не хотел мешать вам, потому и спрятался. Я зелень для супа искал. А у вас не найдется сыру немножечко?

— Найдется, — проворчал Конрад.

— Как же я мечтаю о сыре, — протянул отшельник. — Аж ночью просыпаюсь и тоскую о кусочке сыра. Я не пробовал его так давно!

— В таком случае, — ответил Дункан, — мы дадим тебе немного. Конрад, будь так добр, сними мешок с Бьюти.

— Подождите-ка минутку. — сказал Эндрю. — Не обязательно делать это сию минуту. Вы ведь путешественники, не так ли?

— Сам видишь, — не слишком любезно отозвался Конрад.

— В таком случае, почему бы вам не переночевать у меня? Я так истосковался по человеческим лицам и по звукам человеческого голоса. Здесь, правда, есть Дух, но разговаривать с ним не то, что с человеком во плоти.

— Дух? — удивился Дункан.

— Дух, Дух. Очень порядочный Дух и вполне скромный. Ни ренчанья цепей; ни стонов по ночам. Как его Разрушители вздернули, он с того дня в моей келье и поселился.

— Разрушители — это понятно. А не скажешь ли ты нам, каким образом ты сам цел остался? — спросил Дункан.

— В своей келье прятался, — ответил Эндрю. — Это, в сущности, пещера, и не так она тесна, мала и убога, как положено настоящей келье. Боюсь, я не совсем настоящий отшельник. Большинство отшельников плоть умерщвляет, а я... Я так и не дошел до умерщвления плоти. Сперва я вырыл пещеру величиной с келью, но год от году ее расширял, пока она не стала просторной. Там для вас полно места, и она незаметная, так что никто вас не выследит. Мне-то думается, что для большинства путешественников по таким местам это важно. Уже вечереет, вам место для лагеря еще искать надо, так лучше моей кельи не сыщете.

Дункан посмотрел на Конрада.

— Ты как думаешь? Подойдет?

— Прошлой ночью вы мало спали, — ответил Конрад. — а я еще меньше. По-моему, этот тип — парень честный.

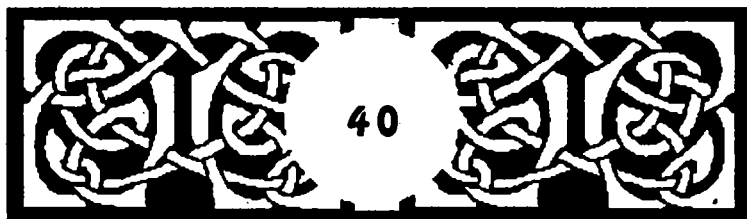
— Там ведь Дух, — предупредил Дункан.

Конрад пожал плечами.

— Духи меня не волнуют.

— Ну, тогда все в порядке. Веди нас, брат Эндрю.

Пещера находилась в миле от деревни. Они прошли через кладбище, которым, судя по многообразию и состоянию камен-

ных плит, пользовались не одно столетие. Почти в центре его размещалась небольшая гробница из местного камня. Когда-то давно, видимо, во время грозы, большой дуб упал поперек могилы, разбил скульптуру на вершине надгробия и сдвинул плиту, закрывавшую могилу.

Чуть подальше кладбища находилась пещера отшельника, вырытая в крутом склоне холма. Вход в нее был скрыт деревьями и густым кустарником, а прямо перед ним говорливый ручей торопливо бежал в глубокий овраг.

— Вы заходите. — сказал Конрад Дункану. — А Дэниела я расседлаю и с Бьюти поклажу сниму.

В пещере было темно, но пространство ощущалось даже в темноте. В камине теплился огонь. Отшельник ощупью нашел свечу, зажег ее и поставил на стол. Разгоревшись, свеча осветила толстую тростниковую подстилку на полу, грубый стол, такие же скамейки и стул, ящики у земляных стен, соломенный матрац в одном углу, шкафчик с несколькими свитками пергамента — в другом. Заметив, что Дункан поглядывает на свитки, отшельник сказал:

— Читать-то я умею, только плохо. В свободное время я сижу здесь при свечке, разбираю слова и стараюсь понять древних отцов Церкви. Сомневаюсь, чтобы у меня это получалось, потому что душа у меня простая и временами голова тупая, как сапог, а древние отцы, похоже, больше увлекались словами, чем их смыслом. Я вам уже говорил, отшельник я вообще-то никудышный, но я стараюсь, хотя иной раз и сам задумываюсь над профессией отшельника. Я думаю, что отшельники — самые глупые и бесполезные члены общества.

— Однако, — заметил Дункан, — это призвание считается весьма высоким.

— Как покрепче задумаюсь, — продолжал отшельник, — мне приходит на ум, что люди идут в отшельники лишь для того, чтобы не работать, как все. Быть отшельником куда легче, чем землю копать или еще как-то горбатиться, чтоб заработать

ни хлеб. Я спрашивал себя, не из тех ли я отшельников и, честно сказать, так себе и не ответил.

— Ты говоришь, что прятался здесь, когда пришли Разрушители, и что они не нашли тебя. Как-то сомнительно это. За все наше путешествие мы не видели ни одного выжившего, если не считать группы бандитов, которые захватили замок и были достаточно ловки и удачливы, чтобы защитить его.

— Вы о Гарольде Ривере говорите?

— Да. Откуда ты знаешь о нем?

— Слухи расходятся и по Опустошенным Землям. Кому разносить новости, здесь хватает.

— Не понимаю, о ком ты?

— Маленький народец. Эльфы, тролли, гномы, фен, домовые...

— Но ведь они...

— Это здешние обитатели. Они с незапамятных времен здесь живут. Соседи они порой неприятные, случается, вредничают, и доверять им не стоит. Озоруют. Но злыми бывают очень редко. Они с Разрушителями не связаны, сами прячутся от них и многих других предупреждают.

— И тебя предупредили?

— И меня. Пришел гoblin и предупредил. Я его и приятелем своим не считал, потому что он, бывало, устраивал мне всякие каверзы, но, к своему удивлению, обнаружил, что он мне друг, самый настоящий. Его предупреждение дало мне время загасить камин, чтобы дым не выдал меня, хотя я сомневаюсь, что такой крохотный дымок смог бы кто-нибудь заметить: в общем пожаре его просто не видно. Ведь Разрушители сжигают все: хижины, амбары, солому, даже отхожие места. Можете себе такое представить?

— Нет, не могу, — ответил Дункан.

В пещеру вошел Конрад и положил у двери седло и выюки.

— Ты, кажется, говорил о Духе? — прогремел он. — Не вижу здесь никаких Духов.

— Дух очень застенчив, — пояснил Эндрю, — и прячется от посетителей. Он думает, всем противно его видеть. Для пугливых людей он не очень приятен, хотя в нем, в сущности, ничего страшного нет. Я вам говорил, он очень порядочный и вежливый дух.

Он возвысил голос:

— Дух, иди сюда, покажись. У нас гости.

Струйка белого пара неохотно вытекла из-за шкафчика.

— Иди, иди, — нетерпеливо позвал отшельник. — Можешь показаться. Эти джентльмены не испугаются тебя, и ты хотя бы из вежливости должен поздороваться с ними.

Он тихо сказал Дункану:

— У меня с ним куча проблем. Он считает, что быть духом стыдно.

Дух медленно сформировался над шкафом и опустился на пол. Это был классический дух — весь белый. Единственным исключением была обычная веревочная петля вокруг шеи с коротким болтающимся концом.

— Я — Дух, — сказал он гулким голосом, — но у меня нет места, которое я обязан посещать. Обычно духи являются на место своей кончины, но какое же это место — дуб? Разрушители вытащили мое бедное тело из густой чащи, где я прятался, и незамедлительно вздернули. Я считаю, что они могли бы оказать мне любезность и повесить меня на хорошем дубе, одном из тех лесных патриархов, которых так много в наших лесах — три человека едва могут обхватить такой дуб. Однако Разрушители не позаботились об этом и повесили меня на чахлом малорослом дубке. Даже смерть надо мной подшутила. При жизни я просил милостыню у церковных дверей и жил бедно, так как люди считали, что у меня нет оснований нищенствовать, что я могу работать как всякий другой, и калекой только прикидываюсь.

— А он и впрямь прикидывался, — заявил отшельник. — Мог бы работать, как все.

Вы слышите? Нет, вы слышите? — возмутился Дух. — Даже за гробом на мне клеймо обманщика! С ума сойти!

— По-моему, ему нравится хитрить, — добавил отшельник.

Он не силен в тех штуках, что делают другие духи, надоедая самим себе.

— Я стараюсь причинять поменьше хлопот, — заметил Дух.

— Ведь я изгой, иначе я не был бы здесь. У меня нет законного места, чтобы являться.

— Ну, ты явился перед этими джентльменами и достойно побеседовал с ними, — прервал отшельник. — Теперь мы можем вернуться к другим делам. — он повернулся к Конраду. — Вы говорили, что у вас есть сыр.

— Да, и еще бекон, ветчина, хлеб и мед, — подтвердил Дункан.

— И вы со мной поделитесь всем этим?

— Не можем же мы есть сами и не поделиться с тобой.

— Тогда я разведу огонь побольше, и мы устроим пир. Я сшиброшу траву, которую насобирал, — конечно, если ее не любят вы. Может быть, с кусочком бекона...

— Не люблю сена, — сказал Конрад.

Глава 4

Дункан проснулся ночью и поначалу пребывал в смятении, не понимая, где он оказался.

Ничего не было видно — кругом тьма и какое-то мерцание, словно он находится в заключении и ожидает смерти.

Потом он увидел дверь, вернее, отверстие, сквозь которое просачивался мягкий лунный свет, и Тайни, разлегшегося у этой двери.

Дункан повернул голову и увидел, что мерцание исходило от камина с тлеющими углями. В нескольких шагах от него лежал, раскинув руки, Конрад. Его широкая грудь спокойно поднималась и опускалась.

Отшельника не было видно. Вероятно, он спал в углу на своем матрасе. В воздухе слегка пахло дымом, а над головой Дункана висели пучки травы, которые отшельник повесил сушиться. С другой стороны доносился легкий перестук копыт — очевидно, там спал Дэниел.

Дункан закрыл глаза. Несколько часов до рассвета еще оставалось, можно было поспать.

Но сон не приходил. События последних дней выстраивались в голове Дункана, и переживая их заново, Дункан вновь осознал трудность путешествия, в которое пустился. В пещере отшельника было довольно уютно, но ведь за дверью лежала Опустошенная Земля, придавленная Злом. Не только Зло, — думал Дункан, — отслеживает наш маленький отряд, но и банда негодяев во главе с Ривером. Правда, эти исчезли где-то в долине, так что о них пока можно забыть.

★ ★ ★

Дункан снова вспомнил последние дни в Стэндиш-Хаузе. Они с отцом сидели в библиотеке.

Как эта рукопись оказалась в Стэндиш-Хаузе? — спросил он отца.

— Кто знает? — ответил старик. — История нашего рода обширна, и не все записи сохранились. Многие вообще пропущены. Есть, конечно, кое-какие сведения, отдельные заметки, но большая их часть — это легенды из столь давних времен, что теперь невозможно судить, что в них правда, что нет. Теперь мы здесь пустили прочные корни, но было и другое время. В семейных записях и в легендах говорится, что среди Стэндишей попадались и бродяги, и бессовестные авантюристы. Кто-то из них мог привезти из своих странствий этот манускрипт. Скорее всего, откуда-нибудь с Востока. Возможно, это была часть добычи из завоеванного города, возможно, его украли из монастыря или, что менее вероятно, честно купили за гроши как диковинку. Вероятно, большой ценности в нем не видели, и это понятно, потому что никто не понимал, что это такое, пока документ не попал в руки отцов из аббатства. Ведь я нашел его в старом полусгнившем ящике с заплесневевшими бумагами. Манускрипт лежал между другими разрозненными листами пергамента, в большинстве не представляющими ценности.

— Но вы же увидели или почувствовали его значение, иначе вы не отправили бы его в аббатство.

— Нет, — признался отец, — я и не думал о его значимости, просто стало интересно. Я немного читаю по-гречески, как тебе известно, и в какой-то степени разбираюсь в нескольких других языках, правда, слабо, но подобной рукописи никогда не видел. Я удивился, и меня одолело любопытство. Вот я и подумал, не поручить ли это дело кому-нибудь из жирных и ленивых преподобных отцов. В конце концов, должны же они иногда что-то для нас делать, хотя бы потому, что мы им покровительствуем. Когда в аббатстве надо отремонтировать крышу, за мастерами они идут к нам. Когда им нужно сено, они знают, где его взять, хотя могли бы накопить и у себя.

— Вы, вероятно, сказали им это, вот они и поработали с манускриптом.

— Все-таки это полезная работа, лучше уж ее делать, чем чваниться, что могут разбирать по складам всякую ерунду. Все скрипториумы — а я подозреваю, что их в нашем аббатстве много — набиты редкостными дураками, которые чересчур высокого мнения о себе. Стэндиши владеют этой местностью почти тысячу лет и всегда помогали аббатству. Но жадность и требовательность аббатства растет с каждым годом. Взять хотя бы этот бочонок бренди. Архиепископ не выпрашивал его, но был близок к просьбе настолько, насколько позволяло его высокое звание.

— Этот бренди — ваше больное место, милорд, — улыбнулся Дункан.

Отец встопорщил усы.

— В этом доме веками делался отличный бренди, и мы этим гордились, потому что здешний климат мало подходит для винограда. Но мы свой виноград подрезали, прививали, всячески за ним ухаживали, пока не стали получать вино, которое может поспорить с галльским. И скажу тебе, сынок, этот бочонок нам нелегко достался. Его преосвященству лучше бы расходовать его экономно, потому что другой он получит не очень скоро. Некоторое время они молчали, наслаждаясь теплом камина. Наконец, старый лорд зашевелился в кресле.

— Мы преуспели не только с виноградниками, но и во многом другом. Наш скот намного крупнее, чем в других частях Британии. Мы вывели хорошую породу лошадей. И шерсть у нас одна из лучших. Пшеница на наших полях устойчива к холоду, в то время как многие из наших соседей вынуждены сеять одну рожь. И люди наши такие же отборные, как виноград

* Скрипториум, скрипторий (лат.) — в западноевропейских монастырях так называли мастерские, в которых переписывались книги.

и пшеница. Семьи многих крестьян и батраков, работающих на нашей земле, живут здесь почти столько же лет, сколько и наш юд. Стэндиш-Хауз, — хотя тогда он так не назывался, — явился во времена смуты и неуверенности, когда жизнь человека была в постоянной опасности. Сначала здесь был деревянный форт на насыпи, защищенный палисадом и рвом, как защищены многие замки даже в наши дни. Мы, конечно, сохранили наш ров, но теперь он служит для украшения. Он зарос водяными лилиями и другими растениями, его края обсажены цветами и ягодными кустарниками, и любой, кто забросит удочку в его воду, наловит рыбы и для еды, и просто для удовольствия. И подъемный мост через ров остался на месте. По обычаю, мы каждый год поднимаем и опускаем его, чтобы убедиться, что он еще работает. Конечно, жить стало чуть безопаснее чем раньше, но все же недостаточно. Все еще бродят банды грабителей. С годами наш дом стал сильнее, и о силе нашей известно повсюду. Уже триста лет назад никакой бандит и грабитель не осмеливался нападать на наши стены. Случалось, что украдут корову или пару овец — только и всего. Такое бывает и теперь. Правда, я не думаю, что мы обязаны своей безопасностью только прочности наших стен. Всем известно, что народ здесь воинственный, хотя это всего лишь крестьяне и батраки. Мы не содержим армию вооруженных бездельников, в этом нет нужды. Если нагрянет опасность, каждый человек в поместье возьмется за оружие, потому что каждый рассматривает эту землю как свою, хотя принадлежит она нашему роду. Так мы создали здесь безопасность и мир среди неустойчивого и беспокойного окружения.

— Я люблю этот дом, — сказал Дункан, — и мне нелегко покидать его.

— Сын мой, мне тоже нелегко отпускать тебя, потому что ты пойдешь в опаснейшие места, однако, я не слишком тревожусь — ведь ты умеешь управлять собой. И Конрад — сильный, надежный спутник.

— Да. Дэниел и Тайни тоже.

— Архиепископ в ту ночь сетовал на недостаток прогресса. Он назвал наше общество застойным. Может, оно и так, но все-таки я и в этом усматриваю кое-что хорошее. Прогресс обязательно сказался бы на вооружении. А любой прогресс в вооружении ведет к постоянным войнам, потому что всякий вождь или занюханный королишка, получив новое оружие, стремится опробовать его на соседе, полагая, что оно даст ему преимущество.

— Все наше оружие, — сказал ему Дункан, — оружие одиночек. Так уж повелось. Чтобы им пользоваться, нужно стоять лицом к врагу на расстоянии вытянутой руки. Копья и дротики, конечно, поражают на большем расстоянии, но их же нельзя вернуть и бросить снова. Они, да праща — больше и нечем достать врага издали. А пращей вообще пользоваться трудно: оружие неточное, да и урон от него невелик издали.

— Ты прав, — согласился отец. — Такие, как архиепископ, оплакивают наше положение, но, по моему мнению, нам еще очень повезло. Мы достигли такой социальной структуры, которая служит нашим целям, и всякая попытка изменить ее может нарушить равновесие и принести множество бед, о большинстве которых мы и не подозреваем.

Неожиданный озноб, пробежавший от дуновения холодного воздуха, отвлек Дункана от воспоминаний. Открыв глаза, он увидел лицо Духа, если это можно было назвать лицом. Оно больше походило на темный овал переливающегося дыма в белизне капюшона. Никаких черт лица не было, просто круговерть тумана, однако у Дункана было впечатление, что он смотрит именно в лицо.

— Сар Дух, — резко сказал он, — чем объясняется ваше намерение разбудить меня так внезапно?

Дух поклонился, и было странно, что у него это получилось.

— Я лишь хотел спросить у вашей светлости. Раньше я спрашивал у отшельника, но он рассердился, потому что не знал, как ответить, хотя как человек святой мог бы и знать. Я

обратился к вашему рослому спутнику, но он только заворчал и угнет. Он был оскорблен, что Дух смеет с ним разговаривать. Если бы он думал, что во мне есть какая-нибудь субстанция, он, наверное, протянул бы свои похожие на окорока руки и задушил меня. Но меня уже больше не задушить. Я был вполне достаточно задушен, даже шея, я думаю, сломалась. Так что теперь я, к счастью, недоступен для подобной низости.

Дункан откинул одеяло и сел.

— Судя по такому витиеватому вступлению, твои вопросы необыкновенно важны?

— Для меня — да, — ответил Дух.

— Может, я тоже не смогу на них ответить.

— В таком случае, вы будете не лучше всякого другого.

— Ладно, тогда спрашивай.

— Как по-вашему, милорд, почему на мне такой наряд? Я, конечно, знаю, что все духи так ходят, хотя полагаю, что у духа, обитающего в каком-нибудь замке, одеяние должно быть черным. Я же не был в такой белоснежной мантии, когда меня повесили на дубу. На мне были грязные лохмотья, и я страшно боялся, что, повиснув, испачкаю их еще больше.

— Ну, — сказал Дункан, — на этот вопрос я ответить не могу.

— По крайней мере, вы оказали мне любезность, дав честный ответ. Вы не ворчали и не огрызались.

— Может быть, кто-нибудь, изучавший такие материи, мог бы ответить тебе. Кто-нибудь из служителей Церкви, например.

— Ну, вряд ли я скоро встречу служителя Церкви, так что, выходит, я ничего не узнаю. Это, конечно, не так уж важно, но иной раз беспокоит меня, и я подолгу размышляю над этим.

— Сочувствую тебе.

— У меня есть еще один вопрос.

— Спрашивай, если тебе без этого не обойтись. Но ответа обещать не могу.

— Я хотел бы знать, почему это случилось именно со мной. Не все умершие, даже те, кто кончил дни свои насильственной

или позорной смертью, становятся духами. Если бы так было со всеми, мир был бы духами переполнен, и им пришлось бы занимать другие измерения. Для живых не осталось бы места.

— На это я тоже не берусь ответить.

— В сущности, -- сказал Дух, — я не такой уж грешник. Я был презренным попрошайкой, но мне никто не говорил, что это грех. Конечно, и у меня были грехи, как у любого, но, если мои понятия о грехах правильны, это все были грехи небольшие.

— Когда мы впервые встретились, ты жаловался, что у тебя нет собственного места, где ты бы мог являться.

— Я думаю, если бы такое место у меня было, я был бы счастливее, хотя, может быть, счастье духу не полагается. Ну, более довольным. Я полагаю, испытывать удовлетворение духу не возбраняется. Будь у меня такое место, я имел бы определенное задание и мог бы его выполнять. Хотя если бы меня обязали брэнчать цепями и завывать, это бы мне не очень понравилось. Впрочем, если это делать осторожно и почти не показываться, тогда еще ничего. А как вы думаете, если у меня нет места, где являться, и нет работы, то, может, это возмездие за мой образ жизни? Я скажу вам то, чего не говорил никому и не хотел бы, чтобы вы об этом проговорились: если бы я хотел, я мог бы что-то делать и жить честно, а не кланчить милостыню на паперти. На легкой работе, конечно. Сильным я никогда не был, слаб был, как дитя. Странно, что родителям удалось вырастить меня.

— Ты поднимаешь так много философских вопросов, что мне с ними не справиться.

— Вы говорили, что идете в Оксенфорд. Наверное, посоветоваться с каким-нибудь великим ученым — иначе что там делать? Я слышал, что там много великих богословов, и они там проводят ученые диспуты.

— Когда мы туда попадем, — согласился Дункан, — мы, без сомнения, увидимся с кем-нибудь из великих ученых.

— Как вы думаете, сможет кто-нибудь из них ответить на мои вопросы?

— Не могу сказать с уверенностью.

— Простите мою дерзость, но не могу ли я пойти с вами?

— Послушай, — с некоторым раздражением произнес Дункан, — если ты хочешь попасть в Оксенфорд, ты ведь и один можешь спокойно дойти. Ты же свободный дух, ты не связан ни с каким местом, где тебе полагалось бы являться, и никто тебя не может тронуть.

Дух поежился.

— Один я буду до смерти бояться.

— Но ведь ты уже умер. Никто не умирает дважды.

— Верно, — согласился Дух. — Об этом я как-то не подумал. А одиночество? Мне будет очень тоскливо в одиночестве.

— Если ты хочешь идти с нами, — сказал Дункан, — мы вряд ли сможем помешать тебе. Но приглашения не дожидайся.

— Тогда я пойду с вами, — решил Дух.

Глава 5

Они позавтракали большими ломтями ветчины, овсяным хлебом и медом. Конрад сообщил, что Дэниел и Бьюти нашли себе хорошее пастбище неподалеку, а Тайни поймал кролика.

— Раз все наелись, — заметил Дункан, — мы можем со спокойной совестью продолжать путь.

— Если вы не слишком торопитесь, — проговорил отшельник, — я попрошу бы вас оказать мне очень большую услугу.

— Если это не займет много времени, — сказал Дункан. — Мы тебе обязаны кровом и приятной компанией.

— Это недолго, — заверил Эндрю, — и не трудно для стольких рук и крепкой спины ослика. Речь идет об урожае капусты.

— Какая капуста? — поинтересовался Конрад.

— До прихода Разрушителей кто-то засадил огород. И хотя летом за ним никто не ухаживал, там все продолжало расти, а я на него набрел. Огород этот недалеко от церкви, в двух шагах отсюда. Но там есть одна тайна...

— Тайна капусты? — улыбнулся Дункан.

— Да не капусты. Капуста вообще ни при чем. В других овощах дело — в моркови, горохе, бобах и брюкве. Их кто-то ворует.

— А ты, стало быть, не воруеть.

— Огород нашел я, — упрямо возразил Эндрю. — Я пробовал выследить воришку, но, как вы понимаете, не слишком усердствовал, потому что я не воин и вряд ли буду знать, что делать, если его застану. Правда, я подумывал, что, если этот человек не задира, то даже неплохо было бы иметь кого-то, с кем можно приятно провести время. А капусты там много, и такая она хорошая, и жалко будет, если она пропадет или вор

«и» утащит всю. Конечно, я и сам могу собрать, но уж очень много раз придется ходить туда-сюда.

— Что ж, во имя христианского милосердия, так и быть, потерпимся, — согласился Дункан.

— Милорд, — возразил Конрад, — путь дальний.

— Перестань звать меня лордом. Если мы ему поможем, то сердца наши станут чище, а путь легче.

— Если вы приказываете, я схожу за Бьюти.

★ ★ ★

В огороде за церковью обнаружили роскошные овощи среди сорняков, местами доходивших до пояса.

— Ты, видать, не слишком гнул спину, чтобы прополоть огород, — заметил Дункан отшельнику.

— Когда я нашел его, — оправдался Эндрю, — было уже поздно, все уже здорово заросло.

Капусты было три грядки с крупными, твердыми кочанами.

Конрад развернул мешок, и все принялись за дело — срезали кочаны, очищали их от земли и складывали в мешок.

— Джентльмены! — послышался голос позади.

Он звучал резко и неодобрительно.

Все трое быстро обернулись. Тайни угрожающе поднял морду и зарычал.

Сначала Дункан увидел грифона, а уж потом — женщину, сидящую на нем. Дункан в изумлении замер. Женщина была в кожаных брюках и кожаной куртке, с белым шарфом на шее. В руке она держала боевой топор, лезвие его горело на солнце.

— Не первую неделю, — сказала она спокойным ровным голосом, — я наблюдаю, как занимается воровством этот паршивый отшельник. Мне не жалко, пусть берет, вон он какой, кожа да кости, ему это действительно необходимо. Но я никак не предполагала, что благородные джентльмены станут в этом участвовать.

Дункан поклонился.

— Миледи, мы просто помогаем нашему другу собрать урожай капусты. Мы не знали, что вы или кто-либо еще имеет больше прав на этот огород.

— Я очень старалась, чтобы никто не знал о моем присутствии здесь. В этих местах не стоит обнаруживать себя.

— Однако, миледи, сейчас вы себя обнаружили.

— Только для того, чтобы защитить то небольшое, что у меня есть для пропитания. Я могу позволить вашему другу время от времени брать немного моркови или капусты, но я возражаю против опустошения огорода.

Грифон повернул свою большую орлиную голову к Дункану и оценивающе взглянул на него блестящими золотистыми глазами.

Передние его лапы оканчивались орлиными когтями, задняя половина тела была львиной, только хвост был длиннее, чем у льва, и с устрашающим жалом на конце. Поднятые вверх огромные крылья грифона были сложены и прикрывали всадницу. Грифон зашелкал клювом, длинный хвост нервно задержался.

— Не бойтесь его, — сказала женщина. — Это в некотором роде кошка, к тому же с возрастом он подобрел. Конечно, вид у него величественный и грозный, но если я не прикажу, он никому не причинит вреда.

— Миледи, — сказал Дункан несколько смущенно, — мое имя Дункан Стэндиш. Я со своим спутником, вот с этим рослым молодцем, держу путь на юг Британии. С Эндрю, отшельником, мы познакомились только прошлой ночью.

— Вы Дункан Стэндиш из Стэндиш-Хауса?

— Да, но я не думал...

— Ваш дом и вашу семью уважают по всей Британии. Однако, должна я сказать, странное вы время выбрали для путешествия по этим краям.

— Еще более странно встретить знатную леди в таких краях.

— Меня зовут Диана, и я не знатная леди. Я — нечто иное.

Эндрю выступил вперед.

— Простите меня, мнлорд, но я очень сомневаюсь, чтобы люди Диана по закону или по совести могла претендовать на этот клочок земли. Он был засажен одним из жителей деревни до прихода Разрушителей, так что огород принадлежит ей ничуть не больше, чем мне. Но если вы думаете иначе, упорствовать я не стану.

— Не подобает нам, — сказал Дункан, — стоять здесь и ссориться из-за этого огорода.

— Действительно, — согласилась Диана, — он совершенно прав. Огород не мой, но и не его. Мы оба пользовались им. Я совсем не подумала об этом, а просто разозлилась, когда увидела, что появились еще претенденты на этот огород.

— Тогда я предложил бы, — сказал Эндрю, — разделить урожай. Половина капусты ей, половина мне.

— Твоя идея мне нравится, — ответил Дункан, — хотя делишь ты как-то не по-рыцарски.

— А я и не рыцарь, — быстро отпарировал Эндрю.

— Если этот отшельник сможет сообщить мне некоторые сведения, — сказала Диана, — то пусть забирает всю капусту, потому что тогда она мне не понадобится.

Она слезла с грифона и подошла к ним.

— А почему вы думаете, что у меня есть эти сведения? — спросил Эндрю.

— Ведь вы местный?

— Да.

— Тогда вы можете знать. Был такой человек по имени Вольферт. Предполагают, что одно время он жил здесь. Когда я приехала сюда после ухода Разрушителей, то устроилась в церкви. Здесь только она одна и уцелела. Я искала церковные книги и кое-что нашла, но ничего нужного мне. Ваши приходские священники, сэр отшельник, плохо хранили свои записи.

— Вольферт, вы сказали? Давно это было?

— Лет сто тому назад, если не больше. Вы что-нибудь слышали о нем?

— Он ведь был святым мудрецом?

— Мог прослыть и мудрецом. Ведь он был колдуном. Отшельник ахнул и схватился за голову.

— Колдун! — простонал он. — Вы в этом уверены?

— Вполне уверена. Самый настоящий колдун.

— И не имел отношения к святой Церкви?

— Он совершенно точно не имел отношения к святой Церкви.

— В чем дело? — спросил Дункан. — Что с тобой?

— В освященной земле! — стонал Эндрю. — Ох, какой стыд!

Его похоронили в освященной земле, и ему, языческому колдуну, — ведь все колдуны язычники, верно? — построили гробницу! Чего тогда удивляться, что дуб свалился на могилу!

— Минуточку, — сказал Дункан. — Ты имеешь в виду тот самый дуб, что мы видели на кладбище?

— Расскажите мне, пожалуйста, насчет дуба и могилы, — попросила Диана.

— Мы проходили через кладбище, — объяснил ей Дункан, — и видели там гробницу с упавшим на нее деревом. Похоже, это случилось довольно давно, но оно так и лежит поперек могилы, а плита сдвинулась и треснула. Я еще удивился, почему могилу никто не поправил.

— Это старинное кладбище, — сказал Эндрю. — На нем много лет никого не хоронят, потому никто и не позаботился. К тому же, очень немногие знают, кто там похоронен.

— Вы думаете, что это могила Вольферта? — спросила Диана.

— Какой позор! — сокрушался отшельник. — Колдун — и вдруг похоронен в освященной земле. Но люди-то не знали. Откуда им знать? Я слышал об этом Вольферте. Говорили, что он святой, укрывшийся от мира в этой глуши.

→ Это и есть те сведения, которые вы... — Начал Дункан.

Он замолчал, потому что что-то изменилось. Наступила внезапная тишина.

Собственно, и до того было тихо, если не считать стрекотания насекомых и щебета птиц, но эти звуки привычны и не

привлекают внимания. Тут вдруг наступила действительно полная тишина, потому что прекратились даже эти звуки.

Тишина и странное ощущение: будто ждешь чего-то неизменного и напряженно застываешь, чтобы встретить это с полнотой. Остальные тоже заметили тишину, а может быть, ощутили и чувство ожидания. Потому что все застыли на месте, чутко и напряженно прислушиваясь.

Дункан медленно положил пальцы на рукоять меча, но не стал вынимать его из ножен, поскольку явной опасности еще не было, хотя ощущение ее тяжело повисло в воздухе. Диана чуть приподняла свой боевой топор. Грифон изменил позу, его орлиная голова стала медленно поворачиваться то в одну, то в другую сторону.

В дальнем конце огорода зашевелились кусты. Оттуда выглянула крупная голова, по виду человеческая, но без шеи, сидевшая прямо на массивных плечах. Голова была лысая и выглядела так, будто волосы на ней вообще никогда не росли.

Безволосый, — подумал Дункан. Ривер говорил ему о безволосых в ту ночь, когда они остановились в его замке. Высокий белый безволосый слизняк, нелюдь.

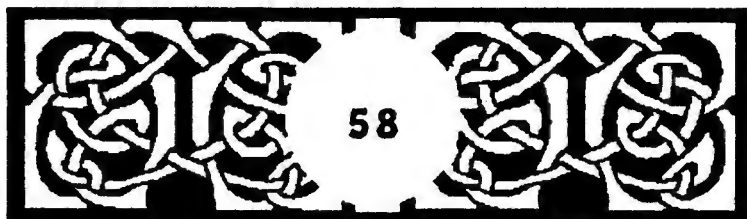
Меч со свистом вылетел из ножен, и солнце заиграло на нем, когда Дункан сделал символический взмах.

— Сейчас посмотрим, — сказал Дункан то ли себе, то ли Риверу.

Безволосый поднялся во весь рост.

Он был чуть выше обычного человека, но вовсе не так уж высок, как уверял Ривер. Он стоял на кривых полусогнутых ногах, совершенно голый, и его тело, белое, как рыба брюхо, блестело на солнце. Рука без усилия держала громадную суковатую дубину.

Из-за деревьев и кустов появились другие безволосые и выстроились рядом с первым. Они стояли неровной линией, выставив головы вперед, крошечные глазки под выступами лысых бровей смотрели с презрительным интересом. Затем они медленно заковыляли вперед и вдруг, подняв дубины, больши-

ми скачками ринулись через сорняки. Они неслись в атаку молча. Не было ни восклицаний, ни криков, и в этом молчаливом нападении было что-то смертоносное.

Дункан инстинктивно шагнул навстречу. Впереди оказался тот безволосый, который появился первым, — Дункан был в этом уверен, хотя все они выглядели абсолютно одинаковыми. И главарь бросился прямо к нему, как будто видел в Дункане самую важную добычу. Дубина безволосого взлетела вверх и быстро опустилась. Дункан отскочил, отвел меч назад и взмахнул им изо всей силы. Меч вонзился в горло безволосого, и тот упал. Дункан подался в сторону, освобождая меч. Затем он снова замахнулся и ударил другого безволосого. Лезвие попало между головой и плечом и прошло насквозь, отделив от туловища голову и второе плечо.

Краем глаза Дункан увидел, что Диана лежит на земле, высвобождаясь из-под тела безволосого. Окровавленное лезвие топора не оставляло сомнений, что безволосый, упавший на Диану, мертв. Рядом с ней на задних лапах стоял грифон. В его когтистой передней лапе извивался безволосый, голова которого была плотно обхвачена орлиными когтями, а ноги болтались над землей, словно безволосый пытался бежать по воздуху.

Откуда-то донесся крик Конрада:

— Берегитесь, милорд!

Дункан отскочил в сторону, повернувшись в прыжке. Дубина ударила его по плечу. Он покатился по земле и снова вскочил. Безволосый замахнулся вторично. Дункан взмахнул мечом, но в это время Тайни бешено метнулся к безволосому, и его мощные челюсти впились в руку, державшую дубину.

Безволосый упал. Тайни выпустил руку и схватил упавшего за горло.

Дункан, чрезвычайно довольный вмешательством Тайни, — о том, кого схватил Тайни, можно было уже не думать, — огляделся.

Динна, выбравшись из-под трупа, бежала к грифону, который когти и клювом так отбивался от трех нападающих, что они уже начали отступать.

Поклади грифона Конрад дрался с двумя безволосыми. Дупины всех троих сталкивались со страшным треском, грохотали и сыпали щепками.

Чуть подальше безволосый потерял дубину в безнадежной схватке с Дэниелом. Конь наступал на него, вытянув шею и выставляя зубы. Затем Дункан увидел, как Дэниел запустил зубы в плечо жертвы и, взмахнув головой, подкинул безволосого высоко в воздух.

Отшельника не было и в помине.

С подбадривающим криком Дункан бросился на помощь Конраду в его неравной борьбе, но на бегу споткнулся и упал.

В голове вспыхнула пульсирующая боль, казалось, голова вот-вот взорвется. За секунду до взрыва боль отступила, но затем вернулась снова. Он даже не знал, коснулся ли он земли: он не чувствовал удара при падении. Позже — он не знал, несколько позже — он обнаружил, что ползет на животе, цепляясь за землю. Такая глупость — ему казалось, что у него нет головы, а на ее месте свалившийся ком пуха, слепой и глухой. Еще позже, — Бог знает, когда, — кто-то плескал водой ему в лицо и говорил:

— Все в порядке, милорд.

Затем его подняли и взвалили на чье-то плечо, он хотел изразить, но не смог произнести ни слова, не в силах был двинуться, а лишь мотался, обвиснув, на чужом плече.

Глава 6

Наконец, пришло ощущение бытия. Но только бытия, и ничего более. Существование, бесцельно плывущее куда-то. Он плыл в пустоте, ни с чем не связанный. В пустоте было приятно, и уходить из нее не было необходимости.

Звук. Слабый, идущий издалека. Пустота существования старалась оттолкнуть его, закрыться, потому что даже такой щебечущий звук мог ее разрушить, проникнув внутрь. Но звук не уходил, наоборот, он приближался и усиливался, и стало казаться, что источников звука много.

Сознание плыло в пустоте и терпеливо вслушивалось. Щебетанье принесло с собой слово: птицы. Сознание неприязненно отгоняло это слово, потому что в нем не было смысла. Неожиданно пришло понимание этого слова, а с ним и другие слова.

— Я Дункан Стэндиш. — сказала пустота. — Я лежу где-то и слушаю птиц.

Этого было вполне достаточно, даже больше, чем нужно. Лучше бы вообще ничего не приходило. Раз пришло это, значит, придет и еще что-то, а это совсем ни к чему. Пустота хотела вернуться, но ей это не удалось.

Раз уж пришло что-то, оно должно войти.

Дункан Стэндиш уже не плавал в пустоте, он был чем-то. Или кем-то? Человеком?

А что такое человек?

До него медленно доходило, кто он и что он, что у него есть голова, в которой бьется тупая боль, и что ощущение покоя ушло.

Дункан Стэндиш лежал в каком-то замкнутом пространстве, лежал спокойно, встречаясь с мыслями о всех тех обычных понятиях, которые он знал и сейчас обретал заново. Но откры-

нить глаза ему не хотелось. Если он не будет смотреть, может, удастся вернуться назад, в пустоту и комфорт

Нет, ничего не получилось. Знание сначала вползало в него изгибоньку и вдруг хлынуло потоком. Он открыл глаза и сквозь нависающие листья увидел полуденное небо. Он протянул руку и ушиб пальцы о шершавый камень. Опустив глаза, он увидел каменную плиту, накрывавшую его почти до плеч. На плите лежал ствол дерева с облупившейся корой.

Могила, — испуганно подумал Дункан, — гробница колдуна Волфферта. И он, Дункан, лежит в ней.

Дункан решил, что это Конрад затолкал его сюда. Конрад мог сделать такую глупость в убеждении, что делает, как лучшее, что это совершенно разумно и любой поступил бы так.

Да, это наверняка Конрад. Кто-то разговаривал с ним, шлепая милордом, брызгал водой ему в лицо. И кто-то нес его на плече без особых усилий, как мешок с зерном. Это мог и делить только Конрад. Затем Конрад засунул его в гробницу, и у него, конечно, были на то причины.

Первым побуждением Дункана было желание выбраться, но осторожность удержала его. Опасность, от которой его укрыли, возможно, еще сохранялась.

Его ударили по голове, вероятно, дубиной, но теперь он вроде бы в порядке, хотя голова побаливала и немного кружилась.

Кроме чирикания птиц, других звуков не было. Дункан прислушивался, не зашуршит ли опавшая листва, не хрустнет ли веточка, выдавая чье-то присутствие, но все было по-прежнему.

Дункан пошевелился, проверяя, на чем он лежит. Под ним были сухие листья, нападавшие в гробницу за многие годы, и еще что-то. Может, это были кости колдуна. Он пошарил вокруг. Того, что нащупали его пальцы, он не видел — мешала каменная плита — но понял: сухие листья и какие-то крошки, которые вполне могли быть остатками костей. И было что-то твердое, лежавшее у него под лопаткой. Череп, наверное. Но

разве, — подумал Дункан, — череп может сохранить свою форму и прочность дольше, чем остальные кости?

Он вздрогнул. Щупальца суеверного страха коснулись его, но он отогнал их: не хватало еще впасть в панику и завопить в гробнице. Он находится здесь ради безопасности и вполне может разделить это пространство с мертвым. Он чуть изогнулся, пытаясь выкатить из-под себя череп или что там еще было, давившее ему на ребра, но эта штука не выкатывалась. Похоже, она была тверже, чем череп. Может, кто-то из глупой бравяды запустил в могилу камнем?

Дункан нащупал ножны и убедился, что меч на месте.

Конрад, в любом деле пунктуальный до мелочей, нашел даже время проследить, чтобы оружие было под рукой в целости.

Дункан осторожно поднял голову и выглянул.

Вокруг дремали на солнце надгробья, и больше ничего не было. Он вылез и сел у гробницы, обросшей лишайником. Где-то на холме, с другой стороны гробницы, хрустнула сломанная ветка. Кто-то шел, расшвыривая ногами опавшие листья.

Дункан неторопливо высвободил меч, и, держа его перед собой, наклонился ниже, укрываясь за гробницей, после чего пополз вдоль нее к углу, чтобы посмотреть, кто идет.

Шорох листьев слышался все ближе. Дункан сгруппировался, готовясь, если понадобится, действовать молниеносно. Через секунду, увидев идущего, он опустил меч и вздохнул с облегчением. При этом он с удивлением обнаружил, что, оказывается, некоторое время придерживал дыхание. Он выпрямился, приветственно помахав Конраду мечом. Тот устремился к Дункану и остановился напротив.

— Слава Богу, — сказал он, — вы в порядке.

— А ты? Ты-то как?

— Отлично. Немножко побитый, но в порядке. Безволосые удрали. Ни одного поблизости нет. Я сперва глянул что и как, а потом уж к вам.

Он положил свою громадную лапищу на плечо Дункана и лихко встряхнул его.

— Вы уверены, что все в порядке? Вы ведь были как мертвый. Я и придумал место, где вас спрятать.

— Господи, но почему в гробницу?

— Необычное место. Никто не подумает заглянуть.

— Это верно. Ну, ты и хитер, Конрад! Спасибо тебе.

— Старый лорд велел мне заботиться о вас.

— Я в этом не сомневался. А как остальные?

— Дэнниел и Тайни отлично. Они сторожат там, позади меня. Ньюти убежала было, но Дэнниел ее нашел. У Дэнниела синяк на плече. Мы поколотили безволосых, милорд, крепко им всыпали.

— А что Диана?

— Улетела на своем драконе.

— Это не дракон, Конрад, а грифон.

— Пускай грифон. Она на нем улетела.

— Она не ранена?

— Кровь на ней была, но думаю, что это кровь безволосого, которого она убила. Отшельник удрал, его и след простыл.

— За него не беспокойся, — заметил Дункан. — Он вернется за своей капустой.

— А мы что будем делать?

— Подумаем и решим.

— Разрушители теперь знают о нас и будут выслеживать.

— Выходит, глупо было думать, что нам удастся проскользнуть незамеченными, — сказал Дункан.

А при обсуждении в Стэндиш-Хаузе, это казалось вполне возможным. При таких масштабах опустошения, как-то не верилось, что Разрушители могут за всем уследить. Думалось, что они и пытаться не станут уследить за всем. Но они, видимо, выработали какую-то систему охраны по окружности разоренного места. Вероятнее всего, поставили безволосых часовыми, чтобы следить за каждым, кто появится. Видимо, поэтому и встретились одни безволосые, а других из Орды не было.

— Вернемся в пещеру отшельника? — спросил Конрад. — Может, переночуем у него?

— Пожалуй, вернемся. Надеюсь, что отшельник появится. Я хотел бы поговорить с ним кое о чем.

Конрад пошел было, но Дункан остановил его.

— Подожди, я хочу взглянуть на одну вещь.

Он обошел гробницу и заглянул внутрь.

— Я думал, что кто-то бросил камень, но похоже, это не так. Там что-то другое.

Это было что-то другое. Оно блестело. Камни так не сверкают.

Дункан наклонился и вытащил блестящий предмет.

— Безделушка, — фыркнул Конрад.

— Да, похоже. А что она здесь делает?

Грушевидной формы предмет был размером с кулак мужчины. Его покрывал кружевной золотой орнамент, в который были вкраплены крохотные сверкающие драгоценные камешки. Сквозь орнамент виднелось яйцевидной формы изделие из серебра. С узкого конца груши свисала цепочка, возможно, тоже золотая, но не такая блестящая, как сетка орнамента. Дункан передал безделушку Конраду, а сам еще раз нагнулся над могилой. Из угла на него оскалился череп.

— Покойся с миром, — сказал ему Дункан.

Оба направились к пещере отшельника.

Глава 7

— Я уж думал, — сказал отшельник, — мне не доведется объяснить вам, что я не только набожный человек, но еще и отличный трус. Сердце требовало, чтобы я помогал вам, а ноги приказывали мне удирать. В конце концов, ноги победили и унесли меня со всей скоростью, на какую были способны.

— И без тебя справились, — буркнул Конрад.

— Но я же обманул ваши надежды. У меня был только нож, но я же мог им врезать пару раз.

— Ты не боец, — вздохнул Дункан, — и мы не в обиде, что ты удрал. Но есть другое дело, в котором ты мог бы нам помочь.

Отшельник покончил с ветчиной и потянулся за куском сыра.

— Буду рад помочь, чем только могу.

— Вот эту безделушку мы нашли в могиле Вольферта. Не сможешь ли ты, что это такое? Может, женщина на грифоне как раз ее и искала?

— Ох, уж эта женщина! — взвизгнул отшельник. — Умоляю, поверьте мне, я понятия о ней не имел. Она от меня пряталась, это точно, пряталась и подсматривала, как я брал с огорода эти несчастные овощи. Наверное, у нее есть причины скрываться.

— Не сомневаюсь. И мы постараемся их выяснить.

— Она в церкви пряталась. Разве это подходящее место? Так поступать — святотатство. Жить в церкви — не дело. Не для того она выстроена. Ни одному порядочному человеку не придет в голову жить в церкви.

— Но ведь это единственное место в деревне, где она могла найти крышу над головой, — возразил Дункан. — Надо ведь где-то укрываться от непогоды.

— А чего ей вообще тут надо?

— Ты же слышал. Она искала какие-нибудь сведения о Вольферте, просматривала церковные записи. Она знает, что он

когда-то жил здесь. Может, она думала, что он ушел отсюда, и пыталась узнать насчет этого. Откуда ей знать, что он тут похоронен.

— Это я все помню. Но зачем ей разыскивать его?

Дункан покачал безделушкой перед глазами отшельника, и тот в ужасе отпрянул.

— Я думаю, она искала это. Ты не знаешь, что это? В деревне ничего не говорили?

— Это мощи. По крайней мере, деревенские думали так, судя по старым рассказам. Мощи, но чьи мощи и откуда — я не слышал. Наверное, никто не знал. В деревне считали, что Вольферт — святой, и он никогда не возражал против этого. Для него так было спокойнее, чем если бы узнали, что он колдун. Ах, какой позор, какой черный стыд... Он — и колдун!

— Знаю, знаю, — без всякого сочувствия сказал Дункан, — в освященной земле его похоронили.

— Дело не только в этом! — возопил Эндрю. — Ведь ему гробницу построили! Для своих, деревенских, ставили грубо обтесанные надгробья, а на него потратили уйму времени, добывая отменный камень для огромных плит и еще больше времени на то, чтобы их обтесать и установить на месте его упокоения. А самое главное — сколько вина извели!

— А при чем тут вино?

— Ну, чтоб его замариновать. Говорят, он умер летом, и чтобы сохранить его...

— Понятно. Но не обязательно же в вине. Обычный рассол вполне годится, он даже лучше.

— Может, вы и правы, что лучше. Рассказывали, что покойник уже изрядно попахивал, когда его клали в гробницу. Но некоторые считали, что простой рассол для святого — недостойно.

— И вот они положили этого колдуна в гробницу, ухлопав столько труда, и с такими церемониями, потому что были уверены, что он святой. И с ним положили реликварий с мощами. Наверное, повесили ему на шею.

Эндрю кивнул с несчастным видом.

— Я думаю, вы все поняли, милорд.

— Не называй меня лордом. Лорд — мой отец, а не я.

— Простите, милорд, больше не буду.

— Как ты думаешь, почему о Вольферте так долго рассказывали? По крайней мере, сто лет, а то и больше. Не знаешь, когда это было?

— Никто не знает, — ответил Эндрю. — Дата его смерти была указана на маленькой статуе, венчавшей гробницу, но она разбилась, когда дерево упало. А что рассказы живут долго — ничего удивительного. В такой деревне, как эта, целыми месяцами ничего не происходит, совсем ничегошеньки, и уж когда что-то случается, это производит большое впечатление, помнится долго, и говорят об этом много. Кроме того, иметь в деревне слятого — много значит. Такая деревня от всех прочих отличается.

— Да, — согласился Дункан, — это я понимаю. А что насчет мошей?

Эндрю отошел подальше.

— Не мощи это, а механика бесовская.

— Но она ничего не делает, — возразил Конрад. — Висит себе.

— Возможно, она не запущена, — предположил Дункан. — Не работает. Может, надо произнести определенное слово, и механизм включится.

— По мне так, — сказал Эндрю, — закопать ее надо поглубже или бросить в речку. Ничего хорошего от нее не будет. Мало нам бед и опасностей, чтобы искать новые? И что она вам далась? Сказали же, что идете в Оксенфорд. Не понимаю — сами говорите, что у вас в Оксенфорде важное дело, а сами возитесь с этой гадостью из могилы колдуна.

— Мы идем в Оксенфорд по делу Господа, — произнес Конрад.

— По делу вашего господина? — переспросил Эндрю.

— Не господина, я сказал, а Господа, — поправил Конрад.
— По святому делу.

— Конрад! — одернул его Дункан.

Эндрю повернулся к Дункану.

— Он верно говорит? На вас возложено дело Господне? Святое дело?

— Можно сказать и так. Но мы не болтаем об этом.

— Конечно, это важное дело, — сказал Эндрю. — Путь далекий, трудный, суровый. Однако, нечто говорит вам, что вы должны преодолеть этот путь.

— Теперь будет труднее, — вздохнул Дункан. — Мы надеялись проскользнуть незаметно, но теперь Разрушители о нас знают. Мы одолели их часовых, и теперь они нас будут выслеживать. Они будут знать о каждом нашем шаге. И впереди будут, возможно, не только безволосые. Меня беспокоит самая суть. Если здесь были часовые, значит, существует нечто, охраняемое от всех.

— Как мы пойдем? — спросил Конрад.

— Прямо вперед. У нас нет вариантов. Мы могли бы пройти еще дальше на восток, но и там, боюсь, встретим Разрушителей. Со своей дороги свернем, а будет ли там безопаснее? Нет, мы пойдем прямо как можно быстрее и будем начеку.

Пока они разговаривали, Дух парил в углу, а теперь перелетел к ним поближе.

— Я буду вашим разведчиком, — заявил он. — Я могу лететь впереди и смотреть. Мою душу, если она у меня есть, будет стискивать страх, но из признательности за то, что вы позволили мне идти с вами, и ради святой цели я могу это сделать.

— Я не просил тебя сопровождать нас, — возразил Дункан.
— Я лишь сказал, что не могу помешать тебе идти с нами.

— Не принимаете вы меня, — запричитал Дух. — Вы не воспринимаете меня как то, что было некогда человеком. Вы...

— Мы воспринимаем тебя как духа. Можете ли вы, сэр, ответить, что есть дух?

— Хотя я сам и Дух, ответить вам я не могу. Вы спрашиваете об одном определении, а я спрошу о другом: можете ли вы ответить, что есть человек?

— Нет, не могу.

— Могу заверить вас, что быть духом горькая участь. Дух не знает, что он такое и как он должен поступать, в особенности такой дух, который не имеет своего места, чтобы являться.

— Ты мог бы являться в церкви, — посоветовал Эндрю. — При жизни ты был близок к ней.

— А внутри никогда не был, — возразил Дух. — Только снаружи. Я сидел на ступеньках и просил подаяния. И скажу тебе, отшельник, это была вовсе не такая уж хорошая жизнь, как могло бы быть. Деревенские жители были порядочными скупердяями.

— Они были бедны.

— Просто совсем нищие. У некоторых и медяка лишнего не было. Случались дни, когда мне ни единого медяка не подавали — вообще ничего.

— Так что нелегка была твоя доля. — сказал Эндрю без всякого сочувствия. — Впрочем, легкой доли и не бывает.

— Зато есть вознаграждение. Быть духом лучше, чем быть мертвым, в особенности, если мертвые попадают в ад. Очень многие живые знают, что, как только умрут, то прямехонько отправятся в ад.

— А ты?

— Не знаю. Я не был злым и порочным, только лодырем был.

— Ну, тебе-то хорошо. Ты идешь с этими людьми в Оксенфорд, и, может, тебе там понравится.

— Они говорят, что не могут помешать мне идти, и такое поведение с их стороны я считаю очень нелюбезным. Но все равно я пойду.

— И я тоже, — заявил Эндрю, — если они возьмут меня. Я всю жизнь мечтал стать воином Господним. Из-за этого пошел в отшельники. Святое рвение, возможно, недостаточно ярко

горело в моей душе, но все-таки горело. Уж я ли не старался доказать Богу свою преданность: годами я сосредоточенно смотрел на пламя свечи, отвлекаясь только для принятия пищи и заботы о телесных нуждах. Я ложился спать только тогда, когда бодрствовать не оставалось сил. Случалось, что я клевал носом и подпаливал брови на свече. А свечи — удовольствие дорогое, их нелегко было добывать. И ничего-то я не добился. Ни к чему было это свечное бдение. Ничего хорошего в этом я даже не почувствовал. Я смотрел на пламя и думал, что могу стать одним из тех, кто слился воедино с падающим листом, с пением птицы, с лучом заходящего солнца, с замысловатой паутиной и, обретя эту мудрость, сольюсь воедино со вселенной, — но ничего этого не случилось. Мне безразлично падение листа, и меня нимало не заботят ни птицы, ни их пение. То ли во мне чего-то не хватало, то ли это был ложный путь, то ли те, кто сулил в этом деле успех, были просто бесстыжими лжецами. В конце концов я понял, что оказался обманщиком. Но уж теперь у меня есть шанс стать настоящим воином Господним. Хоть я и трус, и силы во мне не больше, чем в тростнике, но, надеюсь, своим посохом я смогу, если понадобится, нанести парочку чувствительных ударов. Уж я постараюсь не убежать, когда угрожает опасность, как сделал сегодня.

— Не ты один убежал сегодня, — глухо сказал Дункан. — Леди Диана с боевым топором и всем прочим своим боевым снаряжением тоже удрала.

— Только когда все кончилось, — поправил Конрад.

— Но ты мне сказал...

— Вы меня не так поняли. Как сражение началось, она спешила, но потом снова села на грифона, и оба продолжали сражаться, она — топором, а грифон — когтями и клювом. Она улетела только после того, как безволосые бросились наутек.

— Это мне больше по душе, — обрадовался Дункан. — Она не была похожа на тех, кто спасается бегством. Значит, не воевал один я.

— Не повезло вам, что вам дубиной съездили, — утешил его Конрад. — Я встал над вами и отгонял тех, кто к вам лез. Больше всего безволосых перебили миледи и дракон.

— Грифон.

— Виноват, милорд. Грифон. Вечно я их путаю.

Дункан встал.

— Нужно пойти в церковь, пока еще светло. Может быть, леди там.

— Как ваша голова? — спросил Конрад.

— Сбоку шишка с гусиное яйцо, болит, а так все в порядке.

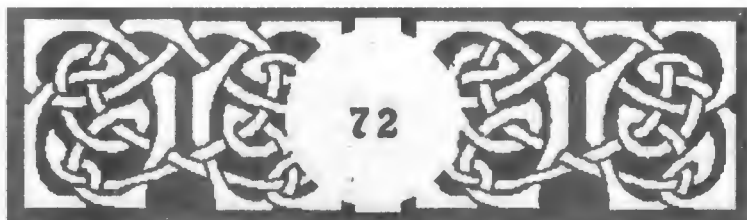
Глава 8

Церковь была небольшая, но впечатление производила сильное, куда большее, чем можно было ожидать от деревенской церкви. Столетия назад деревенские мастера трудились, не покладая рук, добывали и обтесывали камень, привозили его на место, укладывали тяжелые плиты фундамента, вырезали из местного дуба скамьи, алтарь и всякие детали, ткали гобелены для украшения стен. Дункан подумал, что грубая простота как раз и придает этой церкви очарование, столь редкое в других, больших по размеру и тщательно отделанных сооружениях.

Гобелены были содраны со стен и валялись на каменных плитах пола, рваные и затоптанные. Некоторые из них обгорели. Скамьи были изрублены, алтарь уничтожен.

Дианы и грифона там не было, но были признаки их недавнего пребывания: навоз грифона у входа, овечья шкура на полу в маленьком приделе, где спала Диана, грубо сложенный из камня очаг и кухонные принадлежности.

Во втором приделе стоял длинный стол, каким-то чудом оставшийся неповрежденным. На нем лежали груды пергамента. Там же стояла чернильница с воткнутым в нее пером.

Дункан взял один из листов. Почерк был неразборчивый, слова написаны безграмотно, с ошибками. Такой-то родился, такой-то умер, такие-то поженились, таинственная болезнь унесла десяток овец. В таком-то году было много волков, ранние морозы погубили огороды, но снега не было почти до Рождества.

Он перебрал другие листы. В них было то же самое. Записи о мелочах деревенской жизни. Рождения, смерти, свадьбы, маленькие местные катастрофы, бабьи сплетни, мелкие триумфы, лунное затмение и вызванный им ужас, ладучие звезды и удивление по этому поводу, раннее цветение лесных цветов, жуткие летние грозы, праздники, хороший или плохой урожай — обычная сельская хроника, записанная деревенским пастором, не имевшим других интересов.

— Она просматривала все эти записи, — сказал Дункан отшельнику. — Она искала какое-нибудь упоминание о Вольферте, какой-нибудь ключ к отысканию его следа, но, по-видимому, ничего не нашла.

— Но она должна была знать, что он давно умер.

— Она искала не его, не самого человека. Как ты не понимаешь, она искала эти мощи. Для нее важно было найти эту реликвию или, если ты настаиваешь, бесовскую механику.

— Я не понимаю.

— Ты же просто слеп, — сказал Дункан, — со своей горящей свечой, со всем твоим благочестием. А было ли оно, благочестие?

— Не знаю. Я всегда думал, что было. Милорд, я отшельник, во всяком случае, искренне стараюсь им быть.

— Ты не видишь дальше своего носа. Ты не понимаешь, что предмет, который ты называл бесовской механикой, может иметь большую ценность. И ты недооцениваешь колдуна. Есть много стран, таких же христианских, как наша, где колдуны, как ни странно, пользуются большим почетом.

— От колдунов несет язычеством.

Древние истины, древние идеи, древние приемы нельзя отрицать только потому, что они предшествовали христианству. Миледи хотела найти то, что было у колдуна.

Вы главного не понимаете, — вкрадчиво возразил Эндрю.

Мы не подумали о том, что она, может, сама колдунья.

Волшебница, ты хочешь сказать. Ведьма, но утонченная.

— Пускай так. Но, как ни называй, вы об этом не подумали.

— Не подумал, — признал Дункан. — А это вполне может быть правдой.

Лучи солнца проникали сквозь высокие узкие окна и создавали впечатление нимбов, с какими библейские художники обрамляли святых. Стекла, там, где они еще оставались, были цветными. Глядя на них, Дункан удивлялся, как деревня, даже очень благочестивая и набожная, могла позволить себе такую роскошь. Возможно, несколько богатых жителей, которых здесь было, конечно, очень мало, сложились и уплатили за изготовление и установку этих стекол, надеясь, без сомнения, получить в порядке вознаграждения отпущение грехов на небесах.

Вдруг в углу что-то зашевелилось.

Дункан схватил Эндрю за руку.

— Там что-то есть, — сказал он.

Эндрю, прищурясь, посмотрел в указанном направлении и шикнул.

— Это всего лишь Снупи.*

— Это еще что за нечисть?

— Я его так прозвал, потому что он вечно вынюхивает и выслеживает, не перепадет ли ему чего. Он любит соваться не в свое дело. Конечно, у него есть настоящее имя, но на нем никак сломаешь. А он, похоже, не имеет ничего против того, чтоб зваться Снупи.

* Snoopy (амер. разг.) — вынюхивающий, выслеживающий.

— В один прекрасный день твое многословие тебя погубит, — предупредил Дункан. — Все бы хорошо, но ты так и не сказал, кто это.

— Я думал, вы знаете. Мне казалось, что я уже упоминал о нем. Снупи — гоблин. Из здешних. Настырный он ужасно, и я не очень люблю его, но вообще-то он парень неплохой.

Гоблин подошел к ним. Он был маленький — едва до пояса взрослому мужчине. На нем было все коричневое: остроконечная шапочка и камзол, штаны, туго обтягивающие веретенообразные ноги, сапожки со смешно задранными вверх носками. У него были большие острые уши, а лицом он напоминал лисичку.

Без всяких предисловий он сказал:

— Вот теперь здесь жилой дух. Запах фальшивой святости, который я и мои собратья не переносим, выветривается из него. Наверное, благодаря грифону. Ничего нет лучше грифоньего навоза, чтобы уничтожить запах святости.

— Ты совсем обнаглел! — возмущенно вскричал Эндрю.

— В таком случае, — отвечал Снупи, — я поворачиваюсь и удаляюсь. Прошу прощения, просто я собирался поступить, как хороший сосед.

— Не уходи, пожалуйста, — остановил его Дункан, — подожди минуточку. Не обращай внимания на резкость этого смиренного отшельника. Его взгляды испорчены попытками стать святым и, возможно, не сходятся с его же собственным мнением.

— Вы так полагаете? — спросил Снупи, глядя на Дункана.

— Это вполне возможно. Он говорил мне, что потратил уйму времени, глядя на пламя свечи, а я не уверен, что это правильный путь к достижению святости. Хотя, как ты понимаешь, я не знаток таких вещей.

— По-моему, вы куда разумнее этого высохшего отшельника, — констатировал гоблин. — Если вы дадите мне слово, что удержите его подальше от меня и заставите его держать свою гнусную пасть закрытой, я вернусь к делу, из-за которого пришел.

— Я сделаю все возможное, чтобы удержать его, — пообещал Дункан. — А ты расскажешь мне, что ты собираешься делать.

— Я пришел помочь вам — немного.

— Не слушайте его, — посоветовал Эндрю. — Ничем он вам не поможет, только получите щелчок по носу.

Пожалуйста, дай мне самому разобраться. Да и что случится, если я его выслушаю?

— Вот видите, какой он? — сказал Снупи. — Не понимает человек приличий.

— Прекратили бы вы препираться. Если у тебя есть что сказать, мы будем рады тебя выслушать. Мне кажется, информация нам необходима. Но меня волнует один вопрос, и ты можешь прояснить его.

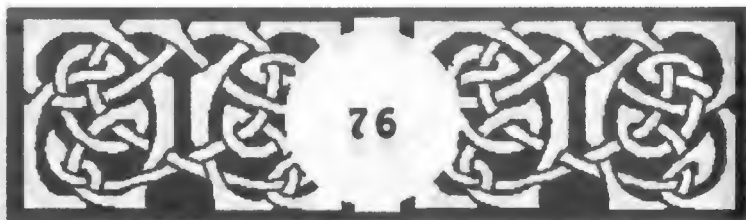
— А что именно вас тревожит?

— Ты, наверное, знаешь, что мы хотим углубиться в Опустошенные Земли, которые сейчас заняты Разрушителями.

— Знаю, — ответил Снупи. — Потому я и здесь. Я могу объяснить вам, какая дорога самая лучшая, и на что вам следует обращать внимание.

— Именно это меня и смущает. С какой стати ты будешь помогать нам против Разрушителей? Мне кажется, что ты больше сродни им, чем людям.

— В какой-то степени вы, может быть, и правы, — согласился Снупи. — но ваши рассуждения слишком поверхностны. По-видимому, вы не вполне знакомы с создавшимся положением. У нас нет причин любить человечество. Мой народ, который мы пренебрежительно кличете маленьким народцем, обосновался в этой стране, — а, строго говоря, и во всем мире, — задолго до появления человека. Вы, люди, пришли и стали грубо прокладывать себе дорогу, не соизволив нас даже заметить. Вы не считали нас разумной формой жизни, вы попирали наши права, вы сметали нас со своего пути, как червей, у вас не было ни вежливости, ни понимания. Вы рубили наши священные деревья, занимали наши священные места. Мы бы охотно

приспособили свой образ жизни к вашему и жили бы с вами в согласии. Мы были готовы к этому даже тогда, когда вы маршировали мимо нас, как надменные завоеватели. Мы владеем тайнами, которыми могли бы поделиться с вами, а вы, возможно, могли взамен дать нам что-нибудь ценное для нас. Но вы не хотели задерживаться для общения с нами. Вы перешагивали через нас, вы нас оттесняли, вы нас заставляли уйти в потаенные места. И в конце концов мы настроились против вас, хотя мало что могли противопоставить вашей злобности и жестокости. В этом отношении нам до вас далеко. Я мог бы продолжить этот перечень, но вам уже ясно, дорогой сэр, почему мы не можем любить вас.

— Ты все четко изложил. Даже если считать, что не всегда твои слова справедливы, одно достоинство у них есть — они отвечают моим сомнениям. Вы ненавидите нас, так почему же ты предлагаешь помощь? Как мы можем доверять тем, кто нас ненавидит?

— Потому что Разрушителей мы ненавидим еще сильнее, — последовал ответ. — Что бы там ни думало ваше глупое человечество. Разрушители не из нашего народа. Мы очень далеки от них. Тому есть несколько причин. Они — воплощенное Зло, а мы — нет. Они живут только ради Зла, а мы — нет. Но поскольку вы, люди, нас с ними путаете, за эти века на мой народ пала тень их скверны. Большую часть того, что делают Разрушители, люди приписывают нам. Есть края, куда мы могли бы перебраться и приспособиться к людям, но Разрушители отрезали нам этот путь, потому что их действия и ваше тупоумие создали нам такую же дурную славу, что и им. Проклиная их, вы заодно проклинаете и нас. Люди, давшие себе труд познакомиться с нами поближе, более умные и сострадательные, не разделяют вашего общего мнения, но таких людей, к сожалению, немного, и голоса их тонут в потоке ненависти, обращенной на нас. От вторжения Разрушителей мы страдаем, как и люди, — может, чуть меньше, потому что у нас есть небольшая колдовская сила, которой мы поделились бы с человечеством,

или бы оно захотело принять нас. Разрушителей мы ненавидим больше, чем людей, и именно поэтому хотим помочь вам.

— Не сходите с ума, не верьте ему, — вмешался Эндрю. — Он введет вас в засаду. Я не очень-то верю в их ненависть к Разрушителям, хотя он и помог мне однажды против них. И все-таки не доверяю я этой породе.

Дункан, не глядя на Эндрю, спросил Снупи:

— Откуда же взялись Разрушители? Известно ли их происхождение?

— Впервые они появились тысяч двадцать лет назад, а может, и пораньше. Так говорится в наших легендах, а наш народ заботится о том, чтобы сказания переходили от поколения к поколению без всяких искажений. Сначала Разрушителей было очень мало, но шли столетия, и их становилось все больше. Пока их еще было немного, у нас была возможность разубедиться, что это за народ. Видя, какое зло они несут, мы старались, по мере возможности, защищаться. Я думаю, то же происходило и с первыми людьми, существовавшими в те далекие времена. Только люди не обладают колдовской силой, и они мало что могли сделать для своей защиты. Досадно, что очень немногие из тех людей смогли понять и принять нас, а большинство не делало различий между нами и теми, кого вы теперь зовете Разрушителями, а раньше, на протяжении веков, они имели и другие имена.

— Ты сказал, они впервые появились двести веков назад. А как они появились?

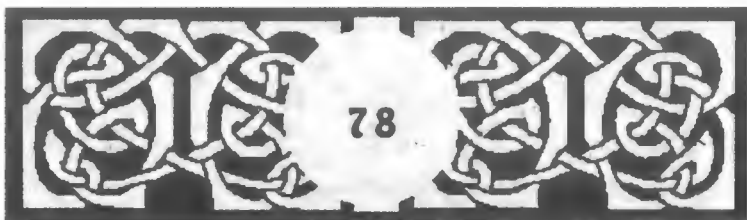
— Они просто пришли, и все.

— Но откуда они пришли?

— Одни говорили, что Разрушители пришли с неба. Другие считали, что они вышли из-под земли, где находились в заточении, но то ли они разбили оковы, то ли срок их наказания мишел.

— Но ведь не могут они все принадлежать к одной расе. Я слышал, что все они разных форм и размеров.

— Правильно. Это не раса. Это — рой

— Не понимаю.

— Рой, — нетерпеливо повторил Снупи. — Вы что, не знаете, что такое рой?

— Он говорит на своем языке, — вмешался Эндрю. — У него много таких слов и понятий, что человеку и не разобраться.

— Ладно, оставим это. Важно то, что он сказал нам.

— И вы ему верите?

— Я склонен ему верить. Во всяком случае, то, что он расскажет, для нас важно.

— Я могу указать вам наиболее безопасную дорогу, — предложил Снупи. — Я могу нарисовать карту. В одном из приделов есть пергамент и чернила.

— Да, мы знаем.

— Это помещение, — заявил Снупи, — в котором, сменяя друг друга, годами сидели трясущиеся священники, делают ненужные записи незначительных жизненных событий.

— Я как раз только что просматривал некоторые из этих записей, — отозвался Дункан.

Снупи направился в нужный придел. Дункан за ним, Конрад занял свое место рядом с Дунканом, а Эндрю недовольно тащился сзади всех.

Снупи взобрался на стол и неуклюжими пальцами стал перебирать листы пергамента, пока не нашел такой, где оставалось чистое место. Он аккуратно разложил пергамент на столе, сунул перо в чернила и вывел букву х.

— Мы здесь, — пояснил он. — Это путь на север, — и он нацарапал стрелку. — Вы идете отсюда прямо на юг, вниз по долине, чуть-чуть к западу. Здесь вы сможете пройти незамеченными. Не спускайте глаз с холмов — там могут быть часовые, но они вряд ли нападут на вас, скорее только поднимут тревогу. Милых в сорока отсюда есть поток, впадающий в болото. Не совсем болото — топкая местность с густой растительностью... Топь.

— Не нравится мне это, — сказал Конрад.

— Вы проберетесь по левому краю топи. Слева от вас будут высокие утесы, между ними и болотом — узкая полоса.

— Мы можем попасть в болото, — возразил Конрад. — Там, может, даже встать негде.

— Через болото они на вас не пойдут, — ответил Снупи, — а утесы высокие и неприступные. Они будут преградой для вас, но и ваши враги через них не переберутся.

— Там могут быть драконы, гарпии и прочие летающие твари. Снупи пожал плечами.

— Их немного, и вы их перебьете. Если Разрушители нападут на земле, то либо спереди, либо сзади, так что фронт атаки будет узкий. Обойти вас сбоку они не смогут.

— И мне это тоже не нравится, — проговорил Дункан. — А нет ли другого пути, господин гоблин?

— Есть, но он на много миль длиннее, а главное — тяжелее: вверх и вниз по холмам. Легко заблудиться.

— Но здесь очень уж опасно.

— Конечно, опасно, но зато они не предполагают, что вы пойдете этой дорогой. Если вы двинетесь ночью и под прикрытием...

Дункан покачал головой.

— Но ведь безопасных мест здесь не осталось, — сказал гоблин. — Во всей Опустошенной Земле.

— Если ты бывал там, — предложил Конрад, — может, пойдешь с нами?

— Я принимаю вызов и пойду с вами, — ответил Снупи. — Рискну своей шеей, как вы — вашими.

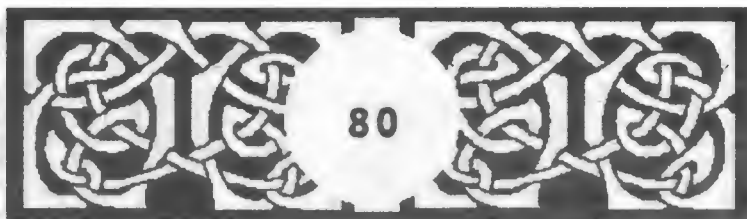
— Господи, помилуй, — усмехнулся Дункан. — Отшельник, дух, гоблин. Мы превращаемся в армию.

— Идя с вами, я только демонстрирую свои убеждения.

— Понятно, — согласился Дункан. — Я верю тебе.

— Ниже этой дороги между топью и утесами будет глубокое ущелье, разлом в утесах, идущий через холмы. Расстояние небольшое, миль пять.

— Это ловушка, — сказал Конрад. — Шкурой чую.

— Как только вы выйдете из ущелья, вам покажется, что вы в красивой долине. Но там стоит замок.

— Я с тобой рядом буду, — предупредил Конрад. — Попадём в западню, шею тебе сверну.

Гоблин пожал плечами.

— Чего плечами пожимаешь? Может, хочешь ходить со свернутой шеей?

Снупи раздраженно сунул перо в чернильницу. На пергаменте появилась клякса.

— Мне трудно понять, — заметил Дункан, — почему ты сначала нарисовал нам карту, а потом решил идти с нами. Зачем тогда карта? Ты бы сразу сказал, что пойдешь с нами и покажешь дорогу.

— Сначала я не собирался идти с вами, а просто подумал о карте. А когда зашла речь о моей искренности, я решил, что должен пойти с вами, потому что иначе вы мне не поверите.

— Правда нужна, а не доверие, — сказал Конрад.

— Одно без другого не бывает, — ответил гоблин.

— Ладно, — продолжил Дункан, — давай дальше. Ты говорил, что там замок.

— Древний замок. замшелый, вот-вот развалится. Камни еле держатся. Очень ветхий замок. Остерегайтесь его. Не подходите близко и ни в коем случае не входите. Это тоже Зло. Хотя иного рода, чем у Разрушителей.

— Выкиньте вы все это из головы, — вмешался отшельник. — Он выдаст нас убийцам или еще кому похуже. Нельзя ему верить.

— Запомните мой рассказ, — проговорил Снупи. — Я сказал все, что мог. Я пытался помочь. Если вы пойдете завтра утром, вы найдете меня здесь.

Он соскочил со стола и ушел.

В придел вошел Тайни, осторожно и быстро ступая, подошел к Конраду и дружески прижался к нему. Из церкви доносилось тихое посапывание Дэниела и перестук его копыт.

— Ну? — спросил Эндрю.

— Не знаю, — ответил Дункан. — Подумаем. Что-то делать надо. Не оставаться же нам здесь!

Он обернулся к Конраду.

— А ты меня удивил. Я думал, что ты первый поверишь ему. Дома ты много общался с маленьким народцем. Ты ходил по лесам, и маленький народец с тобой беседовал. Мне кажется, мы друг друга понимали. Ты сам на днях сетовал, что мы их здесь не встречаем, и опасался, что Разрушители прогнали их.

— Это правда, — согласился Конрад, — у меня много друзей среди них. Но мы должны быть уверены в этом гоблине.

— И поэтому ты обещал свернуть ему шею, если мы по его вине попадем в беду?

— Это чтоб лучше дошло. Он наверняка понял как надо.

— Ну, так что же ты думаешь?

— Думаю, милорд, что верить ему можно. Я просто хотел, чтобы он помнил: тут дело серьезное, не игрушки. Маленький народец любит шутки шутить, даже с друзьями. Я хотел быть уверен, что тут не будет подвоха.

— Не станет он в такой ситуации разыгрывать глупые шутки.

— Ошибаетесь, — возразил Эндрю. — У них всегда шутки, иной раз и злые. Во всяком случае, я с него глаз не спущу. Если ему Конрад не свернет шею, то я, ежели понадобится, вышибу из него мозги своим посохом!

Глава 9

Да. — подумал Дункан, вернувшись из церкви, — дольше здесь оставаться нельзя. Мы теряем драгоценное время.

Он сидел, прислонившись к стене, до пояса укрытый плотным одеялом. Тайни лежал поперек входа. Снаружи за стеной паслись Дэниел и Бьюти. В углу громко храпел Конрад. Эндрю завернулся в одеяло на своем матрасе и что-то бормотал во сне. Дух просто исчез.

Дункан думал, что они с Конрадом могут, конечно, вернуться обратно в Стэндиш-Хауз, и никто их за это не упрекнет. Предполагалось, что они смогут пройти быстро и незаметно, а это, как выяснилось, сделать невозможно. Так уж сложились обстоятельства.

Столкновение с безволосыми показало, что об отряде Дункана известно. Ривер, пустившийся по их следам, вероятно, насторожил Разрушителей.

Дункану хотелось бы знать, где теперь Ривер и его люди. И ему не нравилось происходящее. Не нравилось положение вещей. Все пошло наперекосяк.

Подумав, он решил, что больше всего недоволен своими добровольцами. Дух, конечно, недостаточно хорош, но что с этим поделаешь? Отшельник того хуже: старый ворчун, который лезет не в свое дело, и труслив впридачу. Говорит, что хочет быть воином Господним, и на это возразить нечего, но с ним только свяжись, и будет путаться под ногами на каждом шагу. А что делать? Сказать ему, чтобы отцепился, что он ни к чему, — и это после того, как попользовались его гостеприимством?

А может, нечего беспокоиться? Десять против одного, что отшельник сам отступится, и в последний момент у него найдутся важные причины не уходить отсюда. А гоблин Снупи?

Нполене возможно, что и он ненадежен, хотя вроде бы доказал, что дело касается его лично. Придется за ним прислеживать. Этим займется Конрад, которого Снупи, кажется, побаивается, и правильно делает. Конрад совсем не шутил, когда обещал свернуть гоблину шею. Конрад вообще никогда не шутит.

Так что же делать? Идти вперед или вернуться? Их никто не обязывал рисковать сверх меры и совать голову в петлю. Но ставка очень высока. Старый ученый из Оксенфорда должен увидеть рукопись. Если они сейчас вернутся, он ее уже не увидит никогда, он слишком стар.

Думая обо всем этом, Дункан вспомнил еще кое-что из сказанного архиепископом. Свет уходит, — говорил тот, — уходит из всей Европы. Я чувствую, что мы снова погружаемся в древнюю тьму.

В болтовне архиепископа иногда проскальзывали ханжеские нотки, но он вовсе не был глуп. Если он торжественно заявил, что свет уходит, то можно предположить, что это так и есть: свет уйдет и вползет древний мрак.

Святой отец не сказал, каким образом можно сдержать приход тьмы, доказав подлинность рукописи, но Дункан сейчас и сам понял: если будет точно доказано, что Человек по имени Иисус действительно жил две тысячи лет назад и говорил то, что передано нам как Его слова, и умер так, как повествуется в Евангелии, тогда Церковь снова станет сильной, а у сильной Церкви хватит власти разогнать тьму. Ведь две тысячи лет Церковь была великой силой, призывала к порядочности и состраданию, твердо стояла среди хаоса, протягивая людям соломинку надежды, за которую они могли уцепиться перед лицом кажущейся безнадежности.

А что, если, — думал Дункан, — этот ученый из Оксенфорда посмотрит рукопись и скажет, что это подделка, грубый обман человечества? Дункан зажмурился и потряс головой: о таком нельзя и думать, должна же оставаться какая-то вера. Откровенно говоря, дело с манускриптом было рискованной игрой, но надо закончить партию.

Дункан лег, повернувшись к стене.

Он не был чересчур набожным, но все-таки принадлежал к Церкви, хотя бы как сын своего отца. Почти сорок поколений его предков были христианами того или иного толка. Одни были набожны, другие не очень, но все были христианами, людьми, которые устояли против насмешек и издевательств языческого мира. И теперь, наконец, появилась возможность сразиться во славу Христа, возможность, которой не имел ни один Стэндиш. Подумав об этом, Дункан понял, что просто не может уклониться от возложенной на него миссии. Он должен идти вперед. Вера его, пусть и невеликая, была частью Дункана, в крови и в плоти его, и отказаться от нее было невозможно.

Глава 10

Снупи в церкви не оказалось. Они искали его, подождали, пробовали звать, но он не появился, и пришлось отправляться без него.

Тайни шел впереди, за ним Конрад, потом отшельник с Бьюти, а Дункан с Дэниелом замыкали шествие.

Эндрю не переставал возмущаться гоблином.

— Радуйтесь, что он скрылся, — повторял он Дункану. — Говорил я, что ему нельзя верить. Ни в ком из них нет правды. Ненадежный народец.

— Будь он с нами, мы бы с него глаз не спускали.

— С него-то да. Хотя он, чертяка, хитрый. Может уйти и прийти так, что вы и не заметите. А чего уж говорить о других?

— О ком?

— О других гоблинах. О разных там гномах, чертенятах, баньши, троллях, эльфах и прочих

— Неужели их так много?

— Полно, как блох на собаке, и все вредины. И все нас ненавидят

— Но Снупи сказал, что Разрушителей они ненавидят больше.

— На вашем месте, — сказал отшельник, — я бы не давал голову на отсечение, что это правда, а мы сейчас рискуем именно головой.

— Однако Снупи сказал, что это самый легкий и короткий путь, и ты не спорил.

— Гоблин был прав. Этот путь самый легкий, но будет ли он самым безопасным — это мы еще посмотрим.

Они шли по долине, поросшей лесом. По камням журчал ручей, берущий начало неподалеку от пещеры Эндрю. Духа не было видно, хотя Дункан иногда улавливал нечто вроде мерцания между деревьями на холмах.

— Ты Духа видел? — спросил он Эндрю. — Пошел он с нами?

— Откуда я знаю, — проворчал отшельник. — Кто может знать, что делает Дух?

— Если тебе тут не нравится, почему бы тебе не вернуться? — спросил Дункан.

— Мало ли что мне не нравится, но это единственная возможность для меня стать воином Господним. Если я упущу ее, другой никогда не будет.

— Ну, как знаешь.

В полдень они остановились немного отдохнуть и перекусить.

— Почему вы не едете на лошади? — спросил Эндрю. — Если б у меня была лошадь, я поберег бы ноги.

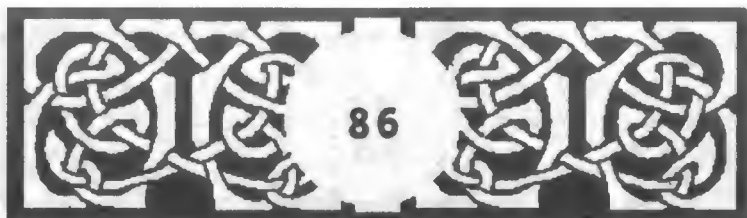
— Я поеду, когда настанет время.

— А когда это будет?

— Когда мы вместе с Дэниелом пойдем в бой. Это не верховая лошадь, а боевой конь для сражений. Он будет сражаться со мной и даже без меня.

Эндрю что-то пробурчал. Он ворчал с самого начала, с тех пор, как они вышли в путь.

— Мне не нравится, что слишком тихо, — заметил Конрад.

— Ну, и радовался бы, — отозвался Эндрю.

— Тайни предупредит, если кто-нибудь появится, — ответил Дункан.

— Они знают, что мы здесь, и поджидают, — сказал Конрад.

Когда они вновь тронулись, Дункан отметил, что стал менее насторожен, чем утром. Долина выглядела такой красивой и мирной, несмотря на сгоревшие усадьбы и полное отсутствие признаков жизни. Он ругнул себя за то, что расслабился, ведь с неожиданностью можно было столкнуться в любую минуту. Но Тайни впереди, разведывает дорогу, и в случае чего известит их.

Тут Дункан заметил, что чаще поглядывает на небо, чем на окружающие холмы, и сообразил, что высматривает Диану и ее грифона. Куда она пропала и, что еще важнее, почему? Кто она? Было что-то непонятное в ее интересе к колдуну Вольферту, умершему сто лет назад.

Скорее всего, дело не в Вольферте, а в той игрушке, и Диана искала именно эту вещь, хотя и не призналась в этом. Он ощущал вес безделушки, лежащей в сумке на поясе. Да, Диана наверняка искала это. Кости Вольферта никому не нужны. Может, если бы он, Дункан, как следует осмотрел эту вещицу, он смог бы понять, для чего она предназначена.

Хотя, кто знает, может, и лучше, что он ее не разглядывал. Эндрю назвал ее бесовской механикой, и такое восприятие естественно для отшельника, но вряд ли с этим стоило соглашаться. Если это действительно машина, — бесовская или нет, — то Дункан Стэндиш ничего в машинах не понимал и утешал себя тем, что не он один.

Все остановились: к ним, спотыкаясь, прихрамывая и громко стелая, шла какая-то старуха, которую подгонял Тайни.

— Тайни кого-то поймал, — с удовлетворением сообщил Конрад.

Дункан подошел к Конраду.

Старуха доковыляла до них и плюхнулась на землю, раз-метав свои лохмотья. По виду она была сущей ведьмой: из

острого крючковатого носа торчали волосы, похожие на паучьи лапы, на подбородке волос росло еще больше, во рту у нее было не больше шести зубов, на глаза падали седые космы.

— Уберите пса, — верещала она. — Он гнал меня, как корову. Правда, вежливо, ничего не скажешь: он не выдрал ни клочка из моего несчастного тела, а я догадываюсь, что мог бы. Но он выставил меня из грязной норы, которая была моим домом, и погнал по долине. Мне это не нравится. Я не хочу, чтобы меня пасли. Если бы у меня осталась хоть десятая часть былой власти, я бы разодрала эту собаку в клочья. Но теперь у меня нет никакой власти. У меня отняли все, что я собрала — и совиную кровь, и мозги летучей мыши, и глаза тритона, и жабую кожу, и пепел сожженной ведьмы, и зуб собаки, укусившей священника...

— Постой-ка, бабуля, — остановил ее Дункан. — Кто отнял у тебя твои сокровища?

— Разрушители, ясное дело. Не только отняли, но еще и гнусно смеялись надо мной. Да, гнусно! А потом выволокли меня и подожгли мою хижину.

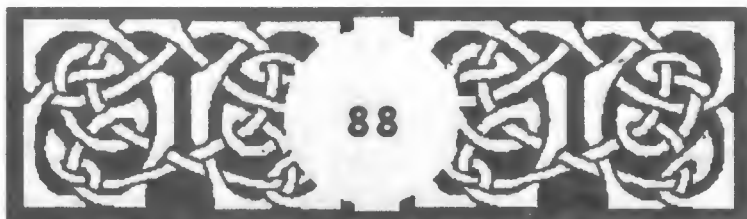
— Повезло тебе, — заметил Эндрю. — Могли повесить или бросить в огонь.

Она с отвращением плюнула на землю.

— Скоты! Негодяи! Ведь я почти что одна из них. Почти что ихняя. И еще опозорили меня, да, да! Сказали, что я не стою ни веревки, ни того беспокойства, которое причиню огню.

— Ну и радуйся, что тебя только опозорили, — посоветовал Эндрю. — Лучше позор, чем смерть.

— Я столько трудилась, — причitala она, — годы и годы. Я создавала себе репутацию профессиональной ведьмы, на которую клиенты могут положиться. Я изучала каббалу и практиковалась, бесконечно практиковалась, чтобы достичь совершенства. Я много работала и без усталости собирала нужные материалы. Подумать страшно, сколько ночей я провела на кладбищах, собирая плесень с могил...

— Ты и впрямь себя не жалела, чтобы стать ведьмой. — усмехнулся Конрад.

— Я и была ею, мальчик мой. Я была честной ведьмой, а честных ведьм не так много. Злых — сколько хочешь. Правда, ведьме приходится иметь в себе немного зла, иначе она не будет ведьмой. Так что я хоть и злая, но честная. — Она посмотрела на Дункана. — А теперь, сэр, не собираетесь ли вы разрубить меня этим большим мечом?

— Нет, не собираюсь. Другую ведьму, может, и разрубил бы, но честную — нет.

— А что вы сделаете со мной? Раз ваша собака пригнала меня сюда, что вы со мной сделаете?

— Сначала накормлю, — ответил Дункан. — Этого тебе, наверное, здорово не хватает. Почему бы и не быть вежливым с честной ведьмой, для которой настали тяжелые времена?

— Пожалеете вы о своей вежливости, — сказал Дункану Эндрю. — С ведьмой якшаться — на беду нарваться.

— Ну, эта вряд ли останется ведьмой, — возразил Дункан. — Ты же слышал, что она лишилась всех своих колдовских принадлежностей. Ей не с чем работать.

Тайни сидел и насмешливо смотрел на ведьму. Вид у него был такой, словно он разглядывает свою собственность.

— Возьмите от меня этого страшного зверя, — попросила ведьма. — Хоть он и прикидывается, что смотрит с юмором, но глаз у него злой.

— Тайни пес не злой, — возразил Конрад. — Вредности в нем нет. Иначе ты уже была бы без руки или без ноги.

Женщина оперлась руками о землю и попыталась встать.

— Давай, — сказал Конрад.

Он протянул руку. Ведьма ухватилась за нее, и Конрад поставил женщину на ноги. Она встряхнулась, поправляя лохмотья.

— Вы оба настоящие джентльмены, — сказала она. — Один не стал рубить меня мечом, а другой помог встать. Старая Мэг благодарит вас. — Она быстро взглянула на Эндрю. — А вот

насчет него я еще не знаю. В лучшем случае у него просто странный характер.

— Не обращай на него внимания, — сказал Дункан. — Он упрямый старый отшельник, и у него был нелегкий день.

— Не люблю ведьм, честно скажу, — проворчал Эндрю. — Ведьм, гоблинов, колдунов и прочих. Слишком их много в мире, где мы живем. Без них-то было бы куда лучше.

— Вы говорили что-то насчет еды, — напомнила ведьма.

— Нам осталось идти часа два, пока светло, — ответил Дункан. — Если ты в состоянии дотерпеть...

— У меня кусочек сыра есть, — предложил Эндрю. — Я захватил его на случай, если ослабею. Если она хочет, то пожалуйста, я отдам.

— Но, Эндрю, я думал...

— Женщине, — сказал Эндрю, — а не ведьме. Всякому человеку.

Он достал кусок сыра, и она его приняла застенчиво, поскольку ведьма вообще может быть застенчивой.

— Да будет на тебе мое благословение.

Без твоих благословений обойдусь, — отрезал Эндрю.

Глава 11

Перед заходом солнца они остановились, собрали хворост, развели костер и принесли воды.

— Сидеть без огня смысла нет, — решил Дункан. — Если поблизости есть кто-нибудь, он и так о нас знает.

Конрад, присев у костра, разгреб горячие угли, напек овсяных лепешек и поджарил ломтики бекона. Они расположились лагерем у рощицы возле небольшого ручья. Пока они ели, совсем стемнело: Вскоре появился Дух.

— Вот ты где, — встретил его Эндрю. — А мы-то думали, не случилось ли чего с тобой.

— Мне было очень страшно, — ответил Дух. — Я обследовал местность при дневном свете, который, между прочим, мне весьма неприятен.

— И далеко ты забрался? — спросил Дункан.

— До начала топи. А дальше лезть не рискнул. Там самое место для привидений.

— Ты же сам привидение, — напомнил Конрад.

— Я дух, а не привидение. Это разные вещи.

— И конечно же, ты ничего не видел. Тайни тоже весь день был в разведке.

— Я видел тех, кого вы называете безволосыми, — сообщил Дух. — Их очень немного. В нескольких милях к востоку несколько небольших отрядов. Они идут с той же скоростью, что и вы, и в том же направлении.

— Как же Тайни их не заметил?

— Я двигаюсь быстрее собаки, выше холмов и долин. Хотя мне и страшно, очень страшно. Не положено духу быть в открытой местности.

— Может, они не знают, что мы здесь, — предположил Эндрю.

Дункан покачал головой.

— Боюсь, что знают. Иначе бы они шли по этой же дороге на восток, а не лазали бы вверх и вниз по холмам. Я подозреваю, что они гонят нас, как стадо, только не так явно, как скажем, Тайни пригнал ведьму. Они знают, что мы не можем идти на запад из-за болот, и уверены, что мы никуда не свернем.

Мэг дернула Дункана за рукав.

— Сэр, тут есть и другие.

— Что за другие, бабушка?

— Другие, не безволосые. Они близко. И гнусно радуются предвкушая вашу гибель.

— Был бы кто рядом, — возразил Конрад. — Тайни знает и предупредил.

Тайни лежал у костра, положив морду на лапы, и не подавал виду, что о чем-нибудь знает.

Этих собака может и не учуять, — сказала Мэг. — Вы здесь имеете дело с чем-то более неуловимым, с более злобными и коварными созданиями, чем те, с которыми люди встречались обычно. Эти...

— Ривер говорил о демонах и чертях, — перебил Конрад. — Он должен знать, он же сражался с ними.

— Он лишь употреблял слова, которые знает, — пояснила Мэг. — У него нет названий для тех, кого видишь не так часто, как демонов и чертей. Конечно, возможно, что там были именно демоны и черти, потому что за Ордой увязываются многие. Все обычное зло присоединяется к Орде, как ополчение собирается и следует за армией.

— Но ты же не присоединилась к ним, — заметил Дункан, — а говорила, что и в тебе есть зло. Немного зла, иначе, как ты сказала, ты вообще не была бы ведьмой.

— Ты угадал. Я только пыталась быть злой. Если бы я могла, я была бы злой. Будь я злой, силы у меня было бы больше. Но я только пыталась. Иногда я считала себя злее, чем была на самом деле, и я не испугалась, когда пришла Орда. Я думала, что они признают меня и либо оставят в покое, либо научат большему злу, но они не сделали ни того, ни другого. Они украли все мои амулеты, сожгли мою лачугу, а меня выгнали пинками. Это было так невежливо, ведь я изо всех сил старалась быть не хуже их.

— А ты не стыдилась, что ищешь зла? Превратиться в родоточие зла — тебе это казалось нормальным?

— Так ведь только для того, чтобы лучше выполнять свою работу, — нимало не смутилась Мэг. — Если человек берется за дело, он должен делать его как можно лучше, куда бы его ни завело мастерство.

— Не уверен, что до конца согласен с тобой, — сказал Дункан.

— Я знал, что ты не злая, — вмешался Конрад, — как только глянул на тебя. В твоих глазах нет зла. Его в тебе не больше, чем в гоблине или гноме.

— Многие считают, — возразил Эндрю, — что в гоблинах и гномах нечто злое есть.

— Нет, — настаивал Конрад. — Правда, маленький народок отличается от нас и кое-какое колдовство знает, не то что мы.

— Я жил бы спокойнее без их кое-какого колдовства, — проворчал Эндрю. — Этим своим колдовством они мне смерти надоели.

— Ты сказала, — обратился Дункан к Мэг, — что поблизости находится кто-то из армии великого Зла. А собака, значить, почуять их не может?

— Насчет собаки не знаю. Почуять их она может, но, зная, что это, не насторожится, просто не обратит на них внимания. Зато старая Мэг их чует, хоть и слабо, и знает, что они такое.

— Ты в этом уверена?

— Уверена.

— В таком случае мы не можем рассчитывать на Тайну и оставить его на страже одного, как обычно. Придется дежурить самим. Я буду первым, Конрад — вторым.

— А меня вы не считаете? — сердито спросил Эндрю. — Я требую права участвовать в дежурстве. Я же, в конце концов, воин Господень и разделяю опасности с вами.

— Ты будешь отдыхать, — распорядился Дункан. — День был тяжелый.

— Не тяжелее, чем для вас с Конрадом.

— И все-таки ты пойдешь спать, а то вдруг мы задержимся из-за тебя. Твоя голова должна быть ясной, чтобы показывать путь, если понадобится.

— Да, — согласился Эндрю, — дорогу-то я знаю, потому что много раз ходил по ней, когда был помоложе. Но ее любой дурак найдет.

— Тем не менее ты будешь отдыхать.

Эндрю больше не спорил и сел у костра, что-то бормоча. Уснул он последним. Конрад натянул на себя одеяло и почти сразу же захрапел. Мэг свернулась клубочком рядом с седлом.

и выюками и уснула как младенец, иногда всхлипывая во сне. По другую сторону лег Дэниел. Бьюти спала стоя, опустив голову почти до земли. Тайни подремывал у костра и время от времени прохаживался вокруг лагеря, разминаясь и слегка ворча, но ничто, казалось, не привлекало его внимания.

Дункан сидел у огня рядом с Тайни.

Спать не хотелось. Он был напряжен до предела, и сбросить это напряжение ему не удавалось. Ничего удивительного, — думал он, — ведь Мэг сказала, что Зло рядом. Но сам Дункан не ощущал его. Во всяком случае, это Зло не шуршало в кустах и вообще не шумело. Он внимательно прислушивался, ожидая услышать шаги — лап или копыт —, но ничего подобного не слышал.

Земля тонула в жидком лунном свете, не было ни ветерка, ни шороха листьев. Единственным звуком было тихое журчанье воды в ручье. Раз или два до Дункана долетел совиный крик, очень издалека.

Дункан прикоснулся к мешочку на поясе и услышал легкий шелест пергамента.

Ради этой хрупкой вещи он и другие — хотя никто, кроме Нюирада, не знал о пергаменте — зашли в глубь Опустошенных земель, где один Бог знает, что их ждет.

Хрупкая и магическая вещь. Магическая, если будет доказана ее подлинность. Церковь станет сильнее, больше будет веры, и мир, может быть, улучшится.

У Орды злая магия, у маленького народца — маленькая магия. Но эти листы пергамента могут, в конечном счете, стать самой великой магией. Дункан склонил голову и стал молиться, чтобы так было.

Молитва была прервана какими-то звуками, но он не сразу понял, что это. Звуки были далекими и какими-то приглушенными. Топот копыт, явно конских, и собачий лай. Звуки были громкие, но отчетливые. Иногда вроде бы слышался окрик человека.

Но странная вещь: звуки эти доносились как будто с неба. Дункан посмотрел вверх, на усыпанное звездами, омытое луной небо, но ничего не увидел. Однако звук шел явно оттуда.

Прошло несколько минут, все исчезло, тишина снова сомкнулась над Дунканом.

Дункан, вставший было, снова сел.

Тайни тихонько ворчал, подняв морду. Дункан погладил собаку.

— Ты тоже слышал? — сказал он.

Тайни перестал ворчать и снова лег.

Немного погодя, Дункан встал и пошел к ручью напиться. Когда он наклонился, в ручье плеснула рыба. Он подумал, что это, возможно, форель. Если утром будет время, надо попробовать наловить на завтрак рыбы. Но стоит ли тратить время? Чем скорее они пройдут Опустошенные Земли, тем лучше.

Когда луна заметно склонилась к западу, он разбудил Конрада. Тот проворно вскочил, будто и не спал вовсе.

— Все в порядке, милорд?

— Все хорошо. Ни звука не было. •

Дункан не стал говорить о стуке копыт и лае собак, так как решил, что это прозвучит глупо.

— Разбуди меня пораньше, — сказал он. — Я попробую наловить форели.

Он положил под голову свернутый плащ, натянул на себя одеяло и, повернувшись на спину, стал глядеть в небо. Его пальцы вновь нащупали на поясе мешочек из оленьей кожи, в котором зашуршал пергамент. Дункан крепко закрыл глаза, заставляя себя заснуть, и увидел сцену, которую не понял сразу. Потом он сообразил, что это рисует ему его воображение. Он попытался отогнать картины, возникавшие в мозгу, но они не желали исчезнуть. Он мысленно видел крадущегося человека, который старался разглядеть и расслышать все, что сумеет, от группки людей, собравшихся вокруг высокой фигуры святого. Все эти люди были молоды, но слишком суровы для своего возраста, слишком торжественны, со странным светом

и глазах. Они были из простого народа, так как одеты были в поношенную рваную одежду. Некоторые были в сандалиях, жестяные босы.

Иногда вокруг них собиралась толпа, глядевшая на святого и слушающая его слова, иногда отряд был один.

И всегда у края толпы или в нескольких шагах от маленькой группы была эта крадущаяся фигура. Она мелькала повсюду, никогда не оказываясь среди группы, но всегда поблизости, настораживая уши, чтобы уловить каждое слово, и светлые, острые, как у ласки, глаза человека, шуря от яркого солнца, внимательно наблюдали, стараясь не пропустить ни малейшего движения. Затем, скорчившись за валуном или у маленького костра в ночи, человек записывал все, что видел и слышал. Писал он мелко, используя малейший клочок белизны, чтобы хватило пергамента, сосредоточенно сжимая тонкие губы и гримасничая в своем старании описать точными словами все, чему он был свидетелем.

Дункан безуспешно пытался разглядеть, кто этот человек, заглянуть ему в лицо, но не сумел: оно все время было в тени или отворачивалось как раз тогда, когда Дункану казалось, что он вот-вот увидит его.

Человек был маленького роста, довольно коренастый, с исцарапанными об камни босыми ногами. Пыльные лохмотья едва прикрывали худое тело. Длинные нечесанные волосы, запущенная борода. Он был не из тех, кто привлекает внимание. Он был никаким, он терялся в толпе. Дункан шел за ним, как собака по следу, обходил его кругом, чтобы встретиться с ним лицом к лицу, но каждый раз терпел неудачу. Человек старался держаться на расстоянии, а оказавшись рядом, немедленно отворачивался, словно догадывался о преследовании. Но и в этом Дункан не мог быть уверен, поскольку не уловил никаких признаков того, что человек о нем знает.

Затем кто-то потряс Дункана и шепотом посоветовал не нарушать тишину.

Дункан открыл глаза и сел. Перед ним на корточках сидел Конрад и указывал пальцем в темноту, окружавшую костер. Там, на границе света и тьмы, стоял Тайни, напряженно устремленный вперед, словно натянувший поводок, и негромко рычал, оскалив клыки.

Из темноты сверкали два широко расставленных шара зеленого огня, а между ними — лягушачий рот, обсаженный по краям блестящими зубами, а вокруг всего этого — шаров и пасти — нечто вроде лица, столь отвратительного, что мозг отказывался принять его, не в силах поверить, что такое может существовать. Рот был, как у лягушки, но морда совсем другая: вся в углах и острых гранях, а наверху что-то вроде гребня. Из рта капала слюна.

Существо явно было голодно и желало подойти к костру, но его удерживало то ли рычание Тайни, то ли что-то еще.

Дункан увидел существо на одну секунду, затем оно исчезло, растворилось. Сначала растаяли зеленые шары и зубы, секундой дольше держались очертания морды, вернее, намек на очертания, затем исчезло все.

Тайни быстро шагнул вперед, продолжая рычать.

— Нет, Тайни, — шепнул Конрад. — Не надо.

Дункан вскочил.

— Они появились за последний час, — объяснил Конрад, — подкрались в темноте. Но этого я увидел впервые.

— Почему ты не разбудил меня?

— Нужды не было, милорд. Мы с Тайни следили. Они только смотрели на нас, больше ничего.

— Много их, кроме этого?

— Не один, думаю, но и не много.

Дункан подбросил хвороста в огонь. Тайни обошел костер кругом.

— Иди сюда и успокойся, — подозвал Конрад собаку. — Сегодня их больше не будет.

— Откуда ты знаешь, что больше не будет?

— Они просто смотрели на нас, но решили сегодня за нас не браться. Может, потом...

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю, догадываюсь. Кожей чую.

— Они что-то замышляют.

— Возможно.

— Конрад, ты не хотел бы вернуться обратно?

Конрад угрюмо ухмыльнулся.

— Как раз тогда, когда они ушли по-хорошему?

— Я хотел сказать, — пояснил Дункан, — что здесь опасно. Мне вовсе не хочется вести всех вас на смерть.

— А вы, милорд?

— Я, конечно, пойду дальше. Я должен это сделать, хотя бы и в одиночку. Но я не требую, чтобы остальные...

— Старый лорд велел мне заботиться о вас, — прервал Конрад. — Он с меня живьем спустит шкуру, если я вернусь один.

— Знаю. Так было с тех пор, как мы были мальчишками.

— Может, отшельник захочет вернуться. Скулит всю дорогу.

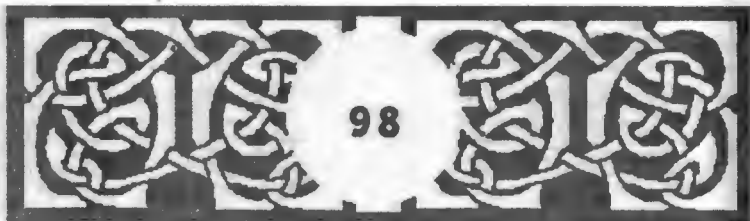
— Отшельник, — сказал Дункан, — провозгласил себя воинном Господним. Ему нужно как-то восстановить самоуважение. Он чувствует, что отшельник из него не получился. И хотя он труслив и неумен, но без нас обратно не пойдет.

— Значит, идем вперед. Три соратника. А с ведьмой как?

— Пусть сама решает. Ей нечего терять, куда бы она ни пошла. Когда мы ее нашли, у нее не было ничего.

Итак, что бы ни говорил Дух, за ними следят и идут по их следу не только безволосые. Мэг была права: поблизости были и другие. Видимо, они были тут и во время вахты Дункана, только он не чувствовал этого. Более того — и Тайни не почуял. А вот ведьма знала. Странно, что ее это не очень встревожило: свернулась у вьюков и спит себе. Может, она чувствовала, что нападения не будет? Откуда ей было знать? Дункан удивлялся этому. И почему они действительно не напали? Все люди

Братство талисмана

сгрудились у костра, выскочить из темноты — и все. Такому маленькому отряду не выстоять.

А как им выстоять в следующий раз? Ясно, что в конце концов Разрушители перебьют их. Надо быть бдительными, но одной бдительности все равно мало. Часть Разрушителей погибнет, но остальные закончат дело.

И все-таки назад он не повернет. У него есть талисман, в котором, может быть, заключены все молнии мира, и они разобьют древнюю тьму. А если он не повернет назад, не повернут ни Конрад, ни отшельник.

Близился рассвет. Темнота рассеялась, уже можно было разглядеть тропинки в лесу. Над лагерем пролетело несколько уток.

— Конрад, ты не замечаешь ничего странного? — спросил Дункан.

— А что?

— Как выглядит это место. Все как-то исказилось, стало не так, как вечером.

— Свет, — предположил Конрад. — На рассвете все выглядит иначе.

Нет, — подумал Дункан, — дело не в свете. Он пытался понять, что именно не так, но не мог. Не было ничего определенного, на что можно было бы указать пальцем. Тем не менее все было не так. Лес был не такой, ручей не такой... Будто взяли местность и слегка встряхнули, не сильно, но достаточно, чтобы стало заметно, что все перекошено.

Эндрю сел, приподнявшись на локтях.

— Что не так? — спросил он.

— Все так, — ответил Конрад.

— Нет. Я знаю. Это в воздухе.

— Ночью у нас был гость, — сообщил Дункан. — Он выглядывал из кустов.

— Не один, — поправил Конрад. — Но выглянул только один.

Эндрю проворно вскочил и схватился за посох.

— Значит, ведьма была права.

— Права, конечно, — отозвалась та со своего места. — Старая Мэг всегда права. Я говорила вам, что они прячутся поблизости и наблюдают за нами.

Дэниел поднялся, сделал несколько шагов к костру, остановился, сердито фыркнул и стукнул копытом по земле.

— Дэниел тоже чувствует, — сказал Конрад.

— Мы все чувствуем, — ответил Эндрю. — Что делать-то будем?

— Мы пойдем дальше, — сказал Конрад. — А ты как знаешь.

— Ты думаешь, что я не пойду?

— Думаю, пойдешь.

Мэг откинула одеяло, и поднявшись на ноги, оправила свои юбки.

— Они ушли, — проговорила она. — Я их больше не чувую. Но они навели на нас чары. Мы в западне. Здесь прямо воняет ловушкой.

— Я не вижу никакой ловушки, — возразил Конрад.

— Чары не на нас, — заметил Эндрю, — а на всем этом месте.

— Откуда ты знаешь? — поинтересовался Дункан.

— Ну как же, здесь все так странно. Посмотрите вон туда, прямо над ручьем. В воздухе дрожит радуга.

Дункан посмотрел, но никакой радуги не увидел.

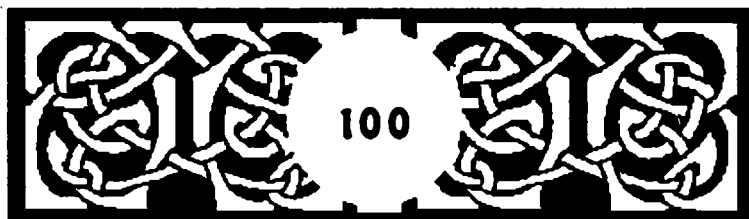
— Маленький народец иной раз пытается сделать такое, — продолжал Эндрю, — но у них плохо получается. Неумехи.

— А Разрушители — нет?

— Разрушители — нет, — ответила Мэг. — У них сила. Они знают свое дело.

Если место заколдовано, — подумал Дункан, — то это безумие: стоять здесь и рассуждать. Но похоже, что колдовство есть. Все странно сдвинуто, все словно не в фокусе.

— Может, пойдем? — предложил он. — Позавтракаем позже. Если мы немедленно двинемся, то выйдем из этой странности.

которую вы называете чарами. Вряд ли они распространяются на большое расстояние.

— Дальше-то может быть еще хуже, — возразил Эндрю. — Впереди чары наверняка сильнее. Если мы обратно пойдем, то наверняка скоро выйдем из околдованного места.

— Им как раз это и нужно, — сказал Конрад. — А то зачем чары? Но мы не пойдем обратно. Милорд решил идти вперед.

Он взял седло и положил его на терпеливо ожидающего Дэниела.

— Иди сюда, — обратился он к Бьюти. — Пора тебя навьючивать.

Бьюти дернула ушами и быстро подбежала к Конраду.

— Никто не обязан идти с нами, — сказал Дункан. — Мы с Конрадом пойдем, а остальные как хотят.

— Я же сказал, пойду, — буркнул Эндрю.

— Я тоже пойду, — заявила Мэг. — Что ждет в этой унылой дикой местности такую старушеницу, как я. А чары я видела и похуже.

— Мы ведь не знаем, что будет впереди, — предупредил Дункан.

— По крайней мере, у вас есть еда, — сказала она. — Она маячит перед глазами бедной старухи, которая сызмальства перебивалась кое-как, кормилась орехами и выкапывала корни, как свинья. И здесь компания, в какой я отродясь не бывала.

— Чего время тратить, — угрюмо произнес Конрад.

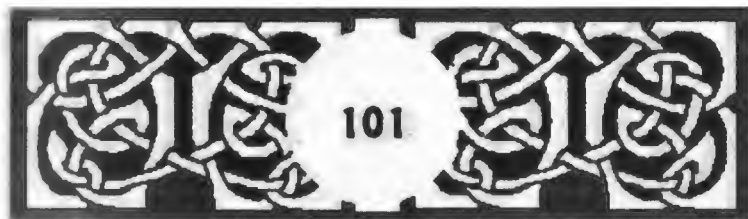
Он подхватил Мэг за талию и посадил в седло.

— Держись.

Дэниел слегка загарцевал, как бы приветствуя свою наездницу.

— Тайни, вперед! — приказал Конрад.

Собака затрусилась по тропе, Конрад, не отставая, пошел за ней. Бьюти заняла свое место, Эндрю тащился рядом с ней, энергично отталкиваясь от земли посохом. Позади шли Дэниел и Дункан.

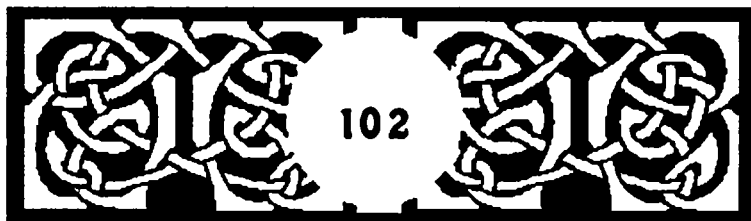
Чары усиливались. Местность сделалась еще фантастичнее. В рощах появились чудовищные дубы, кустарник стал еще гуще: во всем было что-то нереальное, вызывавшее сомнение в том, что дубы и кустарник тут действительно были, а не чудились, как и древние валуны, покрытые толстым слоем лишайников. Но главное было в том, что над всем этим нависало нечто мрачное. Глубокая тишина охватывала все, тишина, наполненная зловещим предчувствием, ожиданием неотвратимого зла.

Если бы дубы были просто исполинскими дубами, а кусты просто густыми кустами, — думал Дункан, — человек мог бы принять их. Но здесь эти обычные вещи были искажены и перекошены, будто не всегда находились здесь, а только появились на время, словно кто-то придумал их для картины, но еще не решил, какою она будет. И картина эта колыбалась, как колышется отражение на водной поверхности при любых едва заметных движениях воды, — менялась, двигалась и колебалась в текущем непостоянстве.

Временами вспыхивали кусочки дрожащей радуги, которую раньше заметил Эндрю, а Дункан не увидел. Теперь перед ним было их разноцветное мерцание, какое видит тот, кто смотрит через толстое стекло на яркий свет, лучи которого рассыпаются на миллионы оттенков. Они то появлялись, то исчезали, но ни разу не сложились в полную дугу, были только фрагменты радуги, ее обрывки, словно цельную радугу кто-то раздробил и разбросал по ветру осколки.

Долина оставалась долиной, и холмы поднимались по обе ее стороны, но чуть заметная тропа, по которой они шли, исчезла, и теперь они с трудом продирались через лес. Конрад держал Тайни прямо перед собой и не позволял собаке отбегать в сторону. Дэниел нервничал и, опустив голову, обнюхивал все на пути.

— Все в порядке, мальчик, — успокоил его Дункан, и Дэниел ответил ему тихим ржанием.

Впереди Дункана ковылял Эндрю, с необычной силой ударяя посохом. Бьют топотала рядом, близко придвинувшись к Эндрю. Похоже, ей нравился этот компаньон.

Может, она считает, — подумал Дункан, смеясь этой мысли, — что теперь у нее тоже есть собственный человек, как у Тайни — Конрад, а у Дэниела — я.

Конрад и Тайни остановились. Остальные подтянулись к ним.

— Впереди болото поперек пути, — сообщил Конрад. — Это и есть топь?

— Это не топь, — ответил Эндрю. — Топь не перегораживает дорогу. Она тянется с одной стороны.

Сквозь деревья виднелось болото, широко раскинувшееся заболоченное пространство, на котором росли деревья.

— Может, оно неглубокое, — предположил Дункан. — Попробуем перейти через него, держась ближе к холму.

Он пошел вперед. Конрад нагнал его, остальные шли сзади. У края воды Конрад и Дункан остановились.

— По-моему, глубокое, — сказал Конрад. — Во всяком случае, похоже, есть глубокие разводья. И наверняка тина. А про какой холм вы говорили? Здесь никакого холма нет.

Он был прав. Цепь холмов, вдоль которой они шли, теперь переместилась влево, а прямо перед ними лежало заросшее болото.

— Стой здесь, — сказал Дункан.

Он шагнул в воду. С каждым шагом вода поднималась, и он чувствовал под ногами топкую грязь. Перед ним было такое разводье, о котором говорил Конрад. Что-то черное, маслянистое на вид, более тяжелое и предательское, чем вода. Дункан повернулся, чтобы пройти по краю. Чернильно-черная вода забурлила, что-то яростно выбивалось из нее. Показалась горбатая спина. Дункан схватился за меч, наполовину вытащил лезвие. Горб осел, вода снова сделалась маслянистой и неподвижной. Но в другом омуте, чуть подальше, поверхность взорвалась пеной, оттуда вырвалась злобная голова на змеином теле

и метнулась вперед над водой. Голова была чешуйчатая, треугольная, небольшая по сравнению с величиной тела, и усечена двумя рогами. Щеки, напоминавшие пластины доспехов, сужались в подобие клюва. Чудовище разинуло пасть, причем пасть была шире головы и из нее торчали жуткие кривые клыки.

Дункан держал меч наготове, ожидая нападения, но его не последовало. Медленно, как бы неохотно, тело снова опустилось, голова исчезла под водой. Болото снова стало неподвижным, черным и угрожающим.

— По мне, так вы бы лучше вернулись, — посоветовал Конрад.

Дункан медленно и осторожно выбрался из болота.

— Не перейти, — сказал Конрад.

К ним подошел Эндрю. За ним шлепала копытами Бьюти.

— Это не болото, — заявил он. — Тут его не было никогда. Это чары.

— Болото или не болото, — проговорила Мэг со спины Дэниела, — но такое колдовство может вас убить.

— Что же делать? — спросил Дункан.

— Поищем другую дорогу, — ответил Эндрю. — Обойдем заколдованное место. Какой бы силой ни обладали те, кто навел это колдовство, не могут же они растянуть его повсюду. Они знали, где мы идем, и чары навели на нашем пути.

— Ты надеешься на холмы? — спросил Дункан. — Хорошо ли ты знаешь те места?

— Не так, как эту долину, но знаю. В нескольких милях отсюда к востоку есть другая тропа. Скверная она, очень извилистая, вверх и вниз по холмам. Идти тяжело. Но она поведет нас на юг, выведет за эти холмы, что загораживают нам юг.

— Думаю, — подтвердила Мэг, — нам лучше поискать ту тропу.

Глава 12

Они нашли эту тропу, но она оказалась ложной. Она практически исчезла на половине подъема по склону холма. Однако из заколдованного места они ушли.

Здесь уже не было ни радуги, ни ощущения перекошенности ландшафта. Местность как местность, какой ей и полагается быть. Честные дубы, честные камни, с честным лишайником на них, обычный нормальный кустарник. Мрачные ощущения исчезли, предчувствия тоже. Но идти было трудно. Ровных участков просто не было. Приходилось то лезть вверх, то осторожно сползать вниз.

Когда тропа исчезла окончательно, Дункан взглянул на небо. Солнце было почти в зените.

— Давайте остановимся, отдохнем и перекусим, — предложил он, — а потом повернем к востоку и постараемся найти правильный путь. Ты ведь уверен, что он есть? — обратился он к Эндрю.

Тот кивнул.

— Я ходил здесь, но не очень часто и уже давно, много лет назад.

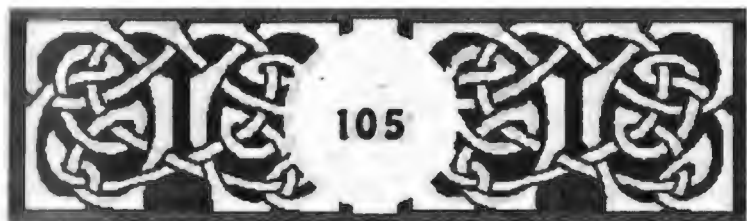
Тропа потерялась на крохотном, всего в несколько метров, участке совершенно ровной поверхности. Конрад развел костер. Дэниел и Бьюти стояли, свесив головы — отдыхали от тяжелого пути. Тайни растянулся на земле.

— Духа бы сюда, — проговорил Конрад, — да он далеко впереди местность оглядывает.

— Должен сказать, — заметил Эндрю, — что теперь у меня куда больше уважения к нему, чем раньше. Он расхрабрился, летает среди бела дня и вообще работает, чего не делал сроду.

Среди деревьев мелькнула серая тень.

— Волк, — отметил Дункан.

— Здесь прорва волков, — подтвердил Эндрю. — Больше, чем было раньше.

За первой шмыгнула вторая тень, а дальше на склоне появился еще один.

— Вот уже трое, — сказал Дункан. — Их может быть и больше. Не пойдут ли они за нами?

— Насчет этого можно не беспокоиться, — заверил Конрад.

— Волк труслив. Встань перед ним, и он убежит.

Мэг слегка вздрогнула.

— Они чуют кровь, — сообщила она. — Они чуют ее наперед.

— Бабы сказки, — буркнул Конрад.

— Нет, не сказки, — возразила Мэг. — Я знаю. Они знают, куда придет смерть.

— Не наша кровь, — сказал Конрад, — и не наша смерть.

Подул ветер. С холма издали донеслись стоны деревьев. Над землей, покрытой толстым слоем опавших листьев, нависло пасмурное осеннее предчувствие близких снегопадов.

Дункан ощущал легкую тревогу, хотя причин для этого, вроде бы, не было. Нужная тропа вот-вот обнаружится, и они снова двинутся вперед. Правда, дорога будет тяжелее, чем они рассчитывали, зато пойдут они верным путем. Сколько еще дней предстоит им идти, Дункан не имел ни малейшего представления, но надеялся, что среди этих холмов, укрытые со всех сторон, они смогут продвигаться относительно спокойно.

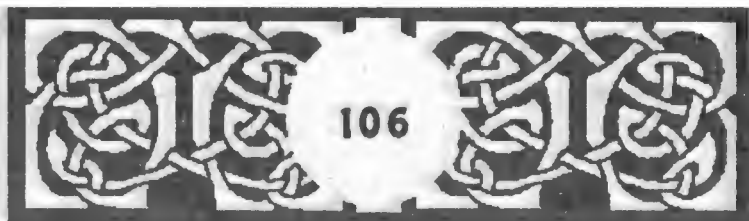
— Будь здесь Снупи, — вздохнул Эндрю, — он-то, наверное, нашел бы тропу. Но о нем нечего и думать. Нет у него чести. Да он когда разговаривал с вами и слово вам давал, нам помогать и не собирался.

— Обойдемся и без него, — резко ответил Дункан.

— Во всяком случае, — добавил Конрад, — от колдовства, приготовленного для нас, мы ушли.

— От колдовства — да, — согласился Эндрю, — но здесь будет еще много чего.

Они перекусили и снова двинулись, направляясь к востоку, мернее сказать старались держать на восток, потому что в этой

запутанной извилистой местности нельзя было строго придерживаться одного направления. Было много препятствий: то осыпающийся склон, так что приходилось обходить холм, то завал из упавших деревьев, который тоже приходилось обходить, но все-таки они пробирались к востоку.

Солнце близилось к закату, а они еще не нашли никакой тропы. Тут вообще не было следов человека.

Не было ни сгоревших ферм, ни вырубок, которые когда-то могли быть полями. Древние деревья, поседевшие от старости, стояли непотревоженными.

Время от времени они видели волков, но всегда издали.

Мы заблудились. — подумал Дункан, но вслух этого не сказал. Что бы ни говорил Эндрю, но тропы могло и не быть. Может, они так и будут углубляться в чащу и ничего не найдут? А вдруг чары все еще действуют, только на другой лад?

Солнце уже почти зашло, когда они спустились в лощину, обрамленную холмами, как бы утопленную в земле, тенистое и спокойное место, навевавшее меланхолические чувства. В таком месте двигаются тихо и не повышают голоса. Солнце еще освещало вершины холмов и золотило осеннюю листву, но к лощине уже приближалась ночь. Дункан прибавил шагу и поравнялся с Конрадом.

— Тут злом пахнет, — сказал тот.

— Возможно, но для лагеря это место подходит. Укрыто от ветра, и, наверное, есть вода. Это лучше, чем быть на продуваемых ветром холмах.

— Мне кажется, что я вижу что-то впереди. Белое. Может, церковь.

— Странное место для церкви.

— Да я и не уверен. В темноте не разберешь.

За разговором они продолжали идти вперед. Тайни шел рядом с обоими. Наконец и Дункан углядел впереди что-то белое.

— По-моему, я тоже вижу. Прямо перед нами.

Подойдя ближе, они увидели здание, похожее на крошечную церковь. Высокий тонкий шпиль поднимался к небу. Дверь была открыта. Перед ней было расчищенное пространство — ни кустов, ни деревьев, и они прошли через него с огромным удивлением, потому что не должно было здесь быть церкви, даже маленькой — ведь вокруг нет жилья, и некому ходить в эту церковь. Однако церковь стояла — крохотная, словно игрушечная.

Это часовня, — подумал Дункан. — Одна из тех тайных часовен, которые по каким-то причинам ставят в местах, удаленных от дороги.

Дункан и Конрад почти подошли к часовне, когда их догнал Эндрю.

— Это часовня Иисуса-на-Холмах, — проговорил он. — Я слышал о ней, но не видел никогда и не думал, что увижу, тем более, что те, кто о ней рассказывали, сами наполовину не верили в ее существование.

— А она вот, — заметил Конрад.

Эндрю был заметно потрясен. Его рука, державшая посох, дрожала.

— Священное место, — огляделся Дункан. — Может, место паломничества.

— Но не с древности, — добавил Эндрю. — Несколько веков, не больше. В древние-то времена здесь была языческая гробница. Так что земля здесь не слишком-то святая.

— Очень много христианских святынь возведено на месте бывших языческих святилищ, — возразил Дункан. — Наверное, предполагалось, что язычники скорее и легче станут принимать христианство, если церкви будут построены на знакомых им местах.

— Да, знаю. В писаниях святых отцов я встречал упоминания о таких местах. Но эта часовня связана с чем-то другим.

— Ты о языческой гробнице упомянул. Скорее всего, это было место друидов.

— Нет, не друидов, — покачал головой Эндрю. — И не человек здесь был похоронен. Здесь Зло собиралось и в определенные дни устраивало беснование.

— Но если так, зачем же здесь построили часовню? Мне кажется, церковь должна избегать таких мест, тем более в старые времена.

— Не знаю. В старые времена были такие воинствующие священнослужители, которым по необходимости случалось встречаться со злом лицом к лицу.

— И что тогда случалось?

— Не знаю. Рассказывали-то многое, но, может быть, все неправда.

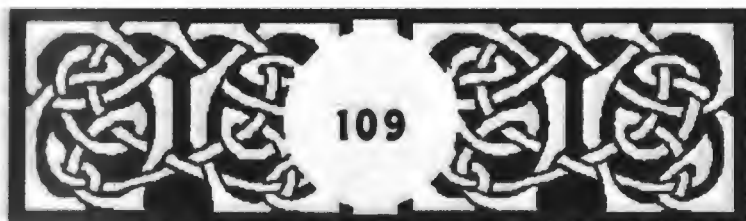
— Но часовня есть, — проговорил Конрад, — значит, поставить ее разрешили.

Дункан поднялся по трем темным ступеням к дверям часовни и вошел внутрь. Часовня была крошечная, вроде домовая, всего по одному окну с каждой стороны, с безвкусными витражами, шесть скамей, по три с каждой стороны узкого прохода. А над алтарем...

Дункан остановился в ужасе. От вида распятия, висевшего за алтарем, он почувствовал спазмы в желудке, и рот его наполнился горькой желчью. Распятие было вырезано из целого куска дуба, и сам крест, и фигура Христа, но оно было перевернуто. Фигура Христа стояла на голове, словно Он кувыркался. Изображение Его было выпачкано какой-то мерзостью, и на дереве было намалевано по латыни непристойное выражение.

Дункану показалось, что его ударили по лицу. Он с трудом держался на ногах, колени подгибались. Он удивился собственной реакции на такое надругательство и кощунство: ведь он не был ревностным христианином, не был ни набожным, ни благочестивым. Но теперь он рисковал своей головой и головами других, выполняя дело Церкви.

Распятие было предметом издевательства, выражением языческого презрения, насмешки над верой, зубоскальства и,

видимо, ненависти. Враг насмехался над тем, чего не мог победить.

Конрад говорил, что постронть часовню на языческой земле, видимо, позволили, но при виде этого возникал вопрос: почему позволили? Распятие перевернуто не без причины.

Много лет назад пришли люди от имени Христа, люди воинствующие, намеревавшиеся вбить христианство язычникам в глотку, и построили часовню. И вот теперь шутка обернулась против них, и часовня стала посмешищем.

Он услышал за спиной хриплый вздох: вошли Конрад и Эндрю, увидели распятие и на мгновение задохнулись от ужаса.

— Святотатство. — прошептал Дункан, — воплощенное кощунство. Но Господь выдержит это, перенесет издевку.

Часовня была чистой и ухоженной. Не было никаких признаков разрушения от времени. И подметали ее совсем недавно.

Они медленно пятились к двери. На ступеньках, съежившись, сидела Мэг.

— Видели? — спросила она.

Дункан молча кивнул.

— Я не знала, что мы идем к этому месту. Кабы знала — сказала бы вам, остановила бы.

— Ты знала, что здесь?

— Только слышала.

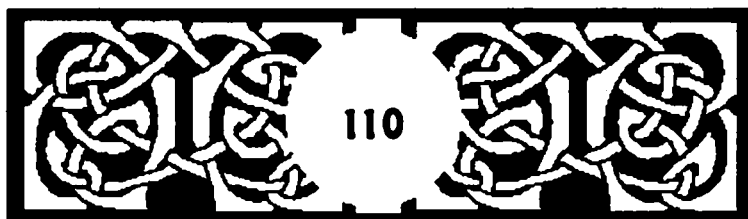
— И ты не одобряешь этого?

— А что мне одобрять или не одобрять? Я ни с кем не ссорилась. Но я не хотела бы, чтобы вы это видели. Я ем ваш хлеб, ваша лошадь везет меня, ваша огромная собака не рвала на куски мое тело. Вы не рубили меня мечом, высокий человек помог мне встать и посадил на лошадь, даже ваш отшельник, похожий на кислое яблоко, и тот угостил меня сыром. Могу ли я желать вам вреда?

Дункан наклонился и погладил ее по голове.

— Ладно, бабушка, переживем.

— Что же будем делать? — спросил Эндрю.

— Проведем здесь ночь. Мы устали за день и дальше идти не можем. Нам нужно поесть и отдохнуть.

— В этом месте я куска не проглочу, — сказал Эндрю.

— А что делать? Идти на холмы? Продираться в темноте через лес? Мы не пройдем и мили.

Говоря это, он про себя думал, что они-то с Конрадом ушли бы, оставили бы это проклятое место. Они могли бы идти всю ночь, если бы понадобилось, лишь бы уйти подальше от часовни Иисуса-на-Холмах. Но у Эндрю от долгого пути подкашиваются ноги, а Мэг умирает от усталости, хотя она наверняка это станет отрицать. Еще в пещере отшельника он пожалел, что ему навязались добровольцы, и пожалел не напрасно, как стало очевидно теперь.

— Схожу, наберу топлива для костра, — сказал Конрад. — Справа, я слышу, ручей журчит.

— Я принесу воды, — вызвался Эндрю.

Дункан глянул на него, зная, сколько храбрости нужно отшельнику, чтобы идти одному в темноте. Он подозревал Дэниела и Бьюти, расседлал и развьючил их. Бьюти прижалась боком к Дэниелу, и тот, казалось, был рад, что она рядом.

Они оба, — подумал Дункан, — знают, как и мы, что здесь неладно. Тайни неутомимо рыскал вокруг, подняв голову, чтобы уловить запах опасности.

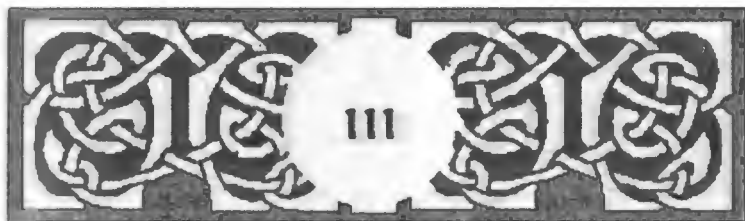
Конрад развел костер неподалеку от входа в часовню, и они с Мэг готовили еду. Свет костра падал на белые стены часовни.

На западном холме завыл волк, другой ответил ему с севера.

— Из тех, кого мы видели днем, — сказал Конрад. — Они бродят вокруг.

— В этом году волки совсем обнаглели, — отозвался Эндрю.

С наступлением ночи лощина сделалась влажной, словно взмокла от страха перед опасностью, что двигалась по ней, ступая на мягких лапах. Дункан спросил себя, вызвано ли предчувствие опасности зрелищем поруганного распятия или оно вовсе не связано с часовней.

— Мы с Конрадом будем сегодня дежурить вдвоем, — решил он.

— Опять вы про меня забываете, — обиделся Эндрю. Но в его голосе Дункану послышалось облегчение.

— Мы хотим, чтобы ты и Мэг отдохнули, — пояснил он, — потому что завтра предстоит долгий путь. Мы выйдем как можно раньше, еще до зари.

Дункан стоял у костра и глядел в темноту.

Два раза ему показалось, что он видит какое-то движение за кругом света, но каждый раз он думал, что это плод воображения, обостренного страхом, который он скрывал от других, но не мог скрыть от себя.

Изредка выли волки, причем со всех четырех сторон. Можно подумать, этот край просто кишит зверьем, — подумал Дункан. Вой доносился издалека. Волки, похоже, не приближались. Они могут прийти позже, — думал Дункан, — когда наберутся храбрости и когда вокруг костра все успокоится. Впрочем, волки это не самое страшное: Дэниел и Тайни их живо отгонят. Если уж бояться, то совсем другого.

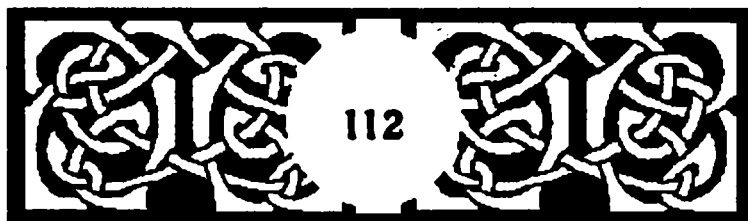
Дункану снова вспомнились полная зубов лягушачья пасть, горящие глаза, намек на лицо, которые он видел прошлой ночью. И злобность змеи, возникшей из черного разводья в болоте.

Мэг позвала ужинать, и, усевшись вокруг костра, все набросились на еду. Эндрю, хоть он и утверждал, что не проглотит ни кусочка, отдал ужину должное.

Немного поговорили о том, о сем, но никто не заикнулся об увиденном в часовне. Все как будто старались об этом забыть.

Но это не так легко выкинуть из памяти, — думал Дункан. — Это больше, чем издевка. Это ненависть. Ненависти было столько же, сколько насмешки. И это было непонятно.

В древние времена языческие боги имели право ненавидеть новую веру. Впрочем, признавая за языческими богами право на ненависть, он тем самым вроде бы допускает, что языческие боги существовали и существуют теперь. Христианину так

думать негоже. Истинный христианин отнес бы их всех к адским силам и отрицал бы, что они когда-нибудь были здесь, на земле. Но с такой точкой зрения Дункан не мог согласиться: их надо рассматривать, как врагов, которые всегда рядом, тем более здесь, в Опустошенных Землях.

Он привычно дотронулся до мешочка с пергаментом. И подумал, что там лежит символ его веры, а здесь, в этом месте, — вера другая. Может, ложная вера, которую не следовало бы принимать, но тем не менее — вера. Подавленный безбрежностью бесконечности и жестокостью судьбы, человек стремился обрести покровительство и защиту. Вера, которую он принял в своем неведении, была жестока и ужасна, но, вероятно, человек полагал, что в этих двух качествах заложена сила, а именно в силе он нуждался для защиты от окружающего мира.

Здесь, в этом самом месте, несомненно, выполнялись некие ужасные, отвратительные ритуалы, о которых Дункан не знал и не хотел знать. Здесь, может быть, приносились человеческие жертвы, здесь лилась кровь, здесь совершались постыдные оргии, и чудовищные создания являлись сюда со злыми намерениями — и не только недавно, но и в невообразимо далекие времена, возможно, еще до появления человека.

Дэниел подошел поближе к хозяину, обнюхал его. Дункан отвел голову лошади, и Дэниел тихо зафыркал.

На западе завыл волк, на этот раз уже ближе. Подошел Конрад.

— Надо будет всю ночь подкладывать дрова в костер. Волки боятся огня.

— Что нам волки? — пожал плечами Дункан. — Они не голодные. Здесь, в лесу для них полно еды.

— Они приближаются. Я видел блеск их глаз.

— Они просто любопытны.

Конрад опустился на землю рядом с Дунканом.

— Что будем делать завтра?

— Думаю, пойдем искать тропу отшельника.

— А если не найдем?

— Найдем. Должна же быть тропа через холмы.

— Может, и здесь наваждение? Не дает нам увидеть тропу, — предположил Конрад.

— От наваждения мы ушли.

Дункан вспомнил, что сегодня днем у него самого мелькала мысль о чарах. — Мы заблудились, — сказал Конрад. — Мы не знаем, где находимся, и, я думаю, Эндрю тоже не знает.

У края светового круга блеснули два глаза и тут же исчезли.

— Я только что видел одного из наших волков, — сообщил Дункан. — Вернее, его глаза.

— Тайни следит. Он чувствует их.

В темноте справа вспыхнули два глаза. Тайни рванулся к ним, но Конрад отозвал его.

— погоди, Тайни, не торопись.

Дункан поднялся на ноги.

— Мы готовы, — спокойно сказал Конрад. — Они сейчас нападут.

Дэниел повернулся мордой к волкам, опустил голову и злобно фыркнул. Тайни встал рядом с Конрадом. Шерсть у него на загривке вздыбилась, в горле клокотало рычание.

Один волк выступил вперед. В свете костра его серый мех казался почти белым. Волк был крупный и страшно худой — смерть ходячая. Он качнулся, лобастая голова запрокинулась, губы обнажили клыки, глаза загорелись отраженным пламенем.

Второй волк подошел чуть позади и сбоку.

Дункан вытащил меч. Скрежет металла о ножны резко прозвучал в тишине. Он приказал стоявшему рядом коню:

— Приготовься, Дэниел.

Оглянувшись на звук торопливых шагов, он увидел Эндрю, державшего на весу посох. Его капюшон упал на плечи, седые волосы сияли над головой, как нимб.

Из темноты за светлым кругом послышался голос, громко и отчетливо произносивший непонятные Дункану слова. Это был не английский, не латынь и не греческий и, судя по интонации, не галльский. Гортанные, рычащие слова звучали резко.

При этих словах волки перешли к действиям. Оба волка разошлись в стороны, к ним подскочили другие, подпружинились для прыжка и кинулись из темноты по сигналу говорившего.

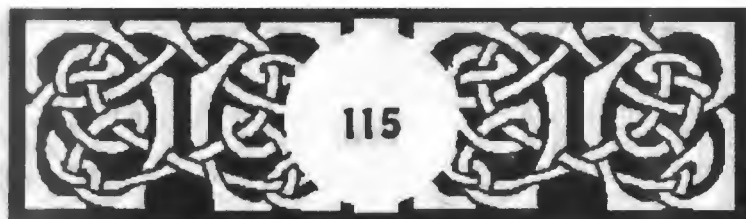
Дэниел встал на дыбы и замолотил в воздухе передними копытами. Тайни ринулся на зверей, как сгусток выпущенной ненависти. Большой волк легко взвился в воздух к горлу Дункана. Меч свистнул, ударил волка по вытянутой шее и отшвырнул его в сторону. Второго волка отбросила в прыжке дубина Конрада. Тайни уже схватил за горло третьего и, вскинув голову, завертел его в воздухе.

На Дункана прыгнул еще один волк, разинув сверкающую клыками пасть. Дункан поднял меч, но сбоку появилось нечто вроде копья, попало в открытую пасть зверя и глубоко вонзилось ему в глотку. Волк сложился вдвое, но инерция прыжка вынесла его вперед вместе с копьём. Конец копья ударил Дункана, и он упал на колени. Волк бросился к нему. В это время подоспел Дэниел и поднятым копытом ударил волка под лопатку. Волк покатился с переломанным хребтом.

Дункан вскочил и увидел, что Тайни катается по земле, сцепившись с одним из зверей, другой нападает на него сверху, а Конрад в ярости замахивается дубиной, готовясь ударить нападающего волка. Позади них Бьюти бешено отбивалась от волка, схватившего ее за переднюю ногу, а два других изготавились к нападению на нее. Дункан бросился на помощь Бьюти, но не успел сделать и двух шагов, как к ослице кинулась разъяренная ведьма, размахивая двумя горящими ветками. Одна из веток полетела, крутясь и перевортываясь, и оба волка отскочили.

— Мэг! — заорал Дункан. — Мэг, осторожнее, ради Бога!

Но она неслась, как вихрь, не обращая на него внимания. Ее старческое тело раскачивалось на дрожащих ногах, и это раскачивание, казалось, удваивало ее скорость. Она вскинула оставшуюся ветку и ударила ею волка, вцепившегося в ногу Бьюти. Волк взвыл и с визгом бросился в темноту.

Из темноты снова раздался громкий ясный голос, говоривший на незнакомом языке. Волки быстро повернулись и убежали.

Дункан медленно оглянулся. Дэниел стоял у костра, а неподалеку от него Эндрю отчаянно пытался вытащить из волчьей глотки свой посох.

Конрад и Мэг шли к костру, за ними Тайни, позади хромала Вьюти. Тут и там лежали тела волков. Один из них еще пытался ползти на передних лапах, волоча задние.

Когда Дункан подошел к костру, Эндрю внезапно вскрикнул, выпустил посох, который еще не был вытащен, и попятился от мертвого волка, закрыв руками лицо.

— Нет! Нет! — вопил он. — Только не это!

Дункан подбежал к нему и резко остановился, не веря своим глазам.

Тело волка, медленно изменяясь, превратилось, наконец, в обнаженное тело женщины.

Посох отшельника все еще торчал у нее изо рта. Мэг, стоя рядом с Дунканом, заговорила скрипучим голосом.

— Я хотела сказать вам, но не успела. Все это произошло слишком быстро.

Подошедший Конрад взялся за посох отшельника и выдержал его.

Тело волка, лежащее позади мертвой женщины, обернулось мужским телом, а волк, что волочил перебитый зад, вдруг закричал человеческим голосом, криком боли и страха.

— Я его успокою, — угрюмо сказал Конрад.

— Нет, — сказал Дункан, — пока подожди.

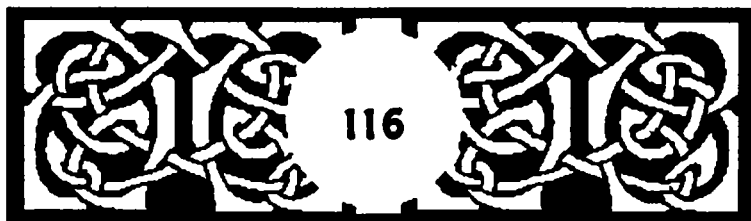
— Оборотни, — Конрад плюнул, — Убивать — и все тут.

— Мне кое-что непонятно, — возразил Дункан. — Здесь была стая волков, а напали только немногие. Если бы они бросились все...

— Их кто-то отозвал, — сказал Конрад.

— Дело не только в этом. Тут что-то еще.

— Держи, — сказал Конрад, протягивая отшельнику посох.

Эндрю отпрянул.

— Нет, — жалобно проговорил он. — Не могу до него дотронуться. Я им убил женщину.

— Не женщину. Оборотня. Возьми посох и держи его крепче. У тебя никогда не будет другого такого посоха.

Отшельник взял посох и воткнул его в землю.

— В жизни этого не забуду, — пожаловался он.

— Хорошее стоит запомнить, — кивнул Конрад. — Удар был во славу Господню.

Дункан подошел к краю освещенного места, постоял над стонущим мужчиной и медленно опустился возле него на корточки.

Человек был стар. Руки и ноги тонкие, как соломинки, узловатые колени и локти, выпирающие ребра. Снежно-белые волосы курчавились на шее, а на лбу слиплись от пота. Он смотрел на Дункана со страхом и ненавистью в горящих глазах.

— Скажи мне, — спросил Дункан, — кто говорил из темноты?

Человек обнажил желтые зубы, зарычал и плюнул. Дункан схватил его за плечо. Он завизжал. Голова его откинулась назад, жилы на шее напряглись, в углах рта показалась пена. Он стонал, вопил и слабо царапал землю, пытаясь уползти.

Протянувшаяся рука схватила Дункана за плечо и поставила на ноги.

— Пустите-ка, — сказал Конрад.

Дубина с отвратительным хрустом проломила череп оборотня. Тот дернулся и затих.

Дункан сердито посмотрел на Конрада.

— Я же тебе сказал...

— Убивать змею, так убивать, а не ухаживать за ней.

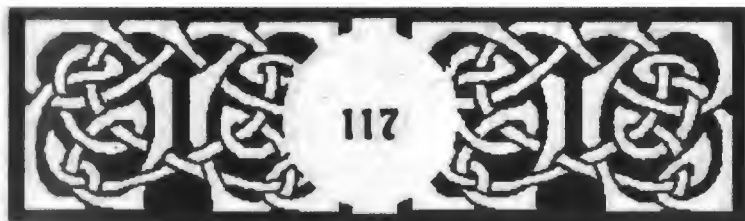
— Но я хотел спросить...

— Вы спрашивали, он не ответил.

— Может, ответил бы.

Конрад помотал головой.

— Нет. Он слишком боялся вас.

А ведь это правда, — подумал Дункан. — Оборотень был мно себя, от страха, он визжал и пытался отползти.

Конрад тронул его за плечо.

— Идемте к костру. Я посмотрю, как там Бьюти.

— Она хромает, только и всего. Мэг спасла ее.

— Это я видел.

— А как Тайни?

— Ухо разорвано, следы зубов кое-где, но ничего серьезного.

Они вернулись к костру. Эндрю и Мэг стояли рядом. Конрад пошел посмотреть Бьюти.

— А ты храбрая. Смотри, как кинулась на помощь Бьюти, — сказал Дункан ведьме.

— У меня был огонь. Волки-оборотни боятся огня, — ответила Мэг.

Она повернулась к нему лицом.

— Вас, наверное, удивляет, с чего это вдруг ведьма вам стала помогать? Так я вам скажу. Немножко поколдовать, чары напустить — для меня в порядке вещей. В свое время я делала немало такого. Тут нет ничего плохого и часто помогает. Но я вам уже говорила, что настоящего Зла во мне нет. А оборотни — это Зло, и я его ненавижу. Подлое, низкое, порочное Зло. Для такого Зла, на самом-то деле, названия нет.

— Этих оборотней здесь была целая прорва, — заметил Дункан. — Я никогда не думал, что оборотни ходят стаями. Ты говорила о тех, кто присоединяется к Разрушителям. Может, поэтому их столько?

— Вполне возможно. Они, наверное, сошлись со всей Британии.

— А голос ты слышала?

Она вздрогнула и тесно обхватила себя руками.

— Ты поняла слова, узнала язык?

— Слова — нет, но язык узнала. Это очень древнее наречие.

— Ну, насколько древнее?

— Я не могу сказать, сэр. Это язык из глубины времен. На нем говорили еще до того, как у людей появилась речь, даже еще до того, как появились люди.

— Слова первобытного, изначального Зла?

— Не знаю.

Ему очень хотелось спросить, как она узнала язык, но он воздержался. Зачем нервировать ее? Она честно ответила на его вопрос, достаточно и этого.

Вернулся Конрад.

— Бьюти в порядке. Нога почти цела. Нам еще повезло.

На поляне стояла тишина. Тела мертвых оборотней лежали на границе света и тени.

— Может, их похоронить? — спросил Эндрю.

— Оборотней не хоронят, — отрезал Конрад. — Кол в сердце — это да. Да и лопаты у нас нет.

— Ничего делать не будем, — сказал Дункан. — Оставим их как есть.

Часовня белела в отблесках костра. Дверь была открыта, но свет костра не освещал перевернутое распятие внутри часовни, и Дункан был этому рад.

— Не усну я сегодня, — вздохнул Эндрю.

— Уж постарайся, — отрезал Конрад. — Путь впереди долгий и трудный. Как тебе кажется, сумеешь отыскать тропу?

Эндрю смущенно покачал головой.

— Не знаю. Мне кажется, все вокруг перевернулось. Все выглядит не так.

Ночь прорезал жалобный визг. Он шел откуда-то сверху.

— Боже мой! — вскрикнул Эндрю. — Неужели опять?

Визг повторился. В нем слышались стон и всхлипывание. Звук царапал по сердцу и леденил кровь.

С другой стороны костра раздался спокойный голос

— Не бойтесь. Это Нэн — баньши.

Дункан повернулся на голос. Он не сразу узнал говорившего. Маленькая фигурка с откинутым капюшоном, пара веретенообразных ног, большие уши.

— Снупи! Что ты здесь делаешь?

— Выслеживаю вас. Мы уже давно вас ждем, с тех пор как Дух сказал, что потерял ваш след.

Вниз слетел Дух, а следом за ним опустилась еще одна фигура, совершенно черная, особенно по контрасту с прозрачной белизной Духа.

— Чистая случайность, что я их встретил, — сказал Дух.

— Это не случайность, — ответил Снупи, — но тебе этого не понять, а объяснять у нас нет времени:

Баньши Нэн наклонилась ближе к костру.

Выглядела она отталкивающе. Лицо было узкое и твердое.

Из-под косматых бровей сверкали глубоко посаженные глаза. Черные волосы падали на спину почти до талии.

— Ну и здорово же вы прячетесь, — сказала она. — Мы вас долго искали.

— Мадам, — ответил Дункан, — мы и не думали прятаться. Мы просто пришли и остановились на ночлег.

— Ничего себе, выбрали вы местечко, — фыркнул Снупи, подойдя к ним. — Вы не знали, что здесь нельзя останавливаться?

— Догадывались, — ответил Конрад. — Нам удалось отбиться от стаи волков-оборотней.

— Гоблин, а мы-то на тебя надеялись, — упрекнул Эндрю. — Что ж тебя не было в церкви, ведь ты обещал?

— Я уходил, чтобы всем сообщить, что вам может понадобится некоторая поддержка. Но судя по тому, как вы здесь копаетесь, вам на подмогу понадобятся все наши силы.

— Маловата подмога-то! — раздраженно буркнул Эндрю. — Одна потрепанная старая баньши...

— Я давно знаю, что ты хам, — сказала Нэн.

— Другие присоединятся позже, — спокойно возразил Снупи. — Они придут, когда будут вам очень нужны. Но оставаться здесь вам нельзя, и что бы вы там ни твердили в своем невежестве и высокомерии, мы намерены увести вас отсюда.

— Мы знаем, — сказал Дункан, — что здесь было языческое капище.

— Дело не только в этом. Все гораздо серьезнее. Это место было посвящено Злу еще до того, как появились язычники с их поклонением дьяволу. Здесь с самого начала собирались существа, от одного вида которых у вас бы души съежались. Это их землю вы осквернили, запачкали это место. Они не позволят вам оставаться здесь. Оборотни — это только начало. Будут и другие, с которыми вы так легко не справитесь.

— Но ведь здесь часовня...

— Да, они допустили, чтобы часовня была построена. Они следили, как ее строят надменные невежественные люди, глупые монахи, которым не мешало бы знать побольше. А они прятались в тени, следили и ждали своего часа, и когда этот час пришел...

— Ты нас не запугаешь, — предупредил Конрад.

— Может, нам и стоило бы испугаться, — добавил Дункан.

— Если бы мы имели достаточно здравого смысла, мы, наверное, должны были бы испугаться.

— Это точно, — сказала Мэг, — вам бы стоило бояться...

— Ты же была с нами и не возражала, когда мы...

— А куда деваться старой больной ведьме?

— Улетела бы на своей метле, — сказал Конрад.

— У меня ее отродясь не было, и у других ведьм тоже. Это только в дурацких сказках...

— Идти мы не можем, пока не отдохнем как следует, — прервал ее Дункан. — Мы с Конрадом пошли бы, но ведьма слаба, а Эндрю выдохся за целый день ходьбы.

— Однако оборотня-то убить у меня силы хватило, — уточнил отшельник.

— Эндрю можно посадить на Дэниела, — предложил Конрад, — а Мэг пусть едет на Бьюти. Мэг ведь легкая, как перышко. Ее Бьюти сvezет, хоть и хромает. А вьюки понесем мы сами.

— Тогда, — сказал Снупи, — пошли.

— И я, — добавил Дух, — умоляю вас уйти. Если вы останетесь здесь, то уже к утру вы встретитесь со мной в ином мире, а вам может и не повезти так, как мне, и духами вы не станете.

Глава 13

Через некоторое время глаза Дункана привыкли к темноте, и он перестал наткаться на деревья, но под ногами все равно ничего не видел и время от времени то спотыкался о сломанные ветки, то падал, попав ногой в яму. Все это больше напоминало барахтанье, чем ходьбу. Чтобы не заблудиться, он не спускал глаз с белого выюка на спине Конрада.

Снупи шел впереди, а Дух витал над ними и был для них чем-то вроде маяка. Дэниел шел за Снупи и Духом, а Бьюти — за своим другом Дэниелом. Конрад и Дункан завершали процессию. Нэн летела где-то над ними, но толку от нее было мало: в своих черных лохмотьях она была неразличима в темноте, а ее манера испускать время от времени жалобные вопли действовала на нервы.

Эндрю сначала отказывался ехать на Дэниеле, но когда Конрад поднял его и посадил на коня, слезть уже не пытался. Он обмяк в седле, голова его моталась. Ну и ну, — подумал Дункан, — половину времени спит.

Мэг улеглась вдоль спины маленькой ослицы, крепко обхватив руками ее шею. Седла на Бьюти не было, и на ее теле, круглом, как бочонок, ехать верхом было бы нелегко.

Время шло. Луна склонялась к западу. Порой кричали ночные птицы, видимо, в ответ на вопли Нэн.

Дункан мечтал, чтобы она заткнулась, но заставить ее это сделать он не мог, да и дыхания не хватило бы докричаться до нее. Дорога была сущим наказанием: то вверх, то вниз. Дункану

казалось, что они возвращаются туда, откуда пришли, но уверенности в этом, конечно, не было.

Он совсем запутался, и ему казалось, что все они запутались какое-то время назад.

Если бы не колдовство, они не свернули бы с дороги, ведущей к топи, и теперь уже наверняка приближались бы к открытому месту, о котором говорил Снупи. Уж во всяком случае, не петляли бы среди этих проклятых холмов.

Странное дело, думал Дункан, Разрушители сделали три попытки остановить их или заставить свернуть в сторону: драка в огороде у церкви, чары на следующий день и нападение оборотней. Но каждое из столкновений прошло легче, чем можно было ожидать. Безволосые были разбиты без особых усилий. Колдовство не удалось, хотя, может, свою роль и выполнило: с пути они все-таки свернули. И у часовни — если бы оборотни действовали согласованно, то уничтожили бы их маленькую группу. Однако волки показали хвосты, бежав на зов голоса из темноты. Что-то здесь было не так. Не улавливался смысл происходящего. Разрушители шли по этой земле, убивая жителей, сжигая деревни и усадьбы, превращая страну в пустыню. Где уж маленькому отряду выстоять против такой силы?

Если не считать страшной лягушачьей пасти, которую они видели в темноте, здесь не было и признака Разрушителей. Дункан не мог знать точно, но полагал, что та морда имела отношение к Разрушителям, поскольку в жизни не встречал и не слышал ни о чем подобном.

Нет ли у него и у его отряда сильного покровителя? Может, это Бог простер над ними руку? Нет, это глупая мысль. Не часто случается, чтобы Бог действовал таким манером.

Он подумал, что, может быть, дело в амулете, который он нашел в могиле Вольферта, и почти поверил в это. Это наверняка не просто безделушка, а мощный инструмент магии. Эндрю назвал его бесовской механикой. Если это машина, то должен быть какой-то способ включить ее. Если же это магия, а похоже,

так и есть, то заводить ее нет надобности. Видимо, она действует сама, когда этого требуют обстоятельства. Он засунул вещьцу в мешочек с рукописью и почти забыл о ней, но вполне возможно, что именно за счет ее магии злора Разрушителей не проявляется в полной мере.

Но разве Разрушителей нет? Разве безволосые — не Разрушители или, по крайней мере, не орудие Разрушителей? Ривер говорил, что безволосые тоже участвовали в нападении на замок. Может, это отряды для защиты истинных Разрушителей, пока те собираются на свои таинственные ритуалы омоложения, если, конечно, они вообще это делают. Кто его знает? Это ведь только теория, о которой упоминал архиепископ.

Господи, — думал Дункан, — если бы хоть что-нибудь одно я знал точно! Если бы среди всей этой неразберихи я был уверен хотя бы в одном факте!

Он даже в Вольферте не был уверен. Деревня, где тот поселился, считала его святым, и он не спорил с этим. А не спорил потому, что такое положение обеспечивало ему безопасность. Явно колдун здесь скрывался. А зачем было колдуну скрываться? И при чем тут Диана?

Она знала, что Вольферт был колдуном, и искала сведения о нем, но улетела, не закончив поисков. Если бы он мог поговорить с ней, она, наверное, объяснила бы кое-что из происходящего.

Луна уже стояла низко на западе, но утреннего света не было и в помине. Дойдут ли они когда-нибудь до привала? Каким должно быть расстояние между ними и часовней, чтобы спасти их от Зла, покровительствующего этой часовне?

Выйдя из леса, они поднялись на вершину холма, где на свободном от леса участке обнаженные скалы прорисовывали хребет холма. Дункан посмотрел вверх и в ореоле лунного света увидел Нэн, летящую в небе, — черную летучую мышь в образе женщины. Ветер стих. Это было признаком прихода зарн.

Повсюду царил тяжелая тишина, только изредка подкованные копыта Дэниела и Бьюти звенели, задев о камень.

Внезапно с освещенного луной неба снова донеслись звуки, которые Дункан слышал прошлой ночью: стук копыт, далекий человеческий крик и лай собак.

Конрад остановился. Дункан увидел, что и остальные впереди остановились тоже. Снупи стоял на маленьком скалистом выступе и смотрел в небо. Мэг, лежавшая на спине Бьюти, села и уставилась туда же.

Эндрю продолжал дремать, согнувшись в седле.

Голос стал глубже, лай громче и отчетливее, копыта стучали, как гром, прокатывающийся по небу. Над вершинами деревьев с севера появилось что-то темное. Приглядевшись, Дункан увидел всадника, ехавшего по небу: он сидел, выпрямившись в седле, размахивая охотничьим рогом и подгоняя криками собак, бежавших перед ним — злющих охотничьих псов, вынюхивающих след невидимой добычи. Огромная черная лошадь скакала прямо по воздуху.

Лошадь, всадник и собаки пронеслись над группой, стоявшей на вершине холма. Рассмотреть их детально не удавалось, все они были лишь черными силуэтами в небе. Стук копыт эхом отдавался в холмах, лай казался громовым. Всадник поднял рог к губам. Трубный звук, казалось, заполнил все небо. Затем всадник и свора скрылись за южным склоном, и звук, постепенно замирая, исчез, хотя Дункану все еще мерещился стук копыт.

Нэн скатилась с неба и, пытаясь удержать равновесие, остановилась рядом с Дунканом. Она дрожала от возбуждения.

— Вы знаете, кто это? — спросила она.

— Нет. А ты?

— Это Дикий Охотник! Однажды, до того, как я поселилась здесь, много лет назад, я видела его в Германии. Я была еще молодой. Дикий Охотник и его свора!

Мэг соскользнула с Бьюти и приковыляла к ним.

— Он всегда был в Германии и нигде больше. Я говорила нам насчет всякой нечисти, собирающейся вокруг Разрушителей.

— Он их, значит, разыскивает? — спросил Конрад.

— Сомневаюсь. Он, в сущности, ни на кого не охотится, просто ездит верхом по небу, трубит в рог и покрикивает на псов, а его собаки поднимают такой шум, что человек может напугаться до смерти. Но о плохом он и не помышляет.

— А кто он? — спросил Дункан.

— Никто не знает. Имя его давно забыто. Он разъезжает по небу так давно, что уже некому помнить.

Снупи торопливо сбежал с холма.

— Давайте пойдем, — сказал он, — уже недалеко. С первыми лучами солнца мы будем там.

— Куда ты ведешь нас? — спросил Дункан. — Должны же мы знать.

— Туда, где вы должны были бы быть. Обратно на дорогу.

— Туда, где были чары? Но нас там будут ждать.

— Нет, — возразил Снупи, — сейчас там нет никого. Они не думают, что вы вернетесь.

Дух приплясывал над их головами в тающем лунном свете.

— Правильно! Ими даже и не пахнет. Можно сказать — путь свободен.

— Нам надо отдохнуть, — сказал Дункан. — Мы все буквально умираем от усталости и недосыпа.

— А Эндрю спит, — заметил Конрад.

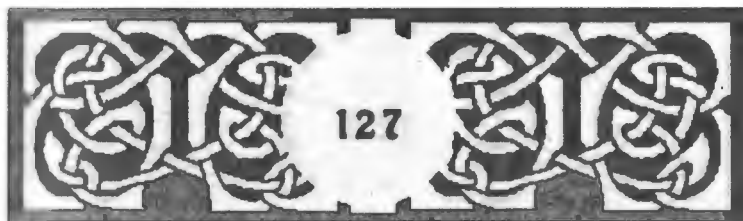
— Только он один. Зато он постоит на страже, пока мы будем отдыхать.

Глава 14

Скользкое чудовище взметнулось из болота. Его треугольная рогатая чешуйчатая голова с зубастыми челюстями и острым змеиным языком оказалась над Дунканом, стоящим по бедра в воде, тогда как болотная тина засасывала его ноги, не позволяя бежать. Он что-то яростно выкрикивал чудовищу, которое, шипя, неторопливо раскачивалось над ним, уверенное в своей добыче. Огромное змеиное тело нависало над Дунканом, как неотвратимый смертный приговор, и меч в его руке, острый, смертоносный меч, был слишком ничтожным оружием, чтобы нанести хотя бы царапину этому чешуйчатому монстру.

На болоте стояла глубокая тишина. Только шипение чудовища и звук падения капель, медленно стекающих с его чешуи. Все вокруг было странно и неестественно, словно происходило в несуществующем месте, где мгновение и пространство сошлись на причудливой границе между реальностью и нереальностью. Струйки тумана плавали над черной поверхностью стоячей воды, такой черной и такой жирной, что это была уже и не вода, а мерзкая и вонючая гнилая жижа. Деревья, росшие над водой, были словно отмечены проказой, их серые чешуйчатые стволы несли следы незнакомой отвратительной болезни, которой, видимо, был поражен весь мир по ту сторону границы.

Треугольная голова опустилась, тело выгнулось в дугу, свернулось кольцами, и чудовище бросилось на Дун-

кана. Оно выбило меч из его рук, опутало колени, обви-
лось гладкими скользкими петлями вокруг тела, сдавив
ребра и плечи, и прокричало громким голосом:

— Поосторожней с собакой. Свяжи ее хорошенько,
но чтобы ни единой царапины! Она стоит дороже вас
всех, вместе взятых. Если кто-нибудь вздумает ее уда-
рить, я подвешу его за большие пальцы!

Во рту Дункана песок, а вовсе не вода. и держат его руки,
а не змеиное тело. Он борется, пытается отбиваться, но ничего
не может сделать. В его поясицу упирается чье-то колено,
чьи-то руки сдавливают плечи. Его лицо прижато к земле. Он
открывает глаза и видит опавшие листья.

— Верзилу свяжи покрепче, — сказал голос. — и следи за
лошадью. Она тебе кишки выпустить может.

Где-то яростно рычал Тайни, где-то сражался или пытался
сражаться Дэниел, и отовсюду доносились топот и хриплое
дыхание сбившихся в кучу людей.

Дункан почувствовал, как толстая веревка больно врезалась
ему в запястья, затем кто-то рывком перевернул его на спину.
Он смотрел в небо, а углом глаза видел неуклюжих людей,
маячивших над ним. Откуда-то издалека доносился какой-то
нестественный плач.

Выпрямив тело, он отталкивался связанными за спиной
руками. пока не сумел сесть. В нескольких шагах от него лежал
Конрад, увязанный, как рождественский гусь, но все еще
пытающийся освободиться.

— Вот доберусь до вас, — ревел он, обращаясь к людям,
стоявшим поодаль, — печенки ваши вырву!

— Дружище Конрад, — ответил один из людей, — я в
высшей степени сомневаюсь, что тебе представится такой слу-
чай.

В этом человеке было что-то знакомое, но лица его Дункан
не видел. Человек повернулся, и Дункан узнал Гарольда
Ривера.

Мозг Дункана силился понять реальность, но это было трудно, поскольку переход от сна к пробуждению произошел слишком резко. Ясно, что он спал, видел во сне схватку со змееподобным чудовищем из болота, и внезапно оказалось, что он уже не спит, а схвачен и связан злобной шайкой оборванцев.

Дункан огляделся, оценивая ситуацию.

Эндрю был привязан к дереву. Мэг не было видно, как и Дэниела, а маленькая терпеливая Бьютти тоже была привязана за шею к дереву петлей-удавкой.

Скосив глаза, он увидел Тайни. Все четыре его лапы были связаны вместе, а челюсти плотно обмотаны веревкой. Тайни яростно извивался, но освободиться, конечно, не мог.

Они лежали на опушке небольшой рощицы у начала дороги, там, где они остановились ранним утром и, не думая ни о завтраке, ни о костре, оставили Эндрю на страже, мечтая только о нескольких часах сна.

Ни Снупи, ни Нэн, ни Духа не было.

Так и должно было быть: Сиупи оставил их в безопасности на дороге и ушел вместе с Нэн собирать маленький народец. Дух, скорее всего, был занят разведкой. Прошлой ночью он говорил, что в течение всего дня никого не видел, и Дункан еще удивлялся, куда же, к дьяволу, попрятались Ривер и его банда.

Дункан смотрел на приближающегося Ривера, анализируя эмоции, которые этот человек в нем вызывал: отчасти страх, наверняка ненависть, но и то, и другое перекрывалось презрением. Ривер был озлобленным подонком, беспринципно использующим любой удобный случай, — ничтожество, и даже того меньше.

Ривер остановился в нескольких шагах от Дункана.

— Ну, милорд, как вам это нравится? Все переингралось. Может, теперь вы скажете правду о себе?

— Я уже сказал тебе той ночью в замке. Мы идем в Оксенфорд.

— Но не сказали, зачем.

- Сказал. Несем сообщения.
- И это все?
- Все.
- Сейчас посмотрим, — сказал Ривер.

Он шагнул вперед и сорвал мешочек с пояса Дункана. Не троясь, отстегнул пряжки, открыл мешочек, сунул в него руку и вытащил амулет Вольферта. Он покачал его на цепочке. Плестящие камни отразили солнечный свет.

— Прямо скажем, хорошенькая штучка. Возможно, даже ценная. И что же это такое?

— Просто безделушка. Сделано для красоты.

Про себя Дункан молился: Только бы он не забрал рукопись!

Ривер сунул амулет в карман, снова полез в мешочек и вынул манускрипт.

— А это что?

— Несколько листов пергамента. Мои любимые. Взял, чтобы иногда читать.

— Тьфу! — с отвращением сказал Ривер.

Он скомкал листы и отбросил их в сторону. Ветер подхватил их и протащил несколько шагов по песку. Затем они зацепились за кустик и остались там, мотаясь по ветру.

Рука Ривера снова нырнула в мешочек, достала четки, крест из слоновой кости, еще одни четки — янтарные. Последние он внимательно оглядел.

— Старинные? — спросил он. — Может быть, освящены каким-нибудь святым?

— Его преосвященством архиепископом аббатства Стэндиш, так что они умеренно освященные.

— Главное — работа хорошая, — заметил Ривер. Он положил четки в карман. — Уж медяк-то мне за них дадут.

— Они стоят гораздо больше, — возразил Дункан. — Дураком будешь, если отдашь за медяк.

Ривер извлек замшевый кошелек.

— Теперь заглянем сюда, — сказал он.

Оскалив острые зубы, он высыпал монеты на ладонь.

— Неплохо. Для человека в стесненных обстоятельствах, вроде меня, это большая удача.

Он ссыпал монеты обратно в кошелек, сунул его в карман куртки, еще раз заглянул в опустевший мешочек, затем отбросил его в сторону.

— Теперь меч. Клинок, достойный джентльмена, будет прлучше нашего убогого железа.

Он вытащил меч из ножен и осмотрел его опытным взглядом.

— Хорошая сталь, прочная. Но где золотая отделка, где драгоценные камни? Я полагал, что дворяне носят вещи полуще.

— Золото и камни нужны для торжественных церемоний, а это боевое оружие, — ответил Дункан.

Ривер кивнул.

— Тут ты прав. Кончик острый, как игла. Действительно, очень хороший меч.

Он опустил меч, так что острие касалось горла Дункана.

— А теперь скажи, что происходит на самом деле? Где то сокровище, которое ты ищешь? И что это за сокровище?

Дункан не ответил. Он сидел спокойно, хотя инстинкт требовал откинуть голову назад. От меча не уклониться, — напоминал он себе. — Ривер снова приставит его к горлу.

— Я проткну тебе глотку, — пригрозил Ривер.

— Если ты это сделаешь, то уж точно ничего от меня не услышишь.

— Ты опять-таки прав. Может, лучше снять с тебя заживо кожу? Ты видел когда-нибудь, как с человека сдирают кожу?

— Нет.

— Неприятное зрелище. Делается это медленно, по кусочку. Существуют разные методы. Иногда начинают с пальцев, но это скучная и утомительная работа для мастера, потому что надо быть очень осторожным и внимательным — это дело тонкое. Будь мастером я, я бы предпочел начинать с живота или с промежности. Пожалуй, именно с промежности. Очень нежное место, и результаты получаются быстрее. Если мы станем

делать это с тобой, как ты считаешь, откуда начинать? Мы люди нежливые и согласимся с твоим выбором.

Дункан не ответил. На лбу его выступил пот, но он надеялся, что Ривер этого не заметит. Это ведь не пустая болтовня, — подумал он. — Этот палач так и сделает со мной, как он угрожает.

Ривер, казалось, обдумывал ситуацию.

— Наверное, лучше начать с кого-нибудь другого, — решил он, — а ты полюбуешься, пока подойдет твоя очередь. Пожалуй, тот здоровенный дурень больше подойдет. С ним работать будет хорошо. У него шикарная шкура, большая и в хорошем состоянии. Если ее аккуратно снять, можно из нее куртку сделать. Или взять того занюханного отшельника, который привязан к дереву. Он будет визжать громче, чем дурень. Визжать и просить пощады или жалобно взывать к Богу. Он нам устроит настоящее представление. Впрочем, я еще не решил. Боюсь, у отшельника кожа такая сморщенная, что не будет стоить затраченных усилий.

Дункан по-прежнему молчал. Ривер махнул рукой.

— Ладно, сегодня уже поздно. Для такой работы нужен хороший свет, а сейчас солнце уже садится. Лучше начнем с утра, так что у нас в запасе будет весь день.

Он сунул меч Дункана под мышку, погладил оттопырившийся карман куртки и уже хотел отойти, но снова повернулся к Дункану.

— У тебя будет целая ночь, чтобы обо всем подумать. Утром поговорим. — Он крикнул своим людям:

— Эйнер, Робин, вы первыми сторожите нашу драгоценную добычу. Не спускайте с них глаз. И чтобы на них не было ваших отметин! Мне их шкуры нужны неповрежденными. И если что не так — упустите их каким-нибудь образом или попортите неумелым обращением, я вам яйца оборву!

— Ривер, — сказал Дункан, — ты ошибаешься. Нет никакого сокровища. Мы путешествуем вовсе не в поисках какого-то сокровища.

— Ладно, — сказал Ривер, — это мы обсудим позже. Хотя, боюсь, если даже ты убедишь меня в том, что я ошибся, приклеить твою шкуру обратно будет трудновато.

Он сделал несколько шагов к дороге и снова закричал:

— Седрик, черт побери, зачем так далеко? Я же велел разбить лагерь поблизости!

Откуда-то донесся тонкий голос старого Седрика:

— Здесь есть небольшая лужайка, чтобы пасти коней, ведь мы хотели присматривать за ними, и тут хороший запас хвороста для костра.

Ривер проворчал что-то, потом сказал:

— Ладно, это, в сущности, не имеет значения. Они надежно связаны, сам черт не поможет освободиться. И присматривать за ними будут хорошо, и мы будем в двух шагах.

Эйнер, тот самый, кого согнали со стула в ту ночь в замке, сказал:

— Мы можем для забавы перенести их в лагерь.

Ривер подумал и ответил:

— Нет. Два человека все время будут наблюдать за ними. Чего силы тратить? К тому же здесь, в тишине, они соберутся с мыслями и поймут, как стоит вести себя дальше.

Он спустился вниз по дороге. Остальные пошли за ним. Остались Эйнер и Робин, два здоровенных увальня.

Эйнер сказал Дункану:

— Ты слышал, что он говорил? Мне приказано не делать на тебе отметин, но если вздумаешь финтить, я накормлю тебя песком.

— Вы в порядке, милорд? — спросил Конрад.

— Не разговаривать! — прикрикнул Робин. — Заткните рты!

— Со мной все в порядке, — ответил Дункан. — И с Эндрю тоже. А Мэг я не вижу.

— Она слева, недалеко от Дэниела, привязана между двумя деревьями.

— Сказано, не разговаривать! — закричал Робин. Он шагнул вперед, размахивая грубо-сделанным палашом.

— Полегче, — остановил его Эйнер. — Ривер сказал — никаких отметин.

Робин опустил палаш и отступил.

— Милорд, — сказал Конрад, — похоже, мы в большой опасности.

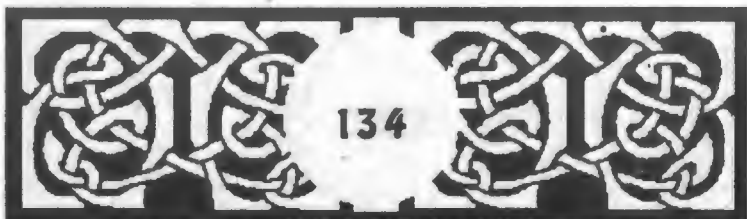
— Уверен в этом, — ответил Дункан.

Манускрипт все еще оставался там, куда его отнесло. Он запутался в кустах, к которым прижал его ветер.

Глава 15

Между ивами по другую сторону рощицы что-то зашевелилось. Дункан сидел и смотрел на пятно, которое, как ему показалось, двигалось. Лисница, что ли, — подумал он, вглядываясь, — хотя сомнительно, чтобы лиса подобралась так близко к людям. А может, другая зверюшка бродит в поисках еды.

Сплетенные ивы загораживали лагерь Ривера, но в просветах между ветвями Дункан видел свет костра. Вечером слышались крики, хохот и песни, но потом все затихло. Плач, который Дункан слышал и раньше, время от времени возобновлялся, и Дункан был уверен, что этот звук шел откуда-то с болота. Его запястья болели от попыток хоть немного ослабить веревки, и он перестал напрягать руки, убедившись в бесполезности своих усилий. Должен же быть способ вырваться, — думал он. — Должен быть. Долгие часы он ломал голову, чтобы найти этот способ. Например, острый камень, о который можно перетирать веревки, пока они не порвутся. Но камней здесь, кажется, нет, только песок и глина. Руки связаны за спиной, на крестце. Хитро извернувшись, можно попробовать просунуть их под ноги, а потом спереди перегрызть веревки, но это нелепо сделать под присмотром двух стражников. К тому же он не был уверен, что это вообще возможно. Или подкатиться к Конраду, и они

бы перегрызли пути друг у друга, но и это невозможно под внимательными взглядами Робина и Эйнера.

Дункан продолжал строить фантастические планы спасения: вдруг вернется Снупи, незаметно подкрадется, перережет веревки у одного из них, и тот кинется на стражника, пока Снупи будет освобождать других. Может, появится Дух и сразу полетит искать помощь. Спустится с неба Диана с боевым топором в руках верхом на грифоне. Он подумал даже о Диком Охотнике с его сворой собак — вдруг тот оставит свою вечную охоту на небе и придет им на помощь. Но Дункан знал, что ничего такого не произойдет.

Из плена им не убежать. А утром... Дункан запрещал себе думать об этом. Вряд ли он сумеет сколько-нибудь достойно принять пытки. Хуже всего, что нечего сообщить Риверу, чтобы прекратить мучения. Ведь никакого сокровища нет. С чего Ривер взял, что они ищут сокровище? Хотя у человека его склада подобные мысли появляются сами собой. Приписывая другим людям собственные желания и мотивы, он уверен, что любой стремится к богатству.

Тайни, долгое время пытавшийся освободиться, теперь затих и спокойно лежал на боку. Конрад тоже давно не шевелился. Зная его, Дункан решил, что он и заснуть способен. Эндрю, прикрученный к дереву, бессильно повис на своих веревках.

В лагере Ривера возобновился шум пирушки, но чуть глуше.

А манускрипт все еще был на том же месте, и ветер шевелил его страницы. Дункан умирал от желания подкатиться и спрятать его, но боялся привлечь внимание к этим листам.

Стражников никто не сменял, и они начали проявлять нетерпение. Они переговаривались, громко выражая сомнение в том, что Ривер о них помнит. С некоторым удивлением Дункан осознал, что хочет есть и пить. Жажду он мог еще понять, но чувство голода его удивило. Человеку в его положении должно быть совсем не до еды.

Сколько же времени прошло с тех пор, как они вышли из Стэндиш-Хауза? Кажется, прошла целая вечность, а на самом

деле всего пять или шесть дней. Точно он не знал, все эти дни спутались. И за такое короткое время столько тревог, а пройдено за такой большой срок так мало.

Дункан услышал, как Робин сказал Эйнеру:

— Давно должны были послать кого-нибудь. Небось, накачиваются там вином, которое вчера было выдано на всех нас. А нам и попробовать не удастся.

— Я бы не прочь хлебнуть, — согласился Эйнер. — Вино у нас редко бывает. Помню, месяцами не было выпивки, кроме эля, а он тяжеловат для желудка.

— Я думаю, мне имеет смысл пойти и взять флягу для нас с тобой. Я в момент вернусь, — сказал Робин.

— Ривер тебе уши оторвет, если ты оставишь пост.

— Что бы ты ни говорил о Ривере, — возразил Робин, — он человек разумный и не заставляет своих людей слишком уж страдать. Если я приду и напомним ему, он пошлет кого-нибудь сменить нас. Он просто забыл, как давно мы здесь торчим.

— А пленники?

— За последнее время ни один не шевельнулся. За них нечего опасаться.

— И все-таки мне это не слишком нравится, — сказал Эйнер.

— Я иду за вином, — заявил Робин. — С их стороны просто некрасиво держать нас здесь, пока они там напиваются. Ты не успеешь и глазом моргнуть, как я уже вернусь. Ведь они там, под градусом, меня никто и не заметит.

— Осталось ли еще вино-то?

— Должно остаться. Там было целых три бочонка.

— Ну ладно, раз уж ты решил. Только побыстрее. Я все-таки думаю, что ты глупость делаешь.

— Я туда и обратно, — пообещал Робин, повернулся и исчез. Откуда у них вино? — подумал Дункан.

Со стороны ив донесся слабый шелест. Может, лиса все еще там?

Эйнер, видимо, тоже услышавший шорох, хотел повернуться, но фигура, появившаяся оттуда, уже кинулась на него. Рука

схватила его за горло, металлический блеск исчез в груди стражника. Эйнер вытянулся, захрипел и, обмякнув, упал на песок.

Человек, вышедший из ивняка, подбежал к Дункану, опустился на колени. При свете луны Дункан увидел его лицо.

— Седрик! — прошептал он.

— Я же вам говорил как-то раз, — так же шепотом ответил Седрик. — Мелкие уколы то здесь, то там.

В его руке был нож, которым он разрезал веревки, стягивающие руки Дункана, затем освободил его ноги и протянул ему нож.

— Возьмите, — сказал он, — вам пригодится.

Старый пчеловод поднялся с колен и пошел к ивняку.

— Подожди! — остановил его Дункан. — Пойдем с нами. Если Ривер узнает...

— Нет. Пчелы. Я еще нужен пчелам. Они без меня пропадут. А узнать — никто не узнает. Они там все мертвецки пьяны.

Дункан встал. Ноги одеревенели, и он их не чувствовал. Старый Седрик уже исчез, растворившись в ивняке.

Дункан подошел к Конраду.

— Что случилось, милорд?

— Тихо! — прошептал Дункан. Он быстро освободил руки Конрада и подал ему нож. — Режь веревки на ногах и освобождай остальных. Сейчас вернется второй стражник. Я займусь им.

Конрад схватил нож.

— Благодарю тебя, Господи! — прошептал он.

Подбежав к ивам, Дункан услышал, как Робин неторопливо тащится по песку. Дункан держал палаш Эйнера. Грубое тяжелое оружие плохо ложилось в ладонь, онемевшие пальцы с трудом держали его.

Робин еще издали закричал Эйнеру:

— Я взял непочатый бочонок! Никто даже не заметил! Они там уже все в лежку!

Он крикнул, перекладывая бочонок с одного плеча на другое.

— Нам с тобой тут хватит до утра и еще столько останется, что хоть ноги мой, коли пожелаешь.

Он обогнул группу переплетенных ив, и Дункан быстро шагнул вперед. Удару не хватало изящества, фантазии и мастерства, какими должен обладать фехтовальщик: Дункан просто шарахнул Робина ребром палаша по теменн. Череп разлетелся, как спелая дыня, и сила удара больно отозвалась и плече Дункана. Робин упал как дерево под ударом топора, не издав ни звука. Бочонок, подпрыгивая, покатился по земле.

Дункан взял оружие Робина и побежал к манускрипту. Подобрал его, он сложил листы и сунул под рубашку.

Эндрю, уже свободный от пут, покачивался на нетвердых ногах. Тут же стояла и Мэг. Конрад наклонился над Тайни, осторожно разрезая веревки на его морде, а Дункан подбежал к Дэниелу, привязанному между двумя деревьями.

Услышав его шаги, конь попятился. Дункан ласково сказал ему:

— Все хорошо, Дэниел. Спокойно, мальчик!

Он разрезал веревки. Конь бросился вперед, затем остановился, вздрагивая. К нему подбежала Бьюти, волоча за собой перевку.

Подошел Конрад. Дункан протянул ему один из палашей, но Конрад показал свою дубину.

— Они бросили ее рядом со мной.

— Что, черт побери, происходит с Эндрю? — спросил Дункан.

Отшельник спотыкался, оглядываясь вокруг. Дункан схватил его за руку.

— Пошли. Надо уходить отсюда.

— Посох-то свой я должен найти, — ответил Эндрю. Вдруг он бросился вперед. — Ах, вот он!

— Куда пойдем, милорд? — спросил Конрад.

— Назад, в холмы. Это надежнее всего.

Конрад подхватил Мэг и забросил ее на спину Дэниела.

— Держись крепче и пониже наклонись, чтобы ветки тебя не били. Цепляйся изо всех сил, а то седла-то нет, я не знаю, куда оно делось.

Глава 16

Они остановились на вершине скалистой гряды, с которой прошлой ночью видели несущегося по небу Дикого Охотника, Луна висела низко над горизонтом, птицы уже начали шевелиться в деревьях. Мэг сползла с Дэниела, радуясь остановке, а Эндрю уселся на камень.

— Они оба измучены, — сказал Дункан Конраду. — Может, найти какую-нибудь нору и переждать? Посмотрим, что будет. Конрад огляделся.

— Место хорошее, — кивнул он. — Мы можем прижаться спиной к тем скалам и отбиваться, если они снова нападут. Это лучше, чем быть схваченными в лесу.

Он показал Дункану свои руки, на которых еще остались кровавые полосы от веревок,

— И у вас, милорд, гляжу, тоже.

— Да, связали натуго. Если бы не Седрик...

— Ему бы с нами надо. Узнает Ривер...

— Вряд ли он узнает. Они же все были пьяны в стельку. Кто-то им дал три бочонка вина, и они, конечно, старались выпить все. Но кто мог дать им вино?

— Может, нашли в какой-нибудь сгоревшей усадьбе.

— Нет. Стражники говорили, что кто-то дал.

— Вы звали Седрика с нами?

— Звал, конечно, но он отказался. Сказал, что нужен пчелам.

— А Дух всю ночь не показывался.

— Может, он был тут, увидел, что случилось, и в слезах отправился искать Окупи.

— Ему бы спуститься! Стражники до смерти перепугались и удрали.

Дуикан покачал головой.

— А что бы это дало нам? Ведь Дух не мог освободить нас.

— Это верно. Но что нам теперь делать, милорд?

— Подумаем. Пока не знаю. Может, найдем место, где отпидеться, пока ситуация не прояснится.

— Если прояснится.

— Что-то надо делать. У нас нет ни еды, ни одеял, ничего. Ривер забрал амулет колдуна.

— Невелика потеря, — отмахнулся Конрад, — просто красивая безделка.

— Может, и больше. Может, это могучий талисман, и он защищал нас. Нам удалось уйти от чар, мы легко победили пароловых, от нас бежали оборотни. Возможно, все это произошло благодаря амулету.

— От Ривера он не защитил.

— Это да, против Ривера он нам не помог. Но я уверен, что в других случаях он помогал.

Эндрю встал с камня и подошел к ним.

— Я знаю, что вы должны обо мне думать, — заявил он. — Сразу было не до того, а сейчас время есть, и вы, наверное, собираетесь наказать меня за пренебрежение долгом. Вы оставили меня на страже, а я задремал. Я клевал носом вместо того, чтобы нести вахту, как положено, вот они на нас и напали.

— Именно! — рявкнул Конрад. — Я было удивился, а потом мне не было времени думать. Значит, ты спал. А с чего тебе спать захотелось? Ты же проспал всю прошлую ночь, согнувшись в седле Дэниела.

— Это правда, — согласился Эндрю, — но ведь тот сон был не настоящий. Я просто дремал. Разумеется, я не считаю, что меня это оправдывает. Это все это от моей слабости, от слабости

тела. Мозг приказывает телу действовать, а оно не слушается. Я не такой крепкий, какими, верно, были мученики.

— Ну, вот, а еще рот разеваешь, чтобы с ними равняться.

— Да бросьте вы! — сказал Дункан. — В конце концов, у каждого свои слабости. Ведь все обошлось.

— Я постараюсь искупить свою слабость, — обещал Эндрю, — и быть как можно тверже в исполнении моих обязанностей воина Господня. Клянусь, отныне вы можете на меня полагаться.

— Если хочешь, — предложил Конрад, — я с удовольствием пну тебя в копчик. Это сразу облегчит твою совесть, а то, сдается мне, на ней немалый груз.

— Если вы действительно этого хотите, сэры, дайте мне хорошего пинка и не сдерживайте себя из-за того, что я ваш товарищ по путешествию.

Он повернулся, наклонился и поднял рясу, выставив тощий зад.

— Прекратите балаган! — сердито прикрикнул Дункан. — Хорошенькие манеры у воина Господня — показывать своим добрым спутникам костлявую задницу. Оправь рясу и встань как мужчина. Сэр отшельник, надеюсь, впредь вы будете вести себя более достойно.

Эндрю опустил рясу и выпрямился.

— Милорд, лучше бы вы позволили мне чуток укрепить его позвоночник, дабы он стал воином покрепче. Хороший пинок в корму всегда помогал, — сказал Конрад.

Дункан поднял руку, призывая к молчанию.

— Тихо, вы все! Слушайте.

Откуда-то издали слышались крики и вопли. Иногда они становились громче, потом совсем затихли.

— Это со стороны дороги, — прошептал Конрад.

Крики продолжались, затихали и начинались снова, и, наконец, прекратились совсем.

— Люди Ривера, — сказал Конрад. — Они с кем-то сцепились.

— Может, с безволосыми? — предположил Эндрю.

Они некоторое время прислушивались, но было тихо. Показались первые лучи солнца.

— Надо разузнать, — сказал Конрад. — Может, в результате схватки, если там была схватка, их убрали с дороги. Тогда мы сможем спокойно идти по ней, а не по холмам этим проклятым назаты.

— Давайте, я схожу, — предложил Эндрю. — Я буду осторожен и себя не выдам. Пожалуйста, пустите меня, я докажу свою решимость стать полезным членом вашего братства.

— Нет, — решил Дункан. — Мы останемся здесь. Неизвестно, что там случилось. А если нападут и на нас, здесь у нас больше возможностей защищаться.

Мэг тронула Дункана за локоть.

— Тогда, дорогой сэр, пустите меня. Конечно, если на нас нападут, вы посадите мои слабые силы. Но сейчас я могу сходить и разузнать, что там произошло со всем этим шумом и топлями.

— Ты? — фыркнул Конрад. — Да ты еле ноги переставляешь. Ты у нас все время ехала верхом, потому что силенок мало.

— Я могу, — запротестовала Мэг. — Я проползу сквозь кусты, как паук. Я могу воспользоваться той небольшой колдовской силой, которая у меня осталась. Я схожу и вернусь с новостями.

Конрад вопросительно глянул на Дункана.

— Пожалуй, она сможет, — согласился тот. — Тебе хочется это сделать, Мэг?

— Я ничего до сих пор не делала, — пояснила она, — и долго была для вас обузой.

— Узнать-то нужно. Не сидеть же тут бесконечно. Мы не можем расщеплять наши малые силы и посылать на разведку ного-то еще, а разведать надо.

— Если бы Дух был здесь, — вздохнул Конрад.

— Но Духа нет.

— Значит, пойдю я, — сказала Мэг.

Дункан кивнул. Она быстро спустилась с холма и исчезла среди деревьев. Дункан сел на один из обломков каменной плиты, разбившейся при падении с вершины. Эндрю и Конрад сели рядом. Все трое сидели молча. Тайни, обходя мелкими шагами всю группу камней, разлегся перед Конрадом. Дэниел и Бьюти щипали скудную траву на склоне.

Итак, мы сидим бок о бок, — думал Дункан, — на каменных обломках в этой забытой Богом дикой местности. Нас всего трое, а вокруг куча всяких опасностей.

У него сводило живот от голода, но раньше завтрашнего дня вряд ли удастся найти какую-нибудь еду. Тайни, конечно, может поймать кролика для себя, но едва ли наловит столько, чтобы хватило всем. Придется питаться кореньями и ягодами, только он не знал, какие из них съедобны. Мэг, наверное, поможет в этом, она же ведьма, она должна знать, чем можно питаться в лесу.

Он думал о предстоящем пути, и его пробирала дрожь. Пройдено еще так мало, а проблем и препятствий уже так много. А теперь еще придется идти без амулета.

Тут Дункан задумался, в самом ли деле амулет им помогал. Он вспомнил, что с безволосыми они справились до того, как нашли амулет.

Но это могло быть и случайностью. А вот против чар и оборотней амулет явно дал какую-то защиту. Победа над безволосыми могла иметь и еще одно объяснение: те не ожидали столкнуться с Дианой и грифоном. Да, наверное, этим все и объяснялось.

Однако с амулетом или без него, но идти в любом случае нужно, при любых обстоятельствах. Выбора не было. Этот вопрос он решил для себя еще той ночью, когда лежал без сна в пещере отшельника. Долгая история его предков не оставляла ему возможности другого решения. А если пойдет он, пойдут и другие. Конрад пойдет, потому что они близки, как братья,

Эндрю — потому что одержим идеей стать воином Господним, а Мэг... У Мэг, строго говоря, не было никаких причин идти с ними, но он был уверен, что пойдет и она.

Солнце уже поднялось высоко, и в воздухе разлилась теплая дремота. Дункан поймал себя на том, что клюет носом и почти засыпает. Он встал, глубоко вздохнул, прогоняя сон, но через некоторое время снова задремал.

Все тело его ныло, запястья болели от веревок, а желудок был сплошным голодным воплем. И ужасно хотелось спать. Он подумал, что если бы только удалось сейчас поспать, то, может быть, и боль прошла бы. Но спать было не ко времени.

Позади него Конрад, поднявшись на ноги, поглядел вниз на южные холмы и сообщил:

— Вон она идет.

Дункан заставил себя встать и посмотреть туда, куда указывал Конрад. Эндрю даже не пошевелился. Согнувшись чуть ли не вдвое, так что голова почти касалась колен, он крепко спал, вцепившись в свой посох.

Внизу у края леса Дункан разглядел что-то движущееся. Присмотревшись, он узнал Мэг. Она с трудом поднималась по склону, почти ползла, соскальзывая и снова поднимаясь.

Конрад сбежал вниз, поднял ее на руки, внес наверх и осторожно посадил перед Дунканом.

Она посмотрела на них глазами-бусинками и выдохнула:

— Мертвые.

— Мертвые? — переспросил Дункан. — Кто, люди Ривера?

— Все, — прошептала она. — Лежат на дороге, окровавленные и мертвые.

Глава 17

На песке лежали покойники, и ветер с болота трепал на них лохмотья одежд, но не на всех, потому что среди мертвых были и безволосые, а на них одежды не было. Огромные черные птицы прыгали между трупами и усаживались на них. Другие птицы, поменьше, тоже прыгали и бегали вокруг, склевывая с песка сгустки свернувшейся крови и подбирая какие-то куски, раскиданные по земле.

Тела занимали небольшое пространство. Видимо, банда Ривера собралась в кучу, чтобы отразить атаку, шедшую сразу с трех сторон, так что отступать они могли только в болото, а оно само было смертью.

Вещи — седельные сумки, горшки и сковороды, одеяла, одежда, пивные кружки и оружие — все было разбросано вокруг.

От слабо тлеющего костра еще струился дымок. Поодаль на дороге стояло, свесив головы, несколько лошадей. Остальные лошади, вероятно, разбежались. Возле кучи хвоста валялись седла, попоны и прочая сбруя.

Дункан остановился, глядя на картину резни. Он ощущал во рту горечь и боялся, что его вырвет. Хотя в библиотеке Стэндиш-Хауза он читал страшные, вызывающие дрожь отчеты о сражениях и мрачные описания их последствий, своими глазами такую бойню он видел впервые.

Он удивлялся, что это производит на него такое впечатление. Ведь он не испытывал ничего подобного, сражаясь с безволосыми и вервольфами. И всего несколько часов назад он раскроил череп ничего не подозревавшему Робину, но то была работа, необходимая для того, чтобы выжить. А здесь — другое дело. Здесь ничего личного не было, сам он в этом не участвовал. Здесь смерть собрала обильный урожай, и свиде-

только тому находилось на узком пространстве земли между гладкой поверхностью болота и острыми выступами скал.

Перед ним лежали люди, угрожавшие насилием и пытками самому Дункану и его товарищам, и он старался убедить себя, что его радует случившееся с этими людьми, что это его от них отпободило, но, к своему удивлению, не находил в себе ненависти к мертвым.

Не то, чтобы он никогда не видел мертвых. Ему было десять лет, когда старый Уэллс пришел в его комнату и отвел его в большой холл, где лежал умерший дедушка Дункана. Там собралась вся семья, но Дункан не видел ни одного лица, кроме ястребиного лица деда, лежавшего на ложе.

Толстые высокие свечи горели по четырем углам кровати, будто могли своим светом отогнать мрак смерти от уже умершего старика. Его преосвященство стоял рядом с кроватью, одетый в блестящую сутану, и бормотал на латыни молитвы утешения и благословения. Дункан смотрел только на деда и видел его одного, его хрупкое старое тело, увенчанное сильной головой с ястребиным профилем. И лицо дедушки казалось ему плоским, несмотря на значительность волевого лица. Ушедшего человека сменила восковая фигура.

Конрад коснулся руки Дункана.

— Милорд!

— А? Извини, я задумался.

Они медленно, тяжело ступая, пошли вперед. При их приближении черные стервятники недовольно закричали и, махая крыльями, подняли вверх свои тяжелые тела. Белые пустые лица невыразительно глядели на пришедших.

— Надо сделать одно, — сказал Конрад. — Найти все, что они у нас взяли: меч, амулет этот, о котором вы так печалитесь, седло Дэнниела и немного еды. И уйти спокойно.

Дункан остановился, а Конрад двинулся вперед, обходя по кругу арену смерти.

Мэг шла, нахохлившись, и, чем-то напоминая улетевших стервятников, торопливо подбирала с земли упомянутые Кон-

радом предметы. Эндрю остановился немного в стороне и задумчиво оперся о посох. Тайни трусил за Конрадом, отгрызаясь на мертвецов.

— Милорд, — позвал Конрад, — идите сюда.

Обойдя несколько трупов, Дункан поспешно подошел к Конраду. Тот показал пальцем на одно из тел. Глаза человека были открыты и смотрели на него.

— Это Ривер, — сказал Конрад. — Жив еще, сукин сын. Прикончить его?

— Не нужно, — ответил Дункан. — Отсюда он не уйдет. Пришел его последний час.

Ривер с трудом заговорил:

— Стэндиш! Значит, еще раз встретились...

— При несколько иных обстоятельствах, чем в прошлый раз. Ты ведь собирался содрать с меня кожу.

— Они предали меня, Стэндиш...

Выговорив эту фразу, Ривер сомкнул веки. Потом заговорил снова, не отрывая глаз.

— Они велели мне убить тебя, а я не убил.

— Мне поблагодарить тебя за это?

— Они использовали меня, Стэндиш, чтобы убить тебя. У них самих кишка тонка для такой работы.

— Кто это они?

Глаза Ривера снова открылись, и он поглядел на Дункана в упор.

— Ты скажешь мне правду? Поклянешься на кресте?

— Для умирающего я это сделаю. Да, поклянусь.

— Есть здесь сокровище или было ли оно когда-нибудь?

— Нет никакого сокровища и никогда не было.

Ривер закрыл глаза.

— Все, что я хотел. Мне просто надо было знать. Теперь можешь позволить своему верзиле...

Конрад поднял дубину, но Дункан покачал головой.

— Не нужно. Это ничего не даст.

— Кроме удовлетворения.

— Удовлетворения в этом нет, — возразил Дункан.

Эндрю подошел и встал рядом.

— Надо бы сказать несколько напутственных слов. Последний обряд для умирающего. Я не облечен властью делать это, но, конечно, несколько слов...

Ривер попытался снова открыть глаза, но не смог. Его ресницы затрепетали, но веки не поднялись.

— Убери отсюда этого ханжеского ублюдка, — прошептал он чуть слышно.

— Не нужен ты ему, — сказал Конрад Эндрю.

— Последнюю милость, — прошептал Ривер.

— Что тебе?

— Разбей проклятую мою голову.

— И не подумаю, — сказал Конрад.

— Я лежу среди своих мертвых. Помогни мне умереть тоже.

— И так скоро сдохнешь, — ответил Конрад.

Эндрю уронил посох и выхватил у Конрада дубину. Дубина взлетела и опустилась. Конрад оторопело смотрел на свою пустую руку.

— Это и есть твоё напутственное слово? — спросил Дункан.

— Такой вот последний обряд?

— Я оказал ему милость, — сказал Эндрю, выпуская дубину из рук.

Глава 18

Отойдя подальше от мертвых, они сделали привал. Уже близилась ночь. Со стороны болота доносились далекие причитания. Порывистый ветер раздувал костер и уносил искры далеко к болоту.

Эта топь — страшное место, — думал Дункан, сидя у костра, — страшное в своей протяженности, уединенности и дикости. Это и не озеро, и не настоящее болото. Здесь много медленных протоков, затянутых болотной тиной и камышами, с просветами окон и зарослями ивняка. Попади в такое — не выберешься.

Конрад, сидевший по другую сторону костра, нарушил молчание.

— Удачно вышло, милорд. Мы не только шкуры свои спасли, но и вернули все имущество — меч, амулет и прочее.

— Очень мне жаль старого Седрика, — сказал Дункан.

— Надо было похоронить его, — отозвался Эндрю. — Другие, ладно, а Седрика надо было похоронить. Он много сделал для нас.

— Невелика была бы услуга, — заметил Конрад. — Какую могилу ни выкопай, через день-два волки все раскопают.

— И задерживаться было нельзя, — добавил Дункан. — До темноты оставалось часа два, а мне хотелось успеть подняться на дорогу.

Появился Дух.

— Явился, наконец, — недовольно сказал Эндрю. — Где ж ты шлялся все это время? Мы тут в такую беду попали...

— Знаю, — ответил Дух. — Я вернулся ночью и все видел. Я не показался, потому что помочь вам все равно не мог, поскольку я нематериален. Но я сразу понесся звать на помощь Снупи или кого-нибудь из его народца, но никого не нашел.

— Уж этот твой Снупи, — проворчал Эндрю. — Грош ему цена. Безответственный, как и ты. Нельзя ему верить, и не стоило труда его разыскивать.

— Однажды он помог нам, — вступился Дункан. — С часовней Иисуса-на-Холмах. Он предупредил нас, что надо уходить оттуда, и дорогу нам показал.

— Ну, иной раз он может и помочь чуток, — согласился опшельник, — когда захочет. Но надеяться на него нельзя. Положись на него — шею свернешь. Озорство в нем сидит.

— Счастлив сообщить, — сказал Дух, — что сейчас опасности нет. Хотя за теми холмами еще могут быть безволосые.

— Они были здесь утром, — сказал Конрад, — и напали на Ривера.

— Знаю. Но они не задержались. Они сейчас далеко.

— Ривер и его люди, видимо, прятались в расщелине, — предположил Дункан, — вот почему их никто и не видел. Ты уверен, что безволосые не прячутся там?

— Уверен, — ответил Дух. — Я как раз оттуда. У меня появилась та же мысль, и я пролетел вдоль всей расщелины. — Он вздрогнул. — Жуткое место!

— За ней, по словам Снупи, должен быть замок — проговорил Дункан.

— Когда-то был замок, а теперь развалины, больше ничего. Груда камней, не лучше могилы. Стоят деревья, поросшие мхом.

Мэг, скорчившись на своем месте у костра, в стороне от других, что-то бормотала про себя. Она подобрала несколько камешков и будто играла с ними.

— Гадаешь на рунах? — с отвращением в голосе произнес Эндрю. — Ну, и что они тебе говорят? Что ты в них видишь?

— Вижу беду, — ответила ведьма. — Новую беду. Большую беду.

— У нас уже была беда, бабушка, — сказал Дункан. — Мы свою долю уже получили.

— Ни у кого нет своей доли в беде, — возразила Мэг — Беды не поровну делятся. У одних только тяжкий труд и беды, а у других ничего такого нет.

— А что за беда-то, можешь сказать? — спросил Конрад. — Мы бы подготовились ее встретить.

— Этого руны не говорят. Говорят только, что беда ждет на дороге впереди.

— Обман все это, — Эндрю сплюнул. — Жульничество. У тебя же не руны, а простые камешки. На настоящих каменных рунах магические знаки.

— Нехорошо ты говоришь, — сказал отшельнику Дункан. — Надо думать, женщина знает свое дело.

— Хорошо сказано, — одобрила Мэг. — Я благодарю вас, сэр. Тому, кто знает это искусство, любой камень будет служить как надо. Секрет вовсе не в камнях, а в знании того, кто их раскидывает.

— Скажи мне одно, — попросил Дункан, — это, я думаю, ты знаешь. Что за плач мы слышали с болота? Печальные такие звуки.

— Это и есть печаль. Печаль за весь мир, за всех живущих на земле, и людей и всего остального, что есть или было на свете до людей.

— Это же кощунство! — возмутился Эндрю. — Я это уже раз слышал, но ничего не сказал, а сейчас скажу. Библия-то говорит, что до человека никакой жизни не было, что вся жизнь была сотворена в один и тот же день. Так написано в книге Бытия.

— Полегче, друг, — перебил его Дункан. — Есть крупные ученые, изучающие горные породы. Они думают по-другому. Они находили отпечатки на камнях...

— Об этом я тоже слышал, — сердито возразил Эндрю. — Но я этому не верю. Софистика все это.

— У каждого свои убеждения, — согласился Дункан. — Не будем спорить. Мэг, ты говоришь — печаль. От кого же исходит эта печаль?

— Не знаю. Это от меня сокрыто. Знаю только, что таких мест, откуда идет плач, на земле много. Печальные места, покинутые, забытые. Там оплакивают мир.

Дункан сидел и слушал оплакивание мира. Звук шел изда-лока, не обязательно с болота, но откуда-то рядом с ним. Есть какое-то тайное место, — думал он, — где бедность и отчаяние собираются, как в фокусе. Плач обо всех событиях, которые могли быть, но не произошли, потому что крестовый поход так и не состоялся, и Иерусалим до сих пор в руках неверных; об иберийских кораблях, которым не пришлось рассекать океанские волны у чужих портов, и неизвестные страны все еще ждут их; о пребывающей в застое Европе, где пахут землю плугами, такими пользовались столетия назад, а крестьяне живут в темных нездоровых лачугах, где чуть ли не рядом с великолепием церквей, воздвигнутых трудами и молитвами христиан для прославления Господа, все еще существует язычество.

Силы зла, как говорил архиепископ, кормятся и жиреют на человеческих несчастьях и главное для них — продолжение нищеты. Зло это в прошлом возникало во многих местах, в их узловых пунктах. Теперь оно появилось в Британии.

Какие факторы сделали Британию таким узловым пунктом для возникновения Зла? Британия за всю историю была местом спокойствия, окраиной мира, где случались местные раздоры, а порой звенело оружие, но это никогда не распространялось далеко.

— Дорогой сэра, — произнес Дух, паря над Дунканом, — я думаю, что сделал все не так уж плохо. Я уверен в результатах разведки и всегда говорю вам правду.

— Ты все делаешь как надо, — ответил ему Дункан, — и меня это даже удивляет. У тебя ведь нет никаких оснований соблюдать верность по отношению ко мне.

— Вы однажды сказали, что не приглашаете меня с вами, но не имеете возможности помешать мне в этом. Я понимаю, это не означало, что вы ко мне плохо относитесь, но все-таки с тех пор у меня щемит в груди.

— И какого ответа ты от меня ждешь? Что, если бы ситуация повторилась, теперь я бы тебя пригласил идти с нами? Так вот, этих слов я тебе не скажу. Но зато скажу другое: я очень рад, что ты пошел с нами.

— Вы и вправду так думаете, сэръ?

— От всей души, Дух.

— Тогда я буду продолжать путь с легким сердцем. Когда, по вашему мнению, мы придем в Оксенфорд? Я очень хочу найти там достойного ученого и поговорить с ним о моем деле.

— Такими темпами, как сейчас, мы, пожалуй, никогда не дойдем.

— Но в действительности вы же так не думаете, сэръ?

— Нет, пожалуй, не думаю. Рано или поздно, но в Оксенфорд мы придем.

Пронизав это, Дункан сомневался. Они прошли не так уж много, и если слишком задержаться, епископ Вайс может и умереть до того, как увидит манускрипт. А если они не застанут славного епископа, все их путешествие в лучшем случае будет глупой ошибкой.

Полезно было бы знать, где сейчас Разрушители? Должно быть, они собираются на севере для своей странной процедуры омоложения. Конечно, сейчас самое время начинать ее, потому что они как раз опустошили этот огромный район, чтобы не допустить чужого вмешательства. Может быть, Разрушители расставили заграждения на его пути только потому, что он, Дункан, неосмотрительно направлялся прямо к месту их сбора? В этом случае все их действия были просто защитой от возможного вмешательства.

Если бы знать, где сейчас находятся Разрушители, можно было бы их обойти стороной, и те, возможно, оставили бы его в покое.

Он мысленно вернулся обратно по пройденному пути, надеясь отыскать какой-то ключ к дальнейшему продвижению, и снова вспомнил о Диане. Как он ни пытался рассматривать эту встречу в качестве случайного дорожного инцидента, его со-

Милорду этому противилось, и Дункан не мог выкинуть Диану из памяти. Он тщился мысленно восстановить ее облик, но видел в ней только лишь ее боевой топор и грифона. Он не мог вспомнить ни цвета ее глаз и волос, ни даже овала лица. Дункан осознал, что не переставал думать о ней с самого дня их встречи, случившейся несколько дней назад, а кажется почему-то, что страшно давно.

— Милорд, — сказал Конрад, — туман сгущается. Ночью надо быть начеку.

Конрад был прав. За последние несколько минут из болота поднялся туман и теперь подползал к ним. И все еще доносился из болота приглушенный густеющим туманом плач по миру.

Глава 19

Когда солнце уже сильно склонилось к западу, они добрались до конца дороги и вошли в узкую щель между двумя высокими утесами. Казалось, она возникла оттого, что какой-то гигант в далекие времена разрубил гору одним ударом тяжелого топора. Песок, нанесенный ветром с дороги, лежал в расщелине низкими дюнами, весь в оспинах следов людей и лошадей — видимо, банды Ривера. Но метров через двадцать тридцать песок кончился, и под ногами остался голый камень.

На небольшом участке он был ровным, как пол, затем стал местами ребристым, а иной раз путь почти перегораживали обломки осыпавшегося со стен камня. Здесь не было никакой растительности — ни травинки, ни кустика. Ветер с болота, не утихая, свистел в расщелине, то жалобно завывая, то спускался до шепота и снова поднимаясь до пронзительного скорбного плача.

Они шли в том же порядке: впереди Тайни, но гораздо ближе к группе, чем на открытых местах, за ним Конрад, потом Бьюти и отшельник и, наконец, Дункан с Дэниелом в поводу. На спине лошади сидела Мэг, крепко вцепившись в седло.

В расщелине был полумрак. За весь день было лишь несколько мгновений, когда прямые солнечные лучи проникали на дно ущелья. Остальное время была освещена только верхняя кромка восточной стены, но по мере убывания дня, темнота поднималась по расщелине все выше, пока не заполнила все ущелье.

Дункану казалось, что они идут по дну колодца, изолированные от внешнего мира, отрезанные от всего, что там происходит, но отрезанные не ради безопасности, а скорее, как попавшие в западню. Привычной цепочкой они пошли просто по привычке. Для открытых мест это было хорошо, но здесь,

думал Дункан, могло оказаться ошибкой. На открытом пространстве Дэниел, находясь в арьергарде, мог быстро развернуться к любой опасности сзади, здесь же места для маневра не было:

Дункан остановился и пропустил Дэниела вперед. Осторожно ступая, конь прошел мимо хозяина, прижав его к стене своим крепким телом. Высоко над головами идущих стонал и завывал ветер. Кроме этих звуков был слышен только тяжелый стук копыт Дэниела и звонкое цоканье копытцев Бьюти.

Идя за Дэниелом, Дункан положил руку на вновь обретенный кожаный мешочек и ощупал пергамент и амулет, возвращенный им вармана Ривера. От этого он почувствовал себя увереннее. Что-то помогало им пройти через все опасности, с которыми они встречались. Это явно не было случайностью. Амулет? Возможно, что годы, которые амулет пролежал в могиле Вольфгарты, могли усилить его колдовскую силу, подобно тому, как время улучшает вкус и букет хорошего бренди. Как бы то ни было, с амулетом Дункан чувствовал себя спокойнее.

Время шло. Слева медленно наползала тьма. Конца расщелины не предвиделось. Кажется, Снупи говорил, что здесь всего лишь пять? Правда, Эндрю не советовал полагаться на слова гоблина. Но если гоблин был хоть сколько-нибудь близок к правде, то при самом медленном темпе они давно должны были пройти это расстояние. На какой-то момент Дунканом овладела уверенность, что ущелье вовсе не имеет конца, что расщелина бесконечна, что они будут шагать по ней всегда, и им отсюда не выбраться.

Дункану уже давно казалось, что завывание ветра все больше стало напоминать голоса, как будто хор проклятых душ декламирует непонятные слова. Наконец, ветер утих, и довольно долго стояла мертвая тишина. Эта тишина казалась Дункану еще страшнее, чем завывания и визг. В этой тишине копыта Дэниела и Бьюти звучали ясно и отчетливо, как бой барабана, над звуки которого они все шли к неизвестной, но гибельной судьбе.

И снова завыл ветер, снова возникли голоса — если он существовали не только в воображении Дункана. Но теперь среди криков ужаса и воплей агонии выделялся один голос отчетливо произносивший одно слово: Святой!

Слово повторялось и повторялось, и с каждым повторением оно звучало все более страстно. Временами Дункан слышал это слово совершенно отчетливо, потом начинал в этом сомневаться, а в следующий миг готов был поклясться, что явственно его слышал. Голос звучал восторженно, с возрастающим жаром, доходящим до эйфорического экстаза, как если бы осужденная душа неожиданно воспарила от мук чистилища прямо воротам рая. Дункан заткнул уши, чтобы не слышать этой счастливой победной песни, и когда несколько минут спустя опустил руки, услышал голос Конрада:

— Свет! Вижу свет! Мы подходим к выходу!

Дункан света не видел, но это было не так уж удивительно, поскольку дорога была такой узкой, что корпус Дэниела заполнял ее почти целиком, заслоняя обзор. Однако он заметил, что стены немного посветлели. Голос все еще выкрикивал в экстазе Святой! Святой! Святой! — но по мере того, как усиливался свет, звук становился все слабее и, наконец, пропал совсем. Вопли ветра превратились в бормотание, погибшие души замолчали, и Дункан увидел впереди ту самую прелестную зеленую местность, о которой говорил им Снупи.

Это и в самом деле было приятное место: широкая долина, обрамленная на горизонте холмами. Перед ним лежали развалины замка, которые им описывал гоблин.

Замок был побольше, чем курган, описанный Снупи. Дрошевавшие башенки все еще стояли на страже по обеим сторонам, а между башенками лежала беспорядочная груда камней. Края упавших камней были сглажены ветром и дождями. Внимание Дункана привлекли широко расставленные стелющиеся камни. Правда, стояли они не прямо, а под разными углами. Когда-то, видимо, замок был окружен оградой из массивных камней, вроде той, что, по слухам, была в Стоунхедже и кое-где

в других местах. Но этот круг — если верить рассказам путешественников, побывавших в Стоунхедже — был шире мощного, потому что включал в себя большую площадь. Иранто, в прежние времена зрелище было величественным, но теперь замок был практически разрушен.

Солнце находилось почти над самым западным горизонтом, и длинные тени в долине стали совсем глубокими. Позади замка торопливо текла спокойная река. Над ней летела стайка уток. Позади себя Дункан слышал бормотание ветра в ущелье.

Дункан догнал Конрада. Тайни бежал впереди, рыская по всем направлениям и все обнюхивая.

— Я думаю, спустимся к реке и разобьем лагерь на берегу, — сказал Дункан, — а утром тронемся пораньше.

Конрад кивнул.

— По открытому месту мы быстрее пойдем.

— Это хорошо. Времени потеряли много.

— Жаль, что мы не могли прихватить лошадей Ривера. Но все равно пойдем с хорошей скоростью. Ноги у нас плохие.

— Отшельник нас может задержать.

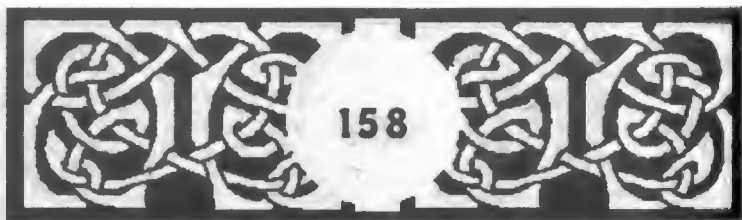
— А мы усадим его вместе с Мэг на Дэннела. Он ведь их обоих снесет и даже не заметит.

— Посмотрим, — сказал Дункан. — Отшельник такой крик может поднять. Он же хочет быть таким, как ты и я.

— Я ему предоставляю это почетное право, — пообещал Конрад.

Они спустились с холма и уже шли через долину, когда Мэг внезапно завизжала. Оба обернулись.

С лесистого холма на восток от расщелины спускался длинный ряд безволосых, а позади них маячил туман. Облако тумана вздрагивало и дергалось, словно внутри него было какое-то смятение. Безволосые, неуклюже переваливаясь, шли на колена в струях тумана, вырвавшихся из крутящегося облака, словно переходили их вброд. В просветах колышаше-

гося тумана временами мелькали отвратительные детали: мешанина зубов, рогов, клювов, горящих глаз.

Конрад присвистнул.

— Колдовство!

Остальные добежали до Дункана и Конрада и выстроились в линию лицом к приближающимся безволосым, которых прикрывало сзади облако дымного тумана.

— Останемся здесь? — спросил Конрад.

— Отступать некуда, — ответил Дункан. — Если даже побегим, они нас догонят.

— А развалины? Если мы прижмемся к этому кургану, безволосые смогут нападать только спереди или сбоку. Они кинутся, как волки.

— Не успеем добежать. Да и Снупи предостерегал нас по поводу этого замка.

Дэниел стоял справа от Дункана, Эндрю слева, дальше Бьюти и Мэг, Конрад и Тайни замыкали левый фланг.

— Мэг, ты-то что тут делаешь? — спросил Дункан. — Беги отсюда, спасайся.

Она хихикнула.

— Я могу кусаться и царапаться. Могу пинаться. Я могу призвать немного своего колдовства.

— Толку с твоего колдовства! — буркнул Эндрю. — Те, что идут на нас, сами с колдовством.

Безволосые неуклюжей походкой медленно спускались с холма с дубинами наизготовку. За ними двигалось колышавшееся облако тумана, который теперь, казалось, как бы простреливался вспыхивающими искрами.

Внутри тумана ворочались устрашающие фигуры, появлявшиеся при вспышках и снова исчезающие в завихрениях дымного облака. Последние лучи солнца еще касались верхушек холмов на севере, а в долину вползал мрак. Дункан держал меч наготове и радовался, что не боится, хотя никакой надежды устоять перед такой силой не было. Сначала нападут безволосые, произойдет быстрая схватка, затем вступят в бой чудови-

ни, и все будет кончено. Но что делать? Бежать, чтобы за ними охотились, как за зверьем? Упасть на колени и просить пощады, хотя известно, что ее не будет? Просто стоять и ждать смерти? Нет, он будет сражаться и, по крайней мере, не уронит чести Стриндиш-Хауза. На минуту всплыло воспоминание, как он стоял перед стариком-отцом, смотрел на его прямую фигуру, на суровое лицо с коротко подстриженными усами, с седыми волосами и ясными, честными серыми глазами.

Можно ли опозорить такого человека?

Дункан поднял меч, когда приблизился первый безволосый. Еще шаг, — подумал он.

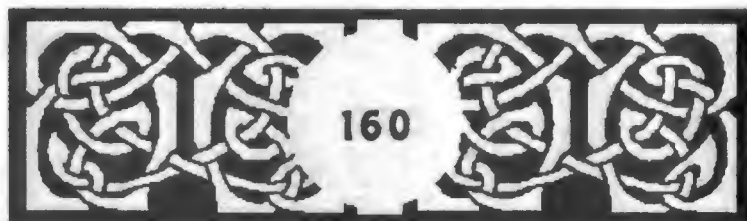
Безволосый сделал этот шаг, поднял дубину, но Дункан ударил мечом и скорее почувствовал, чем увидел, как лезвие пошло в тело.

На место упавшего безволосого встал другой. Снова взлетел меч. Дубина безволосого отвела удар, но меч отсек выше локтя руку, державшую дубину. Позади кричал Дэниел, как кричат только боевые кони в пылу схватки. Стоя на задних ногах, конь ронял копытами черепа безволосых и топтал упавших. Рядом Индрию вытаскивал свой посох из живота нападавшего. Другой махнул на него дубину, но прежде, чем он успел опустить ее, Дункан перерубил безволосому шею.

Время исчезло для Дункана. Не было ни прошлого, ни будущего, только залитое кровью настоящее, в котором он бил, колот, пронзал и наносил удары. Безволосые словно выстроились в очередь для того, чтобы можно было убивать их по одному. Они бросались на Дункана, и, как в дурацкой игре, упавшего сменял следующий.

Дункану казалось невероятным, что он еще держится, но он держался.

Внезапно перед ним оказался не безволосый, а нечто бесконечно черное и гнусное, изрыгающее адскую злобу. Оно состояло из когтей и зубов, из него сочились что-то тошнотворно-омерзительное, и Дункан, ощутив вспышку слепой ненави-

сти, какой к безволосым не испытывал, бросился на это нечто и разрубил его пополам.

Что-то толкнуло его в бок, и он упал, потеряв равновесие.

Поднявшись, он увидел, кто его толкнул: разъяренный грифон бил крыльями по крутящемуся облаку, рвал его когтями и острым клювом, раздирая то, что находилось внутри облака. На спине грифона сидела Диана в кожаном костюме. Ее красно-золотые волосы разметались в пылу битвы, в ее руках сверкал боевой топор, испачканный красной кровью и чем-то черным, что вытекало из злобной твари, убитой Дунканом.

Дункан услышал гром копыт в небе, звук охотничьего рога и лай собак. Он сделал шаг вперед и споткнулся о лежащего отшельника. Впереди ковылял на кривых ногах безволосый, направляясь к Тайни, который методически рвал на части воющий и визжащий ужас. Дункан бросился на безволосого. Острие меча вонзилось в горло врага, и его дубина ударилась о землю, чуть не задев Тайни.

Стук копыт и хриплый лай, казалось, заполнили всю долину, и с неба спустились черные силуэты лошади, всадника и охотничьих собак, — окутанные туманом тени, сделавшиеся реальностью. От них неслся такой ветер, что Дункан еле удержался на ногах.

Дикий Охотник и его свора устремились в просвет туманного облака, где находились ужасающие чудовища с их мерзкими клыками и зубами, снова взмыли в небо и опять повернули к облаку.

Высоко подняв свой топор, с которого капала кровь, Диана крикнула Дункану:

— Бегите к замку! Спасайтесь!

Дункан повернулся, чтобы поднять Эндрю, но тот уже встал, опираясь на посох. На его щеке была ссадина, кровь капала с бороды на разорванную рясу.

— К замку! — крикнул ему Дункан. — Беги как можно быстрее!

— Бегите все к замку! Это ваш единственный шанс! — кричала Диана.

Дункан подбежал к Дэниелу и схватил его за гриву.

— Вперед, Дэниел.

Безволосых больше не было. Край тумана был в лохмотьях, сбитые стрелы исчезли, а бесчисленные темные фигуры прыгали и бежали, ползли и карабкались по склону холма.

Дункан огляделся в поисках Конрада. Тот бежал к развалинам замка, таща за ошейник разъяренного Тайни. Мэг и Бьюти бежали, словно наперегонки, причем Мэг, прихрамывая и пошатываясь, делала героические усилия, чтобы не отстать от охотника. Эндрю ковылял за ними, сердито ударяя посохом в землю.

— Пошли, Дэниел, — повторил Дункан.

Он побежал широким шагом. Конь поскакал за ним.

Оглянувшись через плечо, Дункан увидел, что Дикий Охотник и собаки резко набирают высоту. Он услышал свист крыльев, увидел Диану и грифона, также направлявшихся к замку.

Наклонные стоячие камни были уже близко. Дункан бежал с ним, недоумевая, какую тут можно найти защиту. Если силы Зла и оставшиеся безволосые нападут снова, а они, вероятно, так и сделают, как только соберутся вместе, он и его отряд снова будут вынуждены сражаться. На этот раз их будут защищать со спины развалины замка, но и в этом случае им долго не продержаться. Им и так удивительно повезло, что они еще живы. Если бы не вмешательство Дианы и Дикого Охотника, они все уже погибли бы. Дункану стало любопытно, отчего этот дикий небесный всадник ввязался в битву? Ему-то какой интерес?

Дункан быстро оглянулся: позади валялись трупы безволосых и всех других — и нечто, разрушенное Дунканом, и та ужасающая тварь, которую рвал Тайни, и все прочие.

Дункан и Дэниел прошли между двумя стоячими камнями, и вдруг обычная луговая трава под их ногами превратилась в

ухоженную бархатистую лужайку. Дункан ошеломленно поднял глаза и чуть не задохнулся от изумления: развалины исчезли, вместо них посреди прекрасного парка стоял роскошный замок, сияющий, словно только что выстроенный. К высоким входным дверям вели каменные ступени, вход был освещен свечами, из некоторых окон также лился свет.

На лужайке сгорбился грифон. Диана, одетая в кожаный костюм, в ореоле золотых волос, шла через лужайку навстречу Дункану, все еще держа свой боевой топор. В нескольких шагах от него она остановилась и сделала небольшой реверанс.

— Добро пожаловать в замок колдунов. — провозгласила она.

На лужайке собрались и все остальные, так же ошеломленные увиденным, как и Дункан.

Дункан все еще держал в руке обнаженный меч. Он машинально начал вкладывать его в ножны, но Диана остановила его.

— Сначала вытрите его как следует вот этим.

Она поднесла руку к шее и сняла белый шарф.

— Но...

— Вытирайте, вытирайте, — сказала она. — У меня их полно. А этот уже старый.

— Я мог бы и травой...

Диана покачала головой, и он принял из ее рук длинную полосу тонкой шелковистой ткани.

— С вашего разрешения, миледи...

Он тщательно протер лезвие, пока оно не заблестело.

— Дайте и мне кусок, — сказала она.

Он нерешительно разорвал шарф, и она стала вытирать топор.

— Хороший спорт, — проговорила она. — Добрая охота.

Он смущенно пожал плечами.

— Да, дело обернулось хорошо. Но нам приходилось туго, пока не появились вы и Охотник. Скажите, а какое отношение ко всему этому имеет Охотник? И вы? И еще этот замок?...

— Я же сказала, это замок колдунов. Как только вы переступили магический круг, вы оказались в очарованном месте.

Конрад, прихрамывая, подошел к ним. Следом шел Тайни.

— Что с тобой? — спросил Дункан.

Конрад медленно повернулся и показал кровавую рану на бедре.

— Кто-то хватанул меня. Наверное, та тварь, которую рвал Тайни. А с вами все в порядке, милорд?

— Разве что грифон сбил меня с ног крыльями.

Он вытер со лба подсохшую кровь.

— Простите, — сказала Диана. — Хуберт иной раз бывает неловок, но он в этом, по правде говоря, не виноват: он очень стар. — Она обернулась к Конраду. — Вам лучше пройти в замок, потому что ваша рана...

— Пройдет, — отмахнулся Конрад. — Бывало хуже.

— В рану мог попасть яд. У нас есть нужные мази. Я училась составлять лекарства.

— Спасибо, — сказал Конрад, сиюсь быть вежливым, — оно того не стоит.

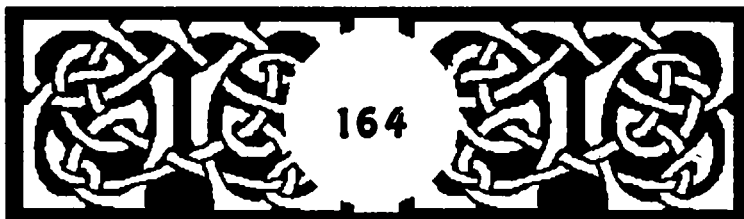
Оглянувшись на круг стоячих камней. Дункан увидел, что все они стоят прямо, новые, белые, поблескивающие в слабом свете, будто их вытесали только вчера.

— Не понимаю, — сказал он Диане. — Все камни стоят, как полагается, замок новехонький, лужайка, каменные скамейки на ней, кусты и деревья — все так живописно.

— Это очарованное место, особое. С той стороны все кажется развалинами, как это и должно быть, потому что замок построен много столетий назад, но внутри круга он всегда будто только что создан. Когда-то здесь жило много сильных колдунов, обладавших великими знаниями. Они могли управлять временем и миром...

— Вы сказали — когда-то. А теперь?

— Один колдун все еще живет здесь. Последний.

Дункан чуть было не задал еще один вопрос, но вовремя закрыл рот.

Она засмеялась.

— Вы собирались спросить насчет меня?

— Я не имею права, миледи.

— Я и сама вам скажу. Кровь колдунов во мне есть.

— Вы колдунья?

Она покачала головой.

— Нет. Я пыталась стать колдуньей. Я очень этого хотела, но обнаружила, что не могу. Помните, я спрашивала о Вольферте?

— Помню.

— Вольферт был моим прадедом. Однако мы стоим и болтаем, а следует идти в замок. Вашему другу нужна помощь. У вас тоже царапина на лбу. И вы все, я полагаю, умираете с голоду.

Конрад оживился.

— Поесть я был бы непрочь и выпить немного вина, если у вас есть. После боя всегда появляется жажда.

— Простите его, — попросил Дункан. — У него нет никакой совести.

— У нас нет прислуги, — сказала Диана. — Когда-то здесь было множество слуг, но теперь они, в сущности, не нужны, да и трудно найти верных людей. Работы здесь немного: приготовить еду, постелить постели, немного прибрать. Все остальное делает магия места.

— На худой конец, — сказал Конрад, — мы с милордом можем готовить. Думаю, и Мэг тоже. Насчет отшельника не знаю.

— Ну, пошли, — позвала Диана. — Припасов в кладовой достаточно, она всегда полна, так что голодать нам не придется.

И они пошли к лестнице с широкими ступенями, ведущей к дверям замка.

— Для собаки найдется мясо, — заметила Диана, — а лошадь и ослик могут пастись на лужайке.

— Спасибо от всех нас, миледи, — поблагодарил Дункан.
— Ваше гостеприимство выше всяких похвал. Все, что вы для нас сегодня сделали...

— Наша помощь была взаимной. Вы сделали для нас с Хубертом не меньше, чем мы для вас: вы отвлекли Зло на себя и нанесли ему хороший удар. Катберт очень будет рад. Это то, что он сделал бы и сам, не будь он так стар, слаб и одинок. У него никого нет, кроме меня. Все его бывшие товарищи уже умерли.

— Катберт — это кто?

— Колдун, о котором я говорила. Он последний из группы могущественных колдунов. Потеряв своих товарищей, он утратил большую часть своей силы, хотя, конечно, станет это отрицать, если ему скажешь. Я уж стараюсь не упоминать об этом.

— Вы сказали, что он стар и болен. Я не знал, что...

— Колдуны — не сверхъестественные существа. Это просто люди высоких степеней посвящения, владеющие большим тайным знанием. Поэтому они могут сделать много удивительных вещей, но болезни и горести им свойственны так же, как и всему человеческому роду. Я предполагала еще раз побывать в той деревенской церкви, где мы с вами познакомились, но когда вернулась сюда, увидела, что Катберт очень плох, и осталась за ним ухаживать.

— А как он сейчас?

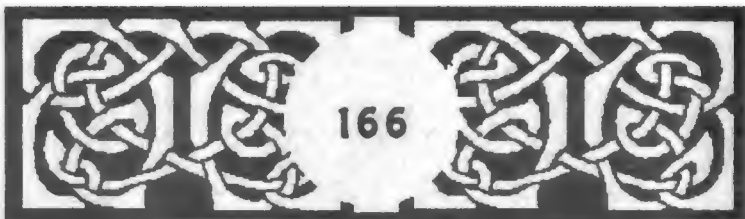
— Спасибо, ему много лучше. Заболел он, скорее всего, по собственной вине. Когда я уехала, он забыл о еде, погрузившись в работу. Он очень стар и нуждается в уходе.

Они стали подниматься по высокой лестнице. На полпути Дункан оглянулся и увидел рощу за кругом, обозначенным стоящими камнями.

— Ведь этих деревьев раньше не было.

— Каких деревьев? — спросила Диана.

— За оградой.

— Вы никак не поймете: отсюда вы видите все таким, как это было во времена постройки замка. В те времена это была совершенно дикая местность.

Поднявшись по лестнице и пройдя через огромный вестибюль, они вошли в большой зал, видимо, зал для приемов. Пол был выстлан хорошо пригнанными цветными каменными плитами. Несколько коротких лестниц вели из холла в другие части замка. В канделябрах по стенам горели толстые восковые свечи, мягко освещая холл. В центре холла стояла двухметровая колонна около метра в основании.

Увидев то, что скорчилось на ее вершине, Дункан и его спутники остановились в изумлении.

— Пошли же, — нетерпеливо сказала Диана. — Это просто Скрэч. Не бойтесь его, он ручной и совершенно безвредный.

Они медленно двинулись дальше, а создание на колонне их внимательно разглядывало. Затем оно сказало:

— Она говорит — всего лишь Скрэч. Это правда, как всегда, ведь особа она правдивая и при том даже благожелательная. Вы видите перед собой демона из пропастей ада и в вашей власти его жалеть или презирать.

— Он всегда все драматизирует, — проговорила Диана. — Останавливает каждого, кто придет в гости, и рассказывает свою историю. Конечно, здесь никто не знает, правдива она или нет, но он все равно рассказывает. Только дайте ему возможность, и он совсем заговорит вас.

— А что он такое? — спросил Дункан.

— Он же вам сказал: он демон из ада. Он был здесь привратником почти столько времени, сколько стоит замок.

— Они называли меня привратником, — возразил Скрэч, — но я не у врат. К этой колонне меня приковали, приковали, чтобы люди смеялись, но не все они смеются. Мне кажется, чаще я внушаю им глубокую жалость, ведь я не являюсь законным обитателем этого пышного и славного дворца, я несчастнейшее создание, лишенное родины. Будьте любезны, посмотрите на меня, и вы увидите, вру ли я. Полобуйтесь на

мои сбитые рога, на горб за плечами, на изуродованную ступню, на пальцы, скрюченные артритом — результат грязи, сырости и холодного климата этой самой варварской страны мира.

— Скрэч, прекрати! — резко приказала Диана.

— Еще сделайте милость, — продолжал Скрэч, — взгляните на мой хвост. Хвост, как и рога, это предмет гордости всякого демона. Посмотрите и скажите, можно ли гордиться таким хвостом. Он сломан в трех местах и не залечен как следует, хотя поправить его — пустяк для любого костоправа.

— Скрэч, — сказала Диана, — я велела тебе замолчать. Прекрати болтовню. Нашим гостям ты вовсе не интересен.

Дункан видел, что все сказанное Скрэчем — правда. Его хвост заканчивался невероятным зигзагом, как будто перелом не пытались сращивать, а если и пытались, то делали это плохо. Левая нога была перебита по меньшей мере трижды, копыто рослось неправильно. К этой ноге была прикреплена цепь, другой конец которой крепился к тяжелой металлической скобе, утопленной в камень. Уродливый горб поднимал его острые плечи, словно выталкивая вперед верхнюю часть туловища. Левый рог был в порядке — короткий, но крепкий. Зато правый искривился, потрескался и склонился к самому лбу. Руки с полусведенными пальцами болтались.

Конрад подошел поближе и дотронулся до искалеченной руки демона.

— Ах ты, нечисть ты несчастная! — сказал он сочувственно.

— Давайте пойдем. — холодно заметила Диана. — Не стоит он вашей жалости.

Глава 20

Первым делом Диана осмотрела раны.

Она наложила целебную мазь на рану Конрада, промыла ссадины на лице Эндрю и смазала их смягчающей мазью, потом обработала ранки на лбу Дункана. Мэг, не получившая ни единой царапины, уселась на очень высокий стул и, хихикая, рассказывала о своем участии в битве.

— Поверьте, старушенция знала, что делала, Я легла на землю в сторонке. Убить я никого не могла, потому что на это у меня нет сил, но мешала я им изрядно. Я нашла крепкую ветку от колючего дерева и лупила издали безволосых по голым ногам. Они не видели, кто их бьет, а я хлестала их изо всей силы, сколько ее есть в моих тощих руках. Они подпрыгивали и отступали, милорд же в это время рубил их мечом, а отшельник пронзал посохом.

— Всегда в живот, — гордо добавил Эндрю. — Живот-то мягкий и легко протыкается, если удар точный.

— Прямо не знаю, как вы справились, — покачала головой Диана. — Я неслась туда со всей возможной скоростью, но...

— Наше оружие крепко, — наставительно произнес Конрад, — потому что дело наше правое.

Как только лечение кончилось, они воздали должное длине и толщине хорошо прожаренного бычьего бедра, а также большому караваю хлеба, кругу сыра, блюду жареной птицы, оставшейся со вчерашнего дня, и корзинке сочных груш.

— Когда Катберт не забывает о еде, сказала Диана, — он первоклассный едок. Он любит хорошую птицу, притом почаше и побольше, и понимает в ней толк.

Они сидели за столом в кухне, там же, где Диана их лечила. Лекарства были отодвинуты в один конец стола, а еда поставлена на другой.

— Я прошу извинения, что подаю вам в таком неблагородном месте, но столовая наша чересчур пышна. Мне в ней как-то неловко. По-моему, она слишком роскошна, и думаю, вы сказали бы то же самое. После трапезы в ней нужно перемывать, сушить и ставить на место кучу фарфора и серебра. Слишком много работы.

— Когда мы сможем поговорить с Катбертом? — спросил Дункан. — И сможем ли?

— Конечно, сможете, но только не сегодня. Было время, когда он засиживался за письменным столом до полуночи, но в последние годы он привык ложиться спать с курами. Старику нужен отдых. А теперь расскажите, что случилось с вами после нашей первой встречи. Правда, сюда доходили слухи о ваших делах, но вы сами знаете, каково верить слухам.

— Ничего особенного не было, — ответил Дункан. — Мы, похоже, попадали из одной западни в другую, но каждый раз нам удавалось унести ноги.

Они рассказывали, а она внимательно слушала, наклонив голову, и пламя свечей играло на ее блестящих волосах.

Об одном только не сказал ей Дункан, а другие то ли забыли, то ли не заметили, что он умолчал об амулете, найденном в могиле Вольферта. Глядя на Диану, Дункан думал, не вернуться ли в рассказе назад и не рассказать ли про амулет, но в конце концов воздержался. Он, конечно, понимал, что эта вещь очень ее заинтересует, и она, собственно, имеет право знать о ней, если Вольферт приходился ей родней.

Когда рассказ кончился, она сама заговорила о Вольферте.

— Вы помните, что я искала записи о нем. Вы, сэр отшельник, кажется, говорили, что слышали про него, но наш разговор был прерван безволосыми. Вы тогда, кажется, расстроились, хотя не объяснили, почему.

Эндрю поднял голову и поглядел на строгое лицо Дункана.

— Я слышал только одно, миледи, — сказал он без заминки, — что похоронен он был на деревенском кладбище. А огорчен

я был тем, что в деревне его считали святым, и для меня оказалось прямо-таки ударом узнать, что он колдун.

— Для вас это было оскорблением?

— Миледи, мы в деревне люди простые, невежественные. Мы ничего не знали о колдунах. Мы думали...

— Я догадываюсь, что вы думали, — прервала Диана. — Вы, кажется, говорили, что для него построили гробницу, потому что считали его святым.

— Правильно. Но упал дуб и разбил гробницу. Наверное, в сильную грозу.

— Говорили, — а может, это просто легенда — что он унес с собой удивительную волшебную вещь. Вы не слышали об этом?

— Нет, мэм, не припомню такого.

— Он, наверное, хранил ее в тайне. И теперь она пропала. Ах; какая жалость!

— А почему жалость, мэм? — спросил Конрад.

— Легенда говорит, что она была предназначена против Орды Зла, известной здесь под именем Разрушителей.

— И вы, — сказал Дункан, — надеялись найти ее?

— Да, надеялась. Она теперь нужна здесь.

Дункан чувствовал, что остальные смотрят на него.

— Даже если бы вы ее нашли, — сказал он, — она вряд ли имела бы ценность. Надо знать, как ею пользоваться.

— Да, нет, не думаю. Я полагаю, что одного обладания ею уже вполне достаточно. Магия в самом амулете, а не в его использовании.

— Может, надо было могилу обыскать, — сказал Конрад, вступая на тонкий лед.

— Возможно, — согласилась Диана. — Я собиралась туда еще раз, но после столкновения с безволосыми почувствовала вдруг, что я нужна Катберту, и полетела прямо сюда. Он и в самом деле очень нуждался в моей помощи. С тех пор я здесь. Правду говоря, я сомневаюсь, что от поисков в гробнице может быть толк. Когда гробница разрушилась от падения дерева,

могила, наверное, оказалась открытой для каждого, кто захотел бы в ней пошарить. А в деревне могли найтись люди с такими нечестивыми идеями. Если талисман и был в гробнице, его давным-давно украли.

— Может и так, — не сдавался Эндрю, — но я вот ни о каком таком талисмане ни от кого не слышал.

— Тот, кто грабит могилы, — сказала Диана, — не станет об этом распространяться.

— Пожалуй, так, — не стал перечить Эндрю.

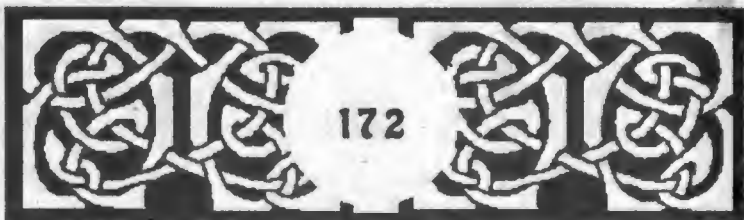
Дункан заметил, что никто на него больше не смотрит. Дело было сделано. Правильно или нет, но ложь была произнесена. Людьюми, которые оберегали его тайны. Только Мэг ничего не сказала, но Дункан был уверен, что против всех она не пойдет. Его пальцы привычно потянулись к мешочку на поясе, чтобы коснуться амулета и убедиться в том, что он на месте. Но Дункану удалось заставить себя не делать этого.

Тайни, проглотивший изрядный кусок жаркого, устроился спать в углу кухни, но сейчас Дункан обратил внимание, что собаки на месте нет. По всей вероятности, Тайни отправился на разведку. В замке было множество укромных уголков и закоулков, которые ему следовало обнюхать.

— Меня заинтересовала еще одна вещь, — обратился Дункан к Диане. — Я вас спрашивал, но вы не ответили. Насчет Охотника. Зачем он ввязался в это дело?

— Он ненавидит Зло, как многие из нас. Среди маленького народца очень немногие симпатизируют Злу. Ведь маленький народец не злой: они просто другие. Конечно, есть существа, злые от природы, как, например, вервольфы, вампиры и прочие. Эти охотно идут с Разрушителями, смотрят на Разрушителей с почтением и ощущают свое с ними родство. Но в основном маленький народец составляют существа порядочные, и Охотник тоже такой.

— Я вот удивлялся, — сказал Дункан, — он что, следил все время за нами? Мы видели его несколько дней назад, и я уверен, что слышал и раньше, как он ехал по небу.

— Возможно.

— Но какое ему дело до нас?

— Охотник — свободный дух. Я мало о нем знаю, но несколько лет назад у нас была короткая встреча. Он, кажется, родом из Германин. Может быть, когда-то в прошлом был свидетелем опустошения, произведенного Разрушителями, и с тех пор следит за ними.

— Крестовый поход за справедливость?

— Ну, я бы так не сказала.

— Во всяком случае. — заметил Эндрю, — мы его сегодняшнюю помощь оценили.

— Хотел бы я знать, — проговорил Дункан, — насчет этого Зла... Что оно, в сущности, такое?

— Если вы спросите Катберта, он ответит вам намного лучше, чем я, — отозвалась Диана.

— Наш архиепископ считает, что есть некие существа, которые питаются несчастьями мира и стремятся распространиться повсюду, чтобы сохранить эти несчастья.

— Я что-то такое слышала, но Катберт — настоящий знаток Зла. Он потратил много лет на его изучение и собрал гигантский архив по этому вопросу. Вот его и надо спросить.

— А он захочет разговаривать с нами? Многие специалисты испытывают какую-то ревность к своим знаниям и не любят ими делиться.

— Думаю, что захочет.

Издаലെка донесся страшный лай. Конрад вскочил.

— Это Тайни. Я пойду к нему. Он подчас совершенно дуреет. Он бросился к двери. Остальные поспешили за ним.

— Ату его, парень! — завизжала Мэг.

— Нет! — рывкнул Конрад. — Не наускивай его!

Они спустились вниз и через великолепную столовую вышли в большой зал, где и обнаружили Тайни. Он стоял против колонны демона, припав на передние лапы, и полушутя, полубожно облаивал Скрэча.

Конрад сбежал по лестнице в холл.

— Тайни, дуралей ты этакий, прекрати! — крикнул он. — (Оставь дьявола в покое.

— Я не дьявол, — запротестовал Скрэч. — Дьявол — это демон совсем другого ранга, вполне развившийся бес. Меня называли Скрэчем для смеха, это просто игра слов. Поймавшие меня покатывались с хохоту, когда называли меня Скрэчем. Я так и не понял, почему это их так смешило. Правда, они называли меня Янг Скрэч, чтобы отличить, если понимаете, от Олд Скрэча. Но потом я стал просто Скрэч, да так и остался с этим именем. Я от него не в восторге, но привык к нему за те годы, что вынужден был жить здесь.

Конрад схватил Тайни за ошейник и поставил пса на ноги.

— Стыдно! — упрекнул он. — Бедняга прикован к камню, а ты бегаешь на свободе. Постыдился бы лаять.

Тайни помахал хвостом, но не было заметно, чтобы он устыдился.

Подошел Дункан.

— С тобой, вроде бы, все в порядке. Он тебе ничего не сделал?

— Даже не пробовал, — ответил демон. — Песик просто решил пошутить. Я на него не в обиде. Он, полагаю, не собирался ни кусать, ни даже пугать меня, а только играл со мной на собачий лад.

— Однако ты великодушен.

— Спасибо, сэр. Очень благородно с вашей стороны сказать так.

— Так, значит, ты демон из преисподней? Как же ты попал сюда?

* Scratch (англ.) — царапина, закорючка, небрежная подпись; Old Scratch (Старый Скрэч) — дьявол, сатана; Young Scratch — Молодой Скрэч (Примечание перев.).

— Это долгая и печальная история, — ответил Скрэч. — Как-нибудь, когда у вас будет время, я расскажу вам ее целиком. Я был учеником черта, меня направили в преддверие ада учиться нашему ремеслу, но, боюсь, что неважно у меня получалось. Я, можно сказать, неудачник. Никогда и ничего я не делал как надо. Видимо, я так и не проникся духом этой работы. И всегда я был в немилости. Меня вечно ругали за недостаток рвения.

— Наверно, ты не создан для такой роли.

— Вполне вероятно. Но, будучи демоном, я не особенно мог выбирать. Слишком мало было возможностей. Могу вас заверить, что я всегда старался вести себя доблестно.

— Так что же случилось?

— Я сбежал. Я не мог больше терпеть, взял и как отрезал. И вы знаете, сэр, отрезал окончательно. Думаю, что они просто не стали утруждать себя, гоняясь за мной и водворяя обратно.

— А здесь с тобой хорошо обращаются, если не считать цепи?

— Если можно не считать цепи, то я сказал бы — да. И уж во всяком случае, мне здесь чуть-чуть получше, чем человеку, попавшему в ад.

Глава 21

Катберт лежал в постели на высоко взбитых подушках. На нем был пронзительно-красный ночной колпак и ночная сорочка с кружевными манжетами и воротничком. Он был очень худ. Глаза под белыми кустистыми бровями глубоко ввалились. Ночной колпак спускался на его лоб до самых бровей, и казалось, что он на бровях и держится.

Его лицо было туго обтянуто сухой кожей. Крючковатый нос походил на клюв, щелка рта пряталась между носом и загнутым вверх подбородком. Тощие плечи поднимались узловатыми костями. Живот под простыней был таким впалым, что прорисовывались тазовые кости.

Он улыбнулся Дункану и скрипучим голосом произнес:

— Так. Диана говорила, что ты расколотил их. Только так и надо. Это единственный язык, который они понимают.

— Я был не один. Со своим отрядом.

— Позже вы увидите и других, — пообещала колдуну Диана.

— У них весьма разношерстная компания.

Она повернулась к Дункану.

— Вы не обижаетесь, что я назвала вас разношерстной компанией?

— Полагаю, вы можете так поименовать ее, — ответил Дункан не слишком любезным тоном.

— Ты говорила мне о них, — сказал Катберт Диане. — Собака, лошадь и ослик. Их я тоже хотел бы увидеть.

— Собаку можно, — заметила Диана, — но уж не лошадь.

— Я хочу видеть всю команду, — настаивал Катберт. — Я хочу посмотреть на этот маленький отряд, который искрошил целую банду злыдней. Боже мой, как приятно узнать, что есть еще в стране существа, которые не удирают, скуля, а сражаются и побеждают

— Лошади и ослику трудно подняться сюда по лестницам.

— Тогда я спущусь вниз.

— Вы же знаете, сир, что вам нельзя напрягаться.

Катберт пробурчал что-то невнятное и повернулся к Дункану.

— Вот что бывает, когда человек стареет. Вам нельзя напрягаться, нельзя пойти в сортир, нужно садиться на горшок. Вы должны двигаться медленно и вообще оставаться в постели. Вы должны есть протертую пищу, потому что ваше брюхо не переваривает честного мяса. Вы должны порвать с вином. Вы не должны делать ничего, что вам приятно, можно делать только то, что вам не нравится.

— Это ведь ненадолго, — утешил Дункан. — Надеюсь, что вы снова будете делать то, что доставит вам радость. Но вы должны беречься...

— Ну, вот, и ты ей подпеваешь, — упрекнул его Катберт. — Ей все подпевают. Она может обвести вокруг своего пальчика и самого сильного мужчину. Только посмотри на эту нахальную девицу, на ее золотые волосы, на то, как она стреляет глазками.

— Вы сами знаете, сир, что я никогда не стреляю глазами. И если ваше поведение не изменится к лучшему, я наготовлю вам на ужин зелени и прослежу, чтобы вы ее съели без остатка.

— Вот видишь, — сказал Катберт Дункану. — У мужчины никаких шансов, особенно если он стар. Постарайся не переваливать за тридцать лет. А теперь расскажи-ка мне о своем маленьком отряде и о большой битве.

— Мы погибли бы в этой битве, если бы не Диана и не Дикий Охотник...

— О, Дикий Охотник — крепкий парень. Прекрасно помню время...

Он бросил острый взгляд на Дункана.

— Только не рассказывай мне, что ты Охотник. Какой-нибудь его родственник — это куда ни шло, но, конечно, не Охотник. Ты мне сказок не рассказывай. Охотника я знаю. И не пытайся...

— Сир, — перебила Диана, — я говорила вам об этом джентльмене. Он не Охотник и не выдает себя за него. Вы опять спутали. Дункан Стэндиш — отпрыск знатного рода на севере.

— Да, да, — сказал Катберт, — теперь я вспомнил. Стэндиш. Да, о Стэндишах я слышал. Но если ты оттуда, что ты делаешь здесь? Почему ты не сидишь у себя на севере за крепкими стенами замка?

— Я иду с поручением в Оксенфорд, — ответил Дункан.

— Оксенфорд? Как же, Оксенфорд я помню. Много известных ученых. У меня там есть друзья.

Он опустил голову на подушки и закрыл глаза. Дункан попросительно посмотрел на Диану. Она сделала ему знак подождать.

Через некоторое время колдун зашевелился, открыл глаза, приподнялся и посмотрел на Дункана.

— Ты здесь, — сказал он. — Я подумал, что ты мог уйти. Я вздремнул чуточку. Вы уж извините, сэр. На меня иногда нападает внезапная дремота.

— Теперь вам лучше, сир?

— Да, гораздо лучше. Диана говорила мне, что у тебя есть вопросы.

— Да. Насчет Орды Зла. Наш архиепископ говорил...

— Какой архиепископ?

— Его преосвященство аббатства Стэндиш.

— Старый зануда. Блеющий старый зануда. Что, ты не согласен?

— Иногда я тоже так думаю.

— И что же он знает об Орде?

— Очень мало, сир. Он не знает, что это такое. Он считает, что Зло питается человеческими несчастьями, и разрушения, которые оно производит через правильные интервалы времени, являются, возможно, периодами омоложения злых сил.

— Ты хочешь, чтобы я сказал тебе, что есть Зло?

— Если вы знаете, сир.

— Конечно, знаю. А чем занимались все эти годы я и мои ныне умершие собратья, как ты думаешь? Правильно думаешь, — мы решали множество задач, докапываясь до истины. В процессе работы мы исследовали и Зло. Что ты хочешь о нем знать?

— Что это такое, сир. Откуда оно явилось и где это началось?

— Пришло оно со звезд. Это мы знаем. — ответил колдун. — Зачем пришло? Это неизвестно. Может, его изгнала более мощная сила, с которой оно не смогло бороться. Может, из-за его неукротимой жадности там не осталось больше пищи, и пришлось искать другой мир, чтобы не погибнуть от голода. Случайно — а может, и не случайно — Зло появилось в несчастном нашем мире, где нашло изобилие так необходимой ему жизни и смогло обеспечить уровень несчастий, необходимый ему для питания и роста. Здесь ему, по-видимому, хорошо. С каждым веком в мире увеличивается бедность, а Зло при этом возрастает и в количестве, и в силе. Если в ближайшее время не случится чего-нибудь исключительное, Зло поглотит всю жизнь на земле и тогда, вероятно, вынуждено будет снова уйти к звездам искать другой мир. Оно пришло сюда в незапамятные времена. Когда появился человек со своей великой способностью к бедам, — куда большей способностью, чем у наших друзей-животных, хотя и те могут страдать от бед, — Зло стало собирать богатый урожай а значит, жиреть и расти, и теперь, похоже, почти нет надежды остановить его или противостоять ему. Вот почему я так рад, что ты боролся с силами Зла. Это означает, что есть еще на свете отважные люди с бесстрашными сердцами, которые не боятся решительно и непоколебимо встать против Зла.

— Вы ошибаетесь, — возразил Дункан, — я очень боялся.

— Однако ты выстоял.

— Сир, ничего другого просто не оставалось. Бежать нам было некуда.

— Ты правдивый и храбрый человек. Только правдивый и храбрый признается в том, что он чувствовал страх. Значит, ты — настоящий воин.

— Что вы, сир. Меня учили, конечно, обращаться с оружием, но до этого путешествия я ни разу не поднимал меча всерьез, в бою. Я скорее фермер, меня гораздо больше интересовало, как вырастить лучших быков и овец, собрать лучший урожай...

— Это хорошо, — поддержал Катберт. — Британия и весь мир нуждаются в таких фермерах больше, чем в тех, кто может размахивать мечом. А ты к тому же и в обращении с мечом искусен.

Он повернулся к Диане.

— Зелень, говоришь? Не стану я есть твою зелень. Зелень, супчик, каша, — вот все, чем ты меня кормишь. Как ты считаешь, — обратился он к Дункану, — может мужчина сохранить свою силу на таких свиных помоях?

— Может быть, для вашего желудка...

— Что такая кокетка понимает в мужском желудке? Мне мясо нужно. Не сухое и пережаренное, а розовое, с кровью на разрезе!

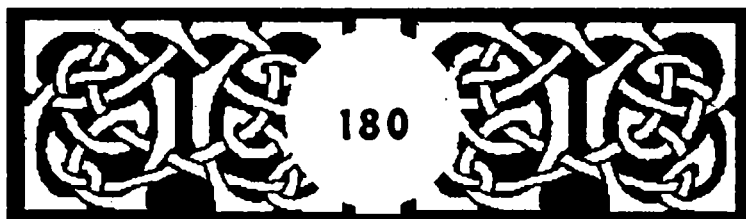
— Я давала вам мясо, а вы его выкинули.

— Плохо было приготовлено, очень плохо. Дай мне как следует приготовленный бычий окорок или седло барашка, и я... — Тут его мысль словно скакнула, и он обратился к Дункану: — Ты, кажется, спрашивал еще о чем-то.

— У меня есть несколько вопросов, но я еще не задавал их вам. Наш архиепископ...

— Ну, вот, опять мы вернулись к этой старой бабе — церковнику.

— Он говорил, что силы Зла, возможно, опустошают огромные территории для того, чтобы там производить процедуру своего омоложения. Что там они умножают свои силы и, возможно, количество, чтобы быть готовыми к следующим столетиям злодеяний.

— Я слышал об этой теории, — ответил колдун. — В какой-то мере она, вероятно, справедлива. Хотя более вероятно, что опустошение служит другой цели — остановить развитие человечества, помешать человечеству улучшить свое существование. Во всяком случае, нынешнее опустошение, я уверен, совершается никак не для омоложения. Если о каком-то омоложении вообще может идти речь. На этот раз силы Зла очень напуганы. Они боятся того, что может случиться, и собираются вместе, чтобы предотвратить это. По какой-то причине Зло в смятении, оно не уверено в себе, словно какое-то непредвиденное событие сводит на нет все их планы. Честно говоря, я даже обрадовался, когда опустошение дошло до этих мест. Я полагал, что будет легче изучать Зло, видя его собственными глазами, а не читая старые сведения и наблюдения других. Тем более, что неизвестно, насколько прежние наблюдатели были точны в своих записях. Для меня это могло быть величайшей удачей в жизни, но мне очень не хватает моих верных товарищей по работе. Я сказал себе, что могу работать и один, поскольку много лет занимался этой работой. И я работал...

— Вы слишком много работали, — вмешалась Диана, — поэтому теперь вы в таком состоянии.

Мысль колдуна снова сделала скачок.

— Мы говорили насчет Охотника, — сказал он. — Ты знаешь, однажды он провел у нас неделю. Нас тогда было несколько человек, и мы иногда звали гостей — на уик-энд, и не только. Но Охотник явился незванным. Он приехал вечером на своей лошади и со всей своей сворой собак. Они ввалились в большую столовую, — ты ее видел, — где мы заканчивали восхитительный ужин. Собаки вскочили на буфет, стащили оттуда блюдо с куропатками, ветчину, горшок жареной оленины и тут же сцепились между собой, потому что каждая хотела урвать добычу. Мы просто окаменели за столом при виде такой невоспитанности, а Охотник тем временем поднял бочонок пива и вылил его содержимое прямо в глотку. Клянусь, было слышно, как пиво булькает, наполняя его желудок. Но после

первого потрясения все уладилось, и мы провели веселую неделю со сворой собак, которые нас объедали, и с Охотником, который выпил все, что у нас было. Но мы не были в обиде, потому что Охотник тешил нас всевозможными байками, которые мы потом целый год вспоминали вслух и снова их смаковали.

— Должно быть, это было славное время.

— О, да. Ты должен спросить насчет той ночи, когда компания пьянчуг привела к нам демона. Он надоел им, они хотели от него избавиться и решили подарить его нам. Они это сочли блистательной шуткой. Ты видел этого демона, когда шел сюда?

— Видел.

— Для демона он парень неплохой. Он уверяет, что злобы в нем нет ни капли. Не знаю, так ли это, но...

— Сир, — ласково вмешалась Диана. — Вы говорили насчет Орды Зла.

Натберт удивился.

— Разве? Мы в самом деле говорили о ней?

— Думаю, сир, что да. — подтвердил Дункан.

— Как я уже сказал... Или я это уже сказал? Во всяком случае, думаю, что большинство людей не представляет, как живет сообщество колдунов. Наверное, люди считают, что замок колдунов — все равно что монастырь, в котором ничтожные монахи продираются через лабиринты богословских доктрин, скукоживающих их ничтожные души, едва осмеливаясь дышать, чтобы не впустить дух ереси в свои легкие. А может, люди думают, что в таком замке, как этот, куча потайных дверей и тайных ходов, в углах и за оконными драпировками прячутся зловещие фигуры в черных мантиях, в коридорах жутко завывает ветер, а из колдовских лабораторий исходят волны зловония. Все совсем не так. Сейчас в замке тихо из-за недостатка жильцов, а в былые времена здесь царили веселье и смех. Когда мы откладывали работу в сторону, из нас получалась превеселая компания. Вкалывали мы, конечно, здорово, потому что

ставили перед собой нелегкие задачи, но мы умели и славно отдыхать. Как сейчас вижу своих старых товарищей. Кейлин и Артур, Эдельберт и Редвальд, Эдвин и Вольферт — мы все были друзьями. Но по отношению к Вольферту меня мучает совесть, потому что мы поступили с ним дурно, хотя и по необходимости. Мы прогнали его...

— Сир, — заметила Диана, — вы забываете, что Вольферт мой родственник.

— Да, — согласился Катберт, — я опять забыл и заболтался. Похоже, я многое стал забывать. — Он показал большим пальцем на Диану и сказал Дункану: — Все правильно. Она из племени колдунов, хотя ты, наверное, об этом уже знаешь. Она наверняка сказала.

— Да, говорила, — ответил Дункан.

Колдун притих на своих подушках и, казалось, разговор закончился, но вдруг он снова зашевелился.

— Да, Вольферт. Как брат он мне был, но когда принимали решение, я встал на сторону остальных. — Он помолчал и продолжал: — Высокомерие. Да, это все его высокомерие. Он противопоставил себя всем нам. Он считал, что его знания и умения выше наших. Мы ему говорили, что зря он тратит время, что его талисман силы не имеет, но он плевать хотел на наше мнение и на нашу дружбу. Он заявил, что мы говорим так из зависти, а на самом деле его талисман обладает великой силой. Мы пытались урезонить его, зывали к нему, как к любимому брату, но он не слушал нас и упрямо стоял на своем против всех нас. Надо признать, что талисман этот был красивой вещью. Больше, чем просто украшение, потому что Вольферт был искусным мастером, посвящен был во многие таинства, и создал он не только красоту...

— Вы в этом уверены? — спросила Диана.

— Уверен, милая. Видимо, какая-то сила в нем была. Он-то уверял, что с этим дурацким талисманом может выступить против Орды Зла, а уж это, конечно, было чистым безумием,

Некоторой силой этот талисман обладал, но и только. Конечно это ничто — против Зла.

— Почему вы ни разу не сказали мне этого? — спросила Диана. — Вы же знали, что я искала сведения о Вольферте и надеялась найти талисман.

— Зачем было причинять тебе боль? Я и сейчас ничего не собирался говорить, просто это вылетело у меня по глупости и слабости. Я бы не стал говорить, потому что знаю, как ты предана ему, вернее, его памяти, ведь он наверняка уже умер. Полагаю, ты мне об этом говорила.

— Да, он умер больше ста лет назад. Я нашла место, где он похоронен. В деревне за холмами... В последние годы жизни он там слыл святым. Если бы в деревне узнали, что он колдун, они выгнали бы его.

Глаза старика затуманились. По щекам покатились слезы. Колдун махнул рукой.

— А теперь оставьте меня. Идите. Оставьте меня с моей ючалью.

Глава 22

Дункан обдумывал свое положение, и оно ему виделось крайне неприятным. В такой ситуации он прежде не оказывался, потому что в силу своего характера никогда не вступал на путь, который мог бы его туда завести. Всю жизнь он был искренним и правдивым, говорил только то, что действительно думал, не врал и не утаивал правды. А то, что он сделал сейчас, было хуже вранья. Это было бесчестно.

Амулет — или талисман, как его называл Катберт, — принадлежал не ему. Он принадлежал Диане, и внутри Дункана все кричало, требуя отдать ей талисман, сделанный ее прадедом. А он, Дункан, промолчал. И его спутники, глядя на него, тоже ничего не сказали о талисмане.

Катберт говорил, что талисман не обладает почти никакой силой. Однако Вольферт, прадед Дианы, предпочел быть изгнанным из сообщества колдунов, нежели признать свой талисман бессильным.

Именно из-за неотвязного ощущения; почти уверенности в могуществе талисмана, Дункан и совершил несвойственный себе поступок. Если сила, которой обладает талисман, может обеспечить хотя бы минимальную защиту, Дункану этот талисман становится нужнее, чем любому другому. Не ради себя, конечно, а ради манускрипта. Рукопись должна быть доставлена в Оксенфорд, и ничем, что могло бы этому помочь, пренебречь нельзя.

Не ради себя он принял это бесчестье. Там, в библиотеке Стэндиш-Хауза, архиепископ говорил, что этот манускрипт величайшая — и, может быть, единственная — надежда человечества. Если это правда, в чем у него самого сомнений не было, тогда бесчестие Дункана Стэндиша — невеликая цена за

то, что записи неизвестного последователя Иисуса попадут в руки ученого.

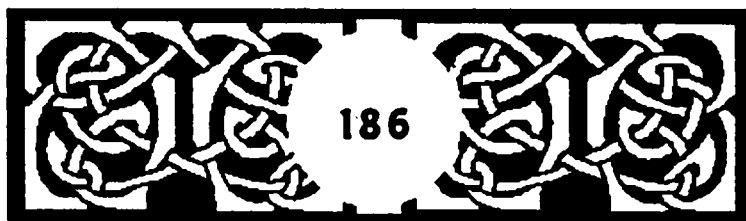
Но все-таки Дункану было не по себе. Он казался себе каким-то нечистоплотным, выпачканным грязью обмана и лжи.

Правильно ли он поступил? Граница между правильным и неправильным была размытой и мутной, а раньше с ним такого не случалось. Прежде он всегда инстинктивно чувствовал, что правильно, а что — нет, и не было ни мути, ни грязи. Но тогда он имел дело с очевидными решениями, а здесь все запутывали обстоятельства.

Он сидел внизу каменной лестницы, ведущей к входу в замок. Перед ним раскинулась зелень парка. Через парк вились дорожки и мощеные аллеи. На зеленой глади газона выделялись цветущие клумбы, водоемы и фонтаны, увитые розами беседки и каменные скамьи, живописные группы кустов и деревьев. Красиво, — думал Дункан. — Красота не природная, а рукотворная, но и создана не обычными садовниками, как в других замках и парках, а искусными и опытными колдунами.

Здесь царили мир и покой, и это казалось Дункану удивительным в обители колдунов. Впрочем, почему? Ведь колдуны не обязательно должны быть злыми, хотя и попадались те, кто оборачивал свои знания во зло. Люди, обладающие такой огромной властью, всегда подвергаются искушению зла, но это не значит, что зло свойственно их природе. Ко злу поворачивали лишь очень немногие. Огромную власть колдунам давали их огромные знания. Может, поэтому колдунов и считали злыми. Обыкновенные люди, в массе своей, как правило, смотрят с подозрением и недоверием на тех, кто имеет великую силу и большие знания, на все то, чего не понимают, а знания колдунов были, конечно, за пределами понимания остального человечества.

У ограды из стоячих камней Конрад играл с Тайни, и Тайни был вне себя от радости, потому что такое счастье выпадало ему не часто. Он бегал за палкой, которую бросал Конрад, и притаскивал ее обратно. При этом он прыгал и резвился с таким

щенячьим восторгом, что это как-то даже не вязалось с характером боевого пса. Дэниел и Бьюти стояли в стороне и наблюдали за игрой. Дункану показалось, что Дэниел смотрит неодобрительно, словно, по его мнению, такое поведение роняет достоинство пса. Бьюти, напротив, смотрела с интересом, и Дункан подумал, что она и сама охотно побежала бы за палкой, если бы ее взяли в игру. Недалеко от Дэниела и Бьюти на газоне лежал грифон Дианы — Хуберт —, подняв голову и по-кошачьи обернув вокруг тела длинный шипастый хвост.

Дункан услышал позади шорох и оглянулся. С лестницы спускалась Диана, но какая Диана! На ней было тонкое облегающее платье до пят, перепоясанное в талии. На светло-зеленой ткани цвета первой весенней листвы резко выделялись огненные волосы. Дункан вскочил.

— Миледи, вы прекрасны. Прекрасны и очаровательны.

Она улыбнулась.

— Благодарю вас, сэ. Конечно, я не могла быть красивой в кожаных штанах, и кто, спрашивается, мог бы?

— Даже в них вы излучали очарование. Но в этом платье... У меня нет слов.

— Я редко так одеваюсь, да и причин наряжаться, как правило, нет. Но поскольку сейчас в доме гости...

Она села на ступеньку, и он сел рядом.

— Я любовался, как Конрад играет с Тайни.

— Славная парочка. Вы давно их знаете?

— С Конрадом мы неразлучны с детства, а Тайни я знал щеночком, когда он был в самом деле крошкой.

— Мэг на кухне, — сказала Диана, — готовит свиные ножки с кислой капустой. Говорит, что много лет не ела этого блюда. Вам оно нравится?

— Конечно. А как отшельник? Я его весь день не видел.

* Tny (англ.) — крошка.

— Он бродит повсюду, как потерянный. Или стоит, опершись на посох, и смотрит в пространство. Беспокойный он человек, вот ваш отшельник.

— Скорее — запутавшийся. Неуверенный в себе, раздираемый сомнениями. Он сам не знает, что ему нужно. Много лет он разными способами безуспешно пытался достичь святости; теперь решил сделаться вонном Господним, но и эта профессия ему не по плечу.

— Бедняга, — вздохнула Диана. — На самом деле в нем очень много хорошего, только он не умеет это выказать. А как насчет Катберта? Понравился он вам?

— Исключительно. Правда, его иной раз нелегко понять, трудно следить за его мыслью.

— Одряхлел он, и разум его тоже.

Дункан с удивлением взглянул на нее.

— Вы так считаете?

— Разве вы не видите? Его острый блестящий ум оступел от возраста и болезней. Он не может довести до конца свою мысль и порой бывает нелогичным. Я все время слежу, чтобы он не навредил самому себе.

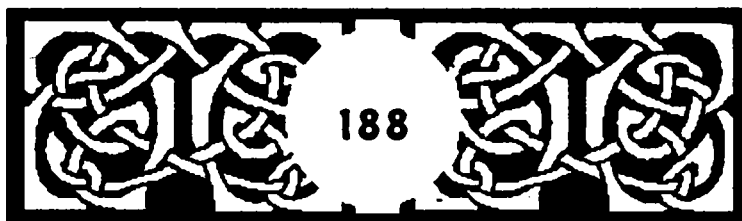
— Похоже, что он чем-то расстроен.

— Он последнее звеньишко длинной цепи, существовавшей веками. А теперь, кроме него, все уже умерли. Они пытались сохранить сообщество, набрав молодых учеников, но ничего не вышло. Выдающихся колдунов слишком мало. Колдуном не каждый может быть. Нужна способность глубоко погружаться в тайные знания и работать с ними. Возможно, и еще что-то. Какая-то колдовская интуиция, наверное. Особая направленность. С таким складом ума во всем мире наберется лишь горсточка людей.

— А как насчет вас?

Она покачала головой.

— Женщины редко могут заниматься колдовством. Возможно, не тот тип мышления. Мозг мужчины, скорее всего, сформирован и ориентирован чуточку в другом направлении, чем

женский. Я, конечно, старалась, и Катберт с друзьями позволяли мне учиться, потому что они хоть и выгнали Вольферта, но питали к нему глубокое уважение. Он был самым знающим колдуном среди них. Я схватывала некоторые принципы, могла колдовать по мелочи, комбинировать простые заклинания, но для настоящего колдовства я не создана. Они-то мне этого не говорили. Может, сказали бы со временем, но я и сама поняла, не дожидаясь их приговора, что дальше жалкой ученицы продвинуться не сумею. А для несостоявшихся учеников во всем мире пристанища нет.

— Но вы живете в этом волшебном замке.

— Из милости. Из самой искренней и сердечной милости. Потому что я из рода Вольферта. Когда мои родители умерли от чумы, пронесшейся по нашей местности, Катберт в первый и единственный раз вышел из замка, чтобы взять к себе правнучку своего лучшего друга, которого, как я знаю теперь, в то время уже не было в живых. Все это мне потом рассказал сам Катберт, потому что тогда я была слишком мала, чтобы что-нибудь помнить. Он привез меня сюда. Я любила их всех и пыталась научиться их мастерству, но не смогла. Они не только взяли меня сюда и заботились обо мне, но и отдали мне старого Хуберта, грифона, который принадлежал Вольферту. Мой прадед оставил его здесь, поскольку не мог взять с собой.

— Настанет день, когда Катберт умрет. — мягко сказал Дункан. — Что будет тогда с вами? Вы так и останетесь здесь?

— Не знаю. Я об этом редко задумываюсь, просто запрещаю себе эти мысли. Без Катберта мне здесь будет очень одиноко. Не знаю, как я поступлю. Для меня нет места в окружающем мире. Я к нему не привыкла и не представляю, что мне делать в нем. И я не смогу долго скрывать, что во мне течет кровь колдунов, а тогда, боюсь, внешний мир не будет расположен ко мне, лишь только станет известно, кто я.

— Да, мир бывает жесток, — согласился Дункан. — Хотел бы я сказать обратное, но не могу.

Она наклонилась к нему и быстро поцеловала его в щеку.

— Мир может быть и добрым. Вот вы же были добры ко мне. Вы с таким чувством говорили о моих проблемах.

— Спасибо, миледи, — серьезно сказал Дункан, — за ваши слова и за поцелуй. Это у вас получилось очень мило.

— Вы смеетесь надо мной!

— Ничуть, Диана. Искренняя благодарность за то, чего я вовсе не заслужил.

— Катберт выражал желание снова повидать вас, — сказала она, резко меняя тему разговора.

— Тогда нельзя откладывать эту беседу. Мы слишком задержались здесь. Надо продолжать путь.

Она почему-то заволновалась.

— Почему так скоро? Отдохните несколько дней. У вас были легкие испытания, вам всем нужен отдых.

— Нас и так задержали все эти неприятности, мы к этому времени уже должны были добраться до Оксенфорда.

— Оксенфорд может подождать.

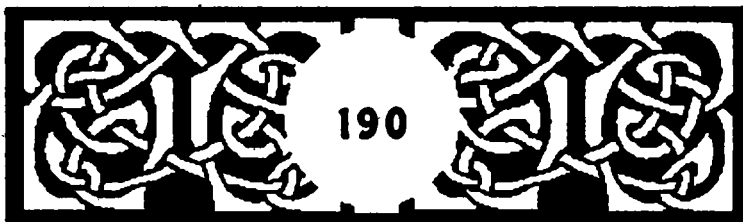
— Простите, миледи, но мне представляется иначе.

Она быстро встала.

— Надо посмотреть, как там Катберт. Его нельзя надолго оставлять одного.

— Я пойду с вами. Вы сказали, он хотел меня видеть.

— Не сейчас. Я позову вас, когда он будет готов с вами встретиться.

Глава 23

Когда Дункан проходил по большому холлу, его окликнул Скрэч.

— Вы не торопитесь, сэръ? Не соблаговолите ли потратить немного времени на меня? С вашей стороны было бы благим делом поболтать со мной немного. Видите ли, хотя мне предложили великолепный каменный трон, украшенный причудливым резным орнаментом, и хотя трон мой поднят так высоко, что меня можно назвать высокопоставленной особой, мне порой бывают тягостны часы одиночества.

Дункан изменил курс и подошел к колонне демона.

— Я сейчас абсолютно ничем не занят. Леди Диана пошла посмотреть, как поживает колдун, а мои товарищи, видимо, заняты своими делами, так что я могу немного времени провести с тобой.

— Вот и чудненько. — обрадовался демон. — Когда двое мыслят одинаково, они могут с приятностью провести время вместе. Но вам совсем не обязательно стоять, задрав голову, чтобы смотреть на меня. Если вы поможете мне спуститься, мы сможем сесть на каменную скамью. У меня достаточно длинная цепь.

Дункан протянул руки. Демон наклонился, и Дункан взял его за талию, помогая спуститься.

— Кабы не искалеченная нога, да кабы еще цепь не была такой тяжелой, я бы и сам спустился, — сказал Скрэч. — Вообще-то я часто это делаю, но как — лучше не смотреть. — Он показал сведенные артритом руки. — Они ведь тоже не держат.

Они уселись рядом на скамью. Скрэч, положив ногу на ногу, стал покачивать копытом, и его цепь позвякивала в такт качанию.

— Я вам уже объяснял, что меня зовут Скрэч — официально Инг Скрэч, но ни в коем случае не Олд Скрэч, поскольку таково вульгарное и непочтительное наименование его милости повелителя ада. Я вынужден терпеть это имя, но оно мне не нравится. Оно какое-то собачье. Даже грифону дали честное имя Хуберта, это вам не Скрэч. Многие годы я сидел на своей колонне и думал, какое имя я хотел бы носить. Более подходящее ко мне, полное достоинства и приятно звучащее. Я перебрал в уме сотни имен. Это, конечно, заняло много времени, но временем я ничуть не ограничен. Каждое имя я взвешивал, крутил и вертел в уме, критически его изучая со всех сторон, катал его во рту, прислушиваясь к звучанию. И в результате многолетних попыток я, наконец, нашел подходящее имя, которым можно гордиться. Держу пари, что вы его не угадаете.

— Как же я могу угадать, — ответил Дункан. — Я ни малейшего представления не имею.

— Уолтер! — торжествующе возгласил Скрэч. — Великолепное имя, вы согласны? Оно звучит совсем округло, в нем полнота совершенства. Боюсь только, что его можно укоротить до Уолта, но я бы категорически возражал против укорачивания. Это ведь не причуда какая-нибудь, не фантазия, а настоящее солидное имя, подходящее для солидного и порядочного человека.

— Значит, ты занят придумыванием себе нового имени. Неплохой способ убивать время.

— Это только одно из немногих моих занятий, — возразил Скрэч. — Я пытаюсь представить себе, что было бы со мной, если бы все пошло иначе. Если бы я мог соответствовать своему назначению, пробыл бы положенный срок в учениках, и теперь был бы уже старшим демоном, а может быть, и младшим чертом. Раздобыл бы, наверное. А вот в росте вряд ли прибавил бы. Я, видите ли, коротышка, может, от этого и все мои беды. Не исключено, что коротышка вообще ничего путного сделать не может. Ему неудачи на роду написаны. Я это, конечно, знаю, но все равно даю волю воображению. Я вижу себя старшим

демоном или младшим чертом — жирное пузо, грудь, заросшая волосами, и очень гнусный смех. Вот что у меня никогда не получалось, так это правильный смех. Тот мерзкий, отвратительный смех, от которого у человека стынет кровь в жилах и душа сжимается в комок.

— Ты, похоже, философски относишься к своему положению. Не копишь в душе горечь, как сделали бы многие. И не скулишь, чтобы тебя пожалели.

— А изменится что-нибудь, если я стану злиться и скулить? Меня и так не очень чтобы любят, а нытика и вовсе не потерпят. Впрочем, что говорить о любви? Кто станет любить меня? Некоторые жалеют, но жалость — это не любовь. А большинство смеется над моим сломанным хвостом и прочими уродствами. А смех, милорд, переносить тяжело. Мне было бы легче, если бы я видел их страх или даже отвращение. Это я мог бы пережить.

— Я над тобой не смеюсь, — сказал Дункан, — и от жалости к тебе не плачу, но я не стану уверять, что люблю тебя.

— А я этого и не жду, — отозвался демон. — Скажи человеку, что любит меня, я бы заподозрил, что у него есть тайная причина говорить это.

— Что ж, я признался, что не испытываю любви к тебе, и значит, ты мне ничем не обязан. Могу я задать тебе один важный вопрос?

— Почту за честь.

— Что ты можешь сказать мне об Орде Зла? Я думаю, ты хотя бы из разговоров колдунов мог что-то слышать о ней.

— Слышал. А что вы хотите узнать? Мне кажется, вы кое-что знаете и сами. Вы же не так давно сражались с Ордой.

— Только с небольшой ее частью, в основном, с безволосыми, хотя и другие там тоже были. Я не знаю, много ли их и сколько видов.

— Безволосые, если я правильно понял значение этого слова, это пехота, охрана, это исполнители для грязной работы, — пояснил Скрэч. — В каком-то смысле они не подлинное Зло.

не члены Орды. Это ходячие мышцы, а магии у них очень мало, даже, может, и вовсе нет.

— А как остальные? Я говорил с одним типом, который их видел. Он рассказывал о бесах и демонах, но он, наверное, просто использовал известные названия, принятые для сил Зла. В последней схватке, здесь, по ту сторону стены, я зарубил одного из таких, а Тайни разорвал другого. Они не были ни бесами, ни демонами, и я не знаю, кто они.

— Вы совершенно правы, — подтвердил Скрэч, — это не бесы и не демоны. Бесы и демоны — из нашего мира, а эти чужие. Вы знаете, конечно, что Разрушители пришли со звезд.

— Мне это говорили.

— Это порожденья других миров, не похожих, как я подозреваю, на наш. И Зло, которое сеют они, не похоже на земное Зло. У них немыслимое количество форм. Самые чуждые — просто живые сгустки крови. Их мотивы, привычки и образ действий тоже, я полагаю, не соответствуют злым существам Земли. Вы столкнулись с чем-то, чего вообразить не могли, да и вряд ли кто может вообразить такое.

— Мне сказали, что это не орда, а рой. Что это значит?

— Не могу сказать. Я, как вы понимаете, знаю о них только по слухам.

— Понимаю. Но вот насчет роя. Как-то я разговаривал с почтенным пчеловодом, и он рассказал мне, как роятся пчелы. Есть тут что-то похожее?

— Мне довелось слышать один разговор, правда, очень короткий. Вполне возможно, что он имеет отношение к вопросу о роении.

— Расскажи, пожалуйста.

— В то время, когда Орда опустошала этот район и собиралась двинуться на север Британии, члены Орды иной раз собирались как бы в единую живую массу. Вроде как пчелы. Те, чей рассказ я слышал, узнали об этом от разных наблюдателей и были в большом недоумении относительно таких действий Орды. В другое время, когда Орда не занимается

Разрушением, ее члены держатся порознь или маленькими группами. Но перед Разрушением, как сообщают наблюдатели, они обязательно собираются в большой рой...

— Постой, погоди минутку. Мне говорили, что Орда, опустошая местность, создает себе условия для процесса омоложения.

— Знаете, — возбужденно сказал Скрэч, — пожалуй, в этом что-то есть. Я никогда не слышал о ритуалах омоложения, но это вполне возможно. Все силы Зла собираются воедино, каждый входит в контакт со всеми другими, и эти контакты могут вызывать появление неизвестной силы, обновляющей Разрушителей. Как вы считаете? По-моему, выглядит логично.

— Я тоже так думал. Рад, что наши мнения совпадают.

— И мы выяснили, зачем нужен рой.

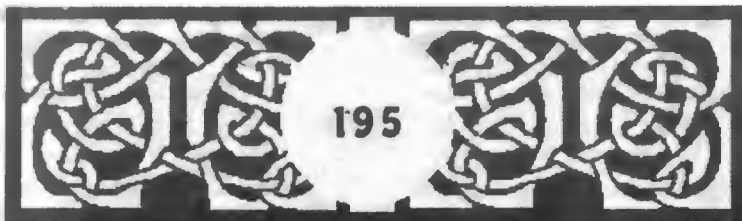
— Пожалуй. Хотя тут такое количество факторов, так много того, о чем мы понятия не имеем и вряд ли будем иметь.

— Верно, — согласился Скрэч, — но все-таки гипотеза неплохая. Ее стоит отработать. Вы беседовали с Катбертом. Что он думает об этом?

— Мы не говорили с ним о роении. Я пересказал теорию омоложения, но он, кажется, мало размышлял в этом направлении. Он считает, что Орда чего-то боится. Возможно, она собиралась нанести удар, но по каким-то причинам не решилась. Скажи мне вот что, Скрэч: если бы в этой ситуации тебе пришлось принимать чью-то сторону и нельзя было бы уклониться, ты на чью сторону встал бы?

Демон покачал копытом, цепь зазвенела.

— Вам может показаться странным, но если бы я был вынужден выбирать, я встал бы на сторону людей. Может, я унаследовал зло, но зло человеческое или, по крайней мере, земное. Объединиться с чужим Злом я просто не в состоянии. Я их не знаю, они меня не знают, мне было бы с ними не по себе. Конечно, Зло есть Зло, но у него разные обличья, и не всегда их можно совместить.

Послышались шаги. Дункан обернулся. Диана, все еще в своем зеленом платье, как бы плыла по ступеням лестницы. Дункан встал. Скрэч тоже поднялся

— Скрэч, — осведомилась Диана, — ты зачем сошел со своего столба?

— Миледи, — объяснил Дункан, — это я попросил его спуститься и посидеть со мной. Мне так было удобнее, иначе пришлось бы стоять, задрав голову, чтобы видеть его.

— Он вам не надоедал?

— Отнюдь нет. Мы приятно побеседовали.

— Полагаю, мне лучше вернуться обратно, — заметил Скрэч.

— Обожди, — повернулся к нему Дункан, — я помогу тебе.

Он поднял демона, чтобы тот мог забраться наверх, держась своими искривленными руками.

— Мы с тобой славно пообщались, — улыбнулся Дункан, — спасибо, что ты уделил мне время.

— Вам спасибо, милорд. Мы ведь побеседуем еще?

— Почти наверняка, — ответил Дункан.

Демон уселся на корточки на своей колонне, а Дункан повернулся к Диане. Она стояла у входной двери, ожидая его.

— Я подумала, не пройтись ли нам. Я показала бы вам сад.

— С удовольствием. Очень мило с вашей стороны.

Он предложил ей руку, и они стали спускаться по ступеням высокого крыльца.

— Как чувствует себя Катберт? — спросил Дункан.

— Хуже, чем вчера. Я беспокоюсь о нем. Кажется, он немного не в себе. Сейчас он уснул.

— Может быть, это мой визит...

— Нет, вы тут ни при чем. Его нездоровье усиливается с каждым днем. Случаются и хорошие дни, но не часто. По-видимому, ему стало плохо, когда я уезжала. Мне не следовало его оставлять, но он уверял, что с ним все в порядке, и он обойдется без меня.

— Вы его очень любите?

— Он был мне вместо отца с самого младенчества. Нас только двое.

С лестницы они свернули налево, на тропинку, ведущую к реке, точнее, к тому отрезку реки, который оказался внутри ограды из стоячих камней.

— Вы, конечно, считаете, что я грубо обращаюсь со Скрэчем, — сказала Диана.

— Мне кажется, грубовато. Разве он не имеет права спуститься со столба и посидеть на скамейке?

— Он же всем надоедает. Теперь у нас редко случаются посетители, но в былые времена в замок приезжали многие, и он ко всем приставал, чтобы они слушали его глупую болтовню. Катберту всегда было за него неловко — да, наверное, и другим тоже.

— Я представляю себе, о чем вы говорите. Но он, в сущности, в полном порядке. Конечно, я не специалист по демонам...

— Дункан...

— Да?

— Давайте бросим этот дурацкий разговор. Мне надо кое-что сказать вам, и если я не сделаю это сейчас, потом у меня не хватит решимости.

Она остановилась у поворота тропинки возле группы берез.

Стоя к ней лицом, он увидел, как она побледнела и осунулась.

— Надеюсь, ничего ужасного? — спросил Дункан, испуганный ее видом.

— Как сказать. Помните, час назад вы решили вскоре отправиться со своим отрядом дальше, а я вам посоветовала не торопиться и отдохнуть.

— Да, помню.

— Я должна была сказать вам это еще тогда, но не смогла. Просто не повернулся язык, и я ушла, чтобы собраться с духом.

Он хотел что-то спросить, но она жестом остановила его.

— Я не могу откладывать. Я должна сказать сейчас. Дункан, дело в том, что вы не можете уйти. Вы никогда не выйдете из этого замка.

Он слушал, но слова не доходили до него, он не мог им верить.

— Этого не может быть, — проговорил он. — Я... не могу...

— Я не сумею объяснить. Но уйти вы не сможете. И никто не может вам помочь. Это часть колдовства, и его нельзя разрушить...

— Но вы же говорили, что у вас бывали гости. И вы сами...

— С помощью колдовства, личной магии, а не чьей-нибудь другой. Это тайное знание, которое каждый держит в себе. Наши гости обладали этим знанием, и я тоже немного им владею...

— А поскольку ни у кого из нас этой магии нет...

Она кивнула. На глазах ее выступили слезы.

— И вы не можете помочь нам? И колдун не поможет?

— Никто не может помочь. Только личные способности.

В нем внезапно вспыхнул ослепляющий гнев. Он закричал:

— Какого черта вы тогда зазвали нас в замок? Вы же знали, что случится. Вы знали, что мы окажемся в западне. Вы знали...

Он остановился на полуслове, потому что усомнился в том, что она его слышит. Она плакала, не скрываясь. Одинокó стояла с поникшей головой и плакала.

Потом подняла заплаканное лицо и, рыдая, выкрикнула:

— Вас бы убили! Вы разбили строй Разрушителей, но они собрались бы снова. Это было только минутное затишье. Они снова стали бы охотиться на вас, как на диких зверей! Понимаете?! Пожалуйста, поймите!

Она сделала шаг к нему. Он обнял ее и прижал к себе. Диана опустила голову ему на грудь, сотрясаясь от рыданий.

— Я не спала прошлую ночь, все об этом думала и не представляла, как признаться вам. Я хотела попросить Катберта, чтобы он вам сказал, но потом решила, что это нечестно. Я виновата, и должна сказать сама. И вот...

Глава 24

Выслушав Дункана, все долго сидели молча, даже не потрясенные, а скорее оцепеневшие. Мэг заговорила первой, пытаясь подбодрить остальных.

— Ну, не знаю, так ли уж это плохо. Есть уйма куда более скверных мест, где старая калоша вроде меня могла бы дожить остаток дней.

Никто не взглянул на нее. Конрад пошевелился и сказал:

— Вы говорили, она кое-что понимает в тайном искусстве. Может, и мы научимся?

— Я не вполне понял, — ответил Дункан, — но, кажется, это не просто специфическое знание. Не каждый из нас сможет постичь это искусство, а вероятно, что не сможет ни один. Да и кто будет нас учить? Катберт стар и едва жив. Диана сама знает слишком мало. Я бы даже сказал, что у нее не знания, а некая привилегия, позволяющая ей приходить и уходить.

— Пожалуй, — согласился Конрад, — Да и в любом случае на это нужно время, которого у нас нет.

— Да, у нас его нет. Двое умирающих — один здесь, другой в Оксенфорде.

— А как насчет Тайни, Дэниела и Бьюти? Они же не могут научиться, а здесь мы их не оставим. Они — это мы.

— Наверное, мы могли бы взять их с собой, — ответил Дункан. — Не знаю, конечно, но ведь грифон может улетать и возвращаться, а он тоже не владеет искусством магии.

— Даже если некому нас обучать, — сказал Эндрю, — то существуют книги. Я сегодня обнаружил библиотеку. Громадная комната, и в ней полно рукописей.

— Это слишком долго, — возразил Дункан. — Мы будем рыться в куче свитков, не зная что искать. И спросить некого. К тому же, проблема языка. Я подозреваю, что многие книги

написаны на древних языках, которые теперь вообще мало кто знает.

— Для меня лично, — проговорил Эндрю, — такой поворот событий не такая уж трагедия. Если другой возможности не будет, я с охотой останусь и тут. Место приятное, и я могу заниматься своим делом, как и в любом другом месте. Но вот у вас, я же знаю, дело великой важности, и вам надо идти в Оксенфорд.

Конрад ударил дубиной о землю.

— Мы должны уйти. Должен быть какой-то способ, хотя я его не вижу.

— И я тоже, — отозвался Дуикан.

— Было у меня предчувствие, — сказал Эндрю, — не такого именно поворота событий, но того, что дело неладно. Как увидел я птиц и бабочек...

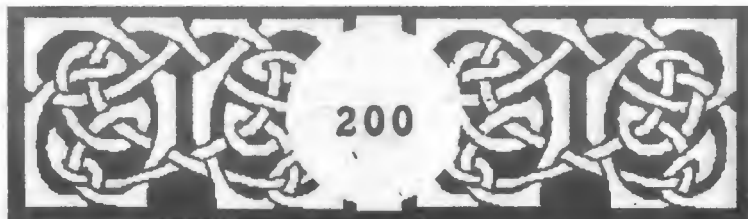
— При чем тут, к дьяволу, птицы и бабочки?

— В лесу-то, сразу за стоячими камнями, птицы на ветках не шевелятся, сидят, как мертвые, а ведь с виду живые. И бабочка, маленькая такая, желтенькая, сидит себе и сидит — не шевельнется, не двинется. У сидящих бабочек всегда крылышки подрагивают, а эта совсем неподвижная. Я долго наблюдал. А потом мне показалось, что на ней тонкий такой налет пыли. Значит, она здесь очень давно. Я и подумал, что лес — часть заколдованного мира, и время здесь остановилось для всех, кроме людей и Хуберта. Все здесь точно такое, как было, когда замок колдовством выстроили.

— Остановка времени, — пробормотал Дуикан. — Да, это не исключено. И замок — как новенький, и стоячие камни. На них совсем свежие следы зубила, словно их вчера только вытесали.

— Но снаружи, — возразил Конрад, — в том мире, который мы оставили, замок весь разрушен, камни повалены. Что вы думаете об этом, милорд?

— Колдовство, — отозвалась Мэг. — Очень сильные чары.

— Мы уже имели дело с колдовскими чарами, — напомнил Конрад. — мы разбили чары, наведенные на нас у болота.

— Там, — пояснила Мэг, — чары были слабые, годные только на то, чтобы смутить нас и сбить с дороги. А здесь — настоящее крепкое заклятье, отменная, мастерская работа.

Дункан понимал, что она права. Хотя каждый, желая поддержать других, демонстрировал свое спокойствие и уверенность в успехе, такие чары им не разбить. Они сидели на нижней ступени крыльца. Перед ними зеленел бархат лужайки. Дэниел и Бьюти недалеко от стоячих камней набивали животы сочной травой. Грифон все еще лежал на том же месте, где и раньше. Отяжелев с годами, он старался не двигаться зря.

— Где Тайни? — спросил Дункан.

— Где-то здесь. Я недавно видел его, он раскапывал мышиную нору, — ответил Конрад.

Вот и мы в мышеловке, — подумал Дункан. — Манускрипт не только не попадет в Оксенфорд, но и вообще пропадет для человечества. Только и останется, что две копии, сделанные в аббатстве. Его отец в Стэндиш-Хаузе и архиепископ в аббатстве будут ждать известий о нем и о Конраде, но никогда не получат их. Хотя нет, ведь существует способ передавать известия: Диана может выходить отсюда, выходить и возвращаться. По крайней мере, если она захочет, то в ее силах отвезти в Стэндиш-Хауз письмо, а даже и манускрипт. Может, кто-нибудь другой еще успеет съездить с ним в Оксенфорд. Конечно, не через Опустошенные Земли, поскольку этот путь чересчур опасен и мало надежды его пройти, а морем, хоть там и пираты. Может быть, еще хватит времени собрать флотилию боевых кораблей, набрать воинственных матросов и пройти через пиратские заслоны.

— Милорд! — позвал Конрад.

— Да?

— Не знаю, как и сказать...

— Какие между нами могут быть церемонии? Говори, в чем дело.

— Орда не хочет пустить нас в Оксенфорд. Ну, может быть, именно в Оксенфорд, а вообще куда бы то ни было. Они пытались задержать нас на каждом повороте, и вот мы задержаны всерьез, больше мы им не мешаем.

— Это точно. И что ты думаешь?

— Леди Диана.

— Что леди Диана?

— Может, она связана с ними, и это был всего лишь хитрый трюк?

Дункан вспыхнул, открыл было рот, но вовремя прикусил язык.

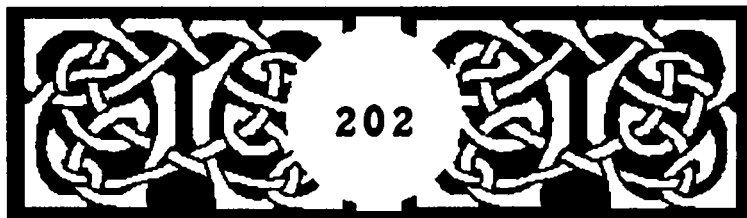
— Не думаю, — поспешно сказал Эндрю. — Не может этого быть. Она же дважды помогала нам в сражениях. Не стала она бы этого делать, будь она в сговоре с Ордой.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Конрад, — но нам надо обдумывать все варианты.

В наступившем молчании Дункан опять вернулся мыслями к плану отправить манускрипт в Оксенфорд какой-нибудь другой дорогой. Да, Диана без лишних вопросов отвезет манускрипт в Стэндиш-Хауз, расскажет там, что случилось с Дунканом и Конрадом, но маловероятно, что удастся переправить манускрипта морем. Отец и архиепископ уже рассматривали этот вопрос и, похоже, признали это дело невыполнимым. Они могут попробовать снова послать группу хорошо вооруженных людей через Опустошенные Земли, но Дункан понимал, что такая попытка успеха не принесет. Даже банду Ривера, состоящую из тридцати с лишним человек, Разрушители уничтожили с легкостью. Их собственный маленький отряд продержался так долго, видимо, лишь благодаря талисману.

Постой, — сказал он себе, — но ведь если Диана может отвезти рукопись в Стэндиш-Хауз, она точно так же может слетать с ней в Оксенфорд, передать ее Вайсу и привезти его ответ.

Нет, это все фантастические попытки найти решение проблемы. Не может он отдать манускрипт Диане и никому вообще.

кроме Конрада. Кому, кроме Конрада, он мог здесь доверять? Диана заманила его с отрядом в этот колдовской круг, а теперь уверяет, что ей очень жаль, даже плачет. Но печаль изобразить нетрудно, да и слезы тоже не проблема. Впрочем, дело не только в этом. Манускрипт был отдан на хранение ему и у него должен оставаться. Он один несет ответственность за документ и ни с кем не может делить ее. В мучительных поисках выхода он на момент упустил из виду священную клятву, которую дал архиепископу, получая из его рук пергамент.

— Вот еще что — сказал Конрад. — А демон не поможет? Вдруг у него за пазухой есть пара трюков? Если обратиться к нему и обещать в уплату освобождение...

— Я с демоном иметь дело не стану, — отказался Эндрю. — Мерзость-то какая.

— А по-моему, — возразил Дункан, — он вполне приличный малый.

— Нельзя ему верить, — настаивал Эндрю. — Он вас обманет.

— Ты говорил, что и Снупи нельзя верить, — напомнил ему Конрад, — а если б мы вспомнили вовремя, что Снупи говорил, не торчали б здесь. Он предупреждал нас насчет замка, говорил, чтоб мы к нему и близко не подходили.

— Делайте, как хотите. А меня увольте. Я не стану сговариваться с порождением ада.

— Но он, может быть, знает способ, как помочь нам.

— Он потребует плату. Помяните мое слово, придется платить.

— Я готов заплатить, — сказал Конрад.

— Но ведь не ту цену, которую он потребует, — возразил Эндрю.

Плохо дело, — подумал Дункан. — Скрэч, вроде бы, парень приличный, хотя кто его знает. Только вряд ли он сможет помочь. Никто не сможет. Диана, если бы могла, открыла бы путь. А если не может она, то не может никто. Колдовство

такого рода наверняка имеет защиту от дурака, чтобы предотвратить случайную догадку.

Все рухнуло, на этой затее можно ставить крест. Из замка им не выйти, и последняя надежда человечества, как выразился архиепископ, угаснет.

Дункан тяжело поднялся и пошел наверх.

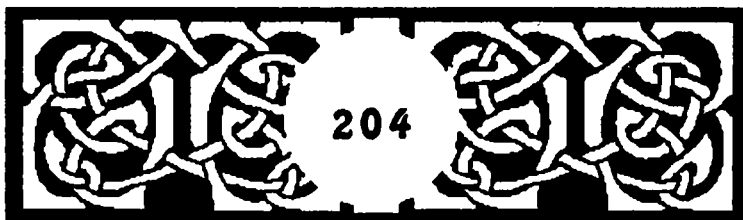
— Куда вы, милорд? — спросил Конрад.

Дункан не ответил, потому что ответить было нечего. Он сам не знал, куда идет и зачем. Он об этом и не думал, он вообще ни о чем не думал, словно все мысли стерлись начисто. Он знал только, что должен от чего-то уйти, хотя не знал, от чего. И еще он знал, что ни от чего уйти не удастся. Он медленно поднимался по лестнице и почти дошел до входа, когда услышал вопль дикого страха, то ли крик, то ли вой осужденной души, смешанный с визгом непереносимого ужаса. Звук пригвоздил Дункана к месту, он в испуге окаменел, тоже охваченный ужасом.

Крик шел откуда-то из замка. Первая мысль была о Диане, но голос был не женский: слишком низкий и горловой. Значит, Катберт, — подумал Дункан и, преодолевая ужас, бросился к дверям. Пробежав через вестибюль, он ворвался в холл и увидел Катберта.

Старик бежал вдоль балкона, опоясывающего холл. Он был в своем ночном одеянии. Руки его были подняты вверх, словно для защиты от чего-то ужасного, а искаженное лицо почти не походило на человеческое. С его губ, покрытых пеной, срывались жуткие вопли. Неожиданно он вскочил на балюстраду, окружавшую балкон, и внезапно кинулся вниз. Его тело перемещалось в падении, а вопли его слились в один непрерывный визг, который прекратился лишь с ударом тела о плиты юла.

★ ★ ★

Дункан бросился вперед. Краем глаза он увидел, как мелькнуло зеленое платье Дианы, сбегавшей по лестнице с балкона. Дункан добежал до Катберта и, опустившись на колени, хотел поднять старика, но замер при виде ручейка крови, стекающего из-под раздробленной головы на полированные плиты. Он осторожно повернул тело, увидел, во что превратились голова и лицо, и перевернул его в прежнее положение.

Диана была уже рядом. Дункан вскочил на ноги и быстро загородил ей дорогу.

— Не смотрите, — резко сказал он. — Вам нельзя смотреть.

— Но Катберт...

— Он умер, — сказал Дункан.

Услышав над головой треск, он поднял голову и увидел, как часть балюстрады закачалась и обрушилась. Обломки камня раскатились по полу. Откуда-то изнутри замка раздался стонущий звук. Потом один из столбов, поддерживавших балкон, грациозно отделился от стены и стал неторопливо падать, описывая дугу, словно решил прилечь отдохнуть. Несмотря на изящество падения, об пол он ударился с ужасающим грохотом и покатился, размалывая в пыль обломки балюстрады.

— Уходите отсюда! — раздался крик Конрада. — Весь этот проклятый замок разваливается!

Из толщи стен доносились стоны проседающей кладки. Эти звуки сигнализировали о появлении невидимых трещин. Каменные блоки стен холла шатались и вываливались, стены корчились.

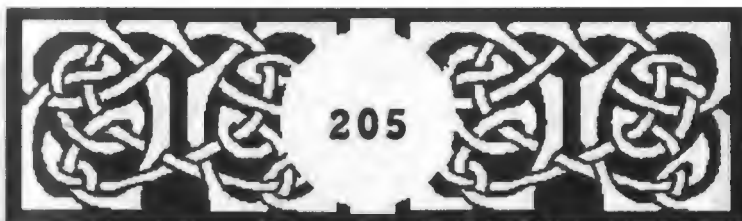
— Милорд! — кричал Конрад. — Уходите, ради Бога!

Дункан, как во сне, направился к выходу, таща за собой Диану. Позади раздавались грохочущие раскаты: замок продолжал рушиться.

Мэг спешила к выходу, за ней семенил Эндрю. Конрад подскочил к Дункану, намереваясь схватить его и побыстрее вытащить, но тут по холлу пронесся крик:

— Помогите! Не оставляйте меня здесь!

Дункан круто повернулся, не выпуская Диану.

Скрэч, спрыгнувший со своего пьедестала, стоял к ним спиной. Он держал руками цепь и пятился, тщетно пытаясь выдернуть ее из камня.

Дункан подтолкнул Диану в направлении выхода и закричал:
— Бегите и не оглядывайтесь!

Он бросился к демону, но Конрад опередил его, оттолкнул демона в сторону и, взявшись обеими руками за цепь, откинулся назад, чтобы всем весом своего массивного тела навалиться на вделанную в камень скобу. Звенья цепи визжали от напряжения, но не поддавались.

Дункан тоже взялся за цепь.

— Давай! — сказал он.

Но даже от их сдвоенных усилий скоба не шевельнулась.

— Не получается... — Конрад задыхался. — Не вытащим.

— Натяни-ка цепь потуже, — велел Дункан. Он встал между скобой и Конрадом, взмахнул мечом и что было сил ударил по цепи. При ударе вылетели искры, но меч скользнул по звеньям без результата. Дункан бил, искры сыпались, но цепь оставалась целехонькой.

Одна стена холла уже упала, камни сыпались с потолка и отскакивали от пола. В воздухе носилась каменная пыль, весь пол был усеян мелкими осколками. Дункан подумал, что еще минута — и все сооружение обрушится на них.

— Бросьте эту проклятую цепь, — причитал демон, — рубите копыто! Иначе не освободите меня!

— Точно, — буркнул Конрад. — Это единственный способ. Срубите ему ногу к чертям.

Дункан повернулся к демону.

— Ложись и давай ногу.

Скрэч растянулся на полу, подняв копыто. Дункан занес меч для удара, но кто-то толкнул его. Это был Эндрю.

— Уберись! — рявкнул Дункан. — Дай место размахнуться!

Но Эндрю не отошел. Он занес над головой посох и с размаху опустил его на натянутую цепь. Цепь распалась на мельчайшие кусочки металла, которые запрыгали по полу.

Держа посох в правой руке, левой Эндрю схватил демона за руку и потащил его к дверям.

— Бежим! — крикнул Конрад.

Они с Дунканом помчались за Эндрю, который с удивительной скоростью бежал вприпрыжку, волоча за собой демона. Скрэч умолял отпустить его, уверяя, что он может бежать и сам. Едва они успели проскочить к двери и начали спускаться по лестнице, как стены холла обрушились со страшным грохотом. Облако пыли и мелких осколков вырвалось из дверей.

К этому моменту Эндрю уже выпустил Скрэча, и демон, несмотря на искаленную ногу, быстро ковылял вниз. На газоне, у подножия лестницы, Мэг, стоя на коленях, крепко держала Диану, не давая ей освободиться и броситься в замок. А замок продолжал рушиться. Центральная башня уже упала, стены дрожали. Дункан подбежал к Диане и схватил ее за руки.

— Нельзя туда!

— Катберт, — простонала она, — Катберт.

— Она хотела бежать туда, — объяснила Мэг, — но я держала ее изо всех сил. Она чуть не вырвалась.

— Теперь все в порядке, — сказал Дункан. — Все вышли. — Он взял Диану за плечи и потряс. — Все кончено. Мы не можем и не могли ничем помочь ему. Он разбился сразу насмерть.

Дэниел и Бьюти стояли рядышком и смотрели, как осыпается замок. Тайни, прижав уши и вытянув хвост, выбежал к ним из парка. Грифона нигде не было видно.

Скрэч, прихрамывая, остановился перед Эндрю и запрокинул голову, чтобы заглянуть Эндрю в лицо.

— Благодарю вас, преподобный отец, за мое освобождение. У вас поистине чудотворный посох.

Эндрю поперхнулся, будто проглотил какую-то гадость. На его лице было написано отвращение, и выглядел он так, словно вот-вот упадет замертво.

— Я боялся не смерти, — продолжал Скрэч, — я боялся худшего, чем смерть. Смерти я не боюсь, поскольку сомнева-

юсь, что вообще могу умереть. В известном смысле это ужасно, но я, кажется, бессмертен. Замок обрушился бы на меня, и я остался бы под этими камнями до тех пор, пока время не обратило бы их в пыль....

Эндрю издал звук, напоминавший кваканье, и замахал руками, отгоняя демона.

— Оставь же ты меня, — попросил он жалобно. — Отыди, дух дьявольский. Я не желаю видеть тебя.

— Вы даже не хотите принять мою благодарность?

— Меньше всего нужна мне твоя благодарность. Я от тебя вообще ничего не хочу. Только забудь все.

— Послушай, Эндрю, — подошел к нему Конрад, — этот бедолага пытается выразить тебе свою признательность, а ты с ним так нехорошо обращаешься. Согласись, что чувство благодарности делает честь даже демону. И он метко выразился: посох твой — само чудо. Что ж ты раньше не сказал, что он обладает такой властью?

— Отстань! — завопил Эндрю. — Отвяжитесь все! Не хочу я, чтобы вы на меня глазели, чтобы вы были свидетелями моего позора!

Он повернулся и убежал в парк. Конрад хотел пойти за ним, но Дункан удержал его.

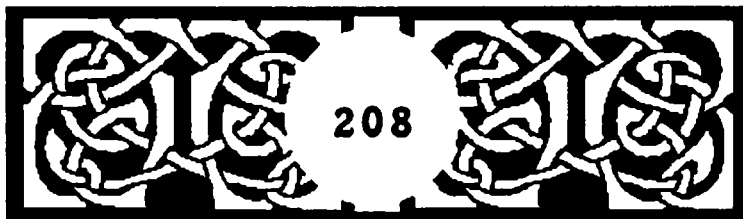
— Но с ним что-то неладное, — запротестовал Конрад.

— Со временем сам скажет, а сейчас он хочет остаться один. Дай человеку время.

Диана отодвинулась от Дункана и взглянула на него уже спокойными глазами.

— Я уже в порядке. Все кончилось. Я понимаю, что случилось. Со смертью последнего колдуна пропали чары.

Солнце, еще недавно так ярко сиявшее на половине своего пути к западу, сейчас, как оказалось, уже скрылось. Разрушение замка происходило с какой-то лихорадочной быстротой, и в сгущающейся темноте он был уже не замком, а грудой щебня, над которой еще возвышались две башни. Над обломками строения висело небольшое облако белой каменной пыли.

Конрад дернул Дункана за рукав.

— Посмотрите на стоячие камни.

Дункан взглянул. Камни уже не стояли, часть их упала, некоторые сильно покосились. Он снова оглянулся на замок и в лунном — лунном! — свете увидел курган таким, каким они увидели его, когда вышли из расщелины, где голос ветра кричал: Святой!

— Все кончено, — едва слышно повторила Диана. — Умер последний колдун, чары исчезли, и замок стал могильным холмом, каким он выглядел целые столетия.

— Огни! — сказал Конрад.

Действительно, множество костров горело в темноте между бывшим замком и холмами.

— Орда? — спросил демон. — Они нас ждут?

— Вряд ли, — отозвался Дункан. — Орде костры не нужны.

— Скорее, — предположил Конрад, — это Снупи со своей командой.

— Ты не обязан оставаться с нами, — сказал Дункан Скрэчу. — Мы не требуем платы за твое освобождение и ничего не ждем от тебя. Если ты хочешь идти куда-нибудь...

— Вы хотите сказать, что мое общество вам в тягость?

— Я этого совсем не имел в виду. Если хочешь оставаться с нами, — добро пожаловать.

— Я беспокоюсь по поводу отшельника. Он расстроится, если я останусь, хотя я не понимаю...

— Переживет, — заметил Конрад. — Подождем немного, он придет в себя.

— Мне идти некуда, — вздохнул Скрэч. — Других друзей у меня нет. А вам я, может быть, пригожусь. Я могу прислуживать.

— Ну и оставайся, — решил Дункан. — Наша компания настолько разнообразна, что мы можем принять в нее и демона.

В этот момент Дункан ощутил, что под ногами уже не мягкая лужайка, а земля. Где-то вдалеке кричала сова, а в холмах за курганом раздавался волчий вой. До полнолуния оставалось не

больше двух дней, и лунный свет был настолько ярким, что речная гладь выглядела сияющим зеркалом. Спаслись, — думал Дункан, — выскочили из самой пасти бедствия благодаря совершенно невероятному повороту событий. Было самоубийство Катберта преднамеренным, или он совершил его в припадке безумия, теперь уже не узнать. Но это было самоубийство. Он сам бросился с балкона вниз.

Диана подошла к Дункану, и он обнял ее за плечи, легонько прижав к себе.

— Мне очень жаль, — проговорил он, — что все произошло таким образом.

— Я должна была понимать, что наступит день, когда Катберта не станет, а вместе с ним не станет и замка. Я знала это где-то в глубине души, но не позволяла себе даже думать об этом.

Дункан крепче прижал ее к себе, стараясь утешить хоть немного. Они смотрели поверх покосившихся стоячих камней на костры, пылающие вдоль склона.

— Видимо, их тут много, — сказал он. — Снупи говорил, что соберет целую армию.

— Дункан, вы не видели Хуберта? — спросила Диана.

— Нет. Наверное, он где-нибудь здесь. Он был тут совсем недавно вместе с Дэниелом и Бьюти.

— Вряд ли он здесь, — вздохнула Диана. — Боюсь, что больше не увижу его. Хуберт был как бы принадлежностью замка. Ведь он жил здесь так долго.

— Когда рассветет, мы поищем его. Может, он заблудился в темноте.

— Кто-то идет, — предупредил Конрад.

— Никого не вижу

— Да за стоячими камнями. Наверное, Снупи. Я думаю, надо пойти навстречу. Они не решатся обходить камни. Они знают, что что-то случилось, но не знают, что именно.

— Теперь опасности здесь нет, — сказала Диана.

— Но они-то этого не знают, — возразил Конрад.

Он направился вниз по склону. Дункан с Дианой последовали за ним. Пройдя между стоячими камнями, они увидели несколько маленьких фигурок, которые спокойно стояли и ждали их. Одна фигурка неторопливо шагнула вперед, и голос Снупи сказал с упрёком:

— Я предупреждал вас. Почему вы не послушались? Я ведь говорил вам, чтобы вы остерегались этого замка.

Глава 25

Снупи стоял на коленях у костра и расчищал рукой пространство на земле.

— Смотрите, — сказал он, — я вам нарисую карту.

Дункан стоял рядом, смотрел на гладкий клочок земли и вспоминал, как в день первой их встречи гоблин рисовал им карту в приделе церкви.

Снупи взял прутик и сделал в земле ямку.

— Мы здесь.

Потом нарисовал ломаную линию по северному краю карты.

— Это холмы.

На юге он изобразил извилистую линию.

— Это река.

После этого он провел полосу, идущую к югу, а затем поворачивающую на запад с петлей к северу.

— Это топь, — узнал Конрад.

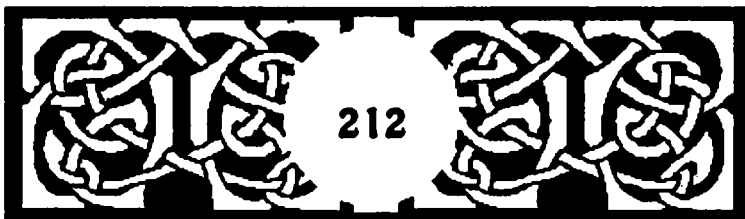
Снупи кивнул, пробежал рукой с прутом по линии холмов, изогнул линию к востоку, очертил петлю и продолжил к югу волнистую линию реки.

— Орда, — сказал он, — вытянулась вдоль этой линии. Они окружили нас с севера, с востока и юга. В основном, там безволосые, но есть и другие. Они прижимают нас к топи.

— Какая-нибудь возможность прорваться есть? — спросил Конрад.

Снупи пожал плечами.

— Мы не пытались. Мы-то сумеем, как только захотим. Просочимся понемногу в разных местах, и они даже не подумают нас задерживать. Мы их не интересуем. Им нужны вы. Они потеряли ваш след здесь, но знают, что вы не можете перебраться через болота. Они думают, что вы прячетесь в

кургане, но рано или поздно оттуда выйдете, и тогда они вас поймают. А просочиться, как мы, вы не сможете.

— Ты хочешь сказать, — сказал Дункан, — что они сидят и ждут там, а мы будем сидеть и дожидаться здесь?

— Не совсем так, — ответил Снупи. — Я не считаю, что мы будем сидеть тут. У нас есть против них много разных заклятий, всяких простеньких ловушек, которые, конечно, не остановят их, но помешают, собьют с толку, замедлят их продвижение. А есть ловушки и довольно-таки мерзопакостные. Они знают, что ловушки есть, и постараются избегать их, сколько возможно. Если вдоль их линии начнется движение, мы будем об этом знать.

— Но вы рискуете своими головами ради нас, — сказал Дункан, — а мы бы этого не хотели. Разумеется, мы рады вашей помощи, но не рассчитываем на нее.

— Я же вам сказал, что мы можем уйти в любое время. Здесь все опасности непреодолимы только для вас.

— Много здесь ваших?

— Несколько сотен. Может быть, тысяча.

— Я даже представить себе не мог, что вас соберется так много. Ты говорил, что маленький народец не питает любви к человечеству.

— Я говорил также, если вы помните, что Орду мы любим еще меньше. Стоило только пустить слух, что маленькая группа людей выступила против Орды, как новость разнеслась повсюду со скоростью лесного пожара. День за днем наш народ собирался и по одному, и группами. Я не буду обманывать вас: мой народ не станет сражаться за вас насмерть. Они никогда не были воинственными и к сражениям не приспособлены. Но они делают то, что могут.

— И мы им очень за это признательны, — поблагодарил Дункан.

— Если бы вы со вниманием отнеслись к тому, что мы вам говорили, вы не были бы в таком положении. Ведь я специально предупреждал вас насчет замка. Говорил ведь, чтоб близко не

подходили. Из того, что вы мне рассказали, с очевидностью следует, что вы освободились только благодаря невероятной удачливости людей. — Он покачал головой. — Просто не понимаю, за что людям такое везение. Нашему народу никогда не выпадают такие удачи.

— У нас выбора просто не было, — пояснил Конрад. — Не укрылись бы в замке, давно были бы убиты.

— А если бы вы перебрались через реку...

— У нас не было возможности, — возразил Дункан. — Орда догнала бы нас. Они уже переформировывались, когда мы бежали.

— Из того, что мы обнаружили на поле битвы, — заметил Снупи, — видно, что вы нанесли им немалый урон.

— Так-то так, — согласился Конрад. — но мы не продержались бы. Да и то нас спасли Диана и Охотник. Они вмешались с такой силой и так внезапно...

Снупи кивнул.

— Да, я знаю.

— Теперь мы будем больше прислушиваться к твоим советам, — пообещал Дункан. — Что же ты нам посоветуешь?

— Ничего, — ответил гоблин. — Нет у меня предложений.

— Совсем ничего? Вообще никакого плана?

— Я много думал, — сказал Снупи, — и все наши тоже. Мы держали совет, долго обсуждали и ломали голову, но ничего предложить не можем. Мы серьезно опасаемся, что вас ждет гибель.

Дункан повернул голову и взглянул на Конрада.

— Мы найдем выход, милорд, — ответил тот.

— Конечно, — согласился Дункан.

Он подумал, что шутки у маленького народца довольно страшненькие. Или это была не шутка, а жестокая правда?

— Тем не менее, — продолжал Снупи, — мы сделаем для вас все, что можем. Мы уже нашли одеяло для леди Дианы, а то платье на ней совсем легкое. Без одеяла она просто окоченеет за ночь.

Дункан выпрямился и огляделся. Костер жарко пылал. Дэниел и Бьюти стояли рядышком, свесив головы. Полусонный Тайни расположился рядом с Конрадом. Вокруг костра сидело много представителей маленького народа: гоблины, гномы, эльфы, духи и фен. Дункан был знаком только с одной баньши Нэн. Она сидела у самого огня, плотно завернувшись в свои крылья. Ее глаза, такие черные, что казались полированными самоцветами, блестели в свете костра под копной растрепанных угольно-черных волос.

Дункан пытался разобраться в выражении их лиц, но не мог. Дружелюбия он не увидел, но и ненависти тоже не заметил. Они просто сидели, смотрели и ждали. Вернее — отметил про себя Дункан, — наблюдали и выжидали, какое решение примут люди.

— Отрады, окружающие нас, — сказал Конрад, обращаясь к Снупи, — это, конечно, еще не вся Орда.

— Нет, — подтвердил Снупи, — основные силы Орды находятся за топью, к западу от нее, и двигаются по ее краю на север.

— И приближаются к нам с запада?

— Видимо, нет. Дух следил за ними.

— А разве Дух с вами? Где же он сейчас?

Снупи махнул рукой.

— Где-нибудь на разведке. Он и Нэн — наши глаза. Они стараются держать нас в курсе всего происходящего. Я надеялся, что придут и другие баньши. Их глаза оченьгодились бы. Но пришла только Нэн, на них вообще рассчитывать нельзя, больно уж они склочные типы.

— Ты говоришь, что основная Орда не станет блокировать нас с запада. Почему ты так считаешь?

— Дух полагает, что они завтра или послезавтра, прямо через нас, пойдут дальше на север, оставив западный берег. А почему тебя это интересует? Ведь вам нечего надеяться пройти через топь. Там ил, и трясина, и разводья, и зыбуны. Никто в здравом уме туда не полезет. Там есть бездонные окна, о которых вы

не догадаетесь, пока туда не угодите. Вот вы ступаете на твердую почву, а на следующем шаге попадаете в грязь, которая хватает вас и засасывает. Нет ни одного шанса выбраться из топи живым.

— Посмотрим, — заключил Конрад. — Если другого выхода не окажется — мы рискнем.

— Если бы нашелся Хуберт, — сказал Дункан, — Диана могла бы патрулировать вместе с Духом и Нэн. Лишняя пара глаз.

— Кто это — Хуберт?

— Грифон Дианы. Он куда-то исчез, когда замок рухнул.

— Завтра мы его понесем, — сказал Снупи.

— Боюсь, его уже не найти, — покачала головой Диана.

— Тем не менее, мы посмотрим, — пообещал Снупи. — Мы постараемся восстановить все, что вы потеряли.

— Мы все потеряли, — уточнил Конрад. — Одежда, посуду, пищу.

— Это не проблема, — сказал гоблин. — Кое-кто из наших уже работает над кожаной одеждой для миледи. То платье, которое на ней, не подходит для такого образа жизни.

— Это очень великодушно с вашей стороны, — поблагодарила Диана. — Но я бы попросила бы вас еще об одной вещи: об оружии. Мой боевой топор пропал.

— Насчет боевого топора не знаю, — ответил Снупи, — но может быть, что-нибудь другое найдется — клинок, например.

— Меч?

— Да, меч. Я, кажется, знаю, где есть меч, на который я бы мог наложить лапу.

— Это было бы с вашей стороны очень любезно.

— Не знаю, какая вам польза от всего этого, — проворчал Снупи. — Вы в западне. Я считаю, выбраться из нее невозможно. Когда Орда решит двинуться, она раздавит вас, как кисть винограда.

Дункан оглядел сидевших у костра. Они кивали головами в знак согласия со Снупи.

— За всю свою жизнь не видел такого сборища трусов, — презрительно фыркнул Конрад. — Черт побери, вы готовы сдаться, даже не попытавшись что-нибудь сделать. Чего же вы не уходите? Обойдемся и без вас!

Он повернулся и ушел в темноту.

— Вы должны извинить моего друга, — сказал Дункан сидящим у костра. — Он не из тех, кто умеет принимать поражение.

За костром из-за дерева выглянула чья-то фигура, постояла и снова нырнула обратно. Дункан поспешил туда и остановился на краю рощицы.

— Эндрю, ты где? — позвал он тихо. — Что случилось?

— Вам-то что нужно? — жалобно спросил Эндрю.

— Я хочу поговорить с тобой. Ты ведешь себя, как капризный ребенок. С этим надо разобраться.

Эндрю вышел из-за дерева. Дункан подошел к нему и спросил, глядя в упор:

— Ну? Что тебя гложет?

— Вы же знаете.

— Пожалуй, догадываюсь. Давай поговорим об этом.

Свет костра не доходил до них, и Дункан не мог видеть выражения лица отшельника.

— Вы помните, как ночью мы разговаривали в моей келье? Я рассказывал вам, как пытался стать отшельником, как читал труды отцов Церкви, как смотрел на пламя свечи, и как все это оказалось напрасным. Я, кажется, говорил вам, что не гожусь в отшельники, да и святой из меня не получится. Помнится, я много такого наговорил вам, потому что было очень тяжело на сердце. Легко ли человеку, посвятившему большую часть жизни какому-то делу, в конце концов, убедиться, что все было впустую, что все надежды и мечты унес ветер.

— Да, я помню. Думаю, что сейчас ты чуточку передергиваешь. Не сумев стать отшельником, ты ухватился за возможность сделаться воином Господним. И ты стал им, ты действовал правильно, и у тебя нет причин для недовольства собой.

— Вы же не понимаете, — простонал Эндрю.

— Так объясни.

— Разве вы не видите, что мои усилия в конце концов дали результат? И бдения, и, возможно, все остальное, что я делал. И то, что я добровольно пустился в путь как воин Господень. И не уверен, что я святой — я не настолько дерзок, чтобы утверждать это. Даже думать так — кощунство. Но у меня появилась сила, которой не было, о которой раньше я и не подозревал. Мой посох...

— Да-да, твой посох разбил цепь демона, когда от моего меча толку не было, только искры сыпались.

— Но согласитесь, что сам по себе посох не мог разбить цепь. Неведомая сила внезапно проявилась то ли в посохе, то ли в человеке, который его держал...

— Согласен, — кивнул Дункан. — Значит, в тебе есть какая-то святая сила. Так тебе радоваться надо!

— Но неужели же вы не видите, в какой переплет я попал?

Эндрю чуть не плакал.

— Боюсь, что ничего я такого не вижу.

— Самым первым проявлением моей силы было освобождение демона. Как вы не можете понять, что это меня мучает? Я, святой, — если я святой — воспользовался этой силой, как вы понимаете, впервые, и для чего?! Для освобождения злейшего врага нашей матери-Церкви!

— Насчет врагов Церкви не знаю, а Скрэч явно неплохой парень. Он демон, конечно, но он неудачник, он не справлялся с самыми простыми заданиями, когда учился у черта. Потому и удрал из ада. А сатана и его приближенные даже пальцем не пошевелили, чтобы вернуть его обратно, что показывает, как мало в нем нуждались в аду.

— Вы стараетесь найти в случившемся светлую сторону, милорд, — сказал Эндрю, — и я благодарен вам за участие. Вы необыкновенно благожелательный человек. Но факт остается фактом: теперь на мне темное пятно, я им отмечен.

— Какое еще темное пятно? — спросил Дункан с некоторым раздражением. — Что за чушь ты несешь! Кто тебя отметил, каким таким пятном?

— На моей душе теперь есть клеймо. — убитым голосом пояснил Эндрю. — Никто его не видит, а я-то знаю о нем. И стереть его нельзя. Я буду носить его до смерти, а может и после.

— Скажи мне одну вещь. Для меня это просто загадка, почему ты ударил посохом, когда увидел, что мой меч не может разбить цепь? У тебя что, предчувствие было или озарение какое-то внутреннее?

— Нет, — ответил Эндрю. — Это вышло как-то неожиданно. Просто мне почему-то захотелось вмешаться. Вы-то с Конрадом делали, что могли, вот я и почувствовал, что тоже должен делать, что могу.

— Ты имеешь в виду, что, пуская в дело посох, ты хотел помочь демону?

— Не знаю. Об этом я не думал. Наверное, хотел помочь. Но когда я осознал это, душа моя сжалась. Зачем я помогал демону? Как же я мог хоть палец о палец ударить ради него?

Дункан схватил отшельника за плечо и крепко сжал.

— Ты хороший человек, Эндрю, лучше, чем ты думаешь.

— Как это? Разве помощь демону делает меня лучше? Я думаю, что наоборот. Это ужасно: я помог слуге ада, от которого воняет серой.

— Тому, кто отвернулся от ада, — поправил Дункан. — Он откололся от ада, отрекся от него. Может, им руководили не благие намерения, но от ада он отказался, как отказываемся ты и я. Он на нашей стороне, разве ты не понимаешь? Теперь он с нами. Пусть на нем все еще клеймо зла, но он с нами.

— Не знаю, — проговорил с сомнением Эндрю. — Я подумаю. Это надо обдумать.

— Пойдем со мной к костру, сядем у огня и подумаем над этим, но с удобством. Немного тепла для твоих продрогших

стей и немного пищи для твоего желудка, наверное, не будут лишними.

— Да, пожалуй, я голоден. Мэг готовила кислую капусту со свиными ножками. Я мог бы их попробовать, если бы вовремя собрался. Сколько лет я не ел этого кушанья!

— Маленький народец не может угостить тебя капустой и свиными ножками, но зато есть невероятно вкусная тушеная оленина. Ее много осталось, больше, я думаю, чем вместит твой желудок.

— Если вы думаете, что все в порядке, и они меня примут...

— Они будут рады, — уверил его Дункан. — Они спрашивали о тебе.

Пусть это не вполне точно, но небольшая ложь не повредит; подумал он.

— Ну, пошли.

Он обнял отшельника за плечи и повел к костру.

— У меня еще не все утряслось в голове, — поупрямился Эндрю напоследок. — Я во многом еще не разобрался.

— Погоди. Со временем разберешься.

Дункан подвел его к костру, где рядом сидели Диана и Нэн.

— Я привел вам голодного, — сказал он Нэн. — Не осталось ни мисочки тушеного мяса?

— Да что там мисочка. — ответила баньши. — Осталось больше, чем он может съесть, как бы ни был голоден. — Затем баньши обратилась к Эндрю:

— Садись к огню. Сейчас я тебе подам.

— Спасибо, мэм, — сказал Эндрю.

Дункан огляделся; ища Конрада, но не увидел его. Не было ни Киме и Снупи. Дело к полуночи, — подумал он. — Надо бы им немного поспать. Он не представлял себе, что они будут спать утром, но надо было как можно быстрее продумать план действий. Конрад, по всей вероятности, получил какую-то информацию, и было очень важно увидеться с ним поскорее. Наверное, он отошел к другому костру. Дункан пошел туда, но

из темноты кустов кто-то свистнул. Дункан быстро обернулся хватаясь за меч.

— Кто там? Выходи!

От кустов отделилась тень. Лунный свет упал на кривой рог.

— Скрэч, что ты там делаешь?

— Вас жду, — ответил демон. — Я хочу кое-что сказать Спокойно и потихоньку. Давайте присядем и поговорим.

Дункан присел на корточки против Скрэча. Демон с трудом наклонился, словно горб на его спине давил ему на затылок.

— Я слушал, — сказал он. — Вы в опасности.

— Тоже мне, новость. Мы все время в опасности.

— Но на этот раз вы окружены со всех сторон.

— Все верно.

— И прорваться невозможно?

— Маленький народец говорит, что нет. Но мы еще не смирились с этим.

— Есть путь через болото.

Какой путь? — подумал Дункан. — Что знает о болоте демон, который целые столетия был заперт в замке.

— Вы мне не верите, — догадался демон.

— Трудновато поверить. Откуда тебе знать?

— Я говорил вам, что когда-нибудь расскажу о своих приключениях, а сделать это так и не пришлось.

— Говорил. Я буду рад выслушать твой рассказ, но не сейчас. Я иду искать Конрада.

— Я расскажу не все, только часть. Когда я удрал из ада среди людей прошел слух, что здесь есть беглый демон, на которого покровительство Старого Скрэча не распространяется, так что его может поймать любой желающий. Меня начали безжалостно преследовать. Вот тогда я и познакомился с этой топью. На этом самом месте я прятался несколько лет, пока не решил, что следа моего не осталось, что все про меня забыли, и я спасен. Я вышел из топи, и почти тотчас меня изловили.

— Но топь, как я слышал, — это смерть.

— Ну, если знать дорогу.

— А ты знаешь?

— Мне показал ее водяной эльф, маленький и ужасно порчливый эльф. Он пожалел меня. Пройти можно, но с большой осторожностью. Я знаю приметы, по которым отыскивается проход.

— Но ведь ты был здесь очень давно. Все могло измениться.

— Только не это. Там есть острова.

— Острова тоже меняются. Они могут всплывать и погружаться.

— В это болото погрузились целые холмы. Их наиболее древняя часть, разрушившаяся, образовала острова, о которых я говорю. Такие острова стоят веками. Это просто скалы, осесть они не могут. Часть этих скал скрыта под водой, они образуют ширемычки между островами. По этому подводному гребню можно перейти всю топь. Но его под водой не видно, надо знать, где идти.

— Глубоко?

— Местами мне по шею, но не глубже.

— Через всю топь? К западному берегу?

— Именно так, милорд. Скрытый скалистый гребень, часть древних холмов. Но там есть и обманчивые, коварные места.

— И ты их узнаешь?

— Уверен, что узнаю. У меня хорошая память.

— Ты поведешь нас?

— Уважаемый сэр, я у вас в долгу и не смел надеяться когда-нибудь расплатиться. Я буду рад показать вам дорогу через болото, и это будет лишь малой частью моего долга. Если вы согласитесь...

— Конечно, согласимся. Если события потребуют...

— Какие события?

— Может случиться, что основная Орда Разрушителей перекроет нам путь. Они идут по западному берегу топи. Если они пойдут дальше к северу, как, похоже, они намереваются, мы с твоей помощью перейдем топь и избавимся от них.

— Но есть еще одно препятствие.

— Какое?

— У западного края топи есть большой остров, больше других. Его стерегут драконы.

— Почему?

— Этот остров — обитель плача, место, где оплакивают мир.

Глава 26

Диана, Мэг и Нэн сидели у костра чуть в стороне от остальных, когда Дункан вернулся, в сопровождении хромого согбенного Скрэча. Неподалеку, растянувшись на земле, накрытый овчиной, спал, похрапывая, Эндрю. У Дианы на коленях лежал длинный узкий сверток черного бархата. Мэг окликнула Дункана.

— Вы только посмотрите, что у Дианы! Посмотрите, что дал ей Снупи!

Дункан повернулся к Диане. Она улыбалась, глаза ее сияли. Диана осторожно развернула бархат.

Сотнями огней сверкало обнаженное лезвие меча, и вспыхивали искры в драгоценных камнях на его рукояти.

— Я ему говорила, что для меня это чересчур роскошно, но он настаивал, чтобы я взяла.

— Меч просто великолепный, — оценил Дункан.

— Гоблины много лет хранили его, как святыню, — объявила Нэн. — Им и во сне не снилось, что найдется человек, которому они захотят отдать его. — Она пожала плечами. — И то сказать, он слишком тяжел для гоблина или для кого-нибудь из наших.

Дункан протянул руку к мечу.

— Можно?

Диана кивнула.

Сталь была холодной и гладкой. Он пробежал пальцами вдоль лезвия, почти лаская его.

— Дункан, — тихо сказала Диана, — мне страшно.

— Страшно?

— Мне кажется, я знаю, что это за меч. Снупи не сказал мне.

— Тогда я не думаю, что надо расспрашивать. — Он потянул пархат за краешек и накинуд его на меч. — Прикройте меч. Это драгоценная вещь, ее надо беречь от ночной сырости. Заверните его как следует.

Он повернулся к Мэг.

— Я хочу у тебя кое-что спросить. Ты однажды говорила про оплакивание мира, но как-то вскользь. Ты не могла бы рассказать подробнее?

— Я не знаю ничего, кроме того, что уже сказала, милорд.

— Ты говорила, что есть несколько таких мест оплакивания, широкими, широко разбросанных по свету. Ты, кажется, полагаешь, что одно из них находится в этой топи.

— Так говорят.

— А кто там плачет?

— Женщины, милорд. Кому же еще плакать в нашем мире? Только у женщин есть причина для плача.

— А имен этих женщин ты не знаешь?

Мэг нахмурилась, пытаясь вспомнить.

— Конечно, имена у них есть, милорд, но не думаю, что я слышала их.

— А ты? — спросил он Нэн. — Ведь вы, баньши, — тоже плакальщицы.

— Плакальщицы, но мы не оплакиваем весь мир, — ответила Нэн. — У нас достаточно хлопот, чтобы оплакивать тех, кто в этом нуждается больше.

— А может, весь мир нуждается в оплакивании его несчастий.

— Наверное, так оно и есть, — согласилась баньши, — но мы плачем дома, в местах, где мы живем, за одинокую вдову, за голодных детей, за нужды стариков, за тех, кого отняла смерть. Столь многих нужно оплакивать, что мы заботимся

лишь о тех, кого мы знаем. Мы садимся около печального дома, от которого веет нуждой и скорбью, и плачем о тех, кто скорбит и нуждается, и...

— Да, я понял, — прервал Дункан. — А о тех, кто оплакивает весь мир, тебе что-нибудь известно?

— Только то, что вам уже сказала ведьма.

За спиной Дункана послышались легкие шаги.

— Что это насчет оплакивания? — прозвучал голос Снупи. Дункан обернулся к гоблину.

— Демон сказал, что плачут на болоте.

— Он прав. Я часто слышу этот плач. Но вам это для чего?

— Скрэч сказал, что топь можно перейти. Он уверяет, что знает дорогу.

Снупи сморщился.

— Сомневаюсь. Топь всегда считалась непроходимой.

— Но ведь ты этого не знаешь наверняка?

— Наверняка не знаю. Не нашлось дурака, чтобы проверить. Здесь даже лодку на воду никто не спускал, потому что там таятся опасности. Может вынырнуть невеста что и ухватить лодку.

— Ну, что ж, — сказал Дункан, — вот тебе и дурак, смотри. Я собираюсь рискнуть.

— Вас проглотят.

— Нас проглотят в любом случае. Ты сам сказал, что Орда сгоняет нас, как скот. Единственный путь — через болото.

— Но основные силы Орды на западном берегу.

— Со слов Духа ты говорил, что Орда идет на север. Если они не свернут с этого направления, наш путь будет свободен.

— Тем не менее, те, которые взяли нас в окружение, сжимают кольцо, — сообщил Снупи. — На востоке уже есть какое-то движение. Они уже угодили кое-где в наши ловушки.

— Тем больше оснований попытаться перейти топь. И как можно скорее.

— Если окружившие нас части Орды знают, что вы здесь, — а они, разумеется, знают, поскольку начали стягивать силы,

— то и основное войско Орды на западном берегу топи тоже осведомлено о вашем местонахождении.

— Но Орда на западном берегу не предполагает, что мы гунемся в топь.

Снупи с досадой махнул рукой.

— Идите, коли хотите. Вы все равно сделаете по-своему. Вы же меня не слушаете. Вы никогда меня не слушали.

— Не обижайся, но ты не предлагаешь никакой альтернативы. А топь — это альтернатива. Я решил идти. Демон пойдет со мной и покажет дорогу. Конрад наверняка пойдет тоже.

— И я, — добавила Диана.

Она обратилась к Снупи:

— Ты что-то говорил насчет кожаного костюма для меня. Когда он будет готов? В этом платье не стоит и пытаться идти по болоту.

— Миледи, вы получите его с первыми лучами солнца, — ответил Снупи. — Наши мастера будут работать всю ночь.

— С первыми лучами солнца мы уйти не можем, — сказал Дункан, — как бы ни хотелось. Сначала надо поискать грифона.

— Мы ночью искали, — сообщил Снупи, — но не нашли. При первых проблесках света мы снова обыщем всю округу. Но мы почти не надеемся найти его. Он слишком тесно и слишком долго был связан с колдунами и замком. Он стар, он устал от долгой службы и, возможно, не пожелал пережить замок. Ему было бы тяжело пережить последнего колдуна. Миледи, наверно, согласна со мной.

— Да, — ответила Диана. — Но я все равно пойду даже без Хуберта.

— Вы можете сесть на Дэниела, — предложил Дункан.

— Нет, это ведь ваш конь. И потом, он боевой конь и он не должен иметь всадника, кроме случаев, когда он и всадник сражаются как одно целое. За все время путешествия вы ни разу не сажались на него. Вы сражались бок о бок. Так и должно быть.

— Я отправлюсь с вами, — заявила Нэн. — Меня не страшит топь, поскольку я поднимусь выше нее. Летаю я не очень-то изящно и напоминаю в полете ворону, но, оглядывая местность сверху, может быть, я смогу помочь.

— А поскольку я ввязался в эту авантюру с самого начала, — сказал Снупи, — вы не можете оставить меня за бортом.

— Не стоит, — возразил Дункан. — Ты не веришь в успех и, конечно, должен остаться здесь управлять своим народом.

— Не нуждаются они в моем управлении. Я никогда, по правде сказать, ими и не управлял. Я только кинул клич, чтобы собрать их. И в поисках приключений они пришли сюда, как на пикник. Но они вовсе не жаждут столкнуться с настоящей опасностью. Это мудрый народ, рисковать они не любят. Честно говоря, они уже начали разбегаться. Как только вы уйдете, уйдут и остальные.

— Так почему бы и тебе не уйти с ними? Спасибо за намерение отправиться с нами, но с точки зрения здравого смысла...

Снупи прервал его с наигранным возмущением:

— Как! Вы хотите лишить меня возможности совершить подвиг, о котором я смогу в течение многих лет рассказывать внимательным слушателям, которые, окружив меня, будут ловить каждое мое слово? Очень уж бесцветна жизнь маленького народца, как вы нас покровительственно именуете! У нас мало возможностей совершить подвиг. Мало кому выпадает шанс стать хоть немного героем. Раньше — до того, как появились вы, люди, и выгнали нас из наших мест — было по-другому. Земля была наша, и мы разыгрывали на ней свои маленькие драмы и глупые комедии, но теперь мы этого не делаем, потому что у нас нет собственного места, и на каждом шагу, того и гляди, встретится какой-нибудь дурак, который напомним нам о нашем бедственном положении, тем самым отнимая у нас те небольшие радости, что еще остались на нашу долю.

— Что ж, тогда ладно. — согласился Дункан. — Мы ценим твою компанию. Но я должен предупредить, что где-то по дороге нам могут встретиться драконы.

— Пусть это беспокоит драконов! — крикнул Снупи, щелкнув пальцами.

В темноте захрустели ветки. Конрад вошел в круг света от костра и кивнул вверх.

— Посмотрите, кого я нашел.

Все посмотрели вверх и увидели спускавшегося Духа.

— Я потерял вас, милорд, — сказал тот. — Я искал и искал, но вас и след простыл. Но, даже занимаясь вашими поисками, я не забывал при этом выполнять порученное мне задание. Я следил за разными частями Орды и, не имея, кому доложить, поскольку вас не было, свой рапорт я передал Снупи. Он, как и я, недоумевал, что могло с вами случиться, но он подозревал, что ваше отсутствие каким-то образом связано с курганом, и вот теперь это подтвердил Конрад, о которого я был просто счастлив споткнуться некоторое время тому назад, и мне...

— Постой, — прервал его Дункан. — Я хочу у тебя кое-что узнать.

— У меня, милорд, тоже есть что сообщить вам. Но сначала я спрошу для собственного успокоения, намерены ли вы, несмотря на всяческие помехи, идти в Оксенфорд? Я все еще питаю надежду попасть туда, поскольку у меня множество сложных вопросов к тамошним мудрецам. Трудных для меня, разумеется, но, надеюсь, не для них. Моя самая заветная мечта — получить на свои вопросы ответы, которые меня успокоят.

— Да, — ответил Дункан, — мы по-прежнему намерены продолжать путь в Оксенфорд. Теперь моя очередь спрашивать: что ты можешь сказать о той части Орды, что идет по западному берегу болота?

— Все это сборище по-прежнему продолжает двигаться к северу, — ответил Дух, — и сейчас они идут намного быстрее, чем раньше, словно их подгоняет какая-то неведомая нам сила, над которой они не властны.

— А не похоже, что собираются остановиться?

— Ни малейших признаков. Они продолжают стремительно двигаться вперед.

— Ну, значит, решено. — с некоторым удовлетворением сказал Дункан. — Выходим завтра как можно раньше.

Глава 27

Поиски Хуберта начались, едва побледнело небо на востоке. Обыскивали все вокруг развалин замка, на лугах вдоль реки, но нигде не было и следа грифона. В поисках помогали добровольцы из маленького народца, но их осталось намного меньше, чем было ночью.

Как только поиски прекратились, они разом исчезли в неизвестном направлении, и лишь дюжина тлеющих и дымящихся костров напоминала о том, что они вообще были здесь.

Дункан и Конрад собрали свою маленькую армию и направились к топи. На севере неясно вырисовывались громады холмов, через которые отряд Дункана прошел сюда, а на западе холмы резко обрывались, подходя к топи. На юге через заболоченные луга лениво текла спокойная река.

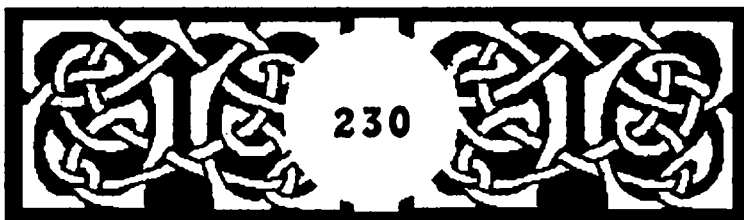
Отряд двигался не цепочкой, а как придется. Они шли через открытое пространство, на котором попадались отдельные группы деревьев и кусты орешника, небольшие перелески и лощины. Утро, на заре ясное и яркое, начало мрачнеть. С запада стали собираться тяжелые тучи, и солнце превратилось в бледный круг света.

Не прошло часа с момента выхода, как они услышали слабый плач. Ослабленная расстоянием, но явственно слышная далекая жалоба одиночества с оттенком безнадежности, словно никогда не исчезнет причина для плача, и несчастье будет длиться вечно.

Диана, шедшая рядом с Дунканом, вздрогнула, услышав этот звук.

— Этот плач пронизывает насквозь. Он будто режет меня ножом.

— Раньше вы никогда не слышали его?

— Иногда, конечно, слышала. Но он раздавался так вдалеке, что я не обращала внимания. С топи всегда шли странные звуки. Я понятия не имела о том, что это, и...

— Но колдуны-то, наверное, знали.

— Знали, но могли мне не сказать. Я ведь редко покидала замок, если не считать моих поисков Вольферта. В общем-то, я жила под защитой, хотя и не осознавала этого.

— Под защитой? Вы, такая воинственная девушка?

— Не поймите меня неправильно. Я не беспомощный ребенок и не тоскующая девица. Я участвовала в некоторых набегах, училась владеть оружием. Да, кстати, я хочу поблагодарить вас: вы вместе со мной поверили в меч.

Она держала его в руке, потому что ножен не было. Она приподняла меч, и лезвие засверкало даже в слабом свете солнца.

— Добрая сталь, — сказал Дункан.

— И это все, что вы можете о нем сказать?

— Снупи ничего не сказал вам. И вам не следует спрашивать.

— Но был меч, потерянный много лет назад...

— Было много мечей, и многие из них потеряны...

— Ну, ладно. Значит, мы закрыли эту тему?

— Я думаю, так будет лучше, — ответил Дункан.

Они долго шли, постепенно поднимаясь из болотистой низины на пологий холм. Добравшись до его вершины, все остановились и дружно устремили взгляд на запад, где слабо голубела топь. Внизу лежала узкая полоска леса, шедшая от северной гряды холмов далеко на юг. Этот лес отделял их от топи.

Скрэч, подойдя к Дункану, подергал его за куртку, чтобы привлечь к себе внимание.

— Что тебе, Скрэч?

— Лес, — указал демон.

— Ну и что?

— Его раньше не было. Я помню, как я был тут. Не было никакого леса, гладкая земля до самого болота.

— Но ведь это было давно, — возразил Конрад. — Давным-давным давно.

— Он сидел в замке на цепи несколько столетий, — уточнила Диана.

— За несколько столетий лес вполне мог вырасти, — сказал Дункан.

— Или он помнит неточно. — добавил Конрад.

Эндрю, стукнув посохом в землю, возмутился:

— Не обращайтесь вы внимания на это сатанинское отродье. Он просто смутян.

— Мэг, ты ничего не знаешь об этом лесе? — спросил Дункан.

— Откуда? Я тут никогда не была.

— По-моему лес вполне обыкновенный, — сообщил Конрад.

— Я всегда первый чую неладное. А это лес как лес.

— Я тоже не нахожу в нем ничего сомнительного, — поддержал Снупи.

— Говорю вам, — взвизгнул Скрэч, — что раньше его не было!

— Пойдем осторожно, — сказал Конрад, — и будем наблюдать. Чтобы добраться до топи, пройти через лес все равно придется.

Дункан взглянул на Скрэча, все еще державшего его за куртку, словно собирался подергать еще раз. В другой руке демона были вилы на длинной ручке с тремя острыми зазубренными зубцами.

— Где ты это взял?

— Я дал, — ответил Снупи. — Он принадлежал одному гоблину, но для нас такое оружие неудобно, потому что тяжелое.

— Вручая его мне, — добавил Скрэч, — Снупи сказал, что презубец это мой атрибут.

— Почему атрибут?

— Ну, конечно, — ответил Снупи. — Вы, милорд, не знаток в вашей теологии.

— При чем тут наша теология?

— Может, я ошибаюсь, — пожал плечами Снупи, — но мне кажется, что это ведется с древних времен. Не так давно я наткнулся на манускрипт, в котором, насколько я понял, излагались библейские легенды. Я не стал тратить время и разбираться в вашей варварской писанине, а посмотрел картинки. Там я нашел довольно примитивно выполненное изображение существ, похожих на этого нашего приятеля. Эти существа бросали безутешных в своем горе людей в адское пламя. Инструменты, которыми пользовались демоны, чтобы подхватывать и кидать людей, весьма напоминали этот трезубец. Вот это я и имел в виду, когда отметил, что это оружие — атрибут нашего демона.

— Ну, пошли, — сказал Дункан.

Слабо заметная тропа, явно малохоженная, изгибалась вдоль пологого склона к лесу, и опушка леса вблизи выглядела самой обыкновенной. Она ни в малейшем отношении не отличалась от любой другой обыкновенной опушки. Древние деревья выглядели седыми, от их стволов, толстых, как сорокаведерные бочки, отходило множество веток, образующих густое спутанное переплетение. Тропа, по которой они шли, вела в чашу и была достаточно заметна, чтобы идти без труда.

— Ты совершенно твердо уверен, что этого леса не было? — спросил Дункан Скрэча. — Ты можешь, абсолютно не сомневаясь, утверждать, что был именно в этом самом месте?

— Я абсолютно твердо уверен, — ответил демон. — Не может быть, чтобы я ошибся.

— В любом случае идти придется, — напомнил Конрад.

— Верно, — согласился Дункан. — Конрад, иди с Тайни впереди, как всегда. Тропа узкая, так что придется идти по одному. Мы с Дианой будем охранять тыл. Не отпускай Тайни далеко от себя.

Мэг сползла со спины Дэннела.

— Полежай обратно, — сказал Конрад. — Надо двигаться.

— Тем больше у меня оснований не путаться под ногами сражающейся лошади. По лесной тропинке я могу ковылять и сама.

— Я пойду рядом с ней, — предложил Эндрю, — и помогу ей.

— Ну, спасибо, добрый сэр, — поблагодарила Мэг. — Такой старой калоше, как я, не часто предлагают эскорт.

— Мэг, что-нибудь неладно? — спросил Дункан. — Ты сказала, что не хочешь мешать Дэниелу. Разве...

Мэг покачала головой.

— Ничего неладного нет, милорд. Но деревья стоят очень плотно.

Дункан подал знак, и Конрад двинулся по тропинке, впереди него на небольшом расстоянии шел Тайни. Остальные выстроились в цепочку. Дункан и Диана шли позади всех, а впереди них тяжело хромал демон, опираясь на трезубец, как на посох.

Лес выглядел мрачновато, как всякий лес осенью в предчувствии угасания жизни: опавшие листья, мелкая поросль, дрожащая, словно от холода. Но, кроме этого, не чувствовалось ничего такого, что могло показаться необычным, все было так, как должно быть. Лес состоял, в основном, из старых мощных дубов, хотя были и разнообразные другие деревья. Тропинка, как подумал про себя Дункан, могла быть проторена оленями, которые много лет ходили здесь по одному. Над лесом нависала глубокая тишина. Даже листья не шевелились, и Дункану это показалось странным: очень уж редко случается, чтобы листья были настолько неподвижны. Даже в самый тихий и безветренный день среди самого полного покоя и тишины в лесу всегда хоть что-нибудь шуршит. Облетевшие на тропу листья приглушали их шаги, и никто не произносил ни слова. Глубокая тишина леса требовала тишины и от людей.

Тропа петляла, как всякая лесная тропа, извиваясь между деревьями, обходя гигантские упавшие стволы, огибая замшелые валуны, взбираясь на подъемы, проходя по краю влажных

участков, и все эти петли и повороты делали путь чрезвычайно извилистым.

Дункан замыкал цепочку. Время от времени он останавливался и оглядывался, потому что спиной испытывал такое ощущение, словно за ним наблюдают. Но, обернувшись, он ничего не обнаруживал. Тропа позади была пуста, и вообще не было признаков чьего-либо присутствия поблизости.

Он подумал, что это ощущение могло возникнуть от сознания, что очень скоро вся область, подвластная маленькому народу, будет кишеть безволосыми и другими членами Орды. Маленький народец, скорее всего, уже ушел отсюда. Они начали расходиться еще ночью, и когда Дункан со своим отрядом уходил, уже, наверное, не осталось никого, кроме Снупи, который теперь шагал с Конрадом впереди, и Нэн, которая, вероятно, летела сейчас над ними и смотрела, не случится ли чего-нибудь. Колдовские ловушки маленького народа могли ненадолго задержать Орду, но вряд ли больше, чем на несколько часов. Какими бы каверзными ни были эти ловушки, против мощной магии Орды долго устоять они не могли. Для Орды эти ловушки не более, чем мелкие помехи.

Дункан положил руку на поясной мешочек, ощупал твердую округлость талисмана, услышал мягкий шелест пергамента и прижал к нему пальцы. Если Скрэч прав, и удастся пробраться через топь, если главные силы Орды отошли к северу, то у них есть шанс дойти до Оксенфорда. Если путь на юг окажется для них открыт, есть шанс выполнить свою миссию. Но это всего лишь шанс. Ни выбора, ни вариантов, ни возможности принимать решения.

Оглянувшись в последний раз на тропу позади, он быстро повернулся и поспешил догнать Диану. В этот момент он услышал слабый звук плача — первый с тех пор, как они вошли в лес. Он доносился настолько издалека, что казался шепотом, едва долетевшим сквозь плотный заслон деревьев.

Внезапно густая растительность кончилась, и Дункан вышел на небольшую поляну, почти круглую, будто вырубленную

нарочно. Отряд уже сошелся в центре поляны. Подойдя к ним, Дункан огляделся вокруг и увидел, что поляну окружают еще более гигантские деревья, чем те, которые им встречались до сих пор. Их громадные стволы росли почти вплотную друг к другу, а толстенные переплетенные ветви тянулись над землей совсем низко, создавая непроходимую преграду.

Дункан бросился к Конраду.

— Почему вы остановились? Почему не идете дальше?

— Нет тропы. Она привела нас на поляну, и дальше пути нет. Отсюда не выйти.

— А теперь и сюда тоже никто не войдет, — заявил Эндрю. Он стучал посохом с раздражением, за которым скрывался страх.

Дункан оглянулся и увидел, что Эндрю прав: деревья каким-то образом сдвинулись и загородили тропу, по которой они только что прошли.

— Мы могли бы пролезть, если постараемся, — сказал Конрад, — а как быть с Дэннелом? Он-то не может ползти на коленях. Придется прорубать для него дорогу. Но даже без этого мы будем продвигаться очень медленно.

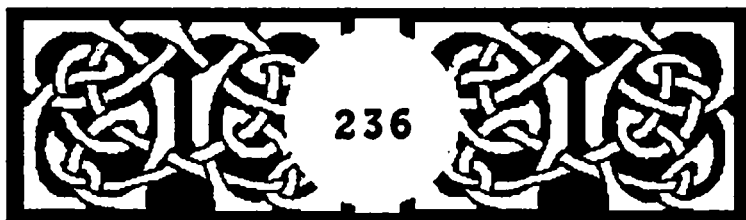
— Колдовство, — сказала Мэг. — Самое настоящее колдовство, и очень хитрое, иначе я бы его учуяла.

Снупи в ярости метался по поляне, размахивая руками.

— Это все гномы с их двойным заклятием! Я говорил и говорил им — не делайте ловушек возле топи, там нет никого из Орды! Я говорил, чтобы они сооружали ловушки на севере, по речному лугу. Так нет, не послушались! Гномы надменны и самонадеянны. Они поставили эту хитрую западню для Орды, а вместо Орды в нее попались мы. А теперь гномы ушли, рассеялись, как все остальные, и не подумают прийти и снять ловушку.

— Ты в этом уверен? — спросил Дункан.

— Уж в этом я уверен. Я же знаю гномов. Упрямый они народ. И очень искусны в сложном колдовстве. Кроме них

никто из наших не способен проделать такую работу, чтобы возвести такой лес и...

Его прервал звук хлопающих крыльев, и все посмотрели вверх на источник звука. Это спускалась Нэн, неуклюже ныряя и отчаянно взмахивая крыльями, чтобы снизить скорость и удержать равновесие.

Она приземлилась, упала, но быстро вскочила и метнулась к ним.

— Орда идет сюда! — верещала она. — Орда уже подходит! Они спускаются с холма и двигаются к лесу!

— Что нам теперь делать? Что нам делать теперь? — завыл Эндрю.

— Прекратим завывать и вспомним, что мы воины Господни, — грубовато ответил Конрад.

— Я не воин Господень! — пронзительно закричал Скрэч. — Но если будет сражение, я буду драться на стороне воинов Господних. Если надо, я могу делать грязную работу.

— Ручаюсь, что можешь, — поддержала его Мэг.

— Будем надеяться, — сказал Дункан, — что колдовство гномов сработает против Орды так же эффективно, как и против нас, и что...

Он остановился на полуслове и уставился на деревья.

— Боже мой! Вы только взгляните!

Ему вспомнилось, как много лет назад в Стэндиш-Хаузе ради пищи и крова остановился бродячий художник и прожил там несколько месяцев, а потом перебрался в аббатство, где, вероятно, живет и сейчас, занимаясь перепиской рукописей, делая эскизы и цветные миниатюры, которыми монахи любили украшать свои манускрипты и свитки.

Дункан был тогда еще мальчиком и много времени проводил с художником, имя которого он уже забыл за эти годы. Он часами стоял возле маленького стола, за которым работал художник, восхищенно следя за магическими движениями карандаша, бегло изображавшего места и людей совершенно непохожих на те места и тех людей, что Дункан когда-либо

видел. Тот набросок, который его особенно заинтересовал, художник отдал ему. На рисунке была изображена группа деревьев, которые каким-то образом обернулись людьми довольно устрашающего вида — лица-стволы, отдаленно, но пугающе похожие на человеческие лица, мощные руки из толстых ветвей и кисти рук с множеством цепких пальцев. Деревья, обернувшиеся чудовищами.

И вот теперь, в этом заколдованном лесу гномов, деревья приняли образ чудовищ, точно таких же, как рисовал тот художник. На стволах слабо проступили лица с жадными полуоткрытыми ртами, — в основном, беззубыми, хотя у некоторых были клыки, — с отвратительными носами в пол-лица, с дьявольскими злобными глазами. Сучья и ветви, на которых теперь шуршали листья, сделались руками чудовищ — одни с пальцами, другие с когтями, третьи со щупальцами, и все эти руки яростно махали и тянулись, чтобы схватить, вцепиться и умертвить.

Отряд был окружен чудовищами, которыми стали деревья, или деревьями, которые стали чудовищами.

— Ну, вонючие гномы! — бесновался Снупи. — Никакой порядочности! Их колдовство не различает друзей и врагов!

Издаലെка, видимо, с опушки леса, донесся приглушенный вопль.

— Это безволосые, — сказал Конрад. — Они дошли до леса и встретились с деревьями.

— Сомнительно мне, чтобы безволосые так вопили, — возразил Эндрю. — Может, это деревья?

— Мэг, ты можешь что-нибудь сделать? — крикнул Дункан. — Нет ли у тебя заклинаний, которые пересилили бы это заклятье?

Эндрю шагнул к деревьям, напротив того места, где они вошли на поляну, размахивая посохом и произнося латинские фразы — самую ужасную латынь, какую когда-либо слышал Дункан.

— Эндрю, заткнись же! — вскричал он. — Мэг, так ты не можешь помочь?

— Попробую, — ответила она. — Только моя сила невелика. У меня же отняли все мои ведьминские принадлежности.

— Да, помню. Кровь летучей мыши, навоз хорька и прочее. Но должны же в тебе самой быть сила и власть, которые не нуждаются в этих добавках.

Он снова закричал отшельнику:

— Прекрати свою дурацкую трескотню! Здесь не то место, где может помочь церковная напыщенность!

— Может быть, вместе мы сумеем? — тихо сказала Мэг.

Слабая струйка тумана просочилась в том месте, откуда они вышли на поляну. Конрад подошел к Дункану и Диане.

— Это туман Орды, — сказал Конрад. — Помните, когда мы сражались перед замком? Тот же запах. Они шли на нас в крутящемся облаке тумана, и...

— Я не помню никакого запаха, — отозвался Дункан.

— А я помню, у меня нюх острее вашего.

— Орда пытается пройти через лес, — сказала Диана. — Вероятно, лес задержит их на какое-то время, но едва ли надолго. Снупи говорил, что нет такой колдовской ловушки, которая действительно остановит Орду.

— Эта задержит их чуточку дольше, чем другие, — сказал Снупи. — Эти чокнутые гномы поистине поработали здесь от души. Все свои возможности вложили туда, где это вовсе не нужно. Если бы не они, мы уже добрались бы до топи.

— Может, Мэг наколдует нам тропу? — спросил Конрад.

— Не сможет, пока Эндрю бормочет свою несносную латынь, — ответил Дункан. — Надо его заткнуть.

Что-то жуткое происходило в том участке леса, который они только что прошли: деревья яростно раскачивались, ветви хлестали вокруг. Рты на стволах широко раскрылись, словно в крике, но крика не было, зато слышались другие звуки: хруст и треск ломающихся ветвей, внезапные вопли и хрипы.

— Это безволосые, — буркнул Конрад. — Проламываются.

Он поднял дубину и быстро шагнул вперед.

Над вершинами деревьев проплыл рваный черный ковер. Он яростно хлопал краями, снижаясь к людям. Двойная голова пыталась дотянуться до них, разинутые рты были обсажены зубами-иглами, крылья с зазубренными когтями хлестали воздух.

— Берегись! — крикнул Конрад.

Диана быстро отскочила в сторону, поскольку черный ковер навис как раз над ней. Ее меч сверкнул, взлетая, и опустился с быстротой молнии, ударил по хлопающему крылу и отсек его. Двухголовое существо накренилось, его занесло в воздухе, и Дункан встретил его движение поднятым мечом. Одна из голов отлетела вместе с остатком уже отрубленного крыла.

Существо шлепнулось на землю. Конрад ударил его дубиной по второй голове, и тварь заметалась по поляне, извиваясь и крутясь, подпрыгивая в воздух и кувыркаясь, как цыпленок с отрубленной головой.

Меч Дункана был испачкан вонючей черной жидкостью вроде той, что текла из плюющей твари, убитой им в сражении у замка. Он бросил взгляд вверх и увидел, что из-за деревьев над поляной появился другой такой же ковер, но, едва Дункан успел его заметить, как тот изменил направление и полетел обратно за деревья.

Мэг и Эндрю стояли рядом у другого края поляны. Эндрю бешено размахивал посохом и выкрикивал свою латынь, а Мэг делала руками каббалистические жесты и нараспев выкрикивала слова, такие искаженные и исковерканные, что они показались Дункану выходящими из ряда всех известных человеческих языков.

На поляну проникли новые струи тумана. Между деревьями у самой земли показалась заостренная голова с хищным клювом, извивающееся по-змеинному тело побежало вперед на маленьких ящеричьих лапках. Голова поднялась, дернулась из стороны в сторону, словно что-то высматривая и готовясь к удару. Диана прыгнула вперед, сверкающее лезвие опустилось,

и голова с клювом взлетела в воздух, упала на землю и подскочила вновь. Поток густой черной жидкости хлынул из перерубленной шеи. Но длинное, извивающееся змеинное тело, перебирая маленькими лапками, убежало обратно.

Деревья неистово мотались, словно их трепал злобный ветер, рты стволов оставались разинутыми в безмолвном крике, ветви-руки качались, их пальцы делали хватающие движения. Время от времени из глубины леса раздавались вопли, которые быстро обрывались. Одна из гигантских ветвей, от которой отходила дюжина рук, взметнулась в воздух, вцепившись в извивающееся тело безволосого. Другой безволосый на коленях продрался сквозь деревья и бросился на людей. Дункан метнулся вперед, но Конрад опередил его и, прежде чем безволосый успел поднять дубину, нанес ему удар. Отчетливо прозвучал треск расколотого черепа, и безволосый, пошатнувшись, упал, но вслед за ним на поляну один за другим вылезали еще и еще. Безволосые пробились через лес и теперь хлынули потоком.

Дункан увидел занесенную над ним руку с дубиной и совершенно инстинктивно взмахнул клинком, защищаясь. Рука отлетела от тела, дубина при падении задела плечо Дункана. Краем глаза он увидел Диану и ее быстро мелькающий меч.

Подбежал следующий безволосый. Дункан отскочил, уклоняясь от взлетевшей дубины, и вонзил меч в горло врага. Но тут же появился другой, и на этот раз дубина должна была бы поразить Дункана раньше, чем он успеет поднять меч. Он едва успел осознать это, как над его плечами протянулись две ноги с копытами. Одно из копыт ударило безволосого в лицо. Корпусом Дэниел толкнул Дункана, и он упал на колени, а огромное конь качался над ним, злобно фыркая и орудуя копытами и зубами.

Дункан увидел, что Конрад тоже ползет, правая рука его бессильно мотается. Над ним стоял безволосый, уже занесший дубину. Дункан вскочил, метнулся туда, зная наперед, что опоздает, и дубина успеет опуститься на голову Конрада.

Внезапно между Конрадом и безволосым, появившись ниоткуда, возникло темное плотное тело, и вперед рванулся трезубец, направленный обеими руками Скрэча. Зубья воткнулись в глотку безволосому со всей силой, какую демон вложил в этот удар.

Рядом, словно колокол, прозвучал голос Эндрю:

— Тропа! Мы получили тропу!

Внимание Дункана разделилось между внезапным сообщением Эндрю и загарпуненным безволосым, который медленно оседал, выронив дубину, а Скрэч дергал древко своего оружия, стараясь высвободить зубья. Позади Конрада Тайни сшиб с ног безволосого и отпрыгнул, готовый к новой атаке.

Но атаковать было некого. Безволосых больше не было.

Крутящийся туман все еще лился из леса, деревья еще неистово качались, но отряд безволосых, пробившийся через заслон деревьев, был истреблен, и все они, мертвые или умирающие, лежали на земле.

— Есть тропа! Есть тропа! — надрывался Эндрю.

— Идите к тропе! — закричал Дункан. — Все к тропе! Уходите отсюда!

Он быстро шагнул к лежащему Конраду, обхватил его массивное тело и помог подняться. Тот, нащарив свою упавшую дубину, поднялся и шатнулся вперед. Правая рука его свисала, как плеть. Дункан поддержал его и развернул кругом.

— Эндрю получил тропу. Пошли отсюда.

Тайни, у которого на морде было написано беспокойство, прижался к Конраду, стараясь поддержать его. Скрэч тоже подошел, размахивая трезубцем, протиснулся между Тайни и Конрадом.

— Давай, — сказал он. — Навались на мое плечо.

Дункан взял дубину из руки Конрада.

— Я понесу ее, а ты прислонись к демону. Он сильный и поможет тебе.

— Не надо мне помогать, — проворчал Конрад.

— Черта лысого, не надо, — фыркнул Дункан.

Конрад положил левую руку на плечо Скрэча и пошел, пошатываясь. Дункан огляделся. Диана держала Дэниела за гриву и вела его через поляну к тропе Эндрю. С другой стороны к тропе шагала Снупи, подгоняя Бьюти. Дункан обернулся в последний раз. Лес позади все еще находился в движении, и туман тянулся оттуда к поляне. Но ни змееподобные создания с клювом, ни безволосые больше не появлялись.

Дункан понимал, что им надо уходить отсюда как можно скорее. Колдовство гномов может закончиться в любой момент, и тогда откроется путь для Орды. Господи, дай нам время, — молился он, — выйти из леса и дойти до топи. Возможно, там будет безопасно. Даже если безволосые и Орда пойдут через болота следом, там будет относительно легко защищаться.

Тропа была узкая, только-только протиснуться одному человеку. Дункан подумал, что Дэниелу придется несладко. Все остальные уже спускались вниз. Дункан вспомнил гневные вопли Снупи по поводу того, что ловушка глупых гномов не отличает друзей от врагов. В этом Снупи оказался неправ: ловушка не поддавалась магии Орды, но отзывалась на заклинания Мэг и латинские зазывания Эндрю.

Дункан медленно спускался, оглядываясь назад. И по мере его движения тропа позади смыкалась. Деревья возникали заново или сдвигались, загораживая путь, и густая растительность скрывала все.

— Бежим отсюда. — сказал он Диане.

Через минуту они выскочили из леса. Другие уже бежали вниз по склону. Конрад ковылял сзади, баюкая здоровой левой рукой раненую правую. Впереди всех бежал Скрэч, устремляясь к топи. У ее края он остановился и огляделся, отыскивая известные ему приметы, затем пробежал немного вдоль края и направился в воду. Остальные последовали за ним.

Дункан и Диана, дойдя до берега, тоже вошли в воду, которая едва доставала им до щиколоток, дальше стало глубже, но не выше колен. Перед ними лежал скалистый островок. Шедшие впереди выбрались на него и исчезли. Через несколько

минут Диана и Дункан тоже добрались до островка и перелезли через нагромождение камней. Там обнаружили все остальные, укрытые за скалами. Дэниел стоял в воде с другой стороны островка, тоже полностью загороженный нагромождением скал.

Скрэч подошел к ним и потянул вниз.

— Мы спрячемся здесь, — сказал он. — Если Орда не увидит нас с берега, то она, скорее всего, и не полезет в воду. Они ведь не знают, что через топь можно перейти.

Они улеглись за скалами и стали ждать.

Лес еще существовал, хотя с этого расстояния там не было видно никакого движения, кроме тонких клубов тумана, вытекающего из леса. Снова слышался плач, то ясный и громкий, то совсем слабый. Снупи прополз по камням и растянулся рядом с Дунканом.

— Эти чокнутые гномы строят лучше, чем сами предполагают. Даже ведьма не заметила в лесу волшебства. И ловушка все еще держится.

Не успел он это сказать, как лес исчез, словно полностью растворился. По голому склону спускался отряд безволосых, за ними шли другие твари, наполовину скрытые туманом. Безволосые остановились у края топи, уставившись на воду, а потом забегали взад и вперед по берегу, как собаки, потерявшие след. Через некоторое время они пошли по склону обратно, прошли сквозь облако тумана, которое двинулось следом за ними, и немного спустя они скрылись из виду за гребнем холма, сопровождаемые туманом.

— Мы подождем темноты, — заговорил Скрэч. — Это недолго, солнце скоро сядет. Тогда и двинемся. Совсем темно здесь никогда не бывает, всегда есть свет, который отражается от воды.

Конрад сидел у края островка, прижимая к себе больную руку. Дункан спустился к нему.

— Покажи-ка руку, — сказал он.

— Болит, проклятая, — поморщился Конрад, — но, думаю, что не сломана. Я могу ею двигать, только больно очень. Дубина попала чуть ниже плеча.

Его предплечье так вспухло, что кожа блестела. Болезненный кровоподтек из красного стал пурпурным и распространился от плеча до локтя. Дункан слегка надавил. Конрад вздрогнул.

— Полегче там!

Дункан взялся за локоть, согнул и разогнул его.

— Не сломан. Тебе повезло.

— Надо подвесить руку на чем-нибудь, — предложила Диана. — Так будет легче. — Она засунула руку в карман нового кожаного жакета и вытащила оттуда свое тонкое зеленое платье. — Можно использовать это.

Конрад посмотрел на платье.

— Не надо, я не могу, — жалобно застонал он. — Если дома узнают...

— Это все чепуха. Прекрасно можете.

Дункан положил дубину рядом с Конрадом.

— Спасибо, — поблагодарил Конрад. — Потерять ее было бы ужасно жалко. Прекрасное дерево, и выдержано отлично. Я ее обрабатывал часами.

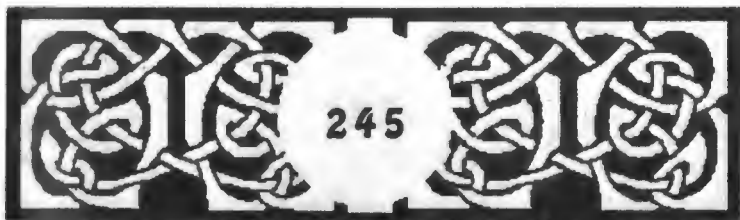
Диана быстро соорудила повязку из своего платья, осторожно обернув им руку Конрада и затянув узел на плече. Закончив работу, она засмеялась.

— Многовато материала, он будет висеть, как капюшон. Но вы потерпите. Мне не хотелось рвать платье. Может, оно мне еще пригодится.

Конрад усмехнулся.

— Все, наверное, голодные. — сказал он. — Быюти внизу с Дэниелом. Пусть кто-нибудь снимет с нее выюки. Там есть немного еды.

— Только никакой готовки. — предупредил Дункан, — иначе нас выдаст дым.

— Тут и дерева нет для костра, — буркнул Конрад. — Во кюках найдется что-нибудь, что можно сжевать и сырым.

Вечером Дункан и Диана сидели на камне у воды. Они долго молчали. Наконец, Диана сказала:

— Дункан, я хотела сказать насчет меча, который дал мне юпи.

— С ним что-нибудь неладно?

— Нет, ничуть. Но он странный

— Вы к нему не привыкли.

— Дело не в этом. Дело в том, — как бы это сказать, — что мне словно кто-то помогает, словно им управляет чья-то другая рука. Будто есть кто-то во мне, кто действует со мной заодно. Не то, чтобы я не сама им действую, я могу и сама им управлять, но кто-то помогает.

— Это ваше воображение.

— Не думаю. Ведь был когда-то меч, брошенный в озеро...

— Довольно, — сказал Дункан твердо. — Не надо больше фантазировать. Ни к чему.

— Но мне страшно, Дункан.

Он обнял ее за плечи и прижал к себе.

— Все в порядке, — сказал он — Все в полном порядке.

Глава 28

Местность вокруг напоминала Дункану один из тех пастельно-голубых ландшафтов сказочного характера, что висели в гостиной Стэндиш-Хауза.

Эти драгоценные маленькие полотна были написаны так давно, что имени художника уже никто не помнил. Цвета картин были слегка размытыми, все было выполнено в разных оттенках голубого, и единственным исключением была бледная луна, сиявшая болезненно-желтым светом сквозь голубизну облаков. Больше никаких контрастов, одни только едва заметные переходы оттенков. Издали такое полотно выглядело не более, чем голубым пятном, и только подойдя ближе, можно было разобрать детали и оценить замысел художника. Среди этих полотен было одно, изображавшее водную поверхность, дальний берег которой едва угадывался благодаря более глубокому тону голубизны, а в небе, — как и здесь, — сияла болезненно-желтая луна. Дункану казалось, что они находятся сейчас внутри того полотна.

Они шли по воде уже не один час, стараясь держать строй, ступая друг за другом почти след в след, и каждый следил за малейшим поворотом идущего впереди, чтобы повторить этот поворот и не сойти с узкого подводного гребня, по которому вел их Скрэч, возглавлявший колонну.

Светила луна, несколько звезд сияло в небе, хотя легкие облака временами закрывали их. Но плоская гладкая поверхность топи отражала, как зеркало, малейшую искру света. Глаза уже настолько привыкли к темноте, что начало казаться, будто идут они вовсе не ночью, а в сумерках, в тот особенный час, когда последняя густота сумерек уже готова окончательно уступить место ночи.

Диана шла в начале колонны, сразу за Скрэчем, а Дункан был в строю последним. Непосредственно перед ним шел Эндрю, и Дункану казалось, что отшельник начал уставать: он потыкался на каждом шагу, и всплесков от его посоха было чересчур много. Всем им уже очень давно следовало отдохнуть. Дункан надеялся, что они вскоре дойдут до следующего островка. С того момента, как они покинули первый остров, позади осталось еще два. А был ли впереди хоть один, Дункан не имел понятия. Он надеялся, что остров впереди есть, поскольку Эндрю отдых был совершенно необходим, да и другим, наверное, тоже. Конрад, несмотря на всю свою силищу, тоже устал и казался и устал идти с больной рукой.

Вода была неглубокой, редко выше колен, но двигались они медленно и трудно, наперед проверяя каждый свой шаг, убеждаясь в твердости почвы под ногами, прежде чем перенести туда свое тело. Продвигаться вперед им никто не мешал. Дважды что-то крупные тела выныривали из топи, но не приближались к скалистому гребню из-за мелководья. Одну из тварей Дункан вообще не видел, только слышал яростный плеск воды при попытках твари добраться до гребня. Вторую он видел мельком и в полутьме не сумел разглядеть почти ничего. Он успел заметить только огромное жирное тело с жабоподобной головой. Сильнейшее впечатление произвел на него единственный глаз твари, который мелькнул на секунду в лунном свете, словно пылая ярко-красным светом.

Всю ночь они слышали далекий плач о мире, и теперь Дункану казалось, что они приближаются к источнику звука. Теперь он стал громче и не замирал, как раньше. Теперь он звучал и звучал, не замолкая, с разной силой и интонацией. Дункан отметил, что за последний час даже начал до некоторой степени привыкать к этим звукам. Он даже подумал, что привыкнуть можно ко всему. По крайней мере, он на это надеялся.

Эндрю, шедший впереди, споткнулся и упал на колени. Дункан быстро подхватил его и поставил на ноги.

— Ты устал, — сказал он.

— Устал, — жадобно признался отшельник. — Утомились и плоть моя, и дух.

— Насчет плоти я могу понять, — заметил Дункан. — Но при чем тут дух?

— Господу было угодно дать мне понять, что за годы неустанного добросовестного труда я получил самую малую толику святости. И как же я использовал ее? Как я использовал эту ничтожную силу свою? Освободил от оков демона. Преодолею, или помог преодолеть, языческое колдовство, но только с помощью ведьмы, погрязшей в чародействе. Это же грех — объединяться с ведьмой, милорд! И хуже всего, что я не знаю, я ли помог открыть тропу, которая вывела нас из леса, или все сделало одно лишь ведьмовство.

— В один прекрасный день, — сказал Дункан, — эта жалость к себе, переполняющая тебя, станет для тебя смертельным проклятием. Вспомни же, что ты воин Господень, — самозванный, возможно, но в сердце своем — воин Господень.

— Да, — согласился Эндрю, — но очень жалкий воин. Глупый и неумелый, трясущийся от страха, не видящий радости от своей службы и тщетно пытающийся стать тем, кем быть не способен.

— Как только у тебя будет возможность отдохнуть, ты почувствуешь себя лучше. Дни у нас были тяжелые, а ты немолод. Ты перенес все трудности, выказав дух истинного воина.

— Может, лучше бы мне оставаться в своей келье и не лезть в приключения. За время этого путешествия я узнал о себе самом гораздо больше, чем мне хотелось бы узнать. Я ничего не сделал и...

— Погоди, мне представляется, что ты сделал очень даже много! Если бы ты не освободил демона, кто повел бы нас через топь?

Эндрю просиял.

— Об этом я не подумал. Но ведь все равно я оказал помощь и поддержку приспешнику сатаны.

— Он уже давно не принадлежит сатане. Не забывай это. Он убежал из ада.

— Все равно он из нечистой силы. На нем нет благодати и нет возможности...

— Если ты имеешь в виду, что он не примет христианство, то это совершенно верно. Но в свете того, что он сделал для нас, мы должны считать его нашим другом и союзником.

— Мне, милорд, иногда кажется, что мерки у вас необычные.

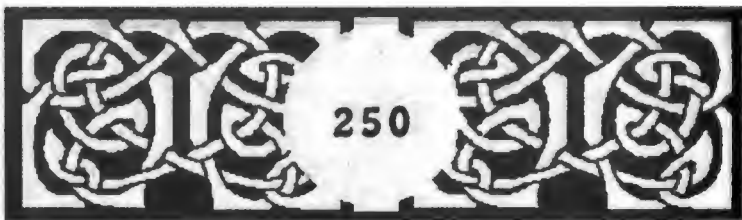
— Каждый должен мерить собственными мерками. Теперь успокойся. А если оступишься опять, я буду близко и выужу тебя.

Поддерживая пошатывающегося отшельника, Дункан оглядывал топь. Это было царство однообразия. Огромные пространства, залитые прозрачной водой, тянулись во всех направлениях. Местами виднелись более темные пятна, где, вероятно, находились заросли камышей и тростника или же маленькие островки ивняка, укоренившегося в тине.

Плач продолжался, то усиливаясь, то утихая, одинокий звук, который мог перевернуть душу любому, кто позволил бы себе прислушиваться в этот плач. Через некоторое время даже тому, кто не прислушивался, начинало казаться, что этот звук обрел плес, словно реальное физическое тело. Дункану подумалось, что, возможно, вес этого плача давит на топь, делая ее такой плоской и лишенной выразительности. Так велика тяжесть этого плача, что ее давление — даже на такое огромное водное пространство — не может не оставить следов.

Наконец, перед Дунканом появилось нагромождение камней — еще один островок. Те, кто шли впереди, уже выбрались на него. Дункан прибавил шаг, схватил Эндрю за руку и помог перебраться через огромные растресканные каменные плиты. Он нашел плоский камень и усадил на него отшельника.

— Сиди и отдыхай. Не двигайся, пока я не приду за тобой. Ты утомлен до изнеможения.

Эндрю не ответил. Он согнулся и опустил голову на сложенные на коленях руки.

Дункан пробрался по скалам и на другой стороне нашел остальных, тоже устроившихся на отдых. Он сказал Снупи:

— Я думаю, мы на некоторое время задержимся здесь. Все страшно устали. Эндрю совсем измотался.

— И другие тоже, — ответил Снупи. — Даже Конрад, хотя он большой и сильный, тоже чуть жив. Рука его мучает здорово. Вы поговорите со Скрэчем, урезоньте его. Он одержим стремлением вперед. Этот демон вынослив, как дубленая кожа. Он не знает, что такое усталость, и он не даст нам отдохнуть здесь как следует.

— А что за спешка?

— Не знаю. Мы, вероятно, уже прошли больше половины пути, но судить трудно — здесь все выглядит одинаково. Никаких ориентиров.

— Я поговорю с ним. Может, у него есть причины торопиться. От Нэн никаких известий?

Снупи скорчил гримасу.

— Я думаю, она исчезла.

— Ты хочешь сказать — бросила нас?

— Не скажу с уверенностью, но — возможно. Она плохо летает, вы знаете. Она перепархивает, а не летит. Над землей, где она может опуститься когда и где угодно, это она пожалуйста. А здесь, если надо опуститься, ничего твердого не найдешь, кругом одна вода. Баньши ненавидят воду. Да и опасно тут.

— Ты имеешь в виду тех тварей, которые что выскакивали из воды?

— Ну, да. Мы в безопасности лишь до тех пор, пока идем по гребню. Сюда им не добраться, здесь для них слишком мелко. Иначе они нас уже давно сожрали бы.

— А другие опасности есть?

Снупи пожал плечами.

— Не знаю. Слухи все. О топи много чего рассказывают, но толком никто ничего не знает, да и непонятно, откуда слухи пошли, раз здесь никто не ходил.

— Значит, ты считаешь, что Нэн уже улетела?

— Думаю, что да. Хотя не знаю. Она ничего мне не говорила.

— Может быть, она решила, что уже достаточно для нас сделала?

— Вполне вероятно.

Дункан отправился на край островка и спустился к воде, где нашел Скрэча, сидящего верхом на валуне. Дункан присел рядом.

— Люди страшно измучены, — сказал он. — Есть ли причины, не позволяющие нам остаться здесь до рассвета и немного отдохнуть?

— Мы должны пройти топь как можно скорее, — ответил Скрэч. — Посмотрите туда. Видите скалистые пики? Их там три, хотя разглядеть трудно.

— Не пойму, — ответил Дункан. — То кажется, что-то вижу, то ускользает.

— Эти пики — Остров Оплакивания Мира.

— Тот, на котором драконы?

— Он самый. В темноте они могут не увидеть нас. Я не знаю, видят ли драконы в темноте, но если мы подойдем к острову до рассвета, может быть, нам удастся избежать столкновения с ними. А если они увидят нас в воде, до того, как мы подойдем к острову, они заклюют нас насмерть. Просто уничтожат одного за другим.

— А разве на самом острове они для нас менее опасны?

— Да. Там они не могут налететь на нас с воздуха. У них слишком большой размах крыльев, и они не могут приблизиться к скалам на острове. На земле они, конечно, нападут, но с ними легче будет справиться. Убить парочку, а остальные разбегутся. В основном, драконы весьма трусливы.

— Значит, ты думаешь, нам следует торопиться?

— А что нас тут держит?

— Эндрю уже на ногах не стоит. Конрад серьезно ранен, у него начинается озноб.

— Посадите одного из них на коня.

— На коне едет Мэг. Она весит не больше перышка, а сильнее нагружать Дэниела я не хочу. Его нельзя переутомлять. Он у нас лучший боец. Когда мы встретимся с драконами, он должен сражаться как можно лучше.

— Милорд, я считаю, что для нас очень важно постараться попасть на остров до зари.

— А после этого острова много еще идти через топь?

— Не особенно. Что-нибудь около мили. Западный берег там близко.

— И драконы дадут нам убежать с острова?

— Если они увидят, что мы покидаем остров, они, может быть, не станут нас преследовать. Их дело — охрана острова. Оставляя остров, мы перестаем быть источником угрозы. Это может сработать, как мне кажется.

Откуда-то сверху послышался шелест. Дункан поднял голову и увидел снижающегося Духа.

— Я принес печальные известия, — сказал Дух. — Произошло нечто непредвиденное.

Он сделал драматическую паузу.

— Ладно, — отозвался Дункан. — Прекрати позировать, переведи дыхание и вываливай на нас все несчастья.

— Мне нет надобности переводить дыхание — возразил Дух. — Как вам прекрасно известно, я вообще не дышу. И я не собираюсь ни на кого вываливать несчастья. Я всего лишь скажу правду.

— Ну, так давай, — с нетерпением поторопил Дункан, — выкладывай свою великую правду.

— Орда остановила свое движение на север и повернула обратно, — доложил Дух. — Они встали лагерем на западном берегу против Острова Плача, и члены ее начали собираться в массивный шар.

— Бог мой, это рой! — вскричал Дункан. — Они начали формировать рой!

Он обернулся к Скрэчу.

— Ты говорил мне об этом обычае!

— Я передал то, что слышал, — ответил демон.

— Оборонное роение, как ты сказал. Контакт между всеми членами Орды и увеличение личной силы каждого. Сбор всех сил. Объединение перед лицом опасности.

— Я слышал такое объяснение, — кивнул Скрэч.

— Бог мой, это же они против нас! —

— Если то, что я тогда говорил вам, соответствует истине, — сказал демон, — придется согласиться, что это защита против нас. Здесь мы единственная возможная опасность для них.

— Катберт мне говорил, что Орда напугана, — припомнил Дункан. — Только он не представлял себе, что их могло напугать. Но с чего бы им бояться нас? Они с нами запросто разделаются. Мы уже не раз от них удирали. Какую опасность мы можем для них представлять?

— Но ведь совершенно ясно, что они боятся вас, — сказал Дух. — Они ни разу по-настоящему не выступали против вас — я имею в виду членов Орды. Только некоторые, не больше полудюжины. Они посылали против вас безволосых, но это, по-видимому, не члены Орды. Безволосые это не более, чем ощущения, созданные их магией, пехота, исполнители приказов, не ведающие чувства страха.

— Дух верно говорит, — согласился демон. — Если бы Орда нас не боялась, вас уже давно не было бы в живых.

— Что вы будете делать? — спросил Дух. — Они ждут вас.

— Отступать мы не можем, — ответил Дункан. — Мы зашли уже слишком далеко, чтобы повернуть назад. Чем быстрее мы пройдем через топь, тем быстрее встретимся с ними. Может, нам удастся проскользнуть мимо них. Не знаю. Но времени им давать нельзя ни в коем случае. Время им может быть нужно для полного формирования роя.

— И что вы будете делать, когда встретитесь с ними? — спросил Дух. — Моя душа — если у меня еще есть душа — содрогается при одной мысли об этом.

— Будем делать то, что можем. Окажемся перед ними, тогда и будем знать. — Он встал. — Скрэч, будь готов показывать дорогу. Мы отправляемся прямо сейчас.

Глава 29

Плач стал громче и тяжелее. Казалось, он давит на землю и на воду, и на все живое, что есть на земле и в воде, будто огромная невидимая ладонь прижимает все, что лежит под ней.

Конрад споткнулся, начал падать, и его рука соскользнула с плеча Дункана, о которое он опирался. Дункан метнулся вперед, пытаясь подхватить его, но поскользнулся сам, и оба оказались в воде.

Конрад упал уже в третий раз с тех пор, как они начали свой изнурительный путь, чтобы до зари попасть на Остров Оплакивания Мира. В нескольких других случаях Дункан успевал поддержать его, не давая упасть.

Выбравшись из воды, Дункан вытягивал Конрада, пока тому не удалось встать хотя бы на колени. Конрад, наглотавшийся воды, отфыркался и откашлялся, а потом прохрипел:

— Милорд, лучше вам идти без меня.

— Мы начали вместе и, Бог даст, вместе закончим.

С большими усилиями Конрад встал на ноги.

— Это все рука, — сказал он. — Обессилел от боли. Меня всего колотит. Идите вперед, я за вами. Хоть поползу, но двигаться за вами буду.

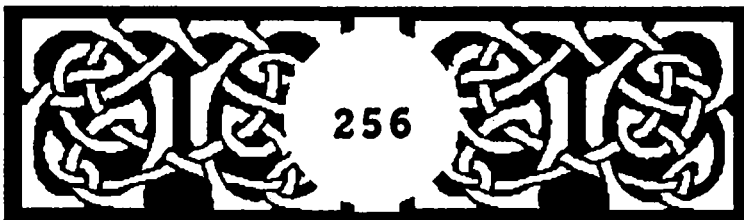
— Я понесу тебя, если надо.

— Не сможете, милорд. Это все равно, что лошадь нести.

— Ну, потащу за ноги.

— Где моя дубина?

— Ее Снупи несет.

— Для Снупи она слишком тяжелая. Он может ее уронить, и она утонет.

— Смотри, прямо впереди Остров Плача. Осталось до него с полмили. Успеем вовремя дойти, никаких признаков зари еще нет.

— А где драконы? — спросил Конрад. — Там должны быть драконы. Я слышал, что Скрэч говорил.

— Пошли, — скомандовал Дункан. — Заставь себя двигаться, переставляй ноги. Стисни зубы и двигайся. На меня обопрься.

— Не положено мне наваливаться на вас, милорд.

— Черт побери, наваливайся, тебе говорят!

Конрад качнулся вперед, тяжело навалившись на Дункана. Его трясло лихорадочной дрожью, а дыхание было хриплым и натужным. Шаг за шагом они медленно двигались вперед. Конечно, от остальных они отстали, но не намного. Медленно двигалась вся их цепочка, поскольку этим ужасным переходом измучены были все. Где-то впереди Диана присматривала за Эндрю, не давая ему остановиться, упасть или уснуть на ходу.

Драконы не появлялись. Может, и не будет никаких драконов? — подумал Дункан. Но он прекрасно понимал, что надеяться на это не стоит.

Если бы только прекратился этот плач, если бы можно было получить хоть минутную передышку. Плач и давление, ощущение давящей тяжести плача, тяжести, от которой топь стала плоской и однообразной, а вода стоячей и неподвижной.

И тут, словно внезапное озарение, ему явилось осознание неоспоримой истины, он понял, что это не сам по себе плач так тяжело давил на него, это все несчастья мира, — вся нищета и ненависть, весь ужас, вся боль и чувство вины, — извлеченные каким-то образом из всех людей на земле, стеклись на этот остров, сконцентрировались здесь, проявившись во всей полноте. словно все люди со всего мира сходились сюда, чтобы исповедаться и найти здесь утешение и покой. И, возможно, получали их, благодаря этому ритуалу, этому плачу. Возможно,

боль и ужас, вина и нищета преображались на этом острове в плач, который ветер разносил по всему миру.

Это знание ошеломило и потрясло Дункана, и он попытался ему сопротивляться, потому что это было ужасно, это было нелогично и невозможно, это было почти так же непереносимо, как непереносимы бесстыдство, непристойность или варварство. Оставалось только удивляться, почему этот остров не корчится в муках агонии, почему топь не кипит, не испаряется под действием этого потока несчастий.

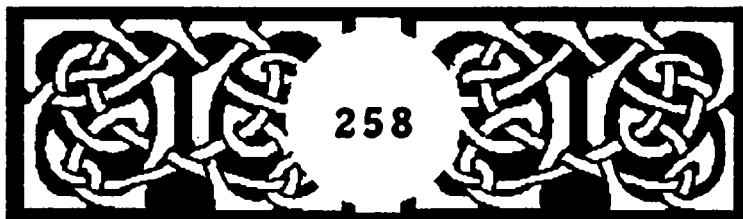
И все же, как он ни отталкивал от себя это непрошенное знание, он был уверен, что это правда. И от этой уверенности давление плача казалось еще более сильным, гнетущим и безжалостным, чем раньше.

На небольшом расстоянии впереди виднелся маленький островок, всего лишь небольшое скопление камней, выступающее из воды метрах в ста от Острова Плача. Еще дальше впереди темноглубыми шпилями на светлой голубизне неба прорисовывались три острых пика большого острова. Луна опустилась, почти касаясь западного горизонта. Близился рассвет. Небо на востоке казалось чуть светлее, словно намек на восход.

Неуклюжая темная фигура демона выбралась на скалистый островок и исчезла за камнями. Следом шел Дэниел, у которого на спине мешком висела Мэг. За ним элегантной походкой следовала Бьюти, ступая аккуратно и грациозно. У нее на спине мерцал в темноте белый выюк. Позади Бьюти шла Диана, поддерживая спотыкающегося Эндрю, который насмерть вцепился в свой посох. Позади этой пары шел Снупи, деловито перебираясь с камня на камень. На плече он нес дубину Конрада, поминутно рискуя потерять из-за нее равновесие. Тайни с плеском прошел по воде обратно, чтобы посмотреть, как выберутся Дункан и Конрад, и ласково обнюхал Конрада. Тот сказал ему, стискивая зубы от боли:

— Все в порядке, иди теперь вперед, к остальным.

Тайни удовлетворенно повернулся и зашлепал по воде. Дункан и Конрад выбрались и подошли к группе камней.

— Держись за меня крепче, — велел Дункан. — Твой вес я выдержу.

— Хорошо, милорд.

Они медленно и осторожно перебрались через скалы и снова очутились в воде. Остальные уже были на полпути к Острову Оплакивания Мира. Драконов не было, и Дункан мысленно возблагодарил за это Господа.

— Еще чуть-чуть, — сказал он Конраду, — и сможем отдохнуть и даже поспать.

Когда они начинали путь, Дункан считал, что им понадобится двое суток на переход через топь, а они прошли ее — или почти прошли — за одну-единственную ночь.

Шедшие впереди остановились и уставились в небо. Диана выпустила Эндрю, тот упал и барахтался в воде. Дэниел встал на дыбы, и Мэг сползла по его спине, плюхнувшись в воду. Прямо над ними в воздухе реяла черная фигура, похожая по форме на летучую мышь с громадными крыльями, изогнутым хвостом и злобной головой.

— Стой на месте! — крикнул Дункан Конраду. — Это дракон! Стой на месте!

Освободившись от рук Конрада, он прыгнул вперед, выхватывая меч в прыжке, но поскользнулся на скользком подводном камне. Не успев восстановить равновесие, он поскользнулся вновь и упал на спину.

Вода сомкнулась над ним. В состоянии слепой паники он попытался встать, но упал снова. Резкий крик пронзил тишину, и Дункан увидел, что дракон, обхватив Бьюти когтистыми лапами, изо всех сил бьет крыльями, чтобы взлететь. Дэниел вздыбился и, вцепившись зубами в шею дракона, повис на нем. Дракон поднял было Дэниела в воздух, но снова опустил. Рядом с Дэниелом блеснул меч Дианы. Когда она замахнулась, второй дракон, стараясь уклониться от удара, скользнул вбок, почти обрушившись в воду, и сбил Диану с ног.

Конрад подбежал к Дэннелу и, дотянувшись здоровой рукой, тоже схватил дракона за шею. Не выдержав дополнительной тяжести, дракон распростерся на воде.

Бьюти больше не кричала. Ее обмякшее тело, выпущенное драконом, упало в воду, вспененную крыльями дракона. Тайни вцепился дракону в глотку и мотал головой, не разжимая зубов. Некоторое время дракон яростно сражался, пытаясь высвободиться, потом, наконец, затих. Дракон, сбивший Диану, взмыл вверх. Диана встала на ноги.

Сверху донесся шум крыльев и, взглянув туда, Дункан увидел, что небо заполонили драконы. Они кружили вокруг, готовые убивать. Дункану было ясно, что это конец, что путешествие закончено здесь. Он и его товарищи, совершенно измученные долгой ночной дорогой, пойманные на открытом пространстве в каких-нибудь ста метрах от безопасного места, не могли, конечно, устоять против такой атаки. В нем поднялась изнутри такая волна горечи, что он даже ощутил горький вкус во рту. В приливе ненависти он прорычал что-то угрожающее, — не слова, а рев берсеркиера, — и, вытянув вверх руку с мечом, понесся вперед, чтобы занять свое место в сражении.

Из глубокой голубизны неба внезапно послышался звон скачущих копыт и дикий лай сотни охотничьих собак.

Драконы дико заметались, словно ища возможности удрать, а сквозь них, разметывая их и расшвыривая, спустился Дикий Охотник. Конь воинственно ржал, а подкованные его копыта высекали искры в воздухе. Конь и Охотник спустились так низко, что Дункан на мгновение увидел его лицо, его дико горящие глаза под густыми бровями и длинную бороду, закинутую ветром за плечо. Затем, неистово грохоча копытами, конь снова поднялся вверх, а Охотник вытащил свой рог. Драконы спасались бегством от собак, которые их преследовали и гнали прочь с неба.

Все с трудом поплелись по воде к безопасности, к острову. Диана тащила хромающего сопротивляющегося Эндрю, Конрад упорно двигался сам.

Дункан добрел до Бьюти. Едва коснувшись ее, он понял, что она мертва. Он вытащил ее тело на берег, сел и положил ее голову к себе на колени. Нерешительно опустив руку, он тихонько погладил длинные шелковистые уши. Он подумал о том, что не будет больше легкого перестука ног, танцующих впереди на дороге. Она была самым маленьким и самым скромным существом из всех, и вот...

Его плеча коснулся мягкий нос, и Дункан повернул голову. Его осторожно обнюхивал Дэниел. Дункан погладил коня.

— Мы потеряли ее, мальчик. Мы потеряли нашу Бьюти.

Глава 30

Дункан шел по лесной тропинке и повстречал великана. Была ранняя весна, и листья едва показались из почек, что делало деревья похожими на нежное зелено-желтое кружево. Везде было множество цветов — земля под деревьями была сплошь покрыта цветами всех оттенков, — цветы кивали Дункану, и, казалось, они смотрели на него с желанием поприветствовать. Лес был очень дружелюбным, открытым, полным воздуха и света, совсем непохожим на те мрачные, угрюмые, почти угрожающие чащобы, которые словно собираются поймать путника в ловушку.

Дункан не знал, где был этот лес, не знал, откуда и куда сам он идет, достаточно того, что он был там. Он просто шел. И было только сейчас, и ему было хорошо.

А потом он увидел великана. Они шли друг другу навстречу, пока не сблизились. Тропинка была узкой, и разминуться было негде. Кто-то из них должен был уступить дорогу, но ни тот, ни другой этого не делали. Оба топтались на месте и смотрели друг на друга. Наконец, великан протянул огромную ручищу, поднял Дункана и стал трясти. Он тряс его сильно. Голова Дункана качалась, ноги дергались, а руки не могли двигаться, так как были крепко зажаты в гигантском кулаке. Великан тряс его и говорил: "Проснитесь, милорд, вас кое-кто ждет". Дункан пытался упалзти об-

ратно, в сон, и бормотал: "Оставьте меня". Но гигант продолжал: "Проснитесь! Проснитесь!"

И, странное дело, это был голос не великана, а чей-то другой, резкий, скрипучий голос, показавшийся Дункану знакомым. Ему показалось, что это голос Скрэча. При этом кто-то все же продолжал трясти Дункана. Наконец, он открыл глаза и увидел, что лежит под нависшей скалой, а над ним склонился Скрэч.

— Проснулись, — сказал Скрэч. — Не спите. Не засыпайте снова.

Демон присел на корточки и уходить явно не собирался. Дункан сел и протер глаза. Сияло яркое солнце. Неподалеку, лежа на боку, спал Конрад, а спящий Тайни плотно к нему прижимался. Лежа на спине с открытым ртом, в стороне похрапывал Эндрю. Дункан встал и снова сел, ослабев на секунду от панического страха, осознав, что он спал, что спали все, и не было принято никаких мер предосторожности. Они не выставили стражу. Должно быть, все они просто свалились и уснули. Для него как для предводителя это было непростительно. Он слабым голосом спросил:

— Все в порядке?

— Все в порядке, — ответил Скрэч. — Я стоял на вахте, пока все вы спали.

— Но ты тоже устал.

Скрэч покачал головой.

— Нет. Демоны не устают. Но тут ждут люди, сэр, иначе я не стал бы вас будить.

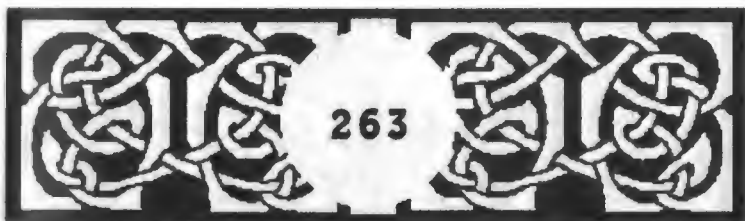
— Кто ждет?

— Старые женщины, довольно приятные старушки.

Дункан встал.

— Спасибо, Скрэч.

Как только Дункан вышел из-под защиты нависшей скалы, он вновь ощутил знакомое давление и тяжесть плача, хотя самого плача слышно не было. Он удивился, что ощущает давление, когда нет плача, но почти сразу сообразил, что не

тяжесть плача создает давление, а тяжесть несчастий всего мира, стекающих сюда, чтобы плач их развеял, уничтожил, свел на нет. Давление было так велико, что он ощутил головокружение и слабость. Он проникся великой печалью, всеобъемлющей печалью, которая перекрывает все другие чувства, превращает радость жизни в ничто, заставляя цепенеть от чудовищной ненависти и ужаса, которыми полон мир.

На тропинке, шедшей от края топи к возвышенности острова, стояли три женщины в длинных, очень простых платьях без всяких рюшей или оборок, когда-то белых, а теперь уже серых. В руках у них были корзинки. Они стояли в ряд и ждали его, и он шел, расправив плечи, чтобы противостоять давлению несчастий мира.

Они встретились лицом к лицу и некоторое время смотрели друг на друга. Женщины были уже немолоды, молодость их прошла уже давно, и выглядели они так, будто никогда и не были молодыми. Но они не выглядели и старыми ведьмами, несмотря на морщины. Морщины даже придавали им достоинство, и их окружало спокойствие, что было странно в том месте, куда стекались несчастья.

— Молодой человек, — заговорила одна из них, стоявшая чуть впереди, — не вы ли совершили жестокость по отношению к нашим драконам?

Вопрос был настолько неожиданным, а смысл его столь нелепым, что Дункан невольно рассмеялся.

— Вам не следовало так поступать. Вы страшно напугали их, — продолжала женщина. — Они еще не вернулись, и мы очень беспокоимся о них. И я уверена, что вы убили одного из них.

— Не раньше, чем они сделали все возможное, чтобы убить нас, — резко возразил Дункан, — не раньше, чем они убили маленькую Бюти.

— Кто это — Бюти?

— Ослик, мэм.

— Всего лишь ослик?

— Член нашей группы, — пояснил Дункан. — У нас есть еще и конь, и собака, и они тоже члены нашей компании. Но просто любимцы, не просто животные, а действительно члены отряда.

— И еще демон, — добавила женщина. — Безобразный хромой демон, который окликнул нас, когда мы шли по тропинке, и угрожал нам своим оружием.

— И демон тоже, — согласился Дункан, — он также один из нас. И, если хотите знать, с нами еще ведьма, гоблин и отшельник, который считает себя воином Господним.

Женщина покачала головой.

— Никогда не слышала ничего подобного. А кто, позвольте спросить, вы сами?

— Мэм, я Дункан из Стэндиш-Хауза.

— Из Стэндиш-Хауза? Тогда почему вы не в своем Стэндиш-Хаузе, а здесь, в топи, и тревожите безобидных драконов?

— Мадам, — спокойно сказал Дункан, — я представить себе не могу, что вы можете не знать, но если так, я скажу. Ваши безобидные драконы — самые кровожадные хищники, каких я только видел. Более того, я скажу вам, что, хотя мы имели все основания изрядно их потревожить, сделали это, в сущности, не мы. Мы были слишком измотаны переходом через болото, чтобы сделать это как следует. Их обратил в бегство Дикий Охотник.

Женщины вопросительно переглянулись.

— Я вам говорила, — сказала вторая из них, — что слышала Охотника и лай его собак, но вы сказали, что я ошибаюсь. Вы сказали, что у Охотника не хватит наглости приближаться к этому острову и мешать нам в работе.

— Кстати, меня очень интересует ваша работа, — сказал Дункан. — Вы — плакальщицы за мир?

— Молодой Стэндиш, — заявила первая, — это вас не касается. Наши тайны не предмет для обсуждения со смертными. Достаточно плохо уже то, что ваши земные ноги топчут священную землю, на которой вы стоите.

— И тем не менее, — сказала другая, — мы можем простить вам ваше святотатство и даже символически распространяем на вас свое гостеприимство. Мы принесли вам еды.

Она шагнула вперед и поставила свою корзинку на тропу. Две другие женщины сделали то же самое.

— Вы можете есть без опаски, отравы здесь нет. Полноценная, основательная пища. В мире хватает естественных бед, и нет нужды увеличивать их число.

— Кроме вас, никто бы и не узнал, — выпалил Дункан, не сразу сообразив, насколько невежливо это прозвучит. Они ему не ответили и собрались уходить, но своим жестом он остановил их.

— Скажите только одно: не видели ли вы случайно с какой-нибудь подходящей вершины вашего острова каких-либо признаков Орды Разрушителей?

Они удивленно уставились на него, затем одна из них сказала:

— Это глупо, сестры. Разумеется, он должен знать о Разрушителях. Раз он так глубоко зашел в Опустошенные Земли, он, конечно, хорошо осведомлен. Так почему бы и не ответить ему?

— Это не принесет вреда, — согласилась первая женщина. — Ни он, ни остальные ничего не могут сделать. Орда, сэр Дункан, находится на западном берегу недалеко отсюда. Они, должно быть, знают, что вы идете, потому что собираются в рой, хотя зачем нужен рой для таких как вы, — это выше моего понимания.

— Защитный рой? — спросил Дункан.

— Откуда вы знаете о защитных роях? — резко спросила она.

Дункан засмеялся.

— Приберегите ваш смех, молодой человек, — сказала она. — Если вы перейдете эту полоску воды и встретитесь с ними, ваша смех не замедлит вас покинуть.

— А если мы пойдем в обратную сторону, — сказал Дункан, — мы встретим смерть от ваших драгоценных драконов.

— Вы несносны и дурно воспитаны, если говорите о наших друзьях в таком тоне — сказала одна из женщин.

— О ваших друзьях?

— Конечно. Драконы — наши щеночки, а без Орды за эти века в мире было бы меньше несчастий.

Меньше несчастий... И вдруг Дункан понял. Не исповедавшись, чтобы облегчить боль и дать утешение, не изгнание страха и ужаса, — здесь упиваются несчастьями мира, с наслаждением погружаются в бедствия и печали, как собака катается по падали.

— Стервятники! — произнес он и тут же уточнил: — Стервятницы!

Он почувствовал боль в сердце. Господи, осталась ли здесь хоть крупница порядочности? Баньши Нэн плачет за здову в скромном домике, за мать, потерявшую ребенка, за старого и дряхлого, за больного, за покинувшего мир. Помогает этот плач или нет, но предназначается он для облегчения страданий. Нэн и ее сестры-баньши оплакивают тех, о ком некому горевать.

Но эти плакальщицы за мир, плачут ли только они трое, или здесь обитает целая община, или же плач исторгается с помощью какой-то чертовой машины, — Дункан представил себе сложный механизм, у которого кто-то крутит тяжелую рукоятку, чтобы получались плачущие звуки, — они живут бедами мира, они засасывают и стягивают их в это место и здесь в них блаженствуют, катаясь и пачкаясь, как свиньи, роющиеся в отвратительных отбросах.

Три женщины повернулись и пошли по тропинке. Он злобно помахал им вслед.

— Мерзкие суки! — сказал он негромко, почти себе под нос, потому что кричать было бесполезно. Они его не интересовали. Они были мерзостью, мимо которой проходят, через которую перешагивают и стараются не замечать. Его интересовало то, что было за этим островом.

Он быстро поднял корзинки и одну за другой швырнул их в болото.

— Подавитесь вы своим гостеприимством, — сказал он сквозь зубы. — Ни крошки хлеба нам от вас не нужно. Будьте вы прокляты!

И, повернувшись, он пошел по тропинке обратно. Скрэч и Конрад сидели рядом на гребне. — Где остальные? — спросил он.

— Отшельник и ведьма пошли за выюком Бьюти, — ответил Скрэч. — Они его высмотрели. Он плавал по воде и пристал к берегу. Может быть, кое-что из еды еще сохранилось.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Дункан Конрада.

Тот ухмыльнулся.

— Лихорадка прошла. Рука получше. Опухоль немного спала, и болит не так сильно.

— Миледи пошла в том направлении, — сказал Скрэч, указывая большим пальцем. — Она говорила что-то насчет осмотра местности. Это было еще до того, как я разбудил вас, уже довольно давно.

Дункан взглянул на небо. Солнце прошло уже полпути от зенита. Они проспали большую часть светлого времени.

— Оставайтесь здесь, — сказал он. — Когда придут другие, пусть тоже останутся здесь, а я пойду искать Диану.

Демон кивнул, усмехнувшись.

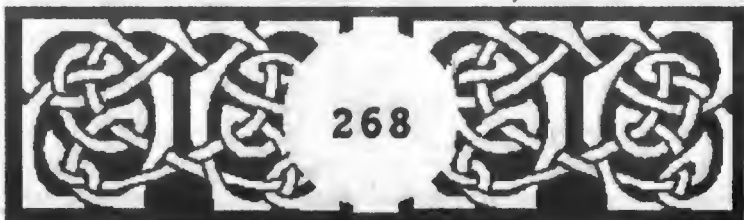
— Если есть какая-нибудь еда, — добавил Дункан, — ешьте, не теряйте времени. Пора в путь.

— Милорд, — сказал Конрад. — Вы собираетесь выступить против Орды?

— А больше делать и нечего. У нас нет выбора. Вернуться мы не можем, оставаться здесь — тоже. Этот остров отвратителен.

Конрад оскалился по-волчьи.

— Я буду рядом с вами, когда мы выступим. Мне хватит одной руки, чтобы махать дубиной.

— И я тоже, — сказал Скрэч. — Снупи верно говорил, когда дал мне вилы. Он сказал, атрибут. Они подходят к моим рукам, будто для меня сделаны.

— Ну, до скорого, — кивнул Дункан.

Он нашел Диану на небольшом мысе, возвышающемся над топью. Она сидела на камне и, услышав его шаги, повернула голову.

— Пора идти?

— Почти, — сказал он. — Очень скоро.

— Эта встреча лицом к лицу с Ордой...

— Я должен кое-что сказать вам, — перебил он, — и кое-что показать. Я давно должен был это сделать.

Он достал талисман и протянул ей. Она сделала резкий вздох, протянула руку, но тут же ее отдернула.

— Это — Вольферта? — Он кивнул. — Откуда он у вас? Почему вы мне не сказали?

— Я боялся, что вы потребуете талисман себе. А мне он был нужен.

— Зачем?

— Против Орды. Для этого Вольферт его и сделал.

— Но Катберт говорил...

— Катберт ошибался. Талисман защищал нас от Орды с того дня, как я его нашел. Они посылала против нас своих приспешников, но, за некоторыми исключениями, сами члены Орды против нас не выступали. Они держатся от нас подальше.

Диана взяв талисман обеими руками, медленно его поворачивала, и камни засияли под лучами солнца.

— Какая красота! Где вы его нашли?

— В могиле Вольферта. Конрад спрятал меня там, когда меня оглушили дубиной в том огороде, где мы с вами впервые встретились.

— Станный поступок — спрятать человека в могиле.

— У Конрада иной раз бывают странные поступки и, как правило, удачные.

— И вы нашли его там случайно?

— Когда я пришел в себя, я лежал на нем, и это было очень неудобно. Я думал, что это камень. Сначала я собирался отдать его вам, если мы снова встретимся, но когда стало очевидно...

— Понятно, — сказала она. — И теперь вы думаете, что сможете использовать его против Орды. Может, он уничтожит их?

— Я делаю ставку на это. Нас явно что-то защищало. Очевидно, этот талисман. И я думаю, у нас есть оружие, которого Орда боится, иначе зачем бы ей собираться в рой против нас?

— Значит, Вольферт был прав, а все остальные ошибались, — прошептала Диана. — Они выгнали его, а он был прав.

— Даже колдуны могут ошибаться, — сказал Дункан.

— Еще одно, — спросила Диана — скажите, зачем вы здесь? Что привело вас сюда? Почему так важно для вас попасть в Оксенфорд? Вы ничего не говорили ни мне, ни Катберту. Ему было бы очень интересно. У него было много друзей в Оксенфорде, он переписывался с ними много лет.

— Ну, — начал Дункан, — существует рукопись. Это долгая история, но я постараюсь передать ее в нескольких словах.

Он быстро рассказал ей самое главное.

— Как зовут того ученого?

— Вайс. Епископ Вайс. Он стар и болен, поэтому мы так спешим. Он, может быть, долго не протянет.

— Дункан, — тихо сказала она.

— Да? Вам знакомо это имя?

Она кивнула.

— Он был старым другом Катберта, большим другом.

— Ну и прекрасно.

— Нет, Дункан. Епископ Вайс умер.

— Умер?

— Несколько недель назад Катберт получил известие о его кончине. Наверное, это было еще до того, как вы покинули Стэндиш-Хауз.

— Боже мой! — проговорил Дункан, встав на колени рядом с ней.

Бесцельное путешествие. — думал он. — Все зря. Единственный человек, который мог определить подлинность манускрипта, умер, даже не увидев документ. Подлинность манускрипта не будет установлена, вероятно, никогда. Другой человек, такой же, как Вайс, появится, может, лет через сто. Его преосвященство будет ждать, святая Церковь, весь христианский мир будут ждать этого человека, если он вообще будет когда-нибудь?

Диана придвинулась к нему, положила его голову к себе на колени и держала, как мать держит ребенка.

— Поплачьте. — сказала она. — Никто не увидит, кроме меня. От слез станет легче.

Но он не плакал, он не мог плакать. Внутри разлилась горечь, взметнулась в нем, овладела им, скрутила, терзая душу. До сих пор, до этой самой минуты он и не знал, как много значит для него этот манускрипт — не как абстрактная вещь, содержащая потенциальное благо для всего мира, а для него лично, для Дункана Стэндиша, для христианской души, которая верит, что человек по имени Иисус ходил по земле, говорил слова, переданные потом нам, творил чудеса, смеялся на свадебном пиру, пил вино со своими братьями и в конце концов умер на кресте римлян.

— Дункан, — тихо сказала Диана. — я разделяю ваше горе. Он поднял голову и посмотрел на нее.

— Талисман, — сказал он.

— Мы используем талисман, как предполагал Вольферт?

— Это единственное, что остается. По крайней мере, хоть какой-то толк от нашего путешествия.

— Вы не сомневаетесь в талисмане?

— Сомнения есть, но что можно сделать еще?

— Больше ничего.

— Мы можем погибнуть. Талисмана может оказаться недостаточно.

— Я буду рядом с вами, — сказала она.

— Чтобы умереть со мной?

— Если так случится. Но я не хочу об этом думать.
Вольферт...

— Вы верите в него?

— Так же, как вы в свой манускрипт.

— А что потом, когда все кончится?

— Что вы имеете в виду?

— Я, например, вернусь обратно в Стэндиш-Хауз. А вы?

— Найду место. Есть другие замки колдунов. Там меня примут.

— Поедем со мной.

— Как ваша подопечная или как ваша любовница?

— Как моя жена.

— Дункан, милый, во мне же кровь колдунов!

— А в моих жилах кровь бессовестных авантюристов, грабителей, пиратов, налетчиков и Бог знает кого еще, если заглянуть в даль времен.

— Но что скажет ваш отец? Ваш отец лорд.

Дункан представил себе отца, прямого, как дерево, раздувающего усы, его серые, как гранит, глаза с теплым блеском.

— Да, он лорд, но еще и джентльмен. Он будет любить вас, как дочь. У него не было дочери. У него есть только я. Моя мать умерла много лет назад. Стэндиш-Хауз давно ждет женских рук.

— Надо подумать, — сказала она. — Но одно могу сказать сразу: я очень люблю вас.

Глава 31

Рой находился на вершине небольшого гребня за краем топи. Он выглядел устрашающе — чернота, через которую пробегали странные искры, похожие на далекие вспышки зарниц, которые летней ночью внезапно освещают горизонт. Временами рой казался прочным и твердым черным шаром, потом вдруг он становился рыхлым, как свободно смотанный клубок пряжи, как мыльный пузырь, готовый лопнуть. Даже когда он выглядел плотным шаром, казалось, что он находится в непрерывном движении, как будто то, что его составляло, все время меняло место в поисках наиболее выгодного положения, перестраиваясь для достижения идеальной конфигурации роя. Наблюдая за ним какое-то время, можно было увидеть, или вообразить, что видишь, отдельных членов роя, но настолько мимолетно, что нельзя толком понять, что именно видел. И это, как подумал Дункан, очень даже неплохо, потому что сам он успел заметить нечто до такой степени устрашающее и настолько превосходящее самое изощренное воображение, что от этого зрелища холодела кровь.

Он сказал собравшимся вокруг него:

— Вы все знаете, что мы сделаем. Я понесу талисман, высоко держа его, чтобы было видно, и медленно пойду к рою. В последних лучах заходящего солнца камни в талисмане засияют загадочными огнями всех цветов радуги, но ярче, много ярче радуги.

— А если не работает? — прорычал Конрад.

— Должно сработать, обязательно сработает, — холодно ответила Диана.

— Должно сработать, — так же спокойно согласился с ней Дункан. — Но если вдруг не сработает — тогда удирайте

отсюда ко всем чертям, возвращайтесь к топи и держите путь к острову.

— Если мы сможем бежать... Я не побегу, — заявил Конрад.
— К чертям бегство!

Вдруг протянулась жилистая рука и выхватила у Дункана талисман.

— Эндрю! — заорал Дункан.

Но отшельник уже несея вперед, бежал к рою, высоко подняв сверкающий талисман в одной руке, а другой рукой держа посох. Рот его был открыт, и он выкрикивал что-то несвязное.

— Дурак, выскочка, сукин ты сын! — ругался Конрад ему вслед.

Дункан бросился вперед, чтобы схватить Эндрю.

Впереди внезапно вспыхнула молния. В ее свете Дункан увидел Эндрю, полыхнувшего ярким пламенем. Затем пламя погасло, и отшельник стал дымящим факелом в форме человека, факелом, который задуло порывом налетевшего ветра. Струйки жирного дыма вылетели из его поднятых рук. Талисман исчез, а Эндрю медленно съежился и превратился в холмик обуглившейся, дымящейся плоти.

Дункан бросился ничком на землю и дикая, ужасная мысль пронзила его: дело не в талисмане Вольферта, это не талисмана боялась Орда, не он защищал отряд в долгом странствии по Опустошенным Землям. Он давно должен был понять это. На побережье Разрушители — а это должны были быть Разрушители — использовали Гарольда Ривера, чтобы получить то, чего они боялась, то единственное, чего не смели взять сами. Они получили талисман, но бросили его там на дороге как ненужную вещь.

Единственной вещью, которую они так и не получили, был манускрипт. Манускрипт! — думал он. — Боже мой, манускрипт!

Именно манускрипт Орда стремилась изъять, ликвидировать, уничтожить. Это и было целью последнего опустошения —

разорить оставшуюся до сих пор свободной северную часть Британии, и потом, изолировав ее, двинуться на аббатство Стэндиш, где хранился манускрипт. Но в тот момент, когда Орда была готова двинуться на аббатство, рукописи — оригинала, написанного рукой маленького шуплого человечка, который прятался и таился, наблюдая и слушая — там уже не было. Катберт говорил, что Орда пребывает в смущении и растерянности. Конечно, так оно и было. Того самого манускрипта, о котором Разрушители знали или каким-то одним им доступным образом ощущали его существование и местоположение, не было на прежнем месте, он был пронесен через опустошенную ими землю.

« Маленький таящийся человечек, — обратился Дункан к тому, кто столько лет назад, прячась, следил за Иисусом и его спутниками, кто, не принадлежа к ним и даже не пытаясь войти в их число, лишь смотрел и слушал, а потом, скрючившись в потаенном уголке, старался записать все, что видел и слышал, — маленький суетливый прячущийся человечек, ты сделал больше, чем предполагал, записывая слова Иисуса в точности так, как Он их произносил, без каких бы то ни было искажений или парафраз, регистрируя каждый Его жест, каждое движение, даже выражение Его лица. Потому что, — понял Дункан, — только так и должно было быть. Только правда, только достоверный отчет о подлинных событиях, сделанный добросовестным наблюдателем и свидетелем всего происходящего, мог столетия спустя сохранять славу и силу, являть в полной мере мощь Сына Человеческого.

Но почему, — спросил Дункан у крадущегося маленького человечка, — ты никогда не показывал мне свое лицо? Почему ты старался отвернуться от меня, почему прятал лицо в тень, чтобы я не мог узнать тебя? И тут же понял, что иначе быть не могло. Потому что этот прячущийся человек не искал славы для себя. Все было бы напрасно, если бы он думал о славе. Он должен навсегда остаться действительно безликим.

Дункан просунул руку в свой поясной мешочек, нащупал рукопись и бережно вытащил наружу шуршащие хрустящие листы пергамента. Потом, крепко зажав всю пачку в кулаке, он вскочил на ноги, высоко поднял драгоценный манускрипт — настоящий талисман! — высоко над головой и с торжествующим ревом бросился к качающемуся рою, который, все больше, разрастаясь и угрожая поглотить всех их, с каждой секундой приближался.

Громадный черный колышавшийся шар вспыхнул множеством молний. С каждым шагом Дункана вспышки эти становились все ярче, но оставались внутри роя. Такие же вспышки пробегали по крутящемуся туману во время битвы у развалин замка, такая же молния, вырвавшись наружу, превратила Эндрю в горящий и дымящийся факел. Сейчас молнии металась внутри шара.

Внезапно все вспышки слились воедино, и в этот миг рой сделался пылающим огненным шаром. В то же мгновение шар этот лопнул, взорвался, и в воздух взлетело множество горящих и тлеющих существ, составлявших его. Они падали на землю, дымились и съезживались, корчились в агонии, догорая, а затем затихали и умирали.

Орда погибла, и в сумерках, наползавших по мере того, как садилось солнце, распространилось, как туман, страшное зловоение.

Дункан устало уронил руку, из последних сил сжимавшую измятый пергамент.

Густеющие сумерки прорезал громкий плачущий крик, но это не был плач за мир, этот раздирающий душу плач раздавался совсем рядом. Дункан растерянно оглянулся по сторонам и увидел маленькую фигурку ведьмы Мэг, скорчившуюся над зловонным холмиком того, что прежде было отшельником, и понял, что плачет она.

— Почему? — спросила Диана, подходя к Дункану. — Отшельник и ведьма...

— Он дал ей кусок сыра, когда мы впервые встретили ее, — сказал Дункан. — Он предложил ей руку, чтобы помочь идти по лесной тропе. Он вместе с ней расколдовывал тропу на поляне. Разве этого мало?

Глава 32

Итак, подлинность манускрипта уже никогда не будет подтверждена. Со смертью епископа Вайса не осталось никого, кто мог бы удостоверить его печатью истины. Документ вернется в аббатство Стэндиш и будет лежать там в богато украшенном ундучке, и мир не узнает о нем, потому что некому сказать, настоящий он или фальшивый.

Однако у Дункана не было сомнений в том, что подлинность документа удостоверена. Доказательством истинности и правдивости изложенных в нем слов и деяний Иисуса стало уничтожение Орды. Ничто другое не могло на нее так воздействовать. Он коснулся пальцами поясного мешочка и вновь услышал приносящее уверенность шуршание. Сколько раз он делал этот жест, слушая хруст пергамента, но никогда прежде не чувствовал такой благодарности и уверенности, как сейчас.

Рядом с ним зашевелилась Диана. Он обнял ее за плечи, и она придвинулась к нему. Костер ярко пылал. С одной стороны его Скрэч сгребал угли, чтобы испечь рыбу, пойманную им и Конрадом в ручье, используя рубаху Дункана вместо сети.

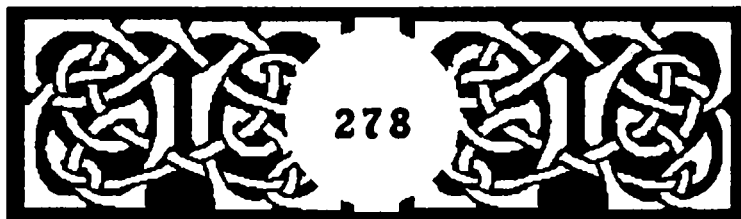
— Где Дух? — спросил Дункан. — Только что он был тут, а теперь вдруг исчез.

— Вы его больше не увидите. — ответила Диана. — Он отбыл отсюда, чтобы являться в замке.

— В каком замке? Где он его нашел?

— На развалинах замка. — пояснила Диана. — Он пришел ко мне и попросил разрешения.

— И вы дали такое разрешение?

— Я ему сказала, что замок не мой, и я не могу дать позволения, но пусть идет, потому что помешать ему я тоже не могу.

— Я ему сказал то же самое, когда он хотел идти с нами в Оксенфорд. Я удивлен, что он хочет поселиться в развалинах. Он же так хотел попасть в Оксенфорд.

— Он сказал, что хочет иметь дом. Он хочет иметь место, где являться. Он сказал, что его повесили на хилом деревце, и он не хочет являться на дереве, тем более на осине.

— Я тоже слышал эту жалобу. А что бы подумал об этом Катберт?

— Думаю, если бы Катберт знал его, он был бы рад. Да и Дух, бедолага, так хотел иметь дом.

— Если бы вы послушали его причитания подольше, он бы вам в печенки въелся. Я рад, что избавился от него. Он вообще-то ничего парень, но надоедлив.

— А как насчет Скрэча? — спросила Диана.

— Он идет с нами. Конрад его позвал.

— Я очень рада. Они с Конрадом так подружились. Скрэч, хоть и демон, а существо очень славное.

— Он спас Конраду жизнь в схватке на поляне, и Конрад никогда не забудет этого.

— Да и Конрад был мил с ним в замке, — заметила Диана, — как и вы. А все остальные в то время обращались с ним ужасно.

Мэг принесла им рыбы на куске коры и села напротив.

— Не торопитесь есть, — предупредила она, — пусть немножко остынет.

— А ты куда пойдешь после всех этих приключений? — спросила Диана. — Скрэч пойдет с нами.

— Стэндиш-Хауз, — сказал Дункан, — вполне может служить резиденцией ведьме. У нас их давным-давно не было. Мэг покачала головой.

— Я уже придумала и хотела поговорить с вами насчет этого. У меня нет хижины, нет места, где жить, вообще нет ничего.

Но у Эндрю была келья. Как вы думаете, он бы не был против? По-моему, я знаю, где она. Если я не найду, Снупи обещал показать.

— Если ты этого хочешь, — сказал Дункан, — то, я думаю, Эндрю был бы счастлив знать, что ты живешь там.

— Я думаю, — сказала Мэг, — что он все-таки немножечко любил меня. Когда мы встретились, он дал мне кусок сыру, достал его из кармана, и на сыре были следы его зубов, а он мне его отдал, и он...

Ее голос прервался. Она закрыла лицо руками, быстро встала и ушла в темноту.

— Она любила Эндрю, — сказала Диана. — Удивительно: ведьма и отшельник...

— Мы все любили его, — сказал Дункан, — каким бы упрямец он ни был.

Упрямец и воин Господень. Менее всего подходящий для этого звания, но настаивающий на том, что был воином Господним, еще будучи отшельником. Эндрю, бросившийся навстречу смерти, как подобает воину Господню. Эндрю и Быютн — воин и маленький терпеливый ослик. Мне будет не хватать их обоих, — подумал Дункан.

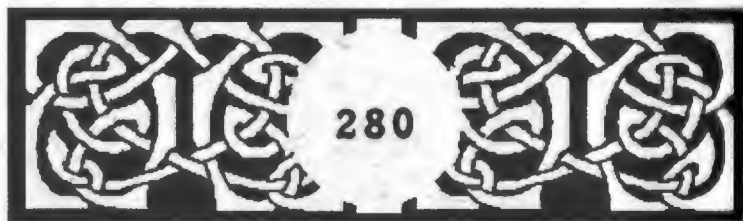
Слабый порыв ветра донес издали стон плача за мир. Теперь, — думал Дункан, — пройдут годы, и плача за мир будет становиться все меньше. Будут, конечно случаться несчастья в этом мире, но, поскольку нет на земле Орды, их будет все меньше и меньше. Стервятницам на Острове Плача не в чем будет валиться, и меньше будет грязи на них.

Диана, положив на землю тарелку с рыбой, потянула Дункана за рукав.

— Пойдемте со мной. Я не могу сделать это одна. Мне нужно, чтобы вы стояли рядом со мной.

Они обогнули костер и подошли к Снупи. Диана остановилась напротив него, протянув меч на вытянутых руках.

— Этот меч слишком драгоценен, чтобы принадлежать человеку, — сказала она. — Не возьмешь ли ты его обратно

под охрану маленького народца? Храните его, пока он не понадобится вновь.

Снупи протянул руки и осторожно принял меч. В его глазах стояли слезы.

— Значит, вам известно, миледи, кому он некогда принадлежал? — Она молча кивнула. — Тогда мы охотно возьмем его обратно. Мы будем хорошо хранить его и почитать. Когда-нибудь он может оказаться в других руках, и эти руки тоже будут достойны его. Но никто не будет более достоин его, чем вы, миледи.

— Скажи маленькому народцу, что он оказал мне великую честь.

— Это потому, что мы доверяем вам, — пояснил Снупи. — Мы знаем вас. Вы будете жить в Стэндиш-Хаузе?

— Да, — сказала Диана. — Мы отправимся утром.

— Когда-нибудь мы навестим вас, — обещал Снупи.

— Мы будем вас ждать, — сказала Диана. — Будут кексы и эль, и танцы на лужайке.

Она повернулась, подошла к Дункану и взяла его за руку.

— Ну, вот, теперь я готова к завтрашнему дню.

Клиффорд САЙМАК

**ЗАЧАРОВАННОЕ
ПАЛОМНИЧЕСТВО**

Clifford D. Simak
Enchanted Pilgrimage

1

Гоблин со стропил следил за прячущимся монахом, который шпионил за ученым. Гоблин ненавидел монаха и имел для этого все основания. Монах же никого не ненавидел и никого не любил, он был фанатичен и честолюбив. В данный же момент он следил, как ученый тайком спрятал рукопись, найденную в переплете книги.

Был поздний час, и библиотека затихла. Где-то украдкой скреблась мышь. Свеча, стоявшая на столе, над которым склонялся ученый, почти догорела.

Ученый сунул рукопись под рубашку, закрыл книгу, поставил ее на полку и, посплюнув пальцы, погасил огонек свечи. Бледный лунный свет, падающий сквозь высокие окна, доходящие почти до самых стропил, залил библиотеку призрачным сиянием.

Пробираясь между столами, ученый направился в фойе, а монах посильнее вжался в тень и позволил ему пройти. Монах даже не пытался остановить ученого.

Гоблин задумчиво поскреб голову

2

Марк Корнуэлл ел хлеб с сыром, когда в дверь постучали. Комната была маленькой и холодной, горстка прутьев, горевших в камине, совершенно не согревала ее.

Марк встал и, прежде чем подойти к двери, стряхнул крошки сыра с одежды. Потом открыл дверь. Перед ним стояло маленькое, сморщенное существо едва ли трех футов роста, в изодранных кожаных брюках. Ноги у этого существа были голые и волосатые, а поношенная куртка — алого бархата. На голове красовался колпачок.

— Я — гоблин со стропил, — представилось существо. — Можно войти?

— Конечно, — ответил Корнуэлл. — Я о вас слышал, и думал, что вы миф.

Гоблин вошел и сразу устремился к камину. Присев на корточки, он протянул руки к огню.

— Почему вы считаете меня мифом? — обидчиво спросил он. — Ведь вы знаете, что существуют гоблины, эльфы и другие представители маленького народца. Почему же вы усомнились в моем существовании?

— Даже и не знаю. Может быть, потому, что никогда вас не видел.

— Ну да, я же прячусь на стропилах! Там много укромных уголков, и меня трудно увидеть. Некоторые читатели безрас- судны, и у них совершенно отсутствует чувство юмора.

— Хотите сыра? — спросил Корнуэлл.

— Что за глупый вопрос? Конечно, хочу! — гоблин отошел от огня, примостился на грубой скамье у стола и осмотрелся. — Я вижу, у вас не очень-то легкая жизнь. В вашей комнате все какое-то жесткое и суровое.

— Я доволен, — сказал Корнуэлл.

Он достал из ножен кинжал, отрезал сначала хлеба, потом сыра и протянул гоблину.

— Грубая еда, — заметил гоблин.

— Все, что у меня есть. Но ведь вы пришли не за хлебом с сыром.

— Нет. Я видел вас вчера вечером, когда вы стащили в библиотеке рукопись.

— Ага. И что же вам нужно?

— Да ничего, — ответил гоблин и откусил кусок. — Я пришел сказать, что монах Освальд тоже следил за вами.

— Если бы он за мной следил, то задержал бы меня.

— Мне кажется, — заметил гоблин, — что вас совершенно не мучают угрызения совести. Вы даже не пытаетесь скрыть этого.

— Вы также видели меня, — сказал Корнуэлл, — и тоже не остановили. Тут дело гораздо серьезнее, чем кажется на первый взгляд.

— Возможно. Вы долго были здесь студентом?

— Почти шесть лет.

— Но теперь вы не студент, а ученый.

— Особой разницы нет.

— Конечно, — согласился гоблин, — но вы больше не тыдливый школьник. Вы переросли простого студента.

— Возможно, но я не совсем понимаю...

— Дело в том, что Освальд видел, как вы крадете документ, и все же позволил вам уйти. Мог ли он знать, что вы украли?

— Сомневаюсь. Я и сам не знал этого, пока не увидел. Я ведь не искал это, даже не знал, что такой документ существует. Просто переплет книги показался мне странным — он был чересчур уж толстый. Было похоже, что под ним что-то спрятано.

— Если это было так заметно, то почему до сих пор никто этого не нашел? Можно мне еще сыра?

Корнуэлл отрезал еще кусочек.

— На ваш вопрос ответить очень легко. Вероятно, книгу уже лет сто не трогали.

— Затерянный том, — произнес гоблин. — И таких довольно много. Не расскажете ли, о чем он?

— Это — рассказ путешественника, записанный несколько столетий назад. Очень старомодный почерк. Какой-то монах давным-давно очень красиво переписал этот рассказ — с замысловатыми разноцветными буквицами и приятными рисунками на полях. Но все это пустая трата времени — в основном собрание небылиц.

— Зачем же вы его искали?

— В небылицах иногда скрываются зерна истины. Я искал упоминание о одном обстоятельстве...

— И нашли?

— Не в самой книге, а в запрятанной рукописи. Я склонен считать, что книга — копия с оригинала. Вероятно, единственная копия. Должно быть, монах-переписчик работал с рукописью одного путешественника. Он изготовил великолепную книгу, которой вправе был гордиться.

— А рукопись?

— Это лишь одна страница пергамента. Очевидно, она является страницей подлинной рукописи самого путешественника. Переписчик почему-то спрятал ее.

— Вы думаете, его мучила совесть, и он пошел на компромисс: не переписал страницу, а спрятал ее под переплет?

— Что-то в этом роде, — согласился Корнуэлл. — Ну, а теперь лучше поговорим о том, зачем вы пришли сюда.

— Из-за монаха-шпиона, — сказал гоблин. — Вы не знаете Освальда, как знаю его я. Из всех подонков это — самый худший, для него нет ничего святого. Ни один человек не может считать себя в безопасности рядом с ним. Вы, должно быть, догадываетесь, что он не просто так позволил вам уйти.

— Мое воровство, похоже, вас не беспокоит, — заметил Корнуэлл.

— Нисколько. Я на вашей стороне. Много лет этот проклятый соглядатай отравляет мне жизнь. Он пытался поймать меня и стащить вниз, он и теперь продолжает меня преследовать. Нет, я не желаю ему добра.

— Вы думаете, он захочет донести на меня?

— Если я не ошибаюсь, — сказал гоблин, — то он продаст информацию, которой располагает.

— Кому? Кто может быть в ней заинтересован?

— Подумайте сами, — сказал гоблин. — Рукопись, спрятанная в древней книге, украдена. Значит, она достаточно важна, чтобы быть спрятанной и украденной. Интересно?

— Вероятно, вы правы.

— В городе и в университете найдется немало беспринципных авантюристов, которые заинтересуются такой информацией.

— И вы полагаете, что рукопись у меня украдут?

— Не сомневаюсь в этом. Да и ваша жизнь в опасности.

Корнуэлл отрезал еще сыра и протянул гоблину.

— Спасибо. — от души поблагодарил тот. — И хлеба пожалуйста.

Корнуэлл отрезал и ломоть хлеба.

— Я очень вам признателен, — сказал он гоблину. — Но что же интересует во всей этой истории вас?

— Я думал, это очевидно, — ответил гoblin. — Я хочу, чтобы этот проклятый монах упал носом в грязь. — Он положил хлеб с сыром на стол, сунул руку под куртку и извлек несколько листочков пергамента. — Думаю, сэр ученый, вы владеете пером? Так вот, это — старинный пергамент, и прежняя надпись на нем стерта. Я предлагаю вам снять копию с украденной рукописи и положить эту копию в такое место, где бы ее смогли найти.

— Но я не...

— Копию, но с некоторыми изменениями, которые сойдут со следа.

— Это легко сделать, — сказал Корнуэлл, — но чернила будут свежими, да и отличия в почерке будут заметные, и...

— Кто сейчас разбирается в разных почерках? Никто не видел рукописи, кроме вас. Никто и не догадается, что стиль немного изменился. Пергамент старый, а что касается прежней записи, то в древние времена, когда пергамента не хватало, часто использовали уже исписанный.

— Ну, не знаю, — ответил Корнуэлл.

— Ученый смог бы распознать подделку, но вероятность того, что рукопись попадет в руки настоящего знатока, очень мала. Во всяком случае, вы к тому времени будете достаточно далеко.

— Далеко?

— Конечно, — ответил гoblin. — Не можете же вы оставаться здесь после происшедшего.

— Вероятно, вы правы. Я и сам уже думал об отъезде.

— Надеюсь, сведения в рукописи стоят всех этих беспокойств. Но если даже и не так...

— Я думаю, что стоят, — заметил Корнуэлл.

Гoblin слез со скамьи и направился к двери.

— Секунду, — остановил его ученый. — Как вас зовут, и увидимся ли мы снова?

— Меня зовут Оливер, по крайней мере, так я называю себя среди людей. Вряд ли мы еще встретимся. Хотя... погодите. Сколько вам нужно времени, чтобы изготовить подделку?

— Немного.

— Тогда я подожду. Моя власть невелика, но кое-чем я могу помочь. Я знаю несколько заклинаний, от которых чернила поблекнут, а пергамент будет выглядеть древним.

— Я в долгу перед вами, — сказал Корнуэлл. — Но вы не спросили меня, о чем в рукописи идет речь.

— Вы сможете пересказать это за работой.

3

Лоуренс Бекетт со своими людьми засиделся за выпивкой. Ужин начался довольно рано, но они все еще сидели за столом, на котором валялись кости и куски хлеба. Горожане, посетители таверны, уже разошлись, а хозяин, отослав слуг спать, остался за стойкой сам. Он хотел спать и часто зевал, но не торопил гостей: не часто в Кабаньей голове появлялись посетители с таким количеством денег. Студенты сюда заглядывали редко и приносили больше беспокойства, чем прибыли, а горожане прекрасно умели растягивать один стакан на весь вечер. Кабанья голова стояла не на главной дороге, а на боковой улочке, так что и торговцы тоже редко сюда добирались.

Дверь открылась, и в таверну вошел монах. Он постоял, взглядываясь в полутьму низкого зала.

Хозяин за прилавком напрягся. Какое-то шестое чувство подсказало ему, что этот визит не принесет ничего хорошего. Уже много лет люди в рясах не переступали порога его таверны.

После недолгого колебания монах понинже надвинул на голову капюшон, как бы не желая смешиваться с посетителями, и направился к столу, за которым сидели Бекетт и его люди.

Монах остановился перед Бекеттом, и тот вопросительно посмотрел на него. Монах молчал.

— Альберт, — сказал Бекетт, — налей этой ночной птице минца. Редко приходится пить с людьми, которые так одеты.

Альберт налил вина и протянул кружку монаху.

— Мастер Бекетт, — сказал монах, — я услышал, что вы в городе, и хотел бы переговорить с вами наедине.

— Конечно, — сердечно отозвался Бекетт, — поговорим, само собой. Но только не наедине. Эти люди все равно, что я, и то, что могу услышать я, годится и для их ушей. Альберт, стул сэру монаху!

— Разговор должен быть наедине, — настаивал монах.

— Ладно, — согласился, наконец, Бекетт и обратился к собутыльникам: — Пересядьте за другой стол. И можете взять с собой свечу.

— Вы смеетесь надо мной, — сказал монах.

— Смеюсь, — согласился Бекетт. — Не могу себе представить, чтобы вы сказали хоть что-нибудь важное.

Монах сел рядом с Бекеттом, осторожно поставил кружку на стол и подождал, пока остальные отойдут.

— Ну, и что же за тайну вы хотите мне поведать? — спросил Бекетт.

— Прежде всего, я знаю, кто вы такой на самом деле. Вы не просто торговец, как думают некоторые. — Бекетт ничего не сказал, просто коротко взглянул на монаха. Но выражение лица у него несколько изменилось. — Я знаю, что у вас есть доступ к делам церкви, — продолжал монах, — и за одолжение, которое я вам сделаю, вы замолвите за меня словечко.

— Что же это за одолжение?

— Час назад в университетской библиотеке была украдена рукопись.

— Это же такой пустяк.

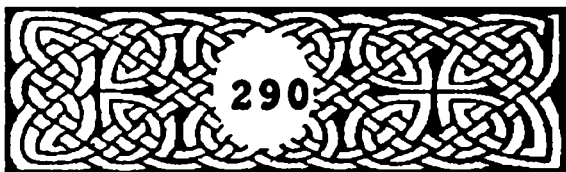
— Возможно. Но рукопись эта была спрятана в древней и почти неизвестной книге.

— Вы знали об этой рукописи? И о чем она?

— Не знал, пока вор не отыскал ее. И о чем она, тоже не знаю.

— А что за древняя книга?

Зачарованное паломничество

— Она написана очень давно путешественником по имени Тэйлор. Он путешествовал по Диким Землям.

Бекетт нахмурился.

— Я знаю о Тэйлоре. Слухи о его находках доходили до меня, но я не знал, что он написал книгу.

— Этого почти никто не знал. Ее переписывали только один-единственный раз. Это копия, принадлежащая нашей библиотеке.

— Вы читали ее, сэр монах?

Монах пожал плечами.

— До сих пор она меня не интересовала. На свете есть слишком много книг, а рассказы путешественников обычно лживы.

— Вы думаете, рукопись имеет какую-то ценность?

— Да. Иначе зачем было ее прятать?

— Интересно, — негромко произнес Бекетт, — очень интересно. Но ведь ценность ее не доказана.

— Если у нее нет ценности, вы мне ничего не должны.

— Джентльменское соглашение?

— Да, — сказал монах. — Именно так. Рукопись нашел ученый Марк Корнуэлл. Он живет под самой крышей, в мансарде доходного дома на углу Короля и Доски.

Бекетт нахмурился.

— Корнуэлл?

— Несносный человек, откуда-то с Запада. Неплохой был студент, но слишком замкнут, друзей не имеет, живет бедно. Почти все его товарищи по учебе разъехались, довольные тем, что получили, а он остался. Думаю, главным образом из-за того, что интересуется древними.

— Как это — интересуется древними?

— Он считает, что они еще существуют и изучает их язык или то, что считает их языком. Об этом написано несколько книг.

— А почему он заинтересовался древними?

Монах покачал головой.

— Не знаю. Я не знаком с этим человеком и лишь говорил с ним один или два раза. Может быть, интеллектуальное любопытство, а может, что-то другое.

— Может, он думал, что Тэйлор писал о древних?

— Возможно. Тэйлор мог о них писать. Я не читал его книгу.

— Рукопись сейчас у Корнуэлла? Он спрячет ее.

— Сомневаюсь. А если и спрячет, то не очень далеко. Он считает, что о его воровстве никто не знает. Я видел, как он украл рукопись, но позволил ему уйти, не попытавшись остановить. Так что он не знает обо мне.

— Не кажется ли вам, сэр монах, что этот наш друг с легкими пальцами стоит на краю ереси?

— Это, мастер Бекетт, предстоит решить вам. Вокруг нас много знаков ереси, но лишь мудрец может дать им точное определение.

— Как вы думаете, бывает политическая ересь?

— Я никогда не задумывался об этом.

— Это хорошо, — сказал Бекетт, — потому что при определенных, точно обозначенных условиях, сам университет, и особенно его библиотека могут оказаться под подозрением в ереси из-за того, что стоит на ее полках.

— Могу заверить вас, что книги используются не со злыми намерениями. Только для того, чтобы разрабатывать способы борьбы с ересью.

— Если вы ручаетесь, то мы можем забыть об этом, — медленно произнес Бекетт. — Что же касается другого дела, то, я полагаю, вы не готовы раздобыть рукопись и отдать ее нам?

Монах пожал плечами.

— У меня нет возможностей для такой операции. Я сообщил все вам — этого достаточно!

— По-вашему, я больше подхожу для такого дела?

— Я поэтому и пришел к вам.

— Откуда вы узнали, что я сейчас в городе?

— Здесь везде есть уши, и мало что остается незамеченным.

— И вы все всегда слушаете так внимательно?

Зачарованное паломничество

— Такая уж у меня привычка.

— Хорошо! — сказал Бекетт. — Договорились. Если документ будет найден и окажется ценным, я замолвлю за вас словечко. Ведь вы этого хотели? — Монах молча кивнул. — Говоря о вас, я должен знать ваше имя.

— Меня зовут брат Освальд.

— Я запомню его, — сказал Бекетт. — Допивайте вино, и мы примемся за работу. Значит, Король и Доска?

Монах еще раз кивнул и потянулся к кружке с вином. Бекетт встал, подошел к своим людям, потом вернулся.

— Вы не пожалеете, что пришли ко мне, — заверил он монаха.

— Надеюсь, — ответил брат Освальд, допил вино и поставил кружку на стол. — Я увижу вас снова? — спросил он.

— Если будете искать, — прозвучало в ответ.

Монах завернулся в плащ и направился к двери. Снаружи луна уже скрылась за деревьями, и в узком переулке было темно. Монах шел осторожно, нащупывая путь по скользким булыжникам мостовой.

Внезапно из темноты к нему скользнула тень, и тускло сверкнул нож. Монах захрипел и упал, царапая скрюченными пальцами камни мостовой. Из горла его хлынула кровь. Потом он затих.

Тело монаха было найдено только утром.

4

Джиб Из Болот встал еще до восхода солнца. Он всегда вставал рано, но сегодня у него было особенно много дел. Именно сегодня гномы велели ему прийти за новым топором.

Ему был очень нужен новый топор. Лезвие старого, изношенное и стершееся, уже невозможно было наточить как следует.

Обычно по утрам в это время года болото затягивал низко стелющийся туман, но сегодняшнее утро было ясным. Несколько ключев слоистой дымки висело над островком, на котором добывались дрова, но в целом тумана не было. Плоское болото тянулось на восток и юг, коричневое и серебристое, поросшее тростником и травами. В близких прудах плескались утки, по полоске чистой воды плыла мускусная крыса, оставляя за собой аккуратный разбегающийся след в форме буквы V. Где-то далеко крикнула цапля. На западе и на севере поднимались заросшие лесом холмы — дубы, клены, орешник; некоторые кроны уже были тронуты огненными красками осени.

Джиб стоял и смотрел на холмы. Где-то там, в густом лесу, был дом его лучшего друга, Хола Из Дуплистого Дерева. Почти каждое утро, если не было тумана, Джиб пытался разглядеть это дерево, но так ни разу и не сумел: на таком расстоянии деревья не отличались друг от друга. Он знал, что сегодня у него не будет времени навестить Хола: взяв топор, нужно будет пойти проведать отшельника, который живет в известняковой пещере одного из отдаленных холмов. Уже целый месяц Джиб его не навещал.

Он скатал коврик из гусяного пуха и шерстяное одеяло и спрятал их в хижине, поставленной в центре плота. Если было не холодно и не шел дождь, он всегда спал под открытым небом. На металлической пластине в передней части плота он разжег костер, используя сухую траву и прутья, хранившиеся под навесом для дров вместе с фитилем и огнивом.

Когда костер разгорелся, Джиб сунул руку в прикрепленный к плоту садок и вытащил из него порядочных размеров рыбку. Он убил ее ударом ножа, быстро выпотрошил и бросил в котел, который поставил на решетку над огнем, после чего уселся на корточки, чтобы следить за ухой.

На болотах было тихо. Лишь негромко крикали утки, да изредка был слышен плеск рыбы.

Впрочем, подумал Джиб, в это время всегда тихо. Позже в камышах начнут ссориться птицы, над головой со свистом понесутся дикие утки, станут слышны резкие крики чаек.

Восток посветлел, и болота, до того казавшиеся однообразным коричнево-серебристым пространством, стали приобретать новые очертания. Вдалеке показалась линия ив. Они росли на узкой полоске земли, отделявшей далекую реку от болота. Стала видна и полоска тростника у лесистого холма, видно было даже, как покачиваются на ветру его метелки.

Джиб ел прямо из котелка, не заботясь о тарелке. Плот мягко покачивался на воде. Интересно, подумал Джиб, какова жизнь на твердой земле, без этого постоянного покачивания? Всю свою жизнь он провел на плоту, который останавливался лишь тогда, когда замерзала вода.

Думая о холодах, он мысленно перечислял все необходимые приготовления к зиме. Нужно закоптить побольше рыбы, собрать корневища и семена, постараться добыть несколько мускусных крыс для одежды и приготовить дрова. Но это дело пойдет гораздо быстрее и легче, если у него будет новый топор.

Джиб вымыл котелок, потом отнес в привязанную к плоту лодку узлы, которые были приготовлены вчера перед сном. В узлах была сушеная рыба и дикий рис — подарки для гномов и отшельника.

В последний момент он положил в лодку и старый топор: гномы смогут использовать железо от него.

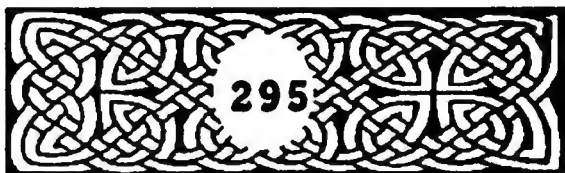
Джиб тихо греб вниз по протоке, не желая нарушать утреннюю тишину. На востоке встало солнце, и на противоположных холмах краски осени вспыхнули ярким сиянием.

Приближаясь к берегу за поворотом протоки, Джиб увидел плот. Он наполовину скрывался к траве, но его задняя часть выдавалась в гладь канала. На корме сидел старый болотник и плел сеть. Когда появился Джиб, старик взгляделся и приветственно поднял руки. Это был старый Друд, и Джиб удивился, что он тут что-то делает. В последний раз, когда он слышал о Друде, плот старина был вблизи ивового берега у самой реки.

Джиб причалил свою лодку к плоту и веслом удержал ее на месте.

— Давненько не виделись, — сказал он. — Когда вы переплыли сюда?

Зачарованное паломничество

— Несколько дней назад, — сообщил Друд.

Он отложил свою сеть и присел на корточки рядом с лодкой. Джиб заметил, что Друд здорово постарел. Насколько он помнил, все всегда звали болотника старым Друдом, даже когда тот был вовсе не старым, но теперь годы начали оправдывать его прозвище. Друд еще и поседел к тому же.

— Я подумал, что смогу раздобыть здесь дров, — сказал старик. — На той стороне реки осталось немного ив, но ива горит уж больно плохо.

Переваливаясь, как утка, из-за хижины вышла миссис Друд и заговорила высоким писклявым голосом:

— Мне показалось, что я тут слышу кого-то? Это молодой Джиб?

Она прищурила свои слабые глаза.

— Здравствуйте, миссис Друд, — сказал Джиб. — Рад, что вы теперь мои соседи.

— Мы вряд ли останемся здесь надолго, — сказал Друд. — Вот только наберем дров немного. Правда, дела идут медленно, никто не помогает. Дети живут своей жизнью, а я уже не могу работать, как прежде.

— Мне здесь не нравится, — сообщила миссис Друд. — Тут есть волки.

— А у меня топор. — ответил Друд. — Ни один волк не подойдет ко мне, пока со мной топор.

— Дети ведут свою жизнь, — повторил Джиб. — Когда я видел вас в последний раз, с вами были Дейв и Алиса.

— Три месяца назад Алиса вышла замуж за парня с южного конца болота. А Дейв построил себе плот. Хорошая работа. Он не позволил мне помогать, сказал, что должен сделать все сам. А потом он уплыл на восток. Мы время от времени видимся с ним и Алисой.

— У нас есть эль, — сказала миссис Друд. — Выпьете кружечку? Я и забыла спросить у вас: вы завтракали? Я все в минуту приготовлю.

— Спасибо, миссис Друд, я завтракал, а вот эля бы выпил.

— Принеси мне тоже, — сказал Друд. — Нельзя позволить Джибу пить одному.

Миссис Друд побрела в хижину.

— Да, сэр, — сказал Друд, — не так-то просто заготовить дрова. Но со временем я справлюсь. Здесь хорошие дрова, большей частью дуб и клен. Сухие, хорошо горят. И много упавших деревьев, их годами никто не трогает. Пройдет иногда караван, разведет костер, но это никак на количестве дров не сказывается. А выше по холму растут орешники-гикори с лохматой корой, это вообще лучший сорт дерева. Внизу их не часто найдешь. Но туда далеко идти...

— Сегодня я занят, — сказал Джиб, — но завтра и послезавтра я бы смог вам помочь.

— Не нужно, Джиб, я и сам справлюсь.

— Мне самому тоже нужны дрова гикори.

— Тогда другое дело. Рад буду поработать вместе с тобой. И спасибо.

— Я тоже рад.

Вернулась миссис Друд с тремя кружками эля.

— Я принесла и для себя тоже, — пояснила она. — У нас не так уж часто бывают гости. Я немного посижу с вами, пока мы выпьем эль.

— Джиб поможет мне завтра с дровами, — сказал Друд. — Мы отправимся за большими гикори.

— Гикори — хорошие дрова, — отозвалась миссис Друд.

— А я сейчас иду за новым топором, — сказал Джиб. — Старый почти весь сточился. Его мне еще отец дал.

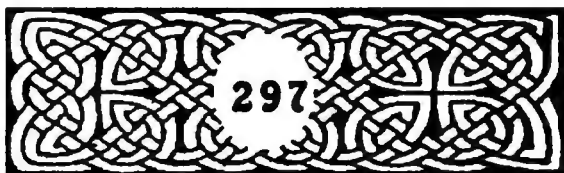
— Я слышала, твои родители у Енотовой отмели обосновались, — сказала миссис Друд.

Джиб кивнул.

— Они были там совсем недавно. Хорошее место. Там много дров, отличная рыбалка, множество мускусных крыс, а рядом и полоса с диким рисом. Я думаю, они там и останутся.

— Вы получите новый топор у гномов? — спросил Друд.

— Ну да. Пришлось немного подождать. Я говорил об этом с ними прошлым летом.

— Прекрасные работники эти гномы, — рассудительно заметил Друд. — И железо хорошее. У них сейчас обнаружена жила с отличной рудой. Все время приходят караваны и забирают у них товар. У них прекрасная репутация, и им все легко продавать. Иногда приходится слышать про гномов ужасные вещи, но наши гномы не такие. Не знаю, что бы мы без них делали. Они здесь давно уже, никто не помнит точно, сколько.

— Если сердце доброе, — вставила миссис Друд. — с соседями всегда можно ужиться.

— Гномы ведь не нашего племени, мать, — напомнил ей муж.

— Ну и что с того? Они живые существа и немногим отличаются от нас. Во многих отношениях они ближе к нам, чем люди. А народ холмов еще ближе к нам.

— Главное, — заключил Друд, — что мы все живем в мире. Люди вдвое выше нас, и у них гладкая кожа, а мы покрыты шерстью. Люди умеют писать, а мы нет. У них есть много такого, чего нет у нас, но мы не завидуем им, а они не смотрят на нас свысока. Пока мы живем мирно, все у нас в порядке.

Джиб допил свой эль.

— Мне пора, — сказал он. — Впереди долгий путь. Я должен получить свой топор и навестить отшельника.

— Я слышал, что отшельник болен, — заметил Друд. — Он уже очень стар.

— Вы хотите навестить отшельника? — переспросила миссис Друд.

— Так он сказал, — ответил ей Друд.

— Тогда погодите минутку, я кое-что пошлю ему. Кусок дикого меда, который мне дал народ холмов.

— Ему это понравится, — заметил Джиб.

Миссис Друд торопливо ушла.

— Я часто думаю, — начал болотник, — как живет отшельник. Он сидит в этой своей пещере на своем холме, никогда никуда не выходит и ничего не делает.

— К нему зато многие приходят, — ответил Джиб. — Он знает лекарства от всех болезней: от живота, от горла, от зубов.

Но не все приходят к нему только лечиться, некоторые хотят просто поговорить.

— Да, он, наверное, видится со многими.

Вернулась миссис Друд с пакетом, который она вручила Джибу.

— Приходите ужинать, — сказала она. — Неважно, если вы задержитесь в дороге, ужин я для вас сберегу.

— Спасибо, миссис Друд.

Джиб оттолкнулся от плота и поплыл по извилистой протоке. Над ним вились птицы, пролетали над самой головой, возмущенно крича.

Наконец Джиб добрался до берега, где земля крутым холмом поднималась из болота. Огромные деревья простирали ветви над водой и травой. Большой дуб рос так близко к берегу, что вода смыла землю с его корней, и теперь они, как когти, торчали над землей.

Джиб привязал лодку к корню, взвалил на плечи узлы и старый топор и начал взбираться наверх. Он шел по еле заметной тропинке, извивавшейся между двумя холмами, и скоро миновал дорогу, которой пользовались торговые караваны.

Болота теперь были полны шума, а по мере того, как Джиб углублялся в лес, тишина смыкалась над ним все плотнее. Шумела на ветру листва и изредка раздавался глухой удар: это увесистый желудь падал на землю. Ранним утром, приветствуя восход солнца, трещали в листве белки, но теперь они неслышно занимались своими делами, скользя по ветвям, как темные тени.

Подъем был крутой, и Джиб прислонился с поросшему мхом булыжнику, чтобы передохнуть. Лес ему не нравился. Попадал в него на короткое время, он всегда тосковал по болоту. Леса угрюмы и скрытны, а болото — открыто. В болоте всегда знаешь, где находишься, а тут было так легко заблудиться.

Гном Снивли спросил:

— Ты пришел за своим топором?

— Если он готов, — ответил Джиб.

— О, он был готов еще вчера, — воскликнул Снивли. —
Заходите и садитесь. Сюда нелегко забраться даже молодому.

Вход в пещеру находился на склоне холма, а перед холмом, наполовину заполняя глубокое ущелье, высилась груда земли и шлака, вдоль которой шла дорожка для тачек. Куча земли и шлака была такой старой, что на ее склонах росли большие деревья. Некоторые из них свисали в ущелье под острым углом. В глубине пещеры, уходящей далеко в гору, виднелись отблески пламени и были слышны удары молота.

Снивли направился в маленькую боковую галерею, соединявшуюся с главной, которая, в свою очередь, вела прямо в шахту.

— Тут можно посидеть спокойно, спасаясь от шума, — сказал гном. — К тому же не стоит оказываться на пути тачек, когда их повезут из шахты наверх.

Джиб положил один из узлов на полку, тянувшуюся вдоль стены галереи.

— Это копченая рыба и еще кое-что, — пояснил он. — А второй сверток — для отшельника.

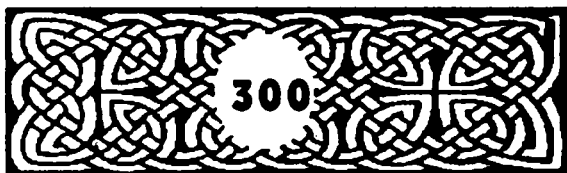
— Я отшельника уже много лет не видел, — сказал Снивли.

— Да вы садитесь на этот вот стул, я недавно заново обил его. Это очень удобный стул.

Джиб сел, а гном взял другой стул и повернул его так, чтобы сидеть лицом к гостю.

— В сущности, я только один раз был у отшельника, — продолжал он. — Зашел к нему по-соседски, занес пару серебряных подсвечников и больше уже не бывал там. Боюсь, я затруднил его, хотя он ничего такого не сказал.

— Да и не мог сказать. Он очень добрый человек.

— Не следовало бы мне так делать. Все дело в том, что я уже очень долго живу в стране людей и перестал замечать различия между ними и собой. Но для отшельника, как, наверное, и для многих людей, я — это напоминание о другом мире, к которому я принадлежу, и к которому люди все еще продолжают чувствовать отвращение или неприязнь. Веками люди и мой народ яростно и жестоко боролись друг с другом без милосердия и пощады, а к тому же, как я предполагаю, — без чести. В результате отшельник, который, как вы говорите, самый добрый из людей, не знает как себя со мной вести. Он, должно быть, знал, что я безвреден и не представляю никакой угрозы ни для него, ни для его расы, но все же чувствовал беспокойство. Если бы я был дьяволом или каким-нибудь демоном, он знал бы, как действовать. Он брызгал бы на меня святой водой или произносил заклинания. Но я ведь не дьявол, хотя каким-то неведомым путем мысли обо мне постоянно о дьяволом связываются. Все эти годы я сожалею, что посетил тогда отшельника.

— Однако подсвечники он взял?

— Да, взял и поблагодарил за них. Он слишком хорошо воспитан, чтобы швырнуть их мне в лицо. Взамен он даже дал мне кусочек золотой парчи. Вероятно, ее оставил ему какой-нибудь знатный посетитель, потому что у отшельника не могли бы найтись столько денег, чтобы купить такую дорогую вещь. Все эти годы я думаю, что же мне сделать с этой тканью. Я держу ее в сундуке и время от времени вынимаю, чтобы взглянуть. Наверное, я мог бы обменять ее на что-нибудь более полезное, но мне не хочется: все-таки это подарок, и с ним связаны какие-то чувства. Подарки не продают, особенно подарки от такого хорошего человека.

— Я думаю, что вы все это себе только вообразили, — предположил Джиб. — Я имею в виду замешательство отшельника. Я, например, не испытываю к вам таких чувств, хотя, конечно, я не человек.

— Вы ближе ко мне, — сказал гном, — и в этом вся разница. — Он встал. — Пойду-ка я и принесу ваш топор. Я хочу кое-что

вам показать. — Он похлопал по узлу, который Джиб положил на полку. — А за это я открою вам кредит. Без этого ваш кредит уже был бы исчерпан.

— Я давно хотел спросить, — сказал Джиб, — но у меня не хватало смелости. Народы болот и холмов, а также многие люди приносят вам всякое добро, и вы открываете им кредит. Значит, вы умеете писать?

— Нет, — ответил гном, — не умею. Мало кто из гномов умеет это делать. Разве что кто-то из гоблинов, особенно из тех, что живут в университете. Но мы, гномы, занимаясь торговлей, разработали свою систему знаков, и по ней ведем счет. И ведем его честно.

— Да, — согласился Джиб, — вполне честно. Даже шепетильно.

Снивли вышел и начал рыться на полках. Вскоре он вернулся с топором, насаженным на топорнице из плотной древесины гикори.

— Я думаю, — сказал он, — что он хорошо уравновешен. А если нет, принесите его обратно, и мы подправим.

Джиб с восторгом взвесил топор в руке.

— Прекрасно! — сказал он. — Если и будут нужны маленькие изменения, я сам справлюсь. — Он провел пальцем по лезвию. — Отличный топор! Если его беречь, он будет мне служить весь мой век.

Снивли был очень польщен.

— Нравится?

— Мастерская работа. Я заранее знал, что так и будет.

— Он хорошо заточен и не скоро затупится. Но осторожнее с камнями. Ни один топор не устоит против камней.

— Я буду осторожен, — ответил Джиб. — Это слишком хорошее орудие, чтобы обращаться с ним плохо.

— А теперь я хочу кое-что показать вам, — сказал гном.

Он сел и положил на колени предмет, тщательно завернутый в бумагу. Он с почтением развернул сверток.

Предмет ярко блеснул, и Джиб, как зачарованный, наклонился вперед.

Зачарованное папаничество

— Меч! — воскликнул он.

— Человеческий меч, — уточнил Снивли. — Он слишком велик и тяжел для таких, как вы или я. Это меч воина. Никаких украшений, никакого фальшивого блеска. За все время, что я здесь живу, мечи, сделанные нами, можно пересчитать по пальцам. Это — лучший из всех.

Джиб осторожно коснулся пальцем лезвия.

— Такое оружие должно иметь имя, — задумчиво сказал он. — Рассказывают, что в старину люди часто давали имена своим мечам.

— Мы тут нашли небольшое гнездо богатой руды, — сказал Снивли, — осторожно выбрали ее всю и переплавили. Такая руда встречается не часто, и ее используют для особых случаев, таких, как этот меч и ваш топор...

— Значит, мой топор...

— Ваш топор и этот меч — братья.

— Будем надеяться, что меч попадет в достойные руки, — торжественно сказал Джиб.

— Мы постараемся, чтобы так оно и было.

— А я еще принес вам свой старый топор. Его металл хорош, но лезвие так сточилось, что его невозможно как следует заострить. Но ржавчины нет. Я подумал, может, вы используете его как металл. Кредит мне за это не нужен.

Он поднял топор с пола и протянул гному.

— Хороший был топор, — подтвердил Снивли. — Вашего отца?

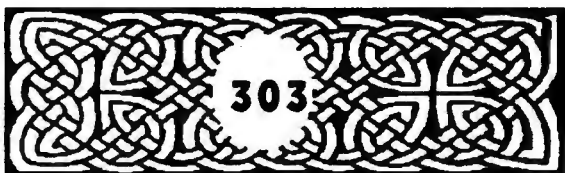
Джиб кивнул.

— Отец дал мне его, когда я построил свой плот.

— Да, мы сделали его для вашего отца. Хороший был топор. Но ваш еще лучше.

— Отец шлет вам привет, и мать тоже. Я говорил им, что увижусь с вами.

— Вы хорошо живете, — сказал гном. — Все вы обретаетесь на болотах. У вас ведь нет летописи? Как давно вы там живете?

— Мы не умеем записывать события, — ответил Джиб. — У нас есть только предания, переходящие от отца к сыну. В них, наверное, немало истины, но точно я не знаю.

— Сколько тут живут гномы, — сказал Снивли, — столько и ваш народ населяет эти болота, а поселился он здесь еще до нашего прихода. У нас есть и свои легенды о том, кто открыл здесь руды и начал строить шахты, и мы, как и вы, не знаем, что в этих легендах правда, а что — вымысел.

Джиб взвалил на плечо узел, предназначенный отшельнику.

— Я должен идти, — сказал он. — До пещеры отшельника далеко, а мне до наступления ночи нужно быть дома.

Снивли согласно кивнул:

— И правильно. В этом году развелось много волков, больше, чем когда-либо. Если вы задержитесь у отшельника, переночуйте у нас. Мы вам всегда рады.

6

Сначала Джиб подумал, что отшельника нет дома, хотя это и было весьма странно. В последние годы, состарившись окончательно, отшельник почти никогда не покидал своей пещеры. Он лишь изредка выходил, чтобы собрать корни, трав, листьев и коры, необходимых для приготовления лекарств.

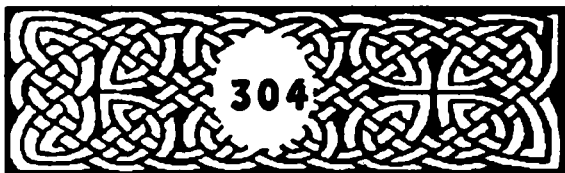
Костер в пещере не горел, и дымом из нее не пахло. Значит, огня здесь давно уже не разводили. Джиб вошел в пещеру и огляделся. К грубому тростниковому столу прилипла яичная скорлупа. Джиб взглянул в темноту в глубине.

— Отшельник, — негромко позвал он, сдерживаемый внезапным предчувствием, которого и сам как следует не понял.

— Отшельник, где вы?

В углу пещеры послышался слабый звук. Может, мышь?

— Отшельник, — повторил Джиб.

Звук повторился еще раз. Джиб осторожно направился в этот угол.

— Сюда, — слабо произнес отшельник из полутьмы. Голос его звучал не громче шелеста листвы.

Когда глаза Джиба привыкли к темноте, он разглядел низкое темное возвышение в углу и бледное лицо на нем.

— Скажите, что случилось?

Джиб склонился над тюфяком и увидел одеяло, натянутое до подбородка.

— Наклонись ближе, — произнес отшельник. — Мне трудно говорить громче.

— Вы больны? — спросил Джиб.

Бледные губы старца слегка шевельнулись.

— Я умираю. Слава Богу, что ты пришел сюда.

— Вам нужно что-нибудь? Супа? Воды? Давайте, я сварю суп.

— Слушай, — сказал отшельник. — Не разговаривай, а слушай.

— Слушаю.

— Шкаф у стены...

— Вижу.

— Ключи у меня на шее, висят на шнурке.

Джиб протянул было руку.

— Нет, подожди...

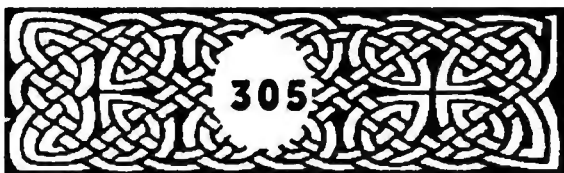
— Да.

— В шкафу... — отшельник пытался говорить, но это давалось ему с большим трудом. — Книга в коже. Ручной топор из камня. Отнеси их к епископу...

— Какому епископу?

— Епископу Башни. Это выше по реке на северо-запад. Спросишь, тебе покажут.

Джиб осторожно протянул руку и нащупал шнурок. Приподняв голову старика, он снял с его шеи маленький ключ. Потом опустил голову на подушку и подождал немного, но отшельник не шевелился. Тогда Джиб направился к шкафу.

Книга была там, маленькая книга в кожаном переплете. Рядом лежал топор.

Таких топоров Джиб никогда не видел. Этот топор был сделан из камня и заострен с одного конца. Даже будучи выточенным из камня, он был гладким, словно металлическим, и только пристально взглядевшись, можно было различить сколы, которые придавали ему форму.

В шкафу находились и другие вещи: бритва, ножницы, расческа, маленький пузырек, наполовину заполненный голубоватой жидкостью.

Джиб взял книгу и топор и вернулся к постели.

Отшельник открыл блеклые глаза и взглянул на него.

— Взял? Хорошо.

— Я отнесу их к епископу.

— Ты — Джиб? Ты был здесь раньше? — Джиб кивнул. —

Подождешь?

— Да. Могу ли я что-нибудь сделать для вас? Может, воды?

Отшельник чуть повернул голову.

— Ничего.

Джиб ждал, стоя на коленях у постели. Дыхание отшельника было таким слабым, что грудь его едва двигалась и между вдохами были долгие интервалы. Изредка волосы на верхней губе отшельника шевелились, когда он выдыхал через нос.

Один раз отшельник заговорил:

— Я стар, — сказал он. — Все прошло...

Он снова замолчал. Слабое дыхание показывало, что он еще жив. Раза два Джиб был почти уверен, что дыхание прекратилось вовсе, но затем оно снова возобновлялось.

— Джиб..

— Да.

— Оставь меня здесь, когда все будет кончено.

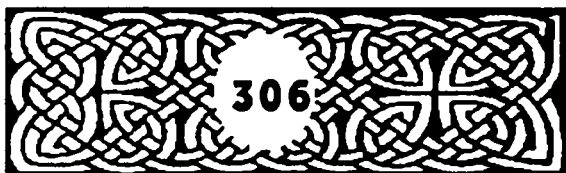
Джиб не ответил. Тишина сгущалась, но слабое дыхание еще было слышно.

Потом отшельник произнес:

— Загороди вход в пещеру. Сделаешь?

— Да.

Зачарованное одиночество

— Я не хочу, чтобы волки...

Он не закончил фразу. Джиб продолжал сидеть у его постели. Один раз он подошел к выходу и выглянул наружу. Солнце уже прошло зенит и клонилось к западу. С высоты была видна та часть болот, откуда он сегодня приплыл. Была видна и возвышенность, почти до самой реки.

Джиб вернулся и продолжил свое бдение.

Он пытался думать о чем-нибудь и обнаружил, что не может. Слишком о многом нужно было подумать, и он не мог разобратся во всех своих мыслях.

Некоторое время он сидел, не глядя на отшельника, а потом набрался храбрости и взглянул. Дыхания старца не было слышно совсем. Джиб подождал, помня, что так уже несколько раз было, но время шло, а волосы на губе не шевелились. Не было никаких признаков жизни. Джиб прижал ухо к груди отшельника и не услышал биения сердца. Он поднял веко старика: на него смотрел остекленевший глаз.

Отшельник умер, но Джиб продолжал сидеть с ним, как будто его пребывание могло отменить смерть. Теперь он мог думать. Мог ли он что-нибудь сделать для старика?

Он с ужасом вспомнил, что даже не дал умирающему воды. Он предлагал, но отшельник отказался. Может, все-таки следовало принести ему воды, оказать еще какую-нибудь помощь? Но к кому было за ней обращаться? К тому же он не мог оставить умирающего в одиночестве.

Отшельник был стар и не боялся смерти. Может, смерть была для него желанным другом. Еще сегодня утром Друд удивлялся, что может получать отшельник от жизни. На этот вопрос ответа так и не было.

Но, подумал Джиб, что-то должно было быть, иначе он не встретил бы смерть так просто.

Он вспомнил, что должен еще многое сделать сегодня, а идет уже вторая половина дня. Джиб сложил руки мертвеца на груди и закрыл его лицо одеялом, а потом отправился на поиски камней, которыми можно было бы закрыть пещеру.

Хол Из Дуплистого Дерева перебрался через изгородь и оказался в поле. Он знал, что находится в безопасности. Самогонщик со своими сыновьями был по другую сторону поля, а собаки его спали под накренившимся амбаром после ночной охоты.

Охота эта была долгой и, по-видимому, удачной. Хол и Енотус много часов просидели у своего дерева, прислушиваясь к ее звукам. Однажды собаки лаем обозначили, что загнали добычу на дерево, но енот, должно быть, ушел от них, потому что вскоре они снова пошли по следу. Несколько раз слушатели видели огоньки: это самогонщик и его сыновья шли за собаками.

Урожай в этом году удался хороший, но самогонщик со своей родней не очень-то о нем заботился. Кукурузу они проборонили только один раз, и то в самом начале роста, и в результате между рядами густо росли сорняки. Но початки тяжело выпирали из листьев, и их было больше обычного.

Хол прошел пять или шесть рядов. Хотя особых признаков этого не было, он знал, что наружные ряды подвергались ограблению со стороны енотов и белок. Потому-то самогонщик и охотился на енотов, точнее, говорил, что охотится для того, чтобы защитить свое поле от набегов. Но и шкуры енотов тоже имели определенную ценность, и их можно было продать. Самогон, шкуры енотов и свинина — продавая все это, семья ухитрялась выжить.

Хол начал быстро обрывать початки, не желая задерживаться дольше, чем будет необходимо. Выбирая те, что получше, он бросал их в свой мешок.

На краю поля пели дрозды. В роще ореховых деревьев, в их золотой оправе, стрекотали белки, хлопчущие о запасах на зиму. Хол любил осень больше всех других времен года. В эти спелые, рыжевато-коричневые дни тепла и туманной дымки земля давала плоды, и можно было ощущать в природе чувство

глубокого удовлетворения, после периода роста. Это была передышка перед наступлением холодов и приходом метелей.

Хол знал, что в этом году у него будут хорошие запасы на зиму. Орехи и зерно, сушеные ягоды, большой запас корней и семян. В ближайшие дни нужно будет еще сходить к болотам и поменять немного продуктов на сушеную рыбу у своего старого друга Джиба или у Друда. Думая об этом, он вдруг вспомнил, что давно уже не видел Джиба и сейчас с удовольствием поговорил бы с ним.

Хол взвесил мешок в руке. Он оказался тяжелее, чем думал Хол. Слишком много початков он нарвал.

Взвалив мешок на плечо, Хол решил, что сумеет унести его. Добравшись до края поля, он остановился, вглядываясь и прислушиваясь. Похоже, никого вокруг не было. Перебросив тяжелый мешок через изгородь, Хол перебрался сам, подхватил мешок и заторопился в лес.

Теперь он был в безопасности. В лесу поймать его было невозможно. В лесу он был дома. Он знал этот лес на мили и мили вокруг, знал в нем каждое дерево. Обогнув холм, он направился к большому дуплистому дереву.

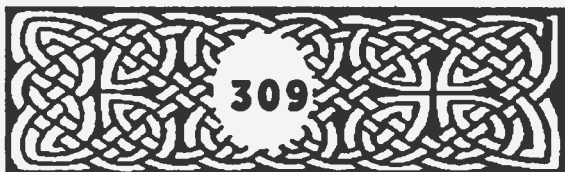
На ходу он смотрел по сторонам и безо всякого усилия подмечал многое: пылающие спелые ягоды аризоны, небольшие кусты боярышника, увешанные ягодами, которые станут съедобными после первого же мороза, вьющие растения, почти целиком закрывающие деревья, сброшенную змеиную кожу, полускрытую опавшей листвой.

Спустя полчаса он добрался до дуба — гиганта, диаметром более десяти футов у основания. В двадцати футах от земли было дупло. Линия колышков, вбитых в ствол, образовывала лестницу, по которой можно было добраться до дупла.

Ни следа Енотуса! Вероятно, бродит где-то. Едва ли, подумал Хол, он спит в дупле в это время дня.

Хол прислонил к стволу мешок, поднялся по колышкам и спустился по еще одному такому же ряду колышков, вбитых в стенки дупла изнутри. Внутри ствол был совершенно пуст. Древесина около фута в толщину окружала эту пустоту.

Зачарованное напоминание

Когда-нибудь, и Хол это знал доподлинно, ветер опрокинет дерево, и ему придется искать себе другое жилище. Но здесь, в глубине леса, ветер задерживался множеством деревьев, к тому же холм защищал дуб. Он преграждал дорогу постоянным западным ветрам. Пустота внутри ствола тянулась и вверх от дупла более, чем на двадцать футов, а местами были заметны небольшие щели, пропускавшие дневной свет. Дно дупла устилали высохшие щепки и древесная труха, в течение тысячелетий сыпавшиеся со стенок дупла.

В одном углу дупла был устроен очаг, посередине стояли стол и стулья, а у стенок — шкафы и ящики.

— Привет! — послышалось сзади.

Хол повернулся, и рука его потянулась к ножу. На краешке постели сидело сморщенное существо с большими ушами. На нем были поношенные кожаные штаны и бутылочно-зеленый жакет поверх алой рубашки. На голове гостя красовалась заостренная кверху шапочка.

— Кто вы такой? — спросил Хол. — И какого дьявола вы здесь делаете?

— Я гoblin, живу на стропилах под крышей Вайлусинского университета, — ответило существо. — Меня зовут Оливер.

— Ну, ладно, — сказал, успокаиваясь, Хол. — Но все же, что вы здесь делаете?

— Я пришел повидаться с вами, — ответил гoblin. — Вас не было в доме, а открытая местность действует мне на нервы. Видите ли, гoblin, живущий в стропилах...

— И вы решили подождать меня внутри. Счастье ваше, что тут не оказалось Енотуса.

— Енотуса?

— Это большой енот, мой друг. Он живет со мной.

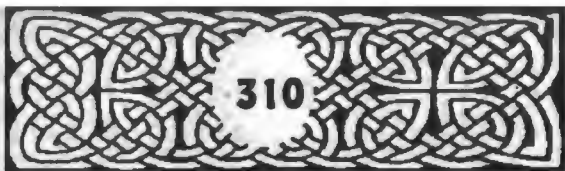
— А, домашнее животное.

— Вовсе нет. Друг.

— Вы хотите меня выставить?

— Нет, вы только сначала испугали меня. Есть хотите?

— Немного, — ответил гoblin. — Есть ли у вас сыр?

— Сыра нет, — сказал Хол. — А как насчет пшенной каши или яблок, запеченных в тесте?

— Пшенная каша — это хорошо.

— Ладно, этим и поужинаем. Мне кажется, еще осталось молоко. Я беру его у дровосека. Далековато нести, но ближе ни у кого коровы нет. А на сладкое — кленовый сок.

Гоблин даже облизнулся.

— Звучит великолепно.

— Я разожгу огонь, там еще должны быть угли. Видать, далеко вы ушли от дома, мастер гоблин.

— Я шел долго и издалека, — ответил гоблин. — Ноги у меня сбиты, а дух в смятении. Так много открытого пространства, а я к нему не привык.

Хол подошел к очагу, пошевелил пепел. Сверкнул красный уголек. Хол подложил несколько прутьев и, наклонившись, подул. Мгновенно вспыхнуло крошечное пламя, и Хол принялся подкармливать его ветками потолка.

— Ну, вот и огонь, — сказал он. — Надо принести мешок, но это можно сделать и позже. Может, вы мне поможете?

— С удовольствием, — сказал Оливер.

Хол подошел к шкафу, достал чашку и деревянную ложку, из мешка насыпал в чашку пшена.

— Вы сказали, что пришли повидаться со мной.

— Да, мне посоветовали повидать Хола Из Дуплистого Дерева. Как рассказывают, вы знаете все, что происходит вокруг. Вы знаете леса и все, что творится в них. Дровосек объяснил мне, как найти ваше дерево. Может, это тот самый дровосек, у которого есть корова, хотя никакой коровы я у него не заметил.

— О чем же вы хотите меня спросить?

— Я ищу человека, ученого по имени Корнуэлл. Я слышал, он ушел с караваном на север. Очень важно найти его.

— Почему?

— Потому что он в опасности, гораздо большей, чем я думал.

Солнце село, но даже здесь, среди деревьев, тьма еще не наступила. Небо на востоке ярко пылало закатным пламенем.

Джиб торопился. Ему оставалось пройти не меньше мили, а в это время года ночь наступает быстро. Тропа вела вниз по склону, и идти приходилось осторожно, чтобы не запнуться о выступающий корень или не налететь на камень.

Джиб остановился у шахты гномов, чтобы сообщить Снивли, что отшельник умер, но оставаться ночевать отказался. Ему хотелось попасть домой. Он знал, что гномы повсюду разнесут известие о смерти отшельника и добавят, чтобы никто не трогал стену, которая, закрыв вход в пещеру, превратила ее в могилу.

Тьма стала гуще, когда Джиб начал спуск, который должен был вывести его к караванной дороге. Тут он впервые услышал рычание, и этот звук испугал его. Джиб остановился и прислушался, но звук исчез, и теперь Джиб не был вполне уверен, что слышал его. Но тут же послышался еще и другой звук — полурек, полувои, а также страшные звуки, с которыми зубы рвут живую плоть.

Волки, подумал он.

Почти инстинктивно Джиб закричал яростно и громко, поднял топор и бросился вниз по тропе. Позже, думая об этом, он решил, что это было единственным выходом в таком положении.

Пытаясь отступить или обойти волков, он бы тем самым спровоцировал их нападение, как бы он ни старался остаться незамеченным. Теперь же он совсем не думал, а просто кричал и бежал вперед.

Вырвавшись из густого подлеска, который рос по обе стороны тропы, на дорогу, он увидел, что же произошло. Чтобы понять это, достаточно было одного взгляда. На дороге лежали тела людей и лошадей, а над ними стояла стая волков, огромных зверей, которые тут же оторвались от своего пира и повернули головы к Джибу.

И еще кое-что он заметил: одного-единственного оставшегося в живых человека. Тот стоял на коленях и пытался на последних сил оттолкнуть от себя громадного волка.

С яростным криком, высоко подняв топор, Джиб бросился на этого зверя. Тот попытался отскочить, но человек на дороге мертвой хваткой вцепился в него. Топор обрушился на череп волка, пробив его. Волк упал, его задние ноги задержались. Человек тоже упал лицом вниз.

Джиб повернулся к остальным зверям. Они отступили на шаг-два, но уходить не собирались. Сначала они глухо рычали, потом некоторые из них стали медленно приближаться. Джиб быстро шагнул прямо на них, размахивая топором. Волки отступили. Их было восемь или десять. Впрочем, Джибу некогда было считать их. Ростом каждый из волков был с него, их головы находились на одном уровне с его головой.

Джиб знал, что затишье продлится недолго. Сейчас волки оценивают положение, но еще немного — и они набросятся на него и соьют с ног. Бежать было бесполезно: его бы все равно сразу догнали.

И тогда Джиб сделал единственно возможное — с диким воплем бросился вперед, направляясь к большому серому волку, которого он принял за вожака стаи. Испуганный волк повернулся, пытаясь убежать, но топор угодил ему в плечо и свалил на землю. Другой волк прыгнул на Джиба, и тот быстро повернулся к нему лицом. Топор описал короткую дугу и встретился с мордой зверя. Волк упал и покатился по земле.

И тут вся остальная стая исчезла, бесследно растаяв в густом подлеске.

Все еще с силой сжимая топор, Джиб повернулся к человеку, который сражался с волком. Схватив его за плечи, Джиб приподнял его и потащил по тропе, ведущей к болотам. Человек был тяжелый, но худшее все же осталось позади. Тропа круто спускалась вниз, и Джибу могло хватить сил, чтобы тащить человека дальше. Он знал, что волки вернутся не сразу.

Добравшись до откоса, Джиб сильно толкнул человека, тот покатился и упал в воду. Джиб быстро спустился следом за ним

и, подхватив человека под мышки, посадил прямо на землю. Он знал, что теперь они в безопасности. Добычи для волков хватит, и вряд ли они пойдут по их следам. Но даже в таком случае, волки вряд ли полезут в воду.

Спасенный поднял руку и схватил Джиба, как будто собираясь бороться с ним. Джиб потряс его за плечо.

— Постарайтесь сидеть спокойно, — сказал он. — Я пойду за лодкой.

Он знал, что лодка где-то рядом. Конечно, она не выдержит тяжести человека, но если использовать ее как опору, то лодка не даст ему утонуть. Если Друд не уплыл, то до него должно быть совсем близко.

9

Небо над головой было глубокого синего цвета и совершенно чистое. И он его видел. Он лежал на чем-то мягком и слегка покачивался. Слышался звук, похожий на слабый монотонный плеск воды.

Он хотел повернуть голову, поднять руку и попытаться узнать, где он. Но что-то говорило ему, что не нужно подавать признаков жизни и привлекать к себе внимание.

Он вспомнил рычащую морду, оскаленные клыки, ощутил грубую жесткую шерсть под руками, когда он удерживал чудовище, напавшее на него. Воспоминание было смутным, и он не мог бы сказать, происходило это на самом деле или только привиделось ему.

Он лежал тихо, борясь с желанием шевельнуться, и старался думать. Несомненно, он не на том месте, где в действительности или в фантазии сражался с волками. Там над тропой нависали деревья, здесь же никаких деревьев не было.

Что-то зашумело совсем рядом и выше. Медленно повернув голову, он увидел птицу, раскачивающуюся на стебле камыша. Птица цеплялась за стебель когтями, стараясь сохранить рав-

новесие. Расправив крылья, она крикнула, глядя на него глазами-бусинками.

Послышались легкие шаги. Он слегка приподнялся и увидел маленькую женщину, коренастую и полную, в пестром платье, с волосатым лицом.

Она подошла и остановилась над ним.

Он опустил голову на подушку и посмотрел на нее.

— У меня есть суп, — сказала женщина. — Вы пришли и себя, и я принесу вам супу.

— Мадам, я не знаю...

— Я миссис Друд. Вы потеряли много сил и должны поесть супу.

— Где я?

— На плоту посередине болота. Здесь вы в безопасности. Никто сюда не доберется. Вы среди народа болот. Знаете о таком?

— Я слышал о вас, — сказал Корнуэлл. — Я помню, что были волки...

— Джиб вас спас от волков. У него теперь новый топор, который он только что получил от гномов.

— Джиб здесь?

— Нет, он пошел собирать моллюсков. Я хочу сделать для вас плов с моллюсками. А сейчас у меня есть суп с уткой. Будете есть? В нем много мяса.

И она ушла, переваливаясь.

Корнуэлл приподнялся на локте и увидел, что левая рука у него перевязана. Он с трудом сел и протянул руку к голове. Рука коснулась повязки.

Прошлое возвращалось к нему, и он знал, что скоро сможет восстановить всю картину.

Он взглянул на болото. Судя по положению солнца, сейчас было позднее утро. Болото простиралось во все стороны, кое-где, должно быть, на островах, росли деревья. Где-то далеко из травы и тростника вырвалась стая птиц, взлетели в небо, с военной точностью совершила разворот и вернулась на прежнее место.

Из-за поворота показалась лодка и направилась по протоке к плоту. Седой болотник сидел на корме. Толчком весла он подогнал лодку к плоту.

— Я — Друд. — представился он Корнуэллу. — А вы выглядите гораздо лучше, чем вчера.

— Я себя хорошо чувствую, — ответил Корнуэлл.

— Вас здорово ударили по голове, а руку порвал волк.

Друд привязал лодку к плоту, подошел к Корнуэллу и присел рядом с ним на корточки.

— Повезло вам, — сказал он. — Все остальные мертвы. Мы утром весь лес обшарили. Ни один не ушел. Бандиты, вероятно. Но издалека. В этих местах по холмам тоже бродили бандиты, но это было давно, и уже много лет о них ничего не слыхали. Что вы везли?

Корнуэлл покачал головой.

— Я толком и не знаю. Разные товары. Вероятно, по большей части ткани. Я всего лишь пристал к этому каравану. Из хижины показалась миссис Друд с чашкой.

— А вот и ма, — сказал Друд. — Она несет вам суп. Ешьте, сколько можете. Вам нужно поесть.

Женщина протянула Корнуэллу ложку, держа чашку перед ним почти у самого рта.

— Начинайте. С одной рукой вы не сможете и есть, и держать чашку.

Суп оказался горячим и очень вкусным. Проглотив одну ложку, Корнуэлл почувствовал сильный голод. Он постарался припомнить, когда ел последний раз, и не смог.

— Приятно смотреть, когда хорошо едят, — заметил Друд. Корнуэлл опустошил чашку и положил в нее ложку.

— Хотите еще? — спросила ма. — Супа в котле еще много. Корнуэлл покачал головой.

— Нет, спасибо. Вы очень добры.

— А сейчас ложитесь, — сказала она. — Вы слишком долго идёте. Можете лежать и разговаривать с па.

— Я не хочу быть для вас обузой. Я и так уже многим обязан вам. Я уйду, как только повидаю Джиба и поблагодарю его.

— Никуда вы не пойдете, — сказал па. — Вы еще не в форме. Мы рады, что вы у нас, и никакая вы не обуза.

Корнуэлл улегся на бок лицом к болотнику.

— Как тут хорошо, — сказал он. — Вы давно здесь живите?

— Всю жизнь. И отец мой тут жил, и его отец, да и все мои прочие предки. Мы — болотный народ, и много не путешествуем. А вы как? Далеко ли ваш дом?

— Далеко. Я пришел с запада,

— Там дикая страна, — заметил Друд.

— Да, дикая.

— И вы возвращаетесь туда?

— Можно сказать и так.

— А вы не очень-то разговорчивы, — сказал Друд.

— Может, мне просто нечего сказать.

— Да я не в обиде. Джиб может вернуться с минуты на минуту.

Он встал и повернулся, собираясь уходить.

— Минуточку, мастер Друд, — сказал Корнуэлл. — Спасибо вам за все.

Друд кивнул, улыбаясь.

— Все в порядке, молодой человек. Будьте как дома.

Солнце, поднимавшееся все выше, начало приятно пригревать. Корнуэлл закрыл глаза и тут же вспомнил: неожиданное нападение из леса, туча стрел и сверкание лезвий. Все было сделано тихо, без криков и боевых кличей.

Большинство его спутников погибло сразу — стрелы попали прямо в сердце.

Как ему удалось выжить? Он мало что запомнил: удар по голове, инстинктивное движение, отводящее этот удар, падение. Он помнил, как упал с лошади, но не помнил, как коснулся земли. Может, он упал в густой подлесок? У тропы заросли были очень густыми. Его сочли мертвым или вообще не заметили.

Услышав рядом какой-то звук, Корнуэлл открыл глаза.

К плоту приближалась еще одна лодка. В ней сидел молодой болотник, а перед ним в середине лодки стояла корзина, доверху наполненная моллюсками.

Корнуэлл сел.

— Вы, должно быть, Джиб? — спросил он.

— Верно, — ответил болотник. — Рад, что с вами теперь все в порядке.

— Меня зовут Марк Корнуэлл. Мне сказали, что вы спасли мне жизнь.

— Рад, что смог это сделать. Я поспел как раз вовремя. Вы юлыми руками сражались с волком. Помните это?

— Очень смутно.

Джиб выбрался из лодки и перенес корзину на плот.

— Прекрасная еда, — сказал он. — Любите?

— Да.

— Такую, как у миссис Друд, вам пробовать не доводилось.

Он подошел ближе и остановился рядом с Корнуэллом.

— Мы с Друдом ходили туда утром и нашли семь тел. С них снимали все ценное: ни ножей, ни кошельков. И товары все исчезли, даже седла с лошадей сняты. Работа бандитов.

— Не уверен, — возразил Корнуэлл.

— Как это?

— А вот послушайте. Вы спасли мне жизнь, и я в долгу перед вами. Все, что я могу, это рассказать вам правду. Друд расспрашивал меня, но ему я ничего не сказал.

— Друду можете верить, — сказал Джиб, — как и любому болотнику. И не нужно мне ничего рассказывать.

— Мне кажется, что это необходимо. Я не торговец, а студент университета в Вайлусинге. Я украл в университетской библиотеке один документ, а некий гoblin предупредил меня, что мне лучше бежать подальше, потому что документ захотят у меня забрать. Я заплатил торговцам и отправился с их караваном.

— Вы думаете, на караван напали, чтобы избавиться от вас или заполучить документ? Они его забрали?

Зачарованное паломничество

— Не думаю, — сказал Корнуэлл. — Снимите с меня правый ботинок, одной рукой мне не справиться. — Джиб наклонился и стянул с него башмак. — Суньте туда руку.

Джиб повиновался.

— Там что-то есть! — воскликнул он.

— Это он, — сказал Корнуэлл.

Он с трудом развернул листок пергамента и показал его Джибу.

— Я же не умею читать, — сказал Джиб. — И ни один болотник этого не умеет.

— Это — латынь, — пояснил Корнуэлл.

— Не пойму, как он у вас сохранился. Ведь вас должны были обыскать.

— Нет, полагаю, не должны были. Они же думали, что документ и так у них. Я спрятал копию, но спрятал так, чтобы ее легко могли найти.

— Но если вы оставили копию...

— Не точную копию, а слегка измененную. Если бы я изменил ее слишком сильно, они заподозрили бы что-нибудь и смогли бы догадаться о подлоге. Вряд ли это возможно, но все же... Им нужен был не документ, а я. Кому-то нужно меня убить.

— Вам не следовало бы все это доверять мне, — задумчиво сказал Джиб.

— Нет, следовало. Ведь если бы не вы, я бы уже был мертв. Если я останусь у вас, вы тоже можете оказаться в опасности. Подвезите меня к берегу, и я исчезну. Если вас будут допрашивать, скажите, что и в глаза меня не видели.

— Нет.

— Что — нет?

— Я не отвезу вас на берег. Никто не знает, что вы здесь. Никто ничего не видел, а я никому ничего не говорил. Во всяком случае — сейчас они вас считают мертвым.

— Вероятно.

— И вы останетесь с нами, пока совсем не поправитесь, а потом уж можете идти куда захотите.

- Я не могу долго ждать. Передо мной — далекий путь.
- И передо мной тоже, — сказал Джиб.
- И вы тоже уходите? Я думал, что ваш народ никогда не покидает болот. Друд говорил мне...
- Обычно так оно и бывает. Но в холмах жил старик-отшельник. Перед смертью он дал мне книгу и ручной топор и попросил отнести их некоему епископу из Башни...
- На северо-запад отсюда?
- Так мне сказал отшельник. Вниз по реке на северо-запад. Вы знаете епископа из Башни?
- Слышал о нем. Это на границе с Дикими Землями.
- Дикие Земли? Очарованный Мир?
- Верно, — сказал Корнуэлл. — Я иду туда.
- Значит, мы сможем пойти вместе?
- Корнуэлл кивнул.
- До Башни — да. Но я пойду еще дальше.
- Вы знаете дорогу? — спросил Джиб.
- К Башне? Нет, только общее направление. есть карты, но не очень надежные.
- У меня есть друг, — сказал Джиб: — Хол Из Дуплистого Древа. Он много путешествовал. Может, он пойдет с нами и покажет дорогу.
- Хорошенько подумайте, прежде чем принять решение, — предупредил Корнуэлл. — Меня уже пытались убить, могут попытаться и еще.
- Но ведь вас считают мертвым.
- Да, сейчас это так. Но в пути будет много глаз и много языков, нас заметят и будут о нас говорить.
- Если Хол пойдет с нами, мы будем пробираться без дорог, лесами. Мало кто сможет нас увидеть.
- Похоже, вы хотите идти со мной, даже зная...
- Мы, болотники, робкий народ, — сказал Джиб. — Вне болот мы не чувствуем себя в безопасности. Мне не хочется идти, но с вами и Холлом...
- Вы хорошие друзья с Холлом?

— Он мой лучший друг, и мы часто навешаем друг друга. Он моего возраста, но сильнее меня и знает лес. Он ничего не боится, ходит на поля и огороды...

— Похоже, он подходящий попутчик.

— Да, — подтвердил Джиб.

— Вы думаете, он пойдет с нами?

— Пойдет. Он не из тех, кто отказывается от приключений.

10

Гном Снивли сказал:

— Значит, вы хотите купить меч? И зачем он вам? Он не для таких, как вы, и вы вряд ли сумеете поднять его. Он сделан для человека. Это же не игрушка, а оружие воина.

— Мы с вами давно знакомы, — сказал Джиб. — Вы знаете нас, болотников, да и народ холмов тоже. Могу я говорить с вами по секрету?

Снивли дернул ушами и почесал в затылке.

— Могли бы и не спрашивать. Мы, гномы, на болтуны. Мы деловые создания, а не сплетники. Мы слышали многое, но ни треплемся об этом повсюду. Болтун создает почву для неприятностей, а нам это ни к чему. Вы хорошо знаете, что мы живем в мире людей с их молчаливого согласия лишь потому, что занимаемся своими делами и не суемса в чужие. Инквизиции рыщет вокруг, но редко действует против нас, как будто мы невидимы. Но стоит нам стать хоть чуточку заметнее, как тут же найдутся доносчики, и начнется ад. Может, вам и не следует мне ничего рассказывать, если это связано с опасностью для нас?

— Не думаю, — ответил Джиб. — если бы я так думал, ты не пришел бы. Мы, болотники, нуждаемся в вас, и вот уже много лет вы честно ведете с нами дела. Вы, конечно, слышали о нападении на торговый караван два дня назад?

Снивли кивнул.

— Это грязное дело. Ваш народ похоронил погибших?

— Мы похоронили то, чт от них осталось, и сравняли могилы с землей, а мертвых животных оттащили далеко в болото, чтобы не оставить и следа от случившегося.

Снивали снова кивнул.

— Это хорошо. Конечно, пропажу каравана обнаружат, и власти начнут расследование, впрочем, не очень тщательное, потому что здесь, в пограничных районах, чиновники чувствуют себя плохо. Если найдутся явные доказательства, им придется вести расследование дальше, и это будет плохо. Никто из нас — ни люди, ни вы, ни народ холмов — не хочет, чтобы здесь рыскали эти ищейки.

— Мне не нравится, что мы не смогли произнести нужных слов над их могилами, — добавил Джиб. — Мы не знаем этих слов, да даже если бы и знали, у нас некому их произносить. Мы похоронили их без исповеди.

— Они умерли без исповеди, — поправил его Снивали. — Но в любом случае это глупости.

— Возможно, — согласился Джиб, — но не больше, чем многие наши обычаи.

— Это возвращает нас к вопросу о мече.

— Не все были убиты, — сказал Джиб. — Я наткнулся на караван и нашел одного из людей еще живым. Это ему нужен меч.

— У него был меч, и его отобрали.

— И меч, и нож, и кошелек. Убийцы забрали товары и ограбили тела погибших. Мне кажется, у него был не очень короший меч, меч его предков. А теперь ему понадобится короший.

— У меня есть и другие мечи, — сказал Снивали.

Джиб покачал головой.

— Ему нужен наилучший из всех. Он отправляется в Дикие Земли на поиски древних.

— Это безумие! — воскликнул Снивали. — Может быть, никаких древних не осталось вовсе. Мы, гномы, слышали старые

легенды о них, но это только легенды. Даже если он их и найдет, какая ему от этого польза?

— Он хотел бы поговорить с ними. Он — ученый, и он собирается...

— Никто не может разговаривать с древними, — прервал Снивли. — Никто не знает их языка.

— Много лет назад, может, и тысячу лет назад один человек жил с древними некоторое время и описал их язык. Во всяком случае, сообщил несколько слов из их языка.

— Еще одна легенда, — фыркнул Снивли. — если бы древние встретили человека, они разорвали бы его на части.

— Не знаю, — сказал Джиб. — Я лишь повторяю то, что говорил мне Марк.

— Марк? Так зовут этого вашего спасенного?

— Марк Корнуэлл. Он пришел с запада и последние шесть лет провел в университете Вайлусинга. Там он украл документ...

— Значит, он вор?

— Не столько вор, сколько первооткрыватель. Документ был спрятан в течение столетий и никто о нем не знал. Там продолжалось бы и дальше, если бы не Марк.

— Вот что пришло мне в голову, — сказал Снивли. — Ты показал мне книгу и топор, которые вам дал умирающий отшельник, чтобы передать их некоему епископу. Может, вам с Марком совершить совместное путешествие?

— Мы именно так и намерены поступить, — ответил Джиб. — Мы с Марком идем к епископу Башни, а потом он сам отправится в Дикие Земли.

— А вы не думаете и туда пойти с ним вместе?

— Я думал об этом. Но Марк мне не позволит.

— Надеюсь на это, — сказал Снивли. — Вы знаете, что такие Дикие Земли?

— Очарованный мир, — ответил Джиб.

— Это последняя территория Братства.

— Но вы...

— Да, мы тоже из Братства и живем здесь потому, что это — пограничные земли. Конечно, тут живут и люди — мельники, дровосеки, углежог, мелкие фермеры, самогонщики. Правительство и церковь не занимаются нами. Вы когда-нибудь видели земли к югу и к востоку отсюда?

Джиб покачал головой.

— Там вы с трудом найдете хоть одного из нас, — сказал Снивли. — Возможно, кто-то и живет там тайно, но не так открыто, как мы. Большинство изгнаны оттуда и отступили на Дикие Земли. Как нетрудно догадаться, они ненавидят человечество. Живут там и те, кто никогда не уходил оттуда и продолжает придерживаться старого образа жизни.

— Но вы-то ушли.

— Несколько веков назад группа гномов нашла выход руды в этом холме. Бесчисленные тысячелетия гномы были кузнецами и шахтерами, и вот мы маленькой группой переселились сюда. И не жалею об этом. Но если эта так называемая человеческая цивилизация придет сюда, мы будем вынуждены уйти.

— Однако люди путешествовали по Диким Землям, — сказал Джиб. — Один такой путешественник и написал книгу, которую читал Марк.

— У него, должно быть, был могучий талисман. У вашего друга есть такой талисман?

— Не думаю. Он никогда о нем не упоминал.

— Тогда он и в самом деле безумен. Его нельзя извинить даже, если он ищет сокровища... Все, что он хочет, это увидеться с древними. А что он с ними будет делать?

— Тот путешественник тоже не искал сокровища. Он просто шел, чтобы посмотреть новые места.

— Значит, и он был безумцем. Вы уверены, что вашего друга нельзя отговорить?

— Да уж, его не остановить!

— Тогда ему в самом деле нужен меч.

— Значит, вы продадите его мне? — обрадовался Джиб.

— Продам? А вы знаете, сколько он может стоить?

Зачарованное паломничество

— У меня есть кредит, — напомнил Джиб, — и у Друда тоже. И другие в болотах захотят...

— Возьмите три таких болота, как ваше, и у них не найдется достаточно кредита, чтобы купить этот меч. Знаете ли вы, какое мастерство и какая магия потребовались для его изготовления?

— Магия?

— Да, магия! А вы что думали, что такое оружие можно изготовить лишь при помощи рук и огня, молотом на наковальне?

— Но мой топор...

— Ваш топор сделан с большим искусством, но в нем нет ни капли волшебной силы.

— Мне жаль, что я напрасно побеспокоил вас, — грустно сказал Джиб.

Снивли фыркнул и шевельнул ушами.

— Вы меня не побеспокоили. Вы мой старый друг, и я не стану продавать вам меч. Я отдам его просто так. Понимаете, отдам. И добавлю пояс с ножнами. Думаю, что у этого вашего человека нет ни того, ни другого. И еще — щит, он ему тоже понадобится. Ведь у него и щита нет.

— Нет. У него вообще ничего нет. Но я не понимаю...

— Вы недооцениваете мою дружбу с народом болот. Вы недооцениваете мою гордость от того, что оружие моей работы будет противостоять ужасам Диких Земель. Вы недооцениваете мое восхищение маленьким, слабым человеком, который из рода своих занятий знает, что такое Дикие Земли, и все же готов встретиться с их обитателями.

— Я все равно не понимаю вас, — сказал Джиб. — Но все равно спасибо.

— Я принесу меч, — торжественно сказал Снивли.

Он встал, но в этот момент другой гном в кожаном переднике и с руками и лицом, измазанными сажей, бесцеремонно вбежал в комнату.

— У нас посетители! — истошно завопил он.

— А почему такой шум из-за посетителей? — раздраженно осведомился Снивли. — Они бывают у нас часто.

— Но ведь один из них — гоблин! — выкрикнул второй гном.

— Один из них гоблин. Ну, и что?

— А то, что ближайшие гоблины живут у Кошачьей Берлоги, это в двадцати милях отсюда.

— Здравствуйте, — сказал, входя, Хол Из Дуплистого Древа. — Из-за чего шум?

— Здорово, Хол! — обрадовался Джиб. — А я как раз собираюсь к тебе.

— Можешь вернуться со мной, — ответил Хол. — Как поживаете, Снивли? Я привел путешественника. Его зовут Оливер. Он — гоблин со стропил.

— Добрый день, Оливер, — вежливо поприветствовал Снивли. — Не скажете ли, что такое гоблин со стропил? Я слышал о самых разных гоблинах...

— Просто я живу в стропилах под крышей университетской библиотеки в Вайлусинге, — ответил Оливер. — А сюда я пришел по делу.

Енотус, которого до того никто не заметил, спокойно вышел из-за спины Хола, напрямик направился к Джибу и вспрыгнул к нему на колени. Он ткнулся носом в его шею и осторожно пожевал его ухо. Джиб похлопал его по спине.

— Перестань, — сказал он. — Усы щекочутся, да и зубы у тебя острые.

Енотус продолжал жевать.

— Просто он тебя любит, — сказал Хол.

— Мы слышали о гибели торгового каравана, — сообщил Оливер. — Это известие вселило в меня страх, и мы пришли расспросить о подробностях.

Снивли ткнул пальцем в Джиба.

— Он может вам все рассказать. Одного человека из каравана он нашел живым.

Оливер повернулся к Джибу.

— Один из людей был жив? Он жив до сих пор? Как его зовут?

— Он еще жив и зовут его Марк Корнуэлл.

Оливер медленно сел прямо на пол.

Зачарованное паломничество

— Слава всем силам, — пробормотал он. — А он здоров?

— Его ударили по голове и ранили в руку, но и голова, и рука уже заживают. А вы — тот гоблин, о котором он мне рассказывал?

— Да, тот самый. Я посоветовал ему найти какой-нибудь караван и уходить с ним. Но тогда я еще не знал, кому проклятый монах продал информацию. Впрочем, это не принесло ему большого дохода: утром его нашли с перерезанным горлом.

— Что же такое происходит? — пропищал Снивли. — Что это за разговоры о перерезанных глотках и бегствах? Мне все это не нравится.

Оливер наскоро пересказал ему обо всем, что произошло.

— Я чувствую ответственность за этого парня, — сказал он — В конце концов, я вмешался в это дело...

— Но кому монах рассказал о рукописи?

— В этом-то все и дело, — ответил Оливер. — Этот человек называет себя Лоуренсом Бекеттом и выдает себя за торговца. Я не знаю, как его настоящее имя, да это и не так уж важно. Важно, что он не торговец, а агент инквизиции и самый гнусный негодяй на всех пограничных землях.

— Но инквизиция, — сказал Снивли, — это...

— Да, конечно, — прервал его Оливер. — Вы все знаете, что это такое. Считается, что это вооруженная рука церкви, направленная против ереси. Кстати, точного определения ереси еще никто пока так и не дал. Когда агенты инквизиции — плохие люди, а они почти всегда именно такие, они сами себя объявляют законом. Никто не может считать себя в безопасности от них, ни одно самое низкое коварство...

— Вы думаете, что это Бекетт и его люди вырезали караван? — спросил Джиб.

— Вряд ли они сами пошли на это. Но я уверен, что организовано это Бекеттом, приказ отдал он.

— В надежде убить Марка?

— С единственной целью — убить Марка! Предполагали, что должны быть убиты все. Вы говорите, что они Марка

ограбили, сняв с него все ценное. Значит, они сочли его мертвым. Хотя вряд ли им было известно, что цель нападения — убийство лишь одного человека.

— Они не нашли документа. Марк прятал его в ботинке.

— А они и не искали. Бекетт считает, видимо, что документ у него. Он украл его из комнаты Марка.

— Подделка, — сказал Хол: — Копия.

— Верно, — подтвердил Оливер.

— И вы пришли предупредить Марка, пока не поздно? — спросил Джиб.

— Я чувствовал ответственность за него. Но я опоздал, и он остался жив не благодаря мне.

— Как мне кажется, — заметил Снивли, — ключ ко всему происходящему заключен в содержании копии, которая оказалась у Бекетта. Не перескажите ли вы нам его?

— Охотно, — согласился Оливер. — Мы писали ее вместе, и я все хорошо помню. Мы еще радовались, как все аккуратно получается. Кое-что мы оставили как было, ведь монах рассказывал, что был найден пергамент о путешествии по Диким Землям. Я убежден, что большая часть этих рассказов — небылицы. Сомневаюсь даже, был ли автор когда-нибудь в Диких Землях. Но как бы то ни было, мы оставили почти все, убрав только упоминание о древних, а на это место поместили легенду, найденную Марком в одном из давно забытых трактатов. Это легенда о тайном университете, где хранится множество невероятно древних книг и сокровищ, содержащая также намек, что университет этот в области Диких Земель. Будто бы Тэйлор слышал о нем...

— Вы что, с ума сошли! — взвыл Снивли. — Да знаете ли вы, что вы наделали? Из всех дурацких идей...

— А в чем дело? — спросил Оливер. Что все это значит?

— Вы слабоумный! — закричал Снивли. — Кретин! Вы должны были знать! Такой университет есть! — Он остановился и посмотрел на Джиба и Хола. — Вы двое не знаете. За пределами Братства никто не знает. Это — древняя тайна, и она

священна для нас. — Он схватил Оливера за плечи и рывком поставил на ноги. — Но как вы-то не знали?

Оливер попытался высвободиться из захвата.

— Я никогда не слышал об этом. Я всего лишь гоблин со стропил, кто мог сказать мне? Мы с Марком решили, что это все выдумка.

Снивли отпустил гоблина. Енотус на коленях у Джиба заскулил.

— Я никогда не видел вас таким расстроенным, — сказал Хол, обращаясь к Снивли.

— Я имею на это право, — ответил гном. — Толпа дураков, сборище глупцов, наткнувшееся на эту тайну, от которой нужно держаться подальше... Но что хуже всего — об этом узнал агент инквизиции! Ему подсунули выдумку, которая оказалась на самом деле правдой. И что же он будет делать? Я знаю что прямоком отправится в Дикие Земли. Не за сокровищами, которые там упомянуты, а за древними книгами. Неужели вы не понимаете, какая слава ждет набожного человека, нашедшего древние языческие книги и предавшего их огню?

— Но, может, он не найдет их? — с надеждой сказал Джиб. — Может, ему это не удастся?

— Конечно, не удастся, — подтвердил Снивли. — У него нет ни одного шанса. Все черберы Диких Земель пойдут по его следам, и если он выживет, то лишь при исключительным везении. Но много столетий здесь был мир между людьми и Братством, а это происшествие разожжет тлеющий огонь. Пограничные земли перестанут быть безопасными. Снова начнется война.

— Меня удивляет одно, — сказал Джиб. — У вас не было возражений против путешествия Корнуэлла в Дикие Земли. Вы конечно, считали это глупостью, но и только. Вы даже восхищались его храбростью и хотели отдать ему меч...

— Послушайте, друг мой, — проникновенно сказал Снивли. — Есть огромная разница между одиноким ученым, идущим в Дикие Земли из интеллектуального любопытства, и ставленниками церкви, вторгающимися туда с огнем и мечом. Для

ученого, возможно, даже существует шанс вернуться оттуда живым, хотя он и не был бы в полной безопасности. В Диких Землях есть такие обитатели, от которых лучше бы держаться подальше, но ученого терпели бы, поскольку он не нес бы опасности тамошним жителям. Он не нес бы с собой войну, и, если бы его убили, то убили бы тихо, так, что никто не знал бы, когда и как это случилось. Он мог бы даже вернуться назад. Теперь вы видите разницу?

— Пожалуй, да, — признал Джиб.

— А что теперь? — продолжал Снивли. — Вы собираетесь в путь, чтобы отнести епископу Башни книгу и топор, данные вам отшельником. Ваш драгоценный ученый будет сопровождать вас, а затем пойдет дальше, в Дикие Земли. Я вас правильно понял?

— Да, — согласился Джиб.

— Вы сами не собираетесь идти с ним в Дикие Земли?

— Вообще-то, не собирался.

— Но я-то собираюсь, — заявил гоблин. — Я стоял в самом начале этого дела и хочу видеть, каким будет его конец. Не для того я забрался так далеко, чтобы повернуть назад.

— Вы говорили мне, что боитесь открытых пространств, — сказал Хол. — Даже как-то называли это...

— Агорафобия. У меня она есть по-прежнему. Я дрожу на открытом пространстве, и небо над головой угнетает меня. Но все равно я пойду с ним. Я начал это дело в Вайлусинге и не могу повернуть с половины пути.

— Вы там будете чужаком, — предупредил Снивли, — наполовину из Братства, наполовину нет. Опасность будет для вас весьма реальной, почти такой же, как для человека.

— Я знаю это, — сказал Оливер, — и все же пойду.

— А что это ты должен нести к епископу Башни? — спросил Хол у Джиба. — Я об этом не слышал.

— Я как раз хотел попросить, чтобы ты показал нам дорогу, — ответил Джиб. — Я боюсь, что мы заблудимся, а ты должен ее знать.

— Я никогда там не был, — сказал Хол, — но знаю те холмы. Придется идти без дорог и троп, раз туда же направился и агент инквизиции. Пока о нем ничего не было слышно.

— Если бы он проходил здесь, — сказал Снивли, — я бы об этом знал.

— Когда вы выходите? — спросил Хол.

— Через несколько дней. Марк должен попрощаться, а я обещаю Друду помочь с заготовкой дров.

Снивли покачал головой.

— Мне это не нравится, очень не нравится. Я предчувствую неприятности. Но если человек пойдет, у него должен был меч, именно этот меч. Я уже пообещал его, и жалок будет тот день, когда гном не исполнит своего обещания.

11

Первые пять дней пути стояла прекрасная осенняя погода. Листья медленно окрашивались в золотой, кроваво-красный, коричневый и розовый цвета такой красоты, что захватывало дыхание.

Марк Корнуэлл время от времени говорил себе, что за прошедшие шесть лет он утратил кое-что в жизни, замуровавшись в холодных стенах университета. Он утратил ощущение цвета и запаха осеннего леса и, что хуже всего, даже не подозревал о своей утрате.

Хол большей частью вел их по вершинам холмистых возвышенностей, но иногда приходилось переходить с одного хребта на другой, чтобы не попасть на глаза дровосеку или фермеру. Опасности не было, наоборот, их скорее ждали бы радушием и гостеприимством, но все же они решили, пока возможно, никому не показываться.

Известие о появлении такой пестрой компании разнеслось бы мгновенно, а этого надо было опасаться.

Спускаясь с холмов в глубокие долины, они попадали в другой мир. Здесь деревья росли теснее, они были больше, на крутых склонах торчали скалы, в руслах быстрых ручьев лежали массивные камни. Высоко над головой ветер шумел листвой на вершинах холмов, но внизу ветра не было. В тишине густого леса ошеломляюще звучал шорох потревоженной белки или взмах крыльев куропатки, которая как призрак, стремительно поднималась в воздух.

В конце дня они спустились в глубокую лощину в поисках места для лагеря. Хол, ушедший вперед, отыскал место, где расщелина в известняковой скале давала относительное убежище, костер был небольшой, но давал достаточно тепла среди холодной ночи и разгонял тьму, создавая маленький островок удобства и безопасности в лесу, который с наступлением ночи становился враждебным для путников.

У них всегда было мясо. Хол, хорошо знающий лес, и к тому же прекрасный стрелок из лука, приносил то белку, то кролика, то куропатку, а однажды добыл и оленя. Поэтому они почти не тратили свой запас продовольствия: дикий рис, копченую рыбу, лепешки и сушеное мясо, питательное и легкое.

Сидя у костра, Корнуэлл вспоминал разочарование миссис Друд, когда она поняла, что не будет прощального пира с приглашением болотников, гномов и жителей холмов. Это был бы отличный пир, но он разгласил бы их уход, а все согласились с необходимостью стараться помалкивать об этом.

Пять дней держалась солнечная погода, но утром шестого дня пошел дождь, поначалу мелкий, как туман, потом все более сильный.

Подул ветер с запада, и к ночи дождь еще более усилился. Хол тщетно искал убежища. Ничто не давало защиты от непогоды:

Корнуэлл шел последним, следом за Енотусом, который печально трусил, насквозь промокший. Его хвост с кисточкой на конце волочился по земле. Перед Енотусом шли Джиб и гоблин, и шерсть болотника блестела в тусклом вечернем свете. Гоблин, уставший и прихрамывающий, ступал тяжело. Корну-

элл понял, что для него дорога трудней, чем для всех. На нем сказался переход от Вайлусинга к дереву Хола и последующие шесть дней пути. Жизнь в стропилах университетской библиотеки не подготовила его к такому испытанию.

Корнуэлл прибавил шаг и обогнал Енотуса. Он тронул гоблина за плечо.

— Забирайтесь ко мне на спину. Вы заслужили отдых.

Гоблин взглянул на него.

— Добрый сэр, в этом нет необходимости.

— Я настаиваю, — сказал Корнуэлл.

Он присел, и гоблин забрался ему на плечи, обхватив его руками за шею.

— Я устал, — признался он.

— Вы много попутешествовали с того дня, когда впервые пришли ко мне, — сказал Корнуэлл.

Гоблин негромко рассмеялся.

— Мы начали длинную цепь событий, и она еще не кончилась. Вы, конечно, знаете, что иду с вами в Дикие Земли?

— Я ожидал этого. В добрый путь с нами, малыш.

— Страх медленно покидает меня, — сказал Оливер. — И небо больше не пугает, как это было вначале. Боюсь, что я даже привыкну к открытому пространству. Это было бы ужасно для гоблина.

Они брели вперед, а Хола все не было видно. В лесу начала сгущаться тьма. Неужели нам придется идти всю ночь? — подумал Корнуэлл. — Будет ли этому конец?

А буря все не прекращалась, косой дождь бил в лицо, и ветер становился холоднее и резче.

Наконец, впереди, как привидение, появился Хол. Все остановились, ожидая, когда он подойдет.

— Я почувал дым, — сообщил он, — и пошел на него. Там могли остановиться на ночлег Бекетт и его люди, а мог быть отряд углежогов или фермеров. Когда чуешь дым, нужно установить, откуда он идет.

— Ну а теперь, когда ты произвел на нас впечатление, скажи, что это был за дым, — попросил Джиб.

— Это — гостиницы.

— Для нас в этом нет ничего хорошего, — сказал Джиб. — Нас не впустят: ни болотника, ни жителя холмов, ни гоблина.

— Но зато они впустят Марка, — сказал Хол. — А ведь если он промокнет и промерзнет, у него опять разболится рука.

Корнуэлл покачал головой.

— Меня они тоже не впустят: у меня нет денег. Но даже если бы и пустили, я не пошел бы. Мы будем вместе.

— Там есть конюшня, — сказал Хол. — До рассвета можно переждать там. Никто не узнает.

— А другого убежища нет? — спросил Корнуэлл. — Может быть, пещера?

— Кругом ничего, придется идти в конюшню.

12

В конюшне стояла всего одна лошадь, негромко заржавшая при их появлении.

— Это лошадь хозяина, — пояснил Хол. — Жалкий мешок с костями.

— Значит, посетителей нет, — констатировал Корнуэлл.

— Нет, — подтвердил Хол. — Я заглядывал в окно. Хозяин пьян, швыряет стулья и посуду. У него скверный характер. Никого нет, и он вымещает злобу на мебели и на тарелках.

— Вероятно, все-таки лучше побыть на конюшне, — сказал Джиб.

— Я тоже так думаю, — согласился Корнуэлл. — Посмотрим, есть ли наверху сено, и зароемся в него от холода. — Он протянул руку и коснулся лестницы, ведущей на сеновал. — Она кажется довольно прочной.

Енотус уже начал взбираться по ней.

— Он знает, куда идти, — заметил Хол.

— Я иду за ним, — сказал Корнуэлл.

Он поднимался, пока его голова не просунулась в люк сеновала. Сеновал оказался небольшим, тут и там лежали охапки сена. Впереди через одну из груд сена перебирался Енотус. Внезапно сено перед ним взметнулось в воздух, и раздался громкий крик.

Корнуэлл одним прыжком оказался наверху, ощутив, как грубые доски ходуном заходили у него под ногами. Перед ним фигура, осыпанная сеном, молотила по воздуху руками, не переставая вопить.

Он бросился к ней. В любую минуту мог выбежать хозяин и добавить к общему шуму такие вопли, что поднимется вся округа. Если, конечно, есть кого поднимать.

Кричавшая попыталась увернуться, но Корнуэлл схватил и крепко сжал ее. Подняв свободную руку, он зажал ею рот незнакомки. Крик прекратился, а потом в палец ему впились зубы. Он вырвал руку, шлепнул пленницу и снова зажал ей рот. Больше она не кусалась.

— Тихо, — сказал он. — Я не собираюсь вас обижать и сейчас уберу руку.

Она была такой маленькой.

— Будете молчать? — снова спросил он.

Она кивнула. Сзади послышались шаги на лестнице.

— Я не один, — заметил он, — но они вас тоже не обидят. Не кричите.

Он отнял руку от ее рта.

— В чем дело, Марк? — спросил Оливер.

— Женщина. Она пряталась здесь. Верно, мисс?

— Да, я пряталась.

На сеновале было еще не совсем темно. На дворе были сумерки, и сквозь стекло пробивалось немного света.

Женщина отошла от Корнуэлла, затем, увидев Оливера, снова бросилась к нему. От испуга у нее перехватило горло.

— Не бойтесь, — успокоил ее Корнуэлл. — Оливер добрый гоблин. Он со стропил. Вы знаете, что такое гоблин? Стропил?

Она покачала головой.

— Тут было животное.

— Это енот. Он тоже хороший.

— Он не обидит и мухи, — заметил Хол. — Он такой ласковый, что даже противно.

— Мы беженцы, — сказал Корнуэлл, — или почти беженцы. Но не опасные. Это Хол, а вон там — Джиб. Джиб — болотник, а Хол — с холмов.

Она еще дрожала, но отошла от него.

— А вы? — спросила она. — Кто вы такой?

— Можете звать меня Марком. Я студент.

— Ученый, — вмешался Оливер. — Не студент, а ученый. Шесть лет в Вайлусинге.

— Мы ищем убежища от бури, — сказал Корнуэлл. — Мы бы пошли в гостиницу, но нас туда не пустят. К тому же у нас нет денег.

— Хозяин пьян, — сказала девушка, — и ломает мебель. Хозяйка прячется в погребе, а я убежала. Я боюсь его, и всегда боялась, даже трезвого.

— Вы служите в гостинице?

— Да, — с горечью ответила она. — Я и посудомойка, и уборщица, и девушка для побоев. — Неожиданно она села на стено. — Мне все равно, что будет. Я не вернусь туда, я убегу. Не знаю, что потом будет со мной, но все равно убегу, я здесь не останусь. Он всегда пьян, а хозяйка, чуть что, — хватается за полено. Не хочу больше!

— Можете идти с нами, — предложил Оливер. — Какая гостиница, если нас станет на одного больше?

— Мы идем далеко, — возразил Хол, — и путь наш будет труден.

— Не труднее, чем мне достается в гостинице, — сказала она.

— Кто-нибудь в гостинице еще есть? — поинтересовался Корнуэлл.

— Никого. Здесь никогда не бывает многолюдно. Время от времени останавливаются путешественники, заходят выпить

дровосеки и углежогги. Но это бывает редко: у них не часто заводится хоть пенни.

— Тогда мы можем спокойно спать до утра, — констатировал Джиб.

Енотус, обследовавший дальние уголки сеновала, вернулся и сел, обернув хвост вокруг лап.

— Один из нас будет дежурить, потом разбудит другого, — сказал Корнуэлл. — Будем чередоваться всю ночь. Если остальные согласны, я буду дежурить первым.

Джиб спросил у девушки:

— Так вы пойдете с нами?

— Не думаю, чтобы это было разумно, — вмешался Корнуэлл.

— Разумно это или нет, — ответила она, — но я уйду, как только рассветет. С вами или без вас, для меня это безразлично. Здесь я не останусь.

— Лучше, чтобы она пошла с нами, — сказал Хол. — Лежа не место для одинокой девушки.

— Если вы пойдете с нами, — сказал Оливер, — мы должны знать ваше имя.

— Меня зовут Мэри.

— Кто-нибудь хочет поесть? — спросил Джиб. — У меня в мешке холодное мясо и орехи. Немного, но пожевать можно.

Хол тихо зашипел.

— Тихо!

— Что такое?

— Мне показалось, что я слышу какие-то звуки.

Они прислушались, но слышали только стук дождя на крыше и завывание ветра.

— Я ничего не слышу, — признался Марк.

— Подождите... Вот, опять.

Все прислушались и на этот раз ясно различили странный звон.

— Подкованная лошадь, — сказал Хол. — Металл ударяет о камень.

Звук повторился, послышались отдаленные голоса. Скрипела дверь конюшни, и теперь топот лошади и звуки голосов стали слышны отчетливо.

— Здесь грязно.

— Все-таки лучше, чем снаружи.

— Хозяин пьян.

— Мы сами найдем еду и постель.

Ввели еще несколько лошадей. Заскрипела кожа: это снимали седла. Лошади переступали ногами, одна из них заржала.

— Найди вилы и поднимись по лестнице, — сказал кто-то. — Сбрось сюда сена.

Корнуэлл быстро огляделся. Спрятаться было негде. Конечно, можно было зарыться в сено, но только если его не будут ворошить вилами.

— Нужно прорываться, — прошептал он. — Как только он покажется на лестнице. — Он повернулся к девушке. — Поняли меня? Как можно быстрее... и бегите!

Она кивнула.

Заскрипела лестница, и Корнуэлл потянулся к рукояти меча, но вдруг мимо него пронесся какой-то вихрь. Краем глаза Марк заметил, что это Енотус с вытянутыми лапами, выпустив когти, прыгнул на голову, показавшуюся в отверстии сеновала. Послышался приглушенный крик. Корнуэлл прыгнул к лестнице и начал быстро спускаться. На полпути он уловил блеск вил и увернулся от удара. У основания лестницы человек, поднимавшийся по ней, пытался освободиться от Енотуса, который впился в голову и в лицо своей жертвы. Корнуэлл левой рукой мывал вилы у размахивающего ими человека. Тут коричневые фигуры устремились на него, и одна из них выхватила из ножен меч. Корнуэлл отвел назад левую руку с вилами, а потом с силой выбросил ее вперед. Держа перед собой меч, он ринулся навстречу врагам. Щит все еще был у него за спиной, ему просто некогда было взяться за него. И хорошо, — подумал он. — С рукой, занятой щитом, я не успел бы перехватить вилы, и кто-нибудь из спускавшихся был бы произен ими.

Одна из фигур, стоявших перед ним, с криком удивления и боли упала, схватившись за вилы, торчавшие у нее из груди. Корнуэлл увидел блеск направленного на него меча и инстинктивно увернулся, подняв свой меч над головой. Он почувствовал сильный удар по плечу и одновременно его меч попал в чье-то тело. Он рывком выдернул его и прижался к боку лошади. Лошадь лягнула его в живот, и Корнуэлл, согнувшись, опустился на четвереньки, не в силах ни вздохнуть, ни выдохнуть.

Кто-то подхватил его под руки и поднял. Корнуэлл с удивлением увидел, что меч все еще в его руке.

— Прочь отсюда! — крикнул он. — Сейчас они все набросятся на нас!

Все еще сгибаясь от удара в живот, он заставил свои ноги двигаться в направлении двери. Споткнувшись о чье-то тело, он побежал дальше. Дождь ударил ему в лицо, и он понял, что выбрался из конюшни. На фоне освещенных окон гостиницы он увидел бегущих к нему людей, а немного справа — опустившегося на одно колено лучника, который спокойно выпускал стрелу за стрелой. Крики и проклятья раздавались во тьме из всему двору. Некоторые из бегающих людей падали, пронзенные стрелами.

— Пошли, — послышался голос Джиба. — Мы все здесь, Хол задержит их.

Джиб схватил его за руку, повернул и подтолкнул. Корнуэлл снова побежал, даже легче, чем раньше, лишь ощущая тупую боль в том месте, куда попала копытом лошадь.

— Хватит, — сказал Джиб. — нужно собраться вместе. Нам нельзя терять друг друга. Вы здесь, Мэри?

— Здесь, — ответил испуганный голосок.

— Оливер?

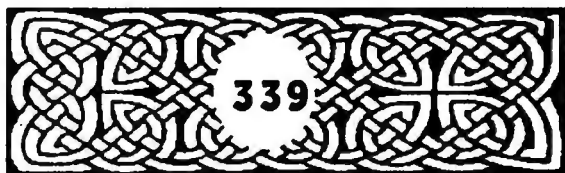
— Здесь!

— Енотус, где ты?

Голос из темноты ответил:

— Не беспокойся о старике Енотусе. Он найдет нас сам.

— Это ты, Хол?

— Я. Они не погонятся за нами, с них достаточно.

Корнуэлл неожиданно сел на землю. Он почувствовал, как сырость проникает сквозь штаны. С трудом он попытался вложить меч в ножны.

— А вы, парни, были хороши в конюшне, — сказал Хол. — Марк уложил одного вилами, другого — мечом. Третьего прикончил топором Джиб. А у меня не было возможности ничего сделать, пока мы не выбрались наружу.

— Зато там ты хорошо поработал, — заметил Джиб.

— И не забудьте Енотуса, — подхватил Корнуэлл. — Начал-то он.

— Но как это все получилось? — удивленно спросил Джиб. — Я не боец...

— Все мы не бойцы, — сказал Корнуэлл. — За всю свою жизнь я никогда не сражался. Несколько ссор в тавернах университета было, а бой — никогда.

— Пойдем отсюда, — сказал Хол. — Нужно отойти подальше. Беритесь за руки и не теряйтесь. Я пойду первым. Идти слишком быстро нельзя, можно попасть в ущелье или налететь на дерево. Если кто-то разожмет руки, все должны сразу остановиться.

13

Съежившись, Хол сидел в березовой роще и смотрел, как медленно занимается рассвет. Конюшня и гостиницы медленно исчезли, на их месте лежала куча углей, и дым наполнял воздух едкой горечью.

Дождь прекратился, и небо прояснилось, но с ветвей берез все еще капала вода.

Будет еще один прекрасный осенний день, — сказал себе Хол.

Но пока было холодно. Он скрестил руки и сунул их под мышки, чтобы согреться. Не двигаясь и прислушиваясь к

малейшим звукам, которые могли бы сигнализировать об опасности, он всмотрелся в сцену перед собой.

Похоже, опасность миновала. Люди, ее принесшие, ушли.

Где-то далеко вскрикнул дрозд, выше по холму с шорохом пробежала по опавшей листве белка. Больше ничего не слышалось, не было слышно и никаких других звуков.

Хол дюйм за дюймом просматривал местность в поисках чего-нибудь необычного, но ничего не было. Вот только угли на месте конюшни и гостиницы...

Хол осторожно вышел из рощи и пошел по холму наверх. Остановившись за огромным дубом, он выглянул из-за ствола и посмотрел на дальний холм, ранее скрытый гостиницей. Там происходило нечто необычное. Огромный серый волк яростно рыл землю, а еще двое сидели рядом, глядя, как он это делает.

Волк разрывал один из холмиков сырой земли, слегка возвышавшихся над остальной местностью.

Хол инстинктивно поднял руку и потянулся за стрелой, но потом опустил руку и продолжал наблюдать. Не было смысла убивать волка, убийств и так было более, чем достаточно. И тому же волки занимались обычным для них делом: там, куда земля, лежало мясо, и они пытались до него добраться.

Хол пересчитал могилы. Их было пять, а может и шесть, он не был уверен.

Трое на конюшне, думал он. Значит, его стрелы поразили двух или трех!

Им просто повезло. Если бы на них не напали в конюшне, сражения могло бы вообще не быть. Но все это осталось в прошлом и ничего нельзя было изменить. Жребий был брошен, когда Енотус бросился на голову поднимавшегося по лестнице человека. Обдумывая обстоятельства, можно было решить, что они вышли из этой передраги гораздо благополучнее, чем могли бы.

Пострадал лишь Марк: ему достался удар копытом в живот и царапина на плече, по которому ударили мечом плашмя.

Хол сидел за деревом и смотрел на волков. Их появление свидетельствовало, что рядом никого нет. Хол встал и зашур

шал листвою. Волки повернулись к нему и вскочили. Он снова зашуршал, и звери, как серые тени, исчезли в лесу.

Он спустился по склону, огибая две груды углей. От них все еще шел жар, очень приятный в такое промозглое утро. Хол постоял немного, впитывая тепло.

Отыскав на влажной земле следы людей и лошадей, он подумал о судьбе хозяина и его жены. Ему вспомнились слова девушки о том, что хозяйка пряталась от своего пьяного мужа в погребе. Была ли она там, когда гостиницы загорелась? Если да, то ее обгорелое тело должно было находиться среди углей: деревянное здание вспыхнуло, как свечка, и выбраться оттуда было невозможно.

Хол прошел по следу до дороги и обнаружил, что отряд ушел на северо-запад. Он снова поднялся по холму и постоял у могил, раздумывая, что за люди могли так поступить.

Некоторое время он нерешительно топтался на месте, потом ринулся и пошел по следу, держась в стороне от дороги, прислушиваясь к малейшему звуку и осматривая каждый участок земли, прежде чем ступить на него.

Через несколько миль он нашел хозяина гостиницы, человека, которого лишь мельком видел в окне предыдущей ночью. Тот висел на короткой веревке, привязанной к ветке огромного дуба. Руки его были связаны сзади, голова склонилась на плечо. Он слегка раскачивался на ветру.

На его плече сидела синица, крошечная серо-белая птичка, подбирающая кровь, тянувшуюся из уголка рта. Хол знал, что вскоре появятся и другие птицы.

Он стоял, глядя на повешенного и чувствуя, как в душе у него поднимается волна ужаса.

Осмотрев следы, Хол понял, что отряд заспешил. Отпечатки копыт стали глубже, лошади пошли галопом. Хол оставил след и напрямик вернулся к холму, изучая местность и запоминая ориентиры. Наконец, скользя меж деревьев и кустарника, он вернулся к тому месту, где после долгого ночного перехода, изможденные и уставшие, его спутники остановились на отдых за несколько часов до рассвета.

Оливер и Енотус спали в расщелине, прижавшись друг к другу, чтобы сберечь тепло. Остальные трое сидели впереди, завернувшись в одеяла. Хол почти столкнулся с ними, прежде чем они его увидели.

— Ты вернулся, — сказал Джиб. — А мы тут гадали, что случилось. Можно зажечь костер? —

Хол покачал головой.

— Нужно уходить, и быстро, — сказал он. — Быстро и далеко.

— Но я набрал сухих дров, — возразил Джиб. — Они дадут очень мало дыма. Мы промокли и проголодались.

— Нет. Скоро поднимается вся округа. Гостиница и конюшни сожжены. Нет ни следа хозяйки, прятавшейся в погребе, а хозяин висит на дереве. Скоро все узнают о случившемся, и тогда этого надо уйти подальше.

— Пойду, разбужу гоблина и Енотуса, — сказал Джиб.

14

Они почти не останавливались и шли, как только могли быстро. По пути встретился лишь дом дровосека, но они обошли его стороной. Корнуэлл беспокоился о девушке, но та держалась наравне со всеми, без жалоб и стонов.

— Вы можете пожалеть, что пошли с нами, — предупредила она ее.

Она только молча покачала головой, сберегая дыхание.

Наконец, с наступлением темноты, они остановились на отдых. На этот раз не в убежище, а в сухом русле маленького ручья, где весенние водопады вырыли углубление, защищенное с двух сторон крутыми берегами. Оставалась открытой только та сторона, где ручей вытекал из оута. Но вокруг был сухой песок. В центре углубления был небольшой бассейн с водой, вокруг же все было сухо.

Под нависшей стеной они развели костер. До еды разговоров было мало, но потом все поудобнее усьелись у костра и разговорились.

— Вы уверены, что это был отряд Бекетта? — спросил Корнуэлл у Хол.

— А кто еще это мог быть? Лошади подкованы, а торговцы своих лошадей не куют, да и пользуются в основном мулами. А в отряде мулов нет вовсе, только лошади. И кто еще мог так ужасно отомстить невинным?

— Они же не знали, что хозяева не виноваты, — заметил Корнуэлл.

— Конечно, нет, — согласился Хол. — Но они и не доказывали его вину. Они, вероятно, пытали хозяина, а когда он ничего не смог сказать им, повесили его. Хозяйка, наверняка, погибла в погребе. — Он взглянул на Мэри. — Простите, мисс.

Она провела пальцами по волосам.

— Ничего. Я жалею их, как жалела бы любого человека. Плохо умирать так. Но они значили для меня меньше, чем ничего. Если бы это не было жестоко, я сказала бы, что они заслужили такую судьбу. Хозяина я боялась, все время боялась его, да и жена была не лучше. Безо всякой причины, а только из-за дурного характера, она швыряла в меня поленьями. Я могу показать вам синяки.

— Почему же вы оставались там? — спросил Джиб.

— Потому что идти мне было некуда. Но когда вы нашли меня на сеновале, я все же решила уйти. Я бы ушла утром. Мне повезло, что я встретила вас.

— Вы говорите, что Бекетт отправился на северо-запад, — сказал Корнуэлл, обращаясь к Холу. — Что, если мы доберемся до епископа Башни и обнаружим там Бекетта? Даже если он к тому времени и уйдет оттуда, он может предупредить епископа, и мы встретим дурной прием, если вообще нас тут же не закуют в кандалы.

— Марк, — сказал Хол, — я думаю, этого не стоит опасаться. В нескольких милях от того места, где был повешен хозяин, дорога раздваивается. Правое ответвление ведет в

Дикие Земли, а левое — к епископу. Я уверен, что Бенетт направился по правому. Я мог бы пойти и проверить, но мне кажется более важным побыстрее убраться отсюда.

— Дикие Земли? — спросила Мэри. — Он направился к Диким Землям?

Хол кивнул.

Она обвела всех взглядом.

— И вы тоже идете туда?

— А почему вы спрашиваете? — спросил Оливер.

— Потому что я сама в детстве пришла из Диких Земель.

— Вы?

— Я точно не знаю. Тогда я была маленькой и почти ничего не запомнила. Но кое-что осталось в моей памяти: большой дом на вершине холма и люди, возможно, мои родители. Товарищи по играм... но было ли это в Диких Землях, я не знаю. Родители, точнее, та пара, что подобрала меня и вырастила, рассказывали, что я брела по тропе, ведущей из Диких Земель. Это были бездетные старики, и они жили рядом с Дикими Землями. И полюбила их, как родных.

Все сидели молча, глядя на нее. Наконец она снова заговорила:

— Они много работали, но почти ничего не имели. Со мной у нас не было — слишком близко к Диким Землям, а люди не любят жить в таких местах. Но нас это не беспокоило. Мы выращивали рожь и пшеницу, у нас был садик и огород с картофелем. В лесу было много дров. Была и корова, но однажды зимой она сохла от ящура, а раздобыть другую было никакой возможности. Зато у нас были свиньи. Отец всегда звала его так — убивал медведей, оленей и других зверей, а шкуры обменивал на поросят. Какие они были хорошенькие! Мы держали их в доме, чтобы их не утащили волки. Помню, как отец вошел в дом, держа подмышкой маленьких поросят... Он нес их много миль.

— Но вы не остались с ними, хотя и были счастливы, — сказал Корнуэлл.

— Прошлая зима выдалась очень суровой. Выпал глубокий снег, и стояли сильные холода, а родители были слабые и больные. Они простудились и умерли. Я делала все, что могла, но сначала умерла она, а потом он. Я развела костер, чтобы оттаять землю, и выкопала могилу, одну на двоих. Боюсь, что могила получилась неглубокой, слишком уж земля промерзла. После этого я не могла оставаться там. Надеюсь, вы понимаете, почему.

Корнуэлл кивнул.

— И вы пошли работать в гостиницу?

— Верно. Хозяева обрадовались мне, хотя это и не улучшило их отношений. Я молодая и сильная, и работала с охотой, но все равно они били меня...

— Когда мы доберемся до Башни, — сказал Корнуэлл, — вы сможете отдохнуть и сами решите, что дальше делать. Кто-нибудь знает, что такое эта Башня?

— Я немного знаю, — ответил Хол. — Это — старый защитный пост против Диких Земель, теперь покинутый. Когда-то это был военный пост, но теперь солдат там не осталось, а живет только епископ, хотя никто не знает, зачем он там и чем занимается. Кроме него там есть несколько слуг, есть одна-две фермы, и это все.

— Вы мне не ответили, — напомнила Мэри. — Вы идете в Дикие Земли?

— Некоторые из нас, — ответил Корнуэлл. — Например, я. И Оливер тоже. Его не удержишь.

— Я в этом деле с самого начала, — сказал Оливер, — и я буду в нем до конца.

— Долго ли идти до Башни? — спросил Джиб.

— Три дня, — ответил Хол. — Через три дня мы там будем.

Епископ Башни был очень стар.

Не так стар, как отшельник, — подумал Джиб, — но все же очень стар.

Одежда его, когда-то богатая и расшитая золотом, после многолетнего использования изнасилась, но, глядя на него, можно было забыть об этом. В нем была большая внутренняя сила, какое-то непонятное беспокойство. Это был епископ-воин, состарившийся в мирные дни. Лицо у него было плоское, с выдающимся носом и жесткими чертами бойца.

Голову епископа покрывали седые волосы, такие редкие, что, казалось, будто ветер, дующий в щели старой башни, поднимает и уносит их.

Огонь, горевший в очаге, почти не разгонял холод. Комната была обставлена чуть ли не нищенски: грубый обеденный стол со скамьями, стоящими по обе стороны, простая кровать в углу, еще один стол, за которым на расшатанном стуле сидел сам хозяин башни. На холодном каменном полу — никаких ковров, а на импровизированной полке размещалось несколько книг и свитков, изъеденных мышами.

Епископ взял со стола переплетенную в кожу книгу и начал медленно листать ее. Потом закрыл и отложил в сторону.

— Так вы говорите, мой брат во Христе отошел с миром? — спросил он у Джиба.

— Он знал, что умирает, — ответил Джиб, — но не боялся смерти. Просто он был очень стар и немощен.

— Да, стар, — согласился епископ. — Я помню его еще с тех пор, когда сам был мальчиком. Он уже и тогда был взрослым человеком лет тридцати. Уже тогда он шел по стопам Господа. Я в его возрасте был военным, капитаном гарнизона этого самого места, который противостоял ордам из Дикой Земель. Только много лет спустя, уже состарившись, я стал служить Богу. Так вы говорите, моего друга любилн?

— Я не знаю ни одного существа, кто не любил бы его, — отвечал Джиб. — Он был другом для всех: и для болотников, и для жителей холмов, и для гномов...

— А ведь вы не его веры, — сказал епископ. — Может, у вас вообще ее нет?

— Это верно, ваша милость. У большинства из нас нет веры. Если я правильно понимаю, что вы имеете в виду, говоря о вере.

Епископ покачал головой:

— Это было так похоже на него. Он никогда не спрашивал о вере. Думаю, это его вовсе не интересовало. Возможно, он и ошибался, но ошибался блистательно. И я поражен. Вас так много, и вы принесли мне посланное им. Я рад вам. Посетители в такое уединенном месте всегда радость. У нас почти нет связей с остальным миром.

— Ваша милость, — сказал Корнуэлл. — Болотник Джиб — единственный из нас, кто должен был принести наследие отшельника. Хол Из Дуплистого Дерева согласился проводить нас сюда.

— А миледи? — спросил епископ.

Корнуэлл коротко ответил:

— Она под нашей защитой.

— Но вы ничего не сказали о себе?

— У меня и у этого гоблина, — отвечал Корнуэлл, — есть дело в Диких Землях. Ну, а что касается енота, то он друг Хола.

— Меня не интересует енот, — ответил епископ Башнн, — хотя я и не возражаю против его присутствия. Хорошее животное.

— Он — мой друг, ваша милость, — вставил Хол.

Епископ не обратил внимания на его слова и продолжал, обращаясь к Корнуэллу:

— Дикие Земли? Мало кто в наши дни осмеливается идти в Дикие Земли. Поверьте мне, там небезопасно. У вас должна быть очень веская причина...

— Он ученый, — вставил Оливер, имея в виду Корнуэлла. — Он ищет истину.

— Это хорошо, что вы не гонитесь за сокровищами. Искать знания полезно для души, хотя, боюсь, это не поможет вам и опасности.

— Ваша милость, — сказал Корнуэлл, — вы смотрели книгу...

— Да, — сказал епископ, — хорошая книга и очень ценная. Это работа целой жизни. Сотни рецептов и способов лечения от всех болезней. Я уверен, что многие из них известны только отшельнику. Теперь о них пора узнать всем.

— Есть еще один предмет, — сказал Корнуэлл.

— Да, я совсем забыл. Что-то я стал забывчивым. Что и годы не улучшают память.

Он взял топор, завернутый в ткань, и осторожно развернул. Молча осмотрел он топор, поворачивая его в руках, потом отложил в сторону.

Подняв голову, он обвел всех взглядом и остановился на Джибе.

— Вы знаете, что это? Отшельник говорил вам?

— Он сказал, что это — ручной топор.

— А вы знаете, что это такое?

— Нет, ваша милость, не знаю.

— А вы? — спросил епископ у Корнуэлла.

— Знаю, ваша милость. Это — древнее оружие. Говорят

— Да, я знаю. Всегда есть те, которые говорят, и те, которые спрашивают. Интересно, откуда он у отшельника и зачем он послал его мне? Святой человек не может оценить такую вещь. Топор принадлежит древним.

— Древним? — переспросил Корнуэлл.

— Да, древним. Вы слышали о них?

— Конечно, слышал, — ответил Корнуэлл. — Именно из-за и нишу, и для этого я иду в Дикие Земли. Есть ли они, или это только миф?

— Они существуют, и топор нужно вернуть им. Кто и должен быть, украл его у них.

— Я могу взять его, — предложил Корнуэлл, — и прохочу, чтобы он вернулся к своим хозяевам.

Зачарованное паломничество

- Нет, — возразил Джиб. — Отшельник вручил его мне. Если его следует вернуть, то именно я...
- Вам не нужно идти, — сказал Корнуэлл.
- Нужно. Вы позволите мне идти с вами?
- Если пойдет Джиб, то и я пойду, — вмешался Хол. — Мы слишком долго были с ним друзьями, чтобы я позволил ему идти навстречу опасности в одиночку.
- Похоже, вы все решили идти навстречу смерти, — сказал епископ Башни. — Все за исключением миледи.
- Я тоже пойду, — промолвила Мэри.
- И я! — послышалось от двери.
- Джиб обернулся.
- Снивли! — воскликнул он. — Что вы здесь делаете?

16

Епископ обычно ел мало: кашу, немного свинины. Он понимал, что таким образом спасает свою душу и подает пример пастве.

Но, будучи едоком по натуре, он был рад гостям, которые давали ему возможность попить и поддержать гостеприимством доброе имя церкви.

На стол красовались: молочный поросенок с яблоком во рту, задняя нога оленя, ветчина, баранье седло, пара куропаток и мялиный пирог. Кроме того, были торты и сладкие пироги. Огромные блюда фруктов и орехов, сливовый пудинг и четыре сорта вина.

Под конец пиршества епископ отодвинулся от стола и вытер губы льняным платком.

— Вы уверены, что больше ничего не хотите? — спросил он у гостей. — Мне кажется, повара...

— Ваша милость, — сказал Снивли, — вы нас совсем накормили. Мы не привыкли ни к такой богатой пище, ни к таким

огромным количеством ее. За всю жизнь я никогда столько не ел.

— Что ж, у нас бывает мало посетителей, — сказал епископ, — и, когда они появляются, мы стараемся принять их как можно лучше.

Он откинулся в кресле и похлопал себя по животу.

— Когда-нибудь мой аппетит прикончит меня. Я так и не привык к роли священника, хотя и стараюсь, умерщвляя плоть и смиряя дух. Но голод растет во мне, и годы не умеряют его. Хотя я и понимаю, что вы делаете глупость, что-то внутри меня кричит, чтобы я тоже шел с вами. Хотя сейчас мир, но в течение столетий это место было оплотом империи против народов, населяющих Дикие Земли. Башня подражушилась, но когда-то она была мощной крепостью. Вокруг нее, ближе к реке, шла стена, которая ныне почти исчезла. Камни ее растащили местные жители для своих построек. Но когда-то башню и стену охраняли люди, ограждая империю от вторжения нечестивых орд Диких Земель.

— Ваша милость, — мягко сказал Снивли, — хоть вы и говорите о столетиях, ваша история пока еще коротка. Были времена, когда люди и Братство жили, как соседи и товарищи. Лишь когда люди начали рубить леса, уничтожать священные деревья и зачарованные поляны, когда они начали строить дороги и города, между ними возникла вражда. Вы не можете с чистой совестью говорить о вторжениях на ваши земли, потому что именно люди...

— Люди имеют право делать с землей все, что захотят, отрезал епископ. — У них священное право использовать землю наилучшим образом. Безбожные создания, такие как...

— Все не безбожные, — возразил Снивли. — У нас были свои священные рощи, пока вы не вырубili их, феи танцевали на полянах, пока вы не превратили эти поляны в поля. Даже такие простые существа, как феи...

— Ваша милость, — подхватил Корнуэлл, — боюсь, вы в меньшинстве. Лишь двое из нас могут считать себя истинными

христианами, хотя все остальные — истинные и благородные друзья. Я рад, что они решили идти со мной в Дикие Земли.

— Вы правы, — сказал епископ более добродушно, чем можно было бы ожидать. — Не следует за этим веселым столом спорить друг с другом. Есть и другие дела, которые вы должны обсудить. Я понял, сэр ученый, что вы ищете древних из интеллектуального любопытства. Вероятно, это проистекает из ваших ученых занятий?

— Да, и они были весьма трудными, — ответил за Марка Оливер. — Я много ночей смотрел, как он сидит за столом в библиотеке, берет книги, вобравшие в себя горы пыли, потому что не снимались с полок столетиями, и как он читает при слабом свете огарков, потому что бедность вынуждает его использовать свечи до самого конца, как дрожит от холода зимой, потому что университет, и особенно библиотека, — древние здания, и во все щели в них задувает ветер.

— Прошу вас, расскажите, что вы обнаружили, — попросил епископ.

— Не очень много, — ответил Корнуэлл. — Одна фраза тут, другая там. Но вполне достаточно, чтобы убедить меня, что древние — это не миф. Есть одна книга, в которой излагаются сведения о языке древних. Я даже могу немного говорить на этом языке. Не знаю, существовал ли он когда-нибудь. Там не было никаких подробностей, оттенков смысла, полутонов. Однако, я не считаю, что работа проделана безо всякого обоснования. Конечно, человек, написавший эту книгу, считал, что у древних был язык.

— Но почему он так думал? Он не рассказал, как он узнал об этом?

— Нет. Я иду, основываясь на одной только вере.

— Когда подумаешь, то это не самая плохая из причин, — заметил епископ.

— Для меня она достаточно хороша, — сказал Корнуэлл.

— Как для других, не знаю.

— Для меня тоже, — вставил Оливер. — Для меня это повод. Я не мог провести всю жизнь гоблином на стропилах.

— Я понимаю вас, Оливер, — отозвался Корнуэлл. — В университете есть нечто такое, что проникает в кровь, это место не от мира сего, оно развивает фантазию. Во многих отношениях оно не вполне разумно. Поиски знаний становятся целью, уже не связанной с реальностью. Но я беспокоюсь о Джибе и Холме. Может, мне следует взять топор?

— Вы так думаете, потому что не знали отшельника, — сказал Джиб. — Он так много сделал для нас, а мы для него — так мало. Когда мы смотрели на утес с его пещерой и знали, что он там, мир казался нам правильным. Не могу сказать почему, но так оно и было. Я провел с ним последний час его жизни и накрыл его одеялом, когда жизнь покинула его. Я построил каменную стену, чтобы защитить его тело от волков и должен сделать еще кое-что. Никто другой, понимаете, только я! Он передал топор мне в руки, и я понесу его.

Епископ сделал легкое движение рукой:

— Я вижу, вас не остановить. Вы все собираетесь разбить свои головы, и вам повезет, если вы разобьете их сразу же, без лишних страданий. Но я не понимаю, почему этот ребенок Мэри, настаивает...

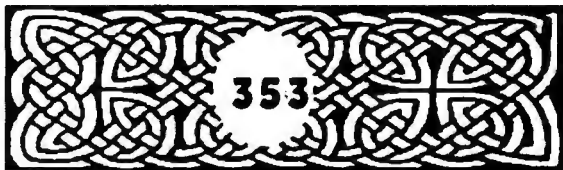
— Ваша милость, — вскинулась Мэри, — вы не знаете потому, что я не говорила вам всего. Совсем маленькой я пришла по тропе из Диких Земель, и пара стариков подобрала меня и вырастила. С тех пор я все пытаюсь вспомнить, откуда я пришла.

— Вы не могли прийти из Диких Земель, — сказал епископ. — Это бессмысленно.

— Иногда мне кое-что вспоминается. Старый дом на вершине холма, товарищи по играм, которых я никак не могу узнать. И не знаю, кто они.

— Вам и не нужно знать этого, — сказал епископ.

— Мне кажется, ваша милость, что нужно, — упрямо возразила Мэри. — А если я никого не найду, то никогда ничего не узнаю.

— Пусть идет, — сказал Снивли. — Не нужно опекать ее. Она идет в хорошей компании и имеет те же права, что и остальные. Может, даже большие, чем другие.

— А вам, Снивли, — сказал Хол, стараясь говорить помягче, — лучше посидеть дома.

Снивли фыркнул.

— Я не смог бы спать по ночам, думая о своем участии в этом деле и о том, как судьба безошибочно направляет мою руку. Я выковал меч для этого ученого, это было предопределено заранее. Иначе почему нам встретился только один карман руды высшего сорта? Эта руда оказалась там не просто так. Я думаю, что целью был именно этот меч.

— Если это так, — сказал Корнуэлл, — то он попал не в те руки. Мне не следовало брать его, ведь я не воин.

Хол заметил:

— Ночью в конюшне вы отлично справились.

— Что такое? — спросил епископ. — Какая конюшня? У нас была стычка в конюшне?

— Мы не рассказали вам об этом, — сказал Корнуэлл. — Похоже, у нас есть сильный враг — человек по имени Лоуренс Бекетт. Вы, наверное, слышали о нем?

Епископ скорчил гримасу.

— Слышал, слышал. Если бы вы заранее задумали найти себе наилучшего врага, то выбрали бы именно Бекетта. Я его никогда не встречал, но репутация его известна. Это безжалостное существо. Если вы столкнетесь с ним, то может даже оказаться прекрасным то, что вы уходите в Дикие Земли.

— Но он тоже направляется туда, — сказал Джиб.

Епископ выпрямился.

— Вы мне не говорили и об этом. Почему?

— Наверное, потому, что он связан с инквизицией, — ответил Корнуэлл.

— И потому вы решили, что он высоко ценится святой матерью-Церковью?

— Мы так именно и подумали, — признал Корнуэлл.

Зачарованное волшебничество

— Церковь велика, — сказал епископ, — и в ней есть места для самых разных людей. Для таких святых, как оплакиваемый нами отшельник, и, к сожалению, для разных мошенников и негодяев. Мы слишком велики, чтобы управлять собой как следует. В Церкви есть люди, без которых ей было бы гораздо лучше, и главный среди них — Бекетт. Он использует плащ инквизитора для своих кровавых целей. Так вы говорите, и он направляется в Дикие Земли?

— Мы так полагаем, — сказал Хол.

— Много лет здесь царил мир, — произнес епископ. — Много лет назад военный гарнизон был снят с этого места: в нем больше не было необходимости. Десятилетиями здесь не было никаких неприятностей. Но сейчас я ни в чем не уверен. Следует опасаться самого худшего. Достаточно искры, чтобы вспыхнули все Пограничье, и Бекетт может оказаться этой самой искрой. Со всей убедительностью говорю вам, что сейчас не время идти в Дикие Земли.

— Тем не менее мы пойдем туда, — твердо сказал Джиб.

— Тогда вы все пустоголовые, и не стоит терять время на убеждения. Несколько лет назад я тоже принял бы участие в вашем глупом походе. А сейчас, хотя возраст и занятия мои запрещают мне это, я все же посильно помогу вам. Не следует идти навстречу смерти пешком. Я дам вам лошадей и все необходимое.

17

Снивли и Оливер повесили носы: им приходилось ехать на одной лошади.

— Посмотрите на меня, — сказал Хол, — я тоже еду вместе с Енотусом.

— Енотус — домашнее животное, — пробормотал Оливер.

— Вовсе нет, — возразил Хол. — Он — мой друг. Мы живем в одном дереве.

— Его нужно будет только взять на седло, чтобы он не промок при переходе через речку, — заметил Снивли. — Он не будет ехать с вами все время, ему это и самому не понравится.

— Лошадь столько же его, сколько и моя, — сказал Хол.

— Не думаю, чтобы лошадь разделяла это мнение, — рассудил Джиб. — Она кажется пугливой, наверное, на ней никогда еще не ездил енот.

Они пересекли реку вброд. Это был старый исторический брод, некогда охранявшийся башней. Когда они, повернувшись, взглянули на покинутый ими берег, башня и примыкавшая к ней стена показались жалкими строениями. Кое-где на вершине стены росли деревья, а могучие стены башни были покрыты ползучими растениями.

Коричневые фигурки, которые невозможно было различить на таком расстоянии, стояли у стены, поднимая руки в знак прощания.

— Еще не поздно вернуться, — сказал Корнуэлл, обращаясь к Мэри. — Это место не для вас. Вас ждут трудные дни.

Она упрямо покачала головой:

— А кем я буду здесь? Снова служанкой? Не хочу!

Корнуэлл развернул лошадь и двинулся по едва заметной тропинке, огибавшей холм у реки. За рекой характер местности изменился. К югу от реки росли густые леса, покрывавшие склоны холмов, но здесь леса поредели, а холмы стали ниже.

Рощи и здесь занимали значительные площади, но все время попадались открытые пространства, и, глядя на восток, Корнуэлл видел только голые холмы. Хорошо бы иметь карту, — сказал он сам себе, — любую карту, даже самую плохую, чтобы иметь представление, где находишься.

Он говорил об этом с епископом, но, насколько тому было известно, такой карты никогда не существовало. Солдаты, охранявшие крепость, не думали о таких вещах. Они практически никогда не переправлялись через реку. А если жители Диких Земель и проникали на эту сторону, то это случалось крайне редко.

Зачарованное паломничество

Единственными людьми, побывавшими в Диких Землях, были, по-видимому, одинокие путешественники вроде Тэйлора, написавшего книгу, которую Корнуэлл читал в Вайлусинге. Было очень сомнительно, чтобы все все, описанное этим путешественником, оказалось правдой.

Корнуэлл нахмурился, подумав об этом. Он понял, что нет ничего, что говорило бы о большей правдивости Тэйлора, чем остальных путешественников. Этот человек лишь слышал о древних, и для этого ему даже не нужно было путешествовать по Диким Землям.

Древний ручной топор — более веское доказательство существования древних, чем слова Тэйлора.

Странно, — подумал Корнуэлл, — как это епископ сразу установил, что топор принадлежал древним? Следовало бы подробнее порасспросить его об этом, но времени было мало, а поговорить нужно было о многом.

День был одним из прекраснейших осенних дней. Отряд выехал поздно, и солнце уже высоко поднялось в небо. Облаков не было. Когда Корнуэлл с друзьями поднялись на холм, перед ними развернулась вся панорама речной долины.

— Там на вершине кто-то есть, — сказала Мэри и добавила: — Следит за нами.

Корнуэлл осмотрел горизонт:

— Я ничего не вижу.

— Я сама это видела лишь мгновение, и то не кого-то, а лишь движение.

— За нами наблюдают, — сказал Снивли, подъехавший вместе с Оливером к голове колонны. — Этого и следовало ожидать. Не будет ни одной секунды, когда за нами не будут наблюдать. Они будут знать о нас все.

— Кто это — они? — спросил Корнуэлл.

Снивли пожал плечами.

— Откуда мне знать? На Диких Землях нас проживает множество. Гоблины, гномы, баньши, даже домовые и феи, а к тому же множество других, гораздо менее уважаемых и при этом более опасных.

— Мы же их не тронем, — сказал Корнуэлл. — Мы не поднимем на них руки.

— Все равно мы для них чужаки, вторгшиеся на эти земли.

— Даже вы? — спросила Мэри.

— Даже мы, — подтвердил Снивли, — даже Оливер и я. Мы тоже чужаки, изменники и дезертиры, потому что наши предки покинули родину и стали жить в Пограничье, рядом со своими врагами.

— Что ж, посмотрим, — сказал Корнуэлл.

Лошади продолжали двигаться по тропе и, наконец, достигли вершины холма. Перед путниками раскинулось не плато, как можно было ожидать, а еще одна цепь холмов, каждый из которых был выше предыдущего. Они уходили к горизонту, как застывшие волны.

Тропа спускалась вниз по голому склону, заросшему выгоревшей травой. У подножия холма густой лес закрывал промежуток между хребтами. Не было видно ни одного живого существа, даже птиц. Странное чувство одиночества охватило путешественников. И в то же время Корнуэлл спиной постоянно чувствовал на себе чей-то взгляд.

Медленно и неохотно лошади шли по тропе, которая огибала огромный дуб, одиноко стоящий среди травы. Это было высокое и толстое дерево с огромным стволом и далеко раскинувшимися в стороны ветвями. Самые низкие из них отходили от ствола не менее, чем в двенадцати футах от земли.

Корнуэлл заметил что-то, глубоко вонзившееся в ствол, остановился и принялся разглядывать этот предмет, выступающий из ствола фута на два. Он был нескольких футов в диаметре, изогнутый, цвета слоновой кости.

Позади Снивли невольно затаил дыхание.

— Что это? — спросила Мэри.

— Рог единорога, — ответил Снивли. — Их осталось мало, и я никогда не слышал, чтобы единорог оставлял свой рог в дереве.

— Это знак! — торжественно сказал Оливер.

Корнуэлл подъехал ближе и ухватился за рог. Он потянул, но рог не поддался его усилию. Тогда он попробовал еще раз, уже изо всех сил, но с таким же успехом можно было тянуть за ветки дуба.

— Нужно отрубить его, — предложил Корнуэлл.

— Позвольте мне попробовать, — попросила Мэри.

Она взялась за рог, и он легко вышел из ствола после первого же ее рывка. Рог оказался длиной в три фута, с заостренным концом, совершенно целый и неповрежденный.

Все с благоговением смотрели на него.

— Никогда не видела ничего подобного, — сказала Мэри.
— В старых сказаниях Пограничья, конечно, говорится о нем, но...

— Это — хороший знак, — объявил Снивли, — и предвещает хорошее начало.

18

Перед наступлением темноты друзья остановились в самом начале ущелья, разделяющего холмы. У подножия одного из них бил ключ, давая начало небольшому ручейку. С упавшей неподалеку сосны Джиб нарубил сучьев для костра.

День оставался прекрасным, но небо на западе из лимонного становилось зеленым. Травы для лошадей тут было достаточно, а густой лес, окружавший выбранную ими поляну, защищал от ветра.

Хол сказал:

— Они вокруг нас. Следят.

— Откуда вы знаете? — спросила Мэри.

— Я просто знаю. И Енотус знает. Посмотрите на него: кажется, он ничего не делает, но на самом деле он все слышит и чувствует.

— Не нужно обращать на них внимания, — посоветовали Снивли, — ведите себя так, словно их нет. К ним просто нужно

привыкнуть. Они следуют за нами и все время следят. Но бояться вам нечего. Это всего лишь эльфы, тролли, или домовые. Никого опасного, никого злобного и по-настоящему большого.

— А что будет, когда покажется кто-то действительно большой и злобный? — спросил Корнуэлл.

Снивли пожал плечами:

— Не знаю. Но кое-кто за нас. Во-первых, рог единорога. Это — мощное средство. Рассказ о нем разойдется повсюду. Через день-два все Дикие Земли будут знать об этом роге. Во-вторых, ваш волшебный меч.

— Я рад, что вы упомянули об этом, — сказал Корнуэлл. — Я все собираюсь спросить вас, почему вы дали его Джибу для меня. Конечно, он рассказал мне о ваших намерениях, но тут вы ошиблись, мастер гном. Следовало бы проверить мое умение владеть мечом. Сделав это, вы узнали бы, что хоть весь мир обыщи, худшего воина не сыщешь. Конечно, как и у большинства мужчин, у меня был меч, но он был старый и тупой. Это была семейная реликвия, не очень ценная даже в сентиментальном плане. В течение многих лет я не обнажал его.

— Однако, — сказал Снивли, — мне говорили, что вы прекрасно проявили себя в схватке на конюшне. — Он улыбнулся.

Корнуэлл с отвращением фыркнул.

— Лошадь лягнула меня в живот, и на этом все кончилось. Джиб со своим топором и Хол с луком — вот кто истинные герои схватки.

— Но мне говорили, что вы убили своего противника.

— Случайность. Могу заверить вас, что это случайность. Этот дурак сам наскочил на лезвие.

— Неважно как, важно, что вы справились с ним!

— С трудом и безо всякой славы.

— Мне иногда кажется, — сказал Снивли, — что большая часть славы великих деяний связана с тем, что это — взгляд назад. Простое убийство может со временем превратиться в рыцарский подвиг.

К костру подошел Енотус, положил голову на колени Корнуэллу и принюхался. Усы его зашевелились.

— Подожди немного, — тихо сказал Корнуэлл. — Будет тебе и твоя доля.

— Я часто думаю, — сказал Снивли, — много ли он понимает. Умное животное. Хол все время разговаривает с ним и клянется, что тот отвечает.

— Не сомневаюсь, что так оно и есть, — отозвался Корнуэлл.

— Они связаны друг с другом, как братья, — продолжал Снивли. — Однажды ночью, когда Енотус был еще малышом, за ним погнались собаки. Хол спас его и взял к себе. С тех пор они все время вместе. Теперь же ни одна собака не захочет с ним связываться.

Мэри встала:

— Собаки должны хорошо его знать. Хол говорит, что самогонщик почти каждую ночь охотится на енотов, но этого енота даже его собаки никогда не преследуют. Даже когда он выходит один, собаки не трогают его. Наткнувшись на его след, они могут в возбуждении от охоты некоторое время идти по нему, но потом сворачивают.

— О, эти собаки достаточно умны, — воскликнул Хол. — Умнее их только сам старина Енотус.

Джиб заметил:

— А они по-прежнему здесь. В темноте видно их движение.

— Они с нами с того момента, как мы перешли реку, — сказал Снивли. — Мы их, конечно, не видим, но они все время следят за нами.

Кто-то потянул Мэри за рукав. Повернув голову, она увидела крохотное существо со сморщенным лицом.

— Один из них здесь, — сказала она. — Он вышел на открытое пространство. Не делайте резких движений, чтобы не напугать его.

Маленькое существо произнесло:

— Я — Бромли, тролль. Ты помнишь меня?

— Не уверена, что помню, — с сомнением сказала она. — Ты один из тех, с кем я играла?

— Ты была маленькой девочкой, — напомнил Бромли, — не больше нас. Там были я и домовой Скрипичные Пальцы, а иногда и Соломенная Фея или эльф. Ты никогда не считала нас другими, ты была слишком мала, чтобы знать это. Мы делали пирожки из грязи в ручье и, хотя я и Скрипичные Пальцы считали это пустым занятием, нам с тобой было весело. Если тебе хотелось стряпать пирожки, мы шли с тобой и стряпали.

— Теперь я вспоминаю, — сказала Мэри. — Ты жил под мостом, и я всегда считала это очень странным местом для жительства.

— Но теперь-то ты знаешь, — с некоторым высокомерием сказал Бромли, — что настоящие тролли всегда живут под мостами. Никакое другое место для них не годится.

— Да, конечно. Теперь я об этом знаю.

— Мы часто ходили дразнить людоеда-великана, бросали камни, комки грязи и ветки в его берлогу, а потом убегали, чтобы он нас не поймал. Сейчас я думаю, что людоед вряд ли замечал нас, но тогда мы были робкими и боялись собственной тени.

Корнуэлл хотел заговорить, но Мэри остановила его, покачав головой.

— Значит, остальные следят за нами? — спросила она. — Почему же они не показываются? Мы посидели бы вокруг костра, поговорили бы, могли бы даже потанцевать. У нас есть еда, и можно сварить каши побольше. Хватит на всех.

— Они не придут, — ответил Бромли. — Даже за кашей. Они были против моего прихода к вам и хотели задержать меня, но я все равно пришел. Я знаю тебя очень давно. Ты была в Пограничье?

— Меня увели туда.

— Я искал тебя и не мог взять в толк, почему ты ушла. Если не считать пирожков из грязи — а это было скучное и противное занятие — мы отлично проводили время.

— А где сейчас Скрипичные Пальцы?

Зачарованное паломничество

— Не знаю. Он ушел. Домовые — они все бродяги, а мы, тролли, остаемся на одном месте, находим мост, селимся под ним и живем.

Неожиданно раздалось гудение. Позднее, вспоминая этот момент, все сходились на том, что оно было не таким уж и неожиданным. Оно раздавалось некоторое время, пока тролль разговаривал с Мэри, но сначала звучало, как писк насекомого. Потом гудение стало громче, перешло в вой, висящий в воздухе — ужасная дикая музыка, наполовину плач, наполовину крик, а может, бормотание сумасшедшего.

Мэри испуганно вскочила. Корнуэлл тоже. Его резкое движение опрокинуло кастрюлю с кашей. Лошади в страхе заржали.

Снивли пытался крикнуть, но издал всего лишь писк:

— Темный Трубач! — пропищал он, и потом продолжал повторять снова и снова: — Темный Трубач, Темный Трубач!

Что-то круглое покатилося по склону к лагерю, оно катилось и подпрыгивало, издавая глухой звук, когда касалось земли.

Подкатившись к освещенному месту, оно остановилось и улеглось, оскалив зубы, как будто в усмешке.

Это была отрубленная человеческая голова!

19

На следующий день, в полдень, они нашли место, где эта голова была отрублена. Сама голова была погребена после торопливо прочитанной молитвы у подножия большого гранитного валуна, лежащего на месте прежнего лагеря.

Над могилой поставили грубый крест.

Оливер пытался возражать против установки креста.

— Они же не трогают нас, — говорил он. — Зачем же оскорблять их? Ваши глупые скрещенные палки для них — проклятие!

Но Корнуэлл не уступил.

Зачарованное паломничество

— Крест не оскорбление, — сказал он. — А что вы скажете насчет швыряния в нас человеческими головами? По-вашему, это значит никого не трогать? Голова принадлежит человеку, по всей вероятности, христианину. Следовало отдать ему последний долг, и мы сделали это.

— Вы думаете, что это один из людей Бекетта? — спросил Джиб.

— Это возможно, — ответил Корнуэлл. — От самой гостиницы у нас нет никаких сведений о Бекетте и его людях. Мы не знаем, пересек ли он границу, но если здесь есть люди, то это вполне могут быть люди Бекетта. Этот мог заблудиться, отстать от своих и встретиться с кем-то, кто не очень любит людей.

— Вы упрощаете, — заметил Снивли. — В Диких Землях нет никого, кто любил бы людей.

— Но если не считать этой головы, против нас пока ничего предпринято не было, — возразил Корнуэлл.

— Дайте им время, — буркнул Снивли.

— Кроме того, — сказал Оливер, — примите в внимание то, что среди нас вы — единственный человек. Возможно, и нас они не очень уважают, но все же...

— А Мэри?

— Мэри жила здесь ребенком. К тому же у нее рог, который какой-то пустоголовый единорог оставил в дереве.

— Мы не армия вторжения, — сказал Джиб. — Мы, если хотите, пилигримы. У них нет причин бояться нас.

— Дело не в страхе, это, скорее, ненависть, — сказал Снивли. — Ненависть, которая продержалась столетия и глубоко укоренилась в них.

В эту ночь Корнуэлл спал мало, его преследовали кошмары. Он снова и снова видел мертвую голову, точнее, выражение ее лица, вселявшее ужас. Он просыпался в холодном поту, а справившись со страхом сновидения, вновь вспоминал голову, уже не во сне, а наяву, вспоминал как она лежала у костра настолько близко к огню, что искры, вылетающие из пылающих дров, падали на волосы и бороду, заставляя их шевелиться, и

кончики волосков спекались в маленькие шарики. Глаза головы были открыты и смотрели, походя скорее на камни, чем на глаза. Рот и все лицо были искажены, как будто кто-то взял голову могучими руками и сжал. Оскаленные зубы сверкали, а из уголка рта тянулась ниточка высохшей слюны.

Наконец к утру Корнуэлл погрузился в сон, настолько глубокий, что даже видение головы не могло разбудить его. Когда Оливер растолкал его, завтрак был уже готов. Корнуэлл ел, стараясь не смотреть в ту сторону, где стоял крест. Разговаривали мало и сразу после завтрака оседлали лошадей и тронулись дальше.

Они двигались по тропе, которая не расширялась и не превращалась в дорогу. Местность становилась все более дикой и неровной, пересеченной глубокими ущельями.

Тропа то опускалась на их дно, то снова поднималась на вершины холмов, чтобы затем вновь свернуть вниз.

Страшно было даже разговаривать: звуки могли разбудить кого-нибудь, прятавшегося в глуши. Не было видно ни жилищ, ни полян, ни следа кого-нибудь живого.

По общему согласию днем путники не стали останавливаться для привала.

Вскоре после полудня Хол догнал Корнуэлла, ехавшего впереди.

— Взгляните сюда, — сказал он.

Он указал на узкую полоску неба, видимую по обе стороны тропы между кронами больших деревьев.

Корнуэлл посмотрел.

— Не вижу ничего особенного. Одна или две точки — это, наверное, птицы.

— Я следил за ними, — сообщил Хол. — Их становится все больше. Это канюки и, значит, где-то там лежит падаль.

— Корова, вероятно.

— Здесь нет ферм и нет коров.

— Тогда олень или лось.

— Если и так, то не один. Канюков много, много и падали.

Корнуэлл натянул поводья.

Зачарованное паломничество

— К чему вы клоните?

— Голова, — пояснил Хол. — Она ведь откуда-то взялась. Дальше тропа спускается в очередное ущелье, образуя прекрасное место для засады. Если нас захватят здесь, ни одному не уйти.

— Но ведь Бекетт наверняка не проходил здесь. Он не показывался у Башни, и мы не встретили никаких следов: ни отпечатков копыт, ни следов костра. Если бы здесь была засада...

— Не знаю, — сказал Хол. — Но там канюки, и их много. К ним подъехали Оливер и Снивли.

— Что происходит? — спросил Оливер. — Что-то случилось?

— Канюки, — ответил Хол.

— Я не вижу никаких канюков.

— Вон те точки на небе.

— Это неважно, — сказал Корнуэлл. — Они здесь — ну и что? Просто там лежит какая-то падаль. Снивли, я хотел бы поговорить с вами. Прошлым вечером, перед тем, как кто-то швырнул голову, слышалось гудение...

— Темный Трубоч, — сказал Снивли. — Я же говорил...

— Теперь я вспомнил. Но с тех пор произошло столько всего... Кто такой Темный Трубоч?

— Никто этого не знает, — ответил Снивли, слегка вздрогнув. — Никто и никогда его не видел, его можно только слышать. Он — предвестник бедствий и играет только тогда, когда должно произойти нечто ужасное.

— Вы говорите загадками. Что именно ужасное?

— Голова... — вставил Хол.

— Нет, не голова, — возразил Снивли. — Что-то гораздо более худшее.

— А для кого ужасное? — спросил Корнуэлл.

— Не знаю! — отрезал Снивли. — И никто не знает.

— Что-то в этом гудении показалось мне знакомым, — размышлял вслух Оливер. — Я думал об этом все время и никак не мог сообразить. Это было так ужасно, что я испугался. Но

сегодня я вспомнил одну или две фразы. Это часть древней песни. Я отыскал ноты в древнем свитке в Вайлусинге. Там были и эти фразы. В свитке говорилось, что они дошли до нас с очень древних времен. Возможно, это самая древняя песня на земле. Не знаю, откуда человек, написавший тот древний свиток, мог знать...

Корнуэлл хмыкнул и двинул лошадь вперед. Хол последовал за ним. Тропа неожиданно пошла вниз, как будто уводя под землю. По обе стороны ее поднялись крутые стены. По скалам ползли цепкие мхи. Из трещин росли кедры, настолько изогнутые, что, казалось, они вот-вот падают. Отрезанное от солнца ущелье по мере спуска становилось все темнее и темнее.

Между стен подул ветер и принес запах, от которого сразу пересохло в горле.

— Я был прав, — заметил Хол. — Там впереди смерть.

Ущелье перед ними поворачивало и сразу за поворотом заканчивалось кольцеобразным амфитеатром, окруженным круглыми утесами. Взмах крыльев — и стая больших черных птиц поднялась в воздух.

Несколько отвратительных тварей, слишком объевшихся, чтобы взлететь, неуклюже запрыгало в сторону.

Запах ударил в нос путешественникам, словно кулак в лицо.

— О, Боже! — воскликнул Корнуэлл, борясь с тошнотой при виде того, что лежало на каменистом берегу ручья посреди амфитеатра.

Из общей массы мяса и костей там и сям выступали отдельные детали: лошади, люди. В траве скалились черепа и торчали обглоданные ребра, животы многих трупов были распороты.

На ветвях колючих кустарников развевались клочья одежды. Копье с острием, вонзившимся в землю, торчало, наклонившись, как пьяный восклицательный знак. Тусклое солнце отражалось с щитах и мечах.

Среди разорванных лошадиных и человеческих тел лежали и другие, покрытые черной шерстью, скалившие огромные клыки, с короткими хвостами с кисточкой на конце, с большими

тяжелыми плечами и узким тазом, с огромными лапами (скорее даже руками), вооруженными изогнутыми когтями.

— Вот там прошел Бекетт, — сказал Джиб.

В дальнем конце амфитеатра виднелась уже не тропа, а дорога, которая спускалась в чашеобразное углубление вокруг скал. По другую сторону амфитеатра дорога уходила в новое ущелье.

Корнуэлл приподнялся на стременах и оглянулся. Все сидели на лошадях неподвижно, с лицами, искаженными ужасом.

— Мы ничего не можем тут сделать, — сказал Джиб. — Лучше уедем отсюда.

— Слово Христа, — сказал Корнуэлл, — чтобы дать им мир...

— Нет слов, которые бы помогли им, — хрипло заметил Джиб. — И нет мира.

Корнуэлл кивнул и рысью пустил лошадь к дороге. По обе стороны от них птицы, которым помешали пировать, били и хлопали крыльями. Испуганно пересекла дорогу лиса, тащившая за собой хвост.

Выбравшись на дорогу, путешественники оставили бойню позади. На самой дороге тел не было.

А за их спинами черные птицы возвратились в прерванному пиршеству.

20

Человек ждал их на вершине хребта, окружающего амфитеатр скал, в котором они наткнулись на последствия битвы. Было совершенно очевидно, что он ждал их, удобно сидя у подножия большого дуба. Упираясь спиной в ствол, он с интересом смотрел, как путники приближаются к нему.

Рядом с деревом стояло странное сооружение: раскрашенное красной и белой красками, оно стояло на двух колесах, как будто с трудом удерживая равновесие. Колеса были необычные: ободья их были не из дерева или железа, а из какого-то

черного материала, и обод был не плоским, каким должен быть обод, а каким-то закругленным. Спиц в колесе было слишком много, и не из дерева, а из тонких круглых полосок металла. Любой человек в здравом уме сразу же понял бы, что такие спицы ни на что не годятся.

Когда путники приблизились, человек встал и стряхнул с брюк листья и грязь. Брюки у него были белые, в обтяжку, кроме того, на нем была надета красная рубашка, а поверх нее белая куртка. Ботинки на его ногах были изготовлены как-то очень уж аккуратно.

Значит, вы пришли, — произнес человек. — Я не был уверен, что вы сумеете сделать это.

Корнуэлл кивнул головой назад.

— Вы имеете в виду вот это?

— Точно, — отвечал незнакомец. — Вся страна возбуждена. Это случилось два дня назад. Вы могли попасть головой в петлю.

— Мы ничего не знали, — сказал Корнуэлл. — Мы идем от Башни, а те люди пришли сюда другой дорогой.

— Что ж, вы прошли благополучно, а это главное. Я вас ждал.

— Вы знали, что мы идем сюда?

— Я услышал о вас вчера. Пестрая компания, как мне и говорили. И они были правы.

— Они?

— О, это мои маленькие друзья, которые прячутся в чаще и бегают в траве. Глаза и уши. Мало что проходит мимо их внимания. Я знаю о горе и о голове, подкатившейся к костру. Я с нетерпением ожидал вас.

— Вы знаете, кто мы?

— Только ваши имена. Прошу прощения, меня зовут Александр Джоунз. Я приготовил для вас место.

— Мастер Джоунз, — вмешалась Мэрн, — мне это не нравится. Мы вполне могли бы и сами...

— Простите, мисс Мэри, если я вас чем-то обидел. Я только хотел проявить гостеприимство. Убежище от надвигающейся ночи, горячая пища, место для сна.

— Что касается меня, — заметил Оливер, — то все это будет принято с радостью. И еще хорошо бы кружку пива и стакан вина. Запах из ущелья все еще стоит у меня горле, и нужно чем-то смыть его.

— Конечно, пивом, — согласился Джоунз. — Целый бочонок ждет вашего прихода. Согласны, сэр Марк?

— Да, согласен. Я не вижу в этом ничего плохого. Но не зовите меня сэр, я всего лишь простой ученый.

— В таком случае, держите своих лошадей покрепче, — сказал Джоунз. — Моя кобылка очень шумливое животное.

Он подошел к сооружению на двух колесах, перебросил ногу и сел на то, что оказалось седлом, ухватившись за два выступа впереди.

— Минутку, — попросил Джиб, — вы нам не сказали об одном обстоятельстве. Как вам-то удалось остаться в живых? Вы ведь человек, не так ли?

— Хочется думать, — ответил Джоунз. — А ответ на ваш вопрос прост. Здесь меня считают колдуном, хотя на самом деле это и не так.

Стоя на одной ноге, он пнул что-то другой ногой. Двухколесное сооружение с гневным ревом ожило, выпустив облако дыма. Лошади в испуге попятись. Оливер, сидевший за спиной у Снивли, упал, но тут же на четвереньках отбежал в сторону, чтобы не попасть под копыта лошадей.

Рев двухколесного чудовища перешел в ровное гудение.

— Простите, — крикнул Джоунз Оливеру, — но я вас предупреждал.

— Это дракон! — воскликнул Оливер. — Двухколесный дракон, хотя я и понятия не имел, что бывают драконы на колесах. Но кто, кроме дракона, может испускать такой рев и извергать дым и пламя?

Снивли протянул руку и помог Оливеру взобраться обратно в седло.

Джоунз верхом на своем драконе покати́л вперед по доро́ге.

— Думаю, нам следует двинуться за ним, — сказал Хол. — Очень уж хочется поесть горяченького.

— Мне это не нравится, — пожаловался Снивли. — Совсем не нравится. Я не люблю драконов, хотя бы и прирученных.

Дракон двигался быстро, и им пришлось подгонять лошадей, чтобы не отставать. Дорога стала намного лучше. Она пролегла по плато мимо березовых и сосновых рощ, в которых изредка попадались раскидистые дубы. Потом дорога пошла вниз, но не резко, а постепенно, и спустилась в прелестную долину. Там виднелись три палатки, ярко раскрашенные и с развевающимися на ветру вымпелами.

Дракон остановился возле самой большой из палаток, и Джоунз спешился. У палатки стоял сколоченный из досок стол, за которым виднелась неглубокая яма с разведенным в ней огнем и решеткой для приготовления пищи. Рядом стоял большой пивной бочонок на козлах. В бочку вместо затычки уже был вставлен кран.

Вокруг костра толпились оборванные домовые, тролли и гоблины, занимавшиеся своими делами, сопровождающимися весьма громким звоном кастрюль. При виде лошадей некоторые из них побросали работу и разбежались.

— Посидим, поболтаем, — предложил Джоунз. — У нас ведь найдется о чем поговорить.

С полдюжины троллей наполнили кружки пивом и понесли их к столу.

— Прекрасно сказал Джоунз. — Перед едой можно и выпить. Еда, конечно, никогда не бывает готова вовремя. Мои маленькие друзья работают охотно, но не очень организованно. Садитесь, и мы поговорим.

Оливер схватил кружку, погрузил в нее мордочку и с удовольствием начал пить.

Напившись, он вытер пену с усов.

— Хорошее пиво, гораздо лучше, чем в тавернах Вайлусинга.

— Снивли называет вашего коня драконом, — сказал Хол Джоунзу. — Но хотя тот изрыгает огонь и дым и ревет при этом, я знаю, что это не дракон. Я никогда не видел драконов, но много слышал о них, и описание никак не подходит к той штуке, на которой вы ездите. У нее же нет ни крыльев, ни головы, а у дракона должна быть и голова, и крылья, да еще и хвост впридачу.

— Вы правы, — обрадованно сказал Джоунз. — Это не дракон, хотя многие согласились бы со Снивли. Это вообще не живое существо, а машина, и называется она — моторный велосипед.

— Моторный велосипед, — повторил Джиб. — Я ничего подобного никогда не слышивал.

— Конечно, не слышали, — согласился Джоунз. — Он — единственный в мире.

— Вы говорите, что это машина, — сказал Корнуэлл. — У нас тоже есть машины, но они совершенно не похожи на эту. Я говорю про военные машины, бросающие камни, стрелы и горючие материалы в осажденный город.

— Или еще мельничное колесо, — вставил Джиб. — Это тоже машина.

— Но мельничное колесо движется силой воды, — сказала Мэри, — а военные машины — натяжением веревок и канатов. А как работает ваша машина?

— У меня не получится объяснить вам это, — ответил Джоунз. — Я бы охотно рассказал, но для вас это не будет иметь никакого смысла.

— Значит, вы сами не знаете, как она действует?

— Точно и я не знаю.

— Тогда это — магия!

— Могу вас заверить, что это не магия. В моем мире магии нет, и чтобы ее отыскать, нужно явиться сюда.

— Не может быть, — сказала Мэри. — Магия везде должна быть, ведь она часть жизни.

— В моем мире магия полностью уничтожена, — сказал Джоунз. — Люди, конечно, говорят иногда о магии, но как о

чем-то давно исчезнувшем. Когда-то она была, но потом исчезла.

— А вы явились в этот мир, чтобы отыскать утраченную в вашем мире магию?

— Именно так. Я ее изучаю.

— Странно, — сказал Корнуэлл. — Очень странно. В вас самом, должно быть, есть какая-то магия, хотя вы ее и отрицаете. Весь маленький народец охотно работает на вас, смотрит за огнем и готовит еду, приносит пиво, заботится о лошадях. За нами они только следили, но не помогали нам.

— Дайте им время, — попросил Джоунз. — То же самое было и со мной, когда я только появился здесь. Они прятались и следили за мной, а я занимался своими делами, не обращая на них внимания. Через некоторое время они стали подходить ко мне и разговаривать со мной. Из моего поведения и слов они решили, что я колдун и могу быть им полезен.

— У вас есть преимущество перед нами, — сказал Корнуэлл. — В нас колдовства нет.

— Я слышал другое, — возразил Джоунз. — Эти малыши рассказали мне, что среди вас есть тот, кто смог выдернуть рог единорога, а также тот, кто носит магический меч, и тот, у кого с собой особый камень.

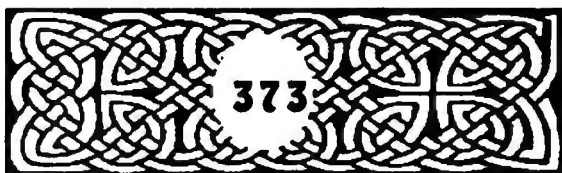
— Откуда они узнали о камне? — изумился Джиб. — Он надежно завернут в ткань, и я несу его тайно. Мы ни разу даже не говорили о нем.

— О, они отлично все знают, — рассмеялся Джоунз, — не спрашивайте меня, каким образом, но знают они, видимо, все. Поправьте меня, если я ошибусь, — камень этот изготовлен давным-давно древними и должен быть возвращен им.

Корнуэлл резко повернулся и подался вперед всем телом.

— А что вы знаете о древних? Где их можно найти?

— Только то, что мне здесь рассказывали. Сначала нужно идти к ведьминому дому, потом через Проклятую Долину, потом обогнуть замок Зверя Хаоса и добраться до Туманных Гор. А там, если повезет, вы сможете найти древних. Мне говорили, что их осталось совсем немного, что они вымирают и прячутся

ото всех. Впрочем, если столкнуться с ними неожиданно, то придется спасать свои жизни.

— Ведьмин дом, — с беспокойством сказала Мэри. — Это старый дом, который выглядит так, будто вот-вот развалится? Он стоит на небольшом холме над ручьем, а через ручей переброшен старинный каменный мост. И дом этот старый, двухэтажный, со множеством труб на крыше и галерей вдоль фасада?

— Очень точное описание, как будто вы его своими глазами видели!

— Да, видела, — сказала Мэри. — В этом доме я жила, когда была ребенком. А под мостом жил тролль Бромли. И еще — домовой Скрипичные Пальцы...

— Бромли ведь приходил к вам вчера вечером, — сказал Джоунз.

— Да, он приходил повидаться со мной. Остальные прятались, а он — пришел! Он меня помнит и, если бы не бросил ту ужасную голову...

— Я беспокоился о том, что произойдет, когда вы достигнете поля битвы, — пояснил Джоунз. — Мне следовало бы выйти вам навстречу, но я несколько трусоват и боялся вызвать нежелательные последствия. Я было пошел вам навстречу, а потом все же вернулся.

— Но с нами ничего не случилось, — сказал Корнуэлл. — Это все, конечно, ужасно, но не так опасно. Поблизости были лишь тролли, гоблины и другие из маленького народа.

— Друг мой, — торжественно произнес Джоунз, — я рад, что вы так думаете. Возможно, эта вера и помогла вам. Я не кочу вас пугать, но должен сообщить, что тут есть и другие.

— Какие — другие? — резко спросил Снивли.

— Церберы, — ответил Джоунз. — Стая кровожадных церберов. Они были рядом с вами с того самого момента, как вы перешли реку.

— Церберы? — переспросил Корнуэлл. — Там были тела на поле битвы, с хвостами и клыками...

— Вы правы.

Зачарованное паломничество

— Я знал о них, — спокойно сообщил Снивли. — Они — часть нашего порядка вещей. Но я сам никогда не видел их и не встречал никого, кто бы их видел. — Повернувшись к Корнуэллу, он пояснил: — Они палачи, профессиональные убийцы. Они наказывают...

— Но пока что они позволили нам пройти досюда, — заметил Корнуэлл.

— И позволят идти дальше, если вы будете продолжать вести себя так же, — сказал Джоунз. — Они просто не настроены против вас. Но сделайте хоть один неверный шаг, и они накинута на вас.

— А вы сами? — спросил Корнуэлл, — за вами они следят?

— Может быть. Вначале, конечно же, следили, а, может, следят и до сих пор. Но, видите ли, у меня сложилась репутация колдуна и, кроме того, они, должно быть, считают меня безумцем.

— И вы поддерживаете такое о себе мнение?

— Надеюсь. Во всяком случае, я не делал ничего, чтобы их разуверить.

— Кто-то двигается по дороге! — воскликнул Снивли.

Все повернулось.

— Это Сплетник, — сказал Джоунз. — паразит чертов! Он чувствует еду за семь миль, а выпивку — вдвое дальше.

Сплетник ковылял по дороге в грязном балахоне, тащившимся за ним в пыли. На плече у него сидел ворон, а с плеча свешивался на веревке какой-то продолговатый предмет, завернутый в овечью шкуру. В левой руке Сплетник держал длинный посох и при каждом шаге энергично ударял им по дороге.

За ним, прихрамывая, бежала маленькая собачонка. Она была белого цвета, за исключением черных пятен вокруг глаз, что было похоже на очки.

Сплетник подошел к столу и остановился перед Корнуэллом, который повернулся к нему лицом. Теперь, когда он был близко, стало видно, что одежда его изношена и порвана, множеством дыр, сквозь которые была видна кожа. Некоторым дыры были залатаны лоскутами разных цветов, но солнце и

грязь сравнивали все оттенки с общим цветом балахона. Ворон линял, из его хвоста торчали перья, и вся птица выглядела, как побитая молюю.

Собачонка тут же уселась и принялась выкусывать блох.

Если Сплетник и был человеком, то не очень-то походил на людей. Уши у него были большие и заостренные, а глаза странно скошены, нос приплюснутый, а зубы напоминали клыки хищника. Всклооченные седые волосы смахивали на крысиное гнездо. Ногти на руке, держащей посох, были длинные, неровные и грязные.

Обращаясь к Корнуэллу, он сказал:

— Вы — Корнуэлл, ученый из Вайлусинга?

— Да.

— Вы предводитель этого отряда пилигримов?

— Не предводитель. У нас все равны.

— И тем не менее, у меня есть для вас слово мудрости, дружеское предупреждение. Не ходите дальше ведьмино дома. До этого места пилигримам еще можно ходить.

— Бекетту не позволили дойти и дотуда.

— Бекетт не был пилигримом.

— А вы уверены, что мы пилигримы?

— Дело не во мне, сэр ученый. Это они так думают, а я лишь передаю их слова.

— Кто это — они?

— Прекрасный сэр, неужели вы так невежественны? Если этого не знаете вы, то в вашем отряде есть такие, которые знают это.

— Вы говорите об Оливере и обо мне, — тут же вмешался Снивли. — Советую вам выбирать слова. Я, как гном, и Оливер, как гоблин, здесь дома и можем идти, куда захотим.

— Я не уверен, что вы имеете на это право, — ответил Сплетник. — Вы предали Братство.

— Вы не ответили мне, — сказал Корнуэлл. — Кто эти они, о которых вы говорите?

— Вы уже слышали о церберах?

— О них я знаю.

Зачарованное паломничество

- А Зверь Хаоса? А еще Тот, Кто Размышляет На Горе?
- И о них я слышал. Это старые басни путешественником. Я встречал лишь беглые упоминания о них.
- Тогда молитесь, чтобы ваше знакомство с ними не стало более близким.
- Корнуэлл взглянул на Джоунза. Тот кивнул.
- Мне он говорил то же самое. Но как вы уже знаете, я трус, и не пошел за ведьмин дом. — Он обратился к Сплетнику: — Как насчет пива?
- С удовольствием. И кусок мяса, если можно. Я проделал долгий путь, и меня мучают голод и жажда.

21

Полная луна встала над горизонтом, гася звезды и заливая поляну светом. Костры горели слабо, а на траве между лагерем и дорогой под пронзительные звуки скрипки танцевали маленькие существа. Это Сплетник после еды развернул свой сверток и достал оттуда скрипку и смычок.

Теперь он стоял, зажав подбородком скрипку, перебирал левой рукой лады, а правой — работая смычком. Побитая молния птица по-прежнему умудрялась сидеть у него на плече, то и дело подпрыгивая, чтобы удержаться равновесие, и издавала возмущенные протестующие звуки. Под столом спала маленькая собачонка Сплетника, объевшаяся мясом, которое ей бросали пирующие. Лапы ее вздрагивали, словно она во сне гонялась за кроликами.

- Их там много, — сказала Мэри, имея в виду танцующих.
- Когда они появились, их столько не было.

Джоунз захихикал:

— Тут собрались все мои, а к ним присоединилось большинство ваших.

- Они вышли из укрытий?

— Их привлекли еда и пиво. Ведь не станут же они прятаться, когда остальные едят?

— Тогда среди них должен быть и Бромли. Почему же он не подходит ко мне?

— Ему и так весело, — предположил Корнуэлл.

Среди танцующих появился Енотус. Подойдя к друзьям, он потерялся о ноги Хола, и тот посадил его себе на колени. Енотус немедленно обернул хвост вокруг лап и закрыл им нос.

— Он слишком много слопал, — констатировал Джиб.

— Он всегда так, — отозвался Хол.

Скрипка пела и визжала. Рука Сплетника бешено трудилась, а ворон протестующе кричал.

— Я не совсем понимаю вас, — негромко сказал Корнуэлл Джоунзу. — Вы сказали, что не бывали за ведьминым домом. Почему? И что вы здесь делаете?

Джоунз улыбнулся.

— Странно, что вы это у меня спрашиваете. У нас ведь много общего. Видите ли, сэр ученый, я тоже студент, как и вы.

— Но почему вы не учитесь?

— Я учусь. Здесь достаточно материала для изучения. Даже более, чем достаточно. Когда изучаешь что-нибудь, нужно тщательно все обследовать, прежде чем делать следующий шаг. Придет время, и я пойду дальше ведьмино дома.

— Говорите, изучаете?

— Да. Заметки, записи, картины. У меня уже скопились груды записей, километры лент...

— Ленты, картины? Вы имеете в виду живопись?

— Нет, — сказал Джоунз. — Я использую фотоаппарат.

— Вы говорите загадками, — сказал Корнуэлл. — Я такого слова не знаю.

— Так не хотите ли взглянуть? Только не будем беспокоить остальных.

Он встал и направился к палатке. Корнуэлл пошел за ним. У входа в палатку Джоунз остановил его.

— Вы человек без предрассудков? — спросил он. — Поскольку вы ученый, у вас их не должно бы быть.

Зачарованное паломничество

— Я шесть лет занимался в Вайлусинге, — ответил Корнуэлл, — и стараюсь не иметь предрассудков, иначе трудно было бы узнать хоть что-нибудь.

— Хорошо. Какое у нас число?

— Октябрь, — ответил Корнуэлл, — а счет дням я потерял. Год Господа нашего одна тысяча девятьсот семьдесят пятый.

— Прекрасно, — сказал Джоунз. — Я только хотел убедиться. К вашему сведению, сегодня семнадцатое число.

— При чем тут дата?

— Может, пока и не при чем, а потом понадобится. Вы первый, у кого я это спросил. Здесь, в Диких Землях, никто не следит за календарем.

Он поднял входной клапан палатки и поманил Корнуэлла за собой. Внутри палатка оказалась больше, чем можно было предположить снаружи. В углу стояла койка, рядом с ней — стол и стул. В центре стола возвышался подсвечник с толстой свечой. Пламя ее дрожало от сквозняка. В углу лежала грудка книг в черных переплетах, рядом с ними стояли открытые ящики. На столе стоял еще один странный предмет, но Корнуэлл отметил, что нет ни пера, ни чернильницы, ни песочницы, и это показалось ему довольно странным.

В противоположном углу стоял большой металлический шкаф, а рядом с ним, у восточной стены, часть пространства была отгорожена плотной черной тканью.

— Здесь я готовлю свои фильмы, — пояснил Джоунз.

— Не понимаю, — с напряжением в голосе сказал Корнуэлл.

— Взгляните.

Джоунз подошел к столу и взял из одного из ящиков пачку квадратных листов.

— Вот. Это фотографии, о которых я говорил. Не рисунки, а фотографии. Возьмите и посмотрите.

Корнуэлл склонился над столом, не дотрагиваясь до так называемых фотографий.

С них смотрели на него цветные изображения домовых и гоблинов, троллей, фей, танцующих на поляне, тот воплощенный ужас, который являли собой церберы, двухэтажный дом и

холме с каменным мостом через ручей. Корнуэлл осторожно поднял рисунок дома и поднес его поближе к глазам.

— Ведьмин дом, — пояснил Джоунз.

— Но это же рисунки, — нетерпеливо заметил Корнуэлл, — миниатюры. При дворе многие художники делают то же самое для книг и для других целей. Только они обводят изображения рамками из цветов, птиц или насекомых, что, по-моему, делает их привлекательнее. Они работают над ними долгими часами.

— Посмотрите повнимательнее. Вы видите здесь следы кисти?

— Это ничего еще не доказывает, — упрямо повторил Корнуэлл. — На миниатюрах тоже не видно следов кисти. Художники работают так тщательно, что никакие следы не видны. Хотя тут все же есть какая-то разница.

— Вы чертовски правы, разница есть. Я использую вот эту машину. — Джоунз положил на стол странный черный предмет. — Я нацеливаю эту машину, смотрю в это окошко, щелкаю и получаю снимки, изображающие то, что видит аппарат. А он видит лучше и правдивей, чем глаз.

— Магия, — сказал Корнуэлл.

— Опять вы то же самое! Говорю вам, здесь не больше магии, чем в моем велосипеде. Это — наука, технология, способ делать вещи.

— Наука — это философия, — сказал Корнуэлл, — и не больше. Приведение Вселенной в порядок, попытка найти во всем смысл. При помощи философии вы не сможете сделать это. Тут должна быть магия.

— А как же ваше отсутствие предрассудков?

Корнуэлл уронил фотографию и гневно выпрямился.

— Вы привели меня сюда, чтобы издеваться надо мной? Вы разыгрываете меня своей магией, уверяя, что ее нет! Почему вы хотите представить меня ничтожным и глупым?

— Вовсе нет, — сказал Джоунз. — Уверяю вас, это не так. Я только хочу, чтобы вы поняли. Впервые появившись здесь, я пытался объяснить то же самое маленькому народу, даже Сплетнику, несмотря на его репутацию и невежество. Я говорил,

что в этом нет никакой магии, что я не колдун, что они меня просто не понимают. Потом я понял, что слыть колдуном даже выгодней, и больше уже не пытался их разуверить. Но по причине, которую я и сам не могу понять, мне нужен кто-нибудь, кто бы меня выслушал. Я думал, что вы, как ученый, меня поймете. По крайней мере, я честно пытался все объяснить.

— Кто же вы тогда? — спросил Корнуэлл. — Если вы не колдун, то кто же?

— Я такой же человек, как и вы, но живу в другом мире.

— Вы говорите о нашем мире и о вашем мире, но ведь мир один. Это единственный мир, который у нас есть, общий для вас и для меня. Впрочем, может быть, вы говорите о Царствии Небесном? Это другой мир, но мне трудно поверить, что вы оттуда.

— О, дьявол! — вздохнул Джоунз. — Все бесполезно! Я должен был знать это заранее. Вы упрямы и тупоголовы так же, как и все остальные.

— Тогда объясните мне. Вы сказали, кем вы не являетесь. Скажите теперь, кто вы есть.

— Слушайте. Когда-то действительно существовал только один мир. Не знаю, как давно это было, — десять или сто тысяч лет тому назад, — установить это невозможно. И вот тогда что-то случилось, но что именно мы, наверное, так никогда и не узнаем. В тот день один из людей совершил некий поступок — что-то сказал, сделал или просто подумал, не знаю, — но с этого момента стало существовать два мира, не один, а два! В самом начале различие между мирами было ничтожным, миры еще не разошлись, они проникали друг в друга. Можно было подумать, что это по-прежнему один мир. Но постепенно различий становилось все больше, и стало очевидно, что мира два, а не один. Миры все больше расходились, потому что были несовместимы. Люди, жившие в этих мирах, пошли по разным дорогам, и один мир раскололся надвое уже реально. Не спрашивайте меня, как это получилось, какие физические или метафизические законы ответственны за этот раскол. Я не знаю этого, да и никто не знает. В моем мире лишь горстке людей

известно, что это вообще произошло. Остальные миллионы людей этого не знают, а узнав, не поверили бы.

— Магия! — упрямо повторил Корнуэлл. — Вот как это случилось!

— Черт возьми! Опять вы за свое! Едва дойдешь до чего-то непонятного, сразу выскакивает это слово. Вы ведь образованный человек. Вы много лет учились...

— Шесть нищих, голодных лет.

— Тогда вы должны знать, что магия...

— Я знаю о магии больше, чем вы, сэр. Я изучал ее. В Вайлусинге это обязательный предмет.

— Но церковь...

— Церковь не спорит с магией. Только с неправильным ее использованием.

Джоунз устало опустился на койку.

— Наш разговор бесполезен. Я говорю вам о технологии, а вы отвечаете, что это — магия. Велосипед — дракон, фотоаппарат — злой глаз... Джоунз, почему ты до сих пор не опустил руки?

— Я не знаю, о чем вы говорите, — признался Корнуэлл.

— Конечно, не знаете.

— Вы говорите, что мир разделился: был один, а потом раскололся на два.

Джоунз кивнул.

— Так должно было быть. Вот ваш мир. В нем нет технологии, нет машин. О, я знаю о ваших машинах — об осадных механизмах и водяных мельницах. Конечно, это тоже машины, но в нашем мире они совсем другие. За последние пятьсот, а, может, и тысячу лет вы совершенно не продвинулись вперед в смысле технического прогресса. Вы даже не знаете слова технология! Конечно, были события, общие для обоих миров, — возвышение христианства, например. Но главное, — не представляю, как это могло произойти, — у вас не было Возрождения, реформации и промышленной революции.

— Вы используете термины, которых я не понимаю.

— Простите, я увлекся. События, о которых я упоминал, у вас не произошли. Не было ни одного поворотного пункта в истории. И еще кое-что. Вы здесь сохранили магию и героев древнего фольклора. Здесь они живут, а в моем мире они — просто герои эпосов и сказаний. В моем мире мы утратили магию и всех этих малышей, отчего он стал беднее.

Корнуэлл сел на кровать рядом с ним.

— Вы хотите понять, как раскололся мир, — сказал он. — Я и на минуту не допускаю, что вы говорите правду, хотя, признаться, ваши странные машины меня поразили...

— Не будем говорить о них, — устало сказал Джоунз. — Сойдемся на том, что мы — два честных человека, отличающиеся в подходе к некоторым философским проблемам. Конечно, я приветствовал бы выяснение причины раскола двух наших миров, хотя сюда я явился не за этим и сомневаюсь, чтобы эту причину можно было выяснить. Вероятно, она исчезла.

— Она еще может существовать, — возразил Корнуэлл. — Какая-то вероятность есть, пусть и безумно малая...

— О чем вы говорите?

— Вы сказали, что мы два честных человека, отличающиеся друг от друга. Но ведь мы оба — ученые...

— Верно. И что же?

— В моем мире ученые состоят членами особой гильдии, традиционного братства.

Джоунз покачал головой.

— Примерно то же есть и в моем мире. Ученые, как правило, честны друг с другом.

— Тогда я открою вам тайну, хотя и не свою...

— Мы из различных культур, — сказал Джоунз. — Наши взгляды могут различаться, и мне было бы неприятно, если бы вы открыли мне тайну, которую мне знать не следует. Я бы не хотел затруднять вас ни сейчас, ни позже.

— Но ведь мы оба — ученые. У нас общая этика.

— Ладно, — устало согласился Джоунз. — О чем же вы хотите мне рассказать?

— Где-то в Диких Землях есть университет. Я слышал о нем и считал, что это только легенда, но оказалось, что он действительно существует. Есть древние рукописи...

Музыка снаружи прекратилась, и наступила внезапная тишина. Джоунз замер, а Корнуэлл сделал шаг к выходу и остановился, прислушиваясь. Послышался далекий, но отчетливый крик, в котором звучало отчаяние.

— О, Боже мой! — прошептал Джоунз. — Еще не все кончено. Они не позволили ему уйти.

Корнуэлл выскочил из палатки. Джоунз последовал за ним. Танцующие отступили от порога. Никто не разговаривал, все, казалось, затаили дыхание. Костры по-прежнему вздымали к лунному небу столбы дыма.

На дороге показался обнаженный человек.

Он шел, спотыкаясь, и кричал. Его бессмысленный бесконечный крик то усиливался, то замирал, но не прекращался ни на секунду. Запрокидывая голову, он кричал прямо в небо. За ним и по обе стороны от него двигалась свора церберов, зловеще черных во мраке ночи. Некоторые шли на четвереньках. Другие, выпрямившись, шагали на задних лапах, размахивая длинными передними. Их короткие мясистые хвосты подрагивали от возбуждения, а ужасные клыки белели на черном фоне рыл.

Оливер выбрался из толпы и подошел к Корнуэллу.

— Это Бекетт, — сообщил он. — Они его поймали.

Человек и свора церберов все приближались, и крик человека все не смолкал. Но теперь стал различаться и другой звук — басистый аккомпанемент крика-ворчания церберов.

Корнуэлл вышел вперед и встал рядом с Джибом и Холлом. Он пытался заговорить, но не мог. Холодная дрожь била его, он никак не мог унять стук зубов.

— Это Бекетт, — повторил Оливер. — Я узнал его. Раньше я часто его видел.

Подойдя ближе к лагерю, Бекетт неожиданно перестал кричать и, пошатнувшись, повернулся лицом к толпе, подняв руки вверх.

— Убейте меня! — завопил он. — Ради любви Марии к Сыну — убейте меня! Если среди вас есть человек, пусть он убьет меня, ради любви Господа!

Хол поднял лук и потянулся за стрелой.

Снивли перехватил его руку и потянул ее книзу.

— Вы с ума сошли! — воскликнул он. — Только попробуйте сделать это, и они набросятся на вас. Вы не успеете пустить стрелу, как они уже вцепятся вам в горло.

Корнуэлл шагнул вперед, вытягивая меч из ножен.

Ему преградил путь Джоунз.

— Прочь с дороги! — проревел Корнуэлл.

Ничего не ответив, Джоунз коротко размахнулся и ударил Корнуэлла в подбородок. Ученый рухнул, как подрубленное дерево.

Церберы на дороге набросились на Бекетта. Они не повалили его, только рвали клыками и отскакивали. Половина его лица исчезла, кровь струилась по щеке, язык дергался в агонии, крик застревал в горле. Снова сверкнули клыки, и внутренности человека вывалились наружу. Рефлекторно Бекетт наклонился вперед, сжимая руками разорванный живот. Острые клыки оторвали ему пол-ягодицы, и он выпрямился, размахивая руками и дико крича. Потом он упал и задергался в пыли с воем и стонами.

Церберы отошли и уселись в кружок, рассматривая его с каким-то благожелательным интересом. Постепенно стоны стихли. Бекетт медленно поднялся на колени, потом встал. Он снова был цел. Лицо было в порядке, ягодица на месте, живот не разорван. Церберы лениво поднялись. Один из них подтолкнул Бекетта носом, и тот пошел дальше по дороге, возобновив свой бесконечный крик.

Корнуэлл сел, мотая головой и держась за меч. Из тумана перед ним выплыло лицо Джоунза.

— Вы ударили меня кулаком! Тоже мне, честный способ ведения борьбы!

— Держите руки подальше от своей палки, — посоветовал Джоунз, — или я опять вас ударю. Мой друг, я же спас вашу бесценную жизнь!

22

Корнуэлл постучал, и ведьма открыла ему дверь.

— Ага, — сказала она, обращаясь к Мэри. — Вот ты и вернулась. Я всегда знала, что ты вернешься. С того самого дня, как увела тебя по дороге, я знала, что ты придешь к нам. Я поставила тебя на дорогу, ведущую в Пограничье, хлопнула по маленькой попке и велела тебе идти. И ты пошла, не оглядываясь. Я знала, что когда ты вырастешь, то вернешься. В тебе всегда было что-то странное. Ты не подходила для мира людей. И ты не обманула старую бабку...

— Мне было тогда всего три года, может, и того меньше, — сказала Мэри. — И вы не моя бабушка. Вы ею и не были никогда, и я никогда вас не видела раньше.

— Ты была слишком мала, чтобы помнить меня. Я оставила тебя у себя, но наступили опасные времена и, казалось, тебе будет лучше уйти с Очарованной Земли, хотя это и разбило мое сердце. Ведь я любила тебя, девочка!

— Это все ложь! — воскликнула Мэри, повернувшись к Корнуэллу. — Я не помню ее. Она не моя бабушка.

— Но ведь это же я поставила тебя на дорогу, ведущую в Пограничье, — настаивала ведьма. — Я взяла тебя за маленькую ручку и побрела, согнувшись: меня тогда мучил артрит. Ты шла рядом и все время щебетала о чем-то.

— Я не могла щебетать, — возразила Мэри. — Я никогда не была болтушкой.

Дом оказался точно таким, как описывала его Мэри: старый полуразрушенный дом на холме, а под холмом ручей, со смехом бегущий по равнине, с каменным мостом над сверкающей водой. Группа берез росла у одного угла дома, а ниже по холму была

живая изгородь из кустов сирени, странная изгородь, которая ничего не огораживала. За сиренью виднелась груда булыжников, а дальше, у ручья, был заболоченный пруд.

Остальные члены маленького отряда ждали у каменного моста, глядя на дом, где перед открытой дверью стояли Мэри и Корнуэлл.

— Ты всегда была несносным ребенком, — говорила ведьма, — и постоянно устраивала разные штуки. Впрочем, это не свойство твоего характера: так ведут себя многие дети. Ты невыносимо дразнила бедного людоеда, бросая камни и палки в его нору, так что бедняга едва мог спать. Ты, наверное, удивишься, узнав, что он вспоминает о тебе лучше, чем ты этого заслуживаешь. Услышав о том, что ты идешь сюда, он сказал, что надеется с тобой повидаться. Правда, будучи людоедом с большим чувством собственного достоинства, он не может сам к тебе выйти. Если ты хочешь увидеться с ним, тебе придется подождать.

— Я помню людоеда, — сказала Мэри, — и как мы бросали камни в его нору, тоже помню. Не думаю, чтобы я когда-либо видала его. Я часто думала о нем и даже гадала, есть ли он на самом деле. Говорят, он был, но сама я его никогда не видала.

— Конечно, людоед есть, он очень милый. Однако, я совсем забылась. Я так рада снова увидеть тебя, дорогая, что, боюсь, оказалась невежливой. Мы стоим здесь, а мне давно уже следовало бы пригласить вас к чаю, и потом, я не сказала ни слова приветствия этому прекрасному рыцарю, который тебя сопровождает. Я не знаю, кто вы такой, — обратилась она к Корнуэллу, — но о вашей компании рассказывают настоящие чудеса. И о тебе тоже, — добавила она, обращаясь к Мэри. — Я вижу, с тобой больше нет рога единорога. Только не говори, что потеряла его!

— Нет, я его не потеряла, — ответила Мэри. — Его просто неудобно нести, и я оставила его с теми, что ждут у моста.

— Ну, хорошо, — сказала ведьма. — Я взгляну на него позже, ведь услышав о нем, я очень рассчитывала, что смогу на него взглянуть. Ты покажешь мне его?

— Конечно, покажу.

Старая карга захихикала.

— Я никогда не видела рог единорога и, хотя это покажется тебе странным, самого единорога тоже. Даже в этих землях единорог очень редко встречается. Но идемте, попьем чаю. Только вдвоем. Так нам будет уютнее. А тем, у моста, я вышлю корзину печенья. Ты всегда любила это печенье с семечками...

Она шире открыла дверь и сделала знак рукой, приглашая их войти. В прихожей было темно.

Мэри застыла на пороге.

— Тут что-то не так. Я помню дом ярким, полным света и смеха.

— Это все твое воображение, — резко сказала ведьма. — Оно у тебя всегда было очень богатым. Ты выдумывала игры и играла с этим глупым троллем, который жил под мостом, и со взбалмошным домовым Скрипичные Пальцы. — Она захихикала, вспоминая. — Ты могла вовлечь их во что угодно. Они ненавидели эти твои пироги из глины, но делали их для тебя. Они страшно боялись людоеда, но когда ты бросала камни в его нору, они шли с тобой и тоже бросали. Ты говоришь, что я — ведьма, с моим артритом и длинным изогнутым носом, но ты сама ведьма, дорогая, да, да, и еще лучше меня.

— А ну, полегче! — сказал Корнуэлл и взялся за меч. — Миледи вовсе не ведьма.

Старая карга протянула костлявую руку и легко положила ее ему на ладонь.

— Я сказала ей комплимент, благородный сэр. Нельзя больше похвалить женщину, чем сказать ей, что она ведьма.

Корнуэлл отбросил ее руку.

— Следи за своим языком.

Ведьма улыбнулась, показав почерневшие обломки зубов, и повела их по темному, сырому и затхлому коридору в маленькую комнату, устланную старым выцветшим ковром. У одной из стен был камин. Через широкое окно лился солнечный свет, высвечивая убогость обстановки. На узкой полке у окна

Зачарованное наомничество

стояли побитые тарелки, в центре комнаты стоял резной стол, накрытый скатертью, а на ней — серебряный чайный сервиз.

Ведьма указала им на стулья, а сама села перед кипящим чайником, от которого валил пар. Потянувшись за чашкой, она сказала:

— Теперь мы можем поговорить о старых временах, о том, что изменилось с тех пор в мире, и что вы здесь делаете.

— Я хочу спросить о моих родителях, — сказала Мэри. — Я о них ничего не знаю. Мне нужно знать, кто они, что делали здесь и что с ними случилось.

— Это были хорошие люди, — сказала ведьма, — но очень странные, непохожие на других жителей. Они не смотрели сверху вниз на обитателей Диких Земель. В них не было зла, только глубокое понимание. Они разговаривали со всеми встречными и при этом задавали такие вопросы! Я часто думала, что они здесь делают. Они ничем не занимались. Они говорили, это отпуск. Странно, что такие умные люди могут проводить здесь свой отпуск, но если это так, то он был очень уж долгим. Они прожили здесь почти год и ничего не делали, а просто ходили вокруг и были добры со всеми встречными. Я помню день, когда они пришли — спустились по дороге и перешли через мост. Они шли вдвоем, моя дорогая, и ты между ними. Они держали тебя за руки, как будто ты нуждалась в помощи, хотя я знаю, что тебе никогда не была нужна ничья помощь. Подумать только, люди преспокойно идут по дороге в Диких Землях и ведут с собой ребенка! Как будто вышли на прогулку апрельским утром. Любой, кто мог бы причинить им зло, отказался бы от этого намерения, потрясенный их наивностью и доверчивостью. Помню, как они подошли к дому и постучали в дверь. Они спросили, не могут ли пожить здесь, и я, конечно, сказала, что могут. С моим добрым сердцем я никому не могу отказать.

— Знаете, — сказала Мэри колдунье, — я думаю, вы лжете. Я не верю, что это ваш дом. Я не представляю себе, что мои родители могли быть вашими гостями. Хотя добиваться от вас правды бесполезно.

— Но, моя дорогая, — возразила ведьма, — все это совершенная правда. Зачем мне лгать тебе?

— Не будем спорить, — сказал Корнуэлл. — Правда это или нет, продолжим дальше. Что случилось с ними?

— Они ушли к Проклятой Долине. Я не знаю, зачем они туда пошли, они мне этого не говорили. Конечно, они были приятные люди, но ничего не говорили мне. Они оставили со мной своего ребенка и ушли к Проклятой Долине. С тех пор о них никто не слышал.

— И тогда вы отвели Мэри в Пограничье?

— Ходили разные слухи, и я боялась оставлять ее здесь.

— Какие слухи?

— Не помню.

— Вот видите, — сказала Мэри. — Она лжет.

— Конечно, лжет, — согласился Корнуэлл, — но мы не знаем, все ли ее слова ложь.

— Как печально, — сказала ведьма, — что они сидят за моим столом, пьют мой чай и не верят моим словам...

Она закрыла лицо руками.

— Они оставили какие-нибудь вещи? — спросила Мэри. — Письма? Что-нибудь другое?

— Как странно, что ты спросила об этом, — сказала ведьма. — Об этом же спрашивал другой человек. Его зовут Джоунз. Я сказала ему, что ничего не знаю и что что-нибудь может быть на втором этаже. Сама я стара и не могу подняться по лестнице. О, я знаю, вы думаете, что ведьма может взять метлу и лететь, куда угодно. Но вы, люди, не понимаете. Есть определенные правила...

— Джоунз ходил наверх?

— Конечно. Он сказал, что ничего не нашел, но глаза у него бегали. Я помню, как спросила его...

Дверь дома открылась и кто-то вошел в прихожую. Ворвавшись в комнату, Джиб с трудом затормозил.

— Марк, — сказал он, — снова неприятности. Показался Бекетт.

Корнуэлл вскочил.

— Бекетт? Вот как? А церберы?

— Он бежал от них.

— Невозможно. — сказал Корнуэлл. — Как от них убежать? Где он?

— У моста. Он прибежал к нам голый, и Бромли принес ему полотенце.

Дверь снова хлопнула и, тяжело дыша, вбежал Снивли.

— Это ловушка! — крикнул он. — Мы не можем оставить его здесь. Церберы позволили ему бежать. Теперь они скажут, что мы дали ему убежище и набросятся на нас.

— Эти маленькие, жалкие песики? — сказала ведьма. — Где моя метла? Ни один цербер не подойдет ко мне. Дать им разок как следует...

— Мы не можем вернуть его им, — сказал Корнуэлл, — после того, что вчера видели. Он имеет право просить у нас защиты. В конце концов, он христианин, хотя и очень плохой.

Корнуэлл быстро пошел наружу, остальные последовали за ним.

Снаружи, по склону холма к дому поднималась пестрая процессия. Впереди шел Бекетт, обвязанный по талии полотенцем, за ним, обернув тетиву лука вокруг его шеи, шел Хол. Еще дальше двигался Оливер, толпа троллей, домовых, гномов и фей.

Хол пальцем указал через плечо.

— Мы не одни, — сказал он Корнуэллу, не сводя взгляда с Бекетта.

Корнуэлл посмотрел в указанном направлении. На вершине соседнего холма за ручьем сидела свора церберов. Они ничего не делали, просто сидели и ждали, что произойдет.

С холма же спускался очень неуклюжий гигант примерно двенадцати футов росту, но с очень маленькой головой. Корнуэлл подумал, что у него голова не больше обыкновенной человеческой, а может, даже меньше. Огромное тело не было мускулистым, оно было мягким и дряблым — безо всякой силы. На гиганте были шорты и порванная на плече куртка. Двигался он медленно, его большие плоские ступни ударялись о землю.

Зачарованное паломничество

длинные вялые пальцы были опущены вниз, руки не раскачивались при ходьбе, как у человека, а просто висели.

Корнуэлл вышел ему навстречу.

— Оставайтесь с Бекеттом, — сказал он. — С этим я справлюсь.

Гигант остановился у моста. Он широко расставил ноги, и голос его загремел так, что слышно было всем:

— Я посланник церберов, — ревел он, — и говорю с теми, у кого нет права находиться здесь. Я принес вам последнее предупреждение. Поворачивайте назад, возвращайтесь туда, откуда явились! Но сначала выдайте того, который бежал.

Он замолчал и стал ждать ответа.

Корнуэлл услышал шум за своей спиной и быстро повернулся. Бекетт вырвался от Хола и бежал по склону к гряде камней. Лук по-прежнему висел у него на шее, а Хол гнался за ним. Неожиданно Бекетт будто провалился сквозь землю. Он исчез, словно земля поглотила его.

Ведьма, ковылявшая сзади, испустила громкий вопль:

— Вот сейчас начнется! Он нырнул прямо в пещеру людоеда!

— Отвечайте же! — взревел гигант. — Дайте ваш ответ!

Корнуэлл повернулся к нему лицом.

— Мы простые пилигримы, — крикнул он, — и не хотим ни с кем ссориться, Мы только ищем древних.

Вестник загоготал:

— Если вы найдете древних, они разрежут вас на куски. Вы сошли с ума, если ищете их. Никто не пройдет через Проклятую Долину, это — запретное место! Дальше вам не пройти. Отдайте нашего пленника и поворачивайте назад. Если вы сделаете так, мы не причиним вам вреда. Вы благополучно вернетесь в Пограничье, мы обещаем это.

— мы не повернем, — твердо ответил Корнуэлл. — Не для того мы зашли так далеко, чтобы бежать, поджав хвост. И мы не отдадим пленника. Он уже ответил перед вами, теперь ответит нам.

— Да будет так! — взревел гигант. — И пусть ваша кровь обогрит ваши собственные руки!

— Кровь не нужна ни на чьих руках, — ответил Корнуэлл.
— Пропустите нас. Найдя древних, мы возвратимся в свои земли.

— А пленник? Еще много миль должен он пробежать, непрерывно крича. Агония для него не должна кончиться. Придя сюда со своим отрядом, он осквернил нашу священную землю, а это означает войну. Но сегодня мы стали мягкими и добрыми. Радуйтесь этому и отдайте нам нашу игрушку.

— Только если вы убьете его быстро — ужасно, но быстро!

— А зачем? В наши унылые времена так мало развлечений. Надеюсь, вы не лишите нас этой забавы.

— Если вы не пообещаете сделать это быстро, тогда лишим.

— Сделайте так, — загремел гигант, — и вы займете его место!

— Посмотрим, — отрезал Корнуэлл.

— Значит, вы отказываетесь вернуть его?

— Отказываемся.

Гигант повернулся и неуклюже пошел назад. Церберы не шевельнулись.

Сзади снова началась суматоха, и Корнуэлл повернулся. Тролли, гоблины и прочие из маленького народа разбежались во все стороны. Из-под земли за камнями поднимался живой ужас.

Ведьма кричала, колотя метлой о землю:

— Я же вам говорила, что он попал в нору людоеда, а с людоедом шутки плохи!

Теперь можно было различить, что людоед пятится из норы и что-то тащит за собой. Подбежав ближе, Корнуэлл увидел, что это Бекетт, который, яростно вопя, цеплялся за землю и упирался изо всех сил. Людоед сильно дернул его, и Бекетт вылетел из норы, как пробка из бутылки. Лук Хола каким-то чудом все еще держался у него на шее. Великан презрительно отшвырнул Бекетта в сторону.

— Есть у вас уважение хоть к чему-нибудь? — закричал он, обращаясь не только к Бекетту, но и ко всем остальным. —

Разве жилище не священно? Чего вы все тут стоите? Что происходит?

— Сэр людоед, — ответил Корнуэлл, — мы чрезвычайно сожалеем. Мы и не думали вас беспокоить.

Людоед оказался довольно приземистым и больше всего походил на громадную жабу. Глаза у него были размером с блюдце, рот усажен острейшими зубами, а все тело сплошь покрывала грязь, которая отваливалась большими кусками, когда он двигался.

— Такого никогда еще не случалось, — сказал людоед. — Местные жители меня знают. Только чужак мог поступить так, как этот нахал. Правда, когда-то была еще одна девчонка, которая швыряла ко мне в нору камни, кору и другие предметы. До сих пор не понимаю, что в этом занятии хорошего. — Его глаза-блюдца остановились на Мэри. — Если не ошибаюсь, — сказал он, — это она и есть. Немного подросла, правда, но это она.

Ведьма подняла свою метлу:

— Назад! — закричала она. — И не думай наложить на нее свои грязные лапы! Она просто была живым ребенком и вовсе не хотела причинять тебе вред. Она играла и веселилась, а на нашей земле так мало веселья.

Мэри сказала:

— Мне очень жаль, что это было. Я просто не понимала, что вас беспокою. Видите ли, мы делали вид, что боимся, бросали палки и камни, тут же поворачивались и убегали.

— И ты, и этот твой домовый Скрипичные Пальцы, и сумасшедший тролль Бромли — впрочем, все тролли сумасшедшие, — вы думали, что я не знаю, а я знал и хихикал над вами. Вероятно, вам трудно представить себе, что я могу хихикать?

— Не знаю, — сказала Мэри. — Если бы я знала это, то пришла бы к вам и представилась.

— Ну, что ж, — сказал людоед и уселся на землю, — теперь ты знаешь это. Давай, приходи, — и он хлопнул по земле рядом с собой огромной ладонью. — Иди сюда и садись.

Ведьма радостно взвизгнула:

Зачарованное наломничество

— Иди, — сказала она Мэри. — Я принесу чайник, и мы будем пить чай.

Она повернулась и заторопилась в дом.

Корнуэлл заметил, что Хол и Джиб крепко держат Бекетта, который неподвижно лежал на земле.

— Что нам с ним делать? — растерянно спросил Хол.

— Думаю, мы должны отрубить ему голову или вернуть его церберам, — сказал Корнуэлл, — но это представляется мне отвратительным поступком.

— Умоляю о милосердии! — взвыл Бекетт. — Как один христианин другого, я прошу вашей милости. вы не можете отдать христианина на растерзание языческой орде.

— Вы — зверь, а не христианин, — заметил Корнуэлл. — Я предпочел бы десять язычников такому христианину, как вы. У меня нет сочувствия к человеку, который пытался меня убить.

— Но я же никогда не старался убить вас! — воскликнул Бекетт и сделал попытку встать. — Я никогда вас даже не видел! Ради любви Господа...

— Меня зовут Марк Корнуэлл, и вы наняли людей, чтобы они меня убили.

Оливер, сидевший позади Корнуэлла, добавил:

— Вы пытались убить его из-за рукописи, найденной в библиотеке Вайлусинга. И меня убили бы, если бы смогли. Вам донес монах Освальд, а утром его нашли в переулке с перерезанным горлом.

— Но это было так давно! — завопил Бекетт. — Я раскаялся!

— Раскаяние ничего вам не даст, — возразил Корнуэлл. — Выбирайте: церберы или меч. Такой негодяй не имеет права жить.

— Позвольте мне, — попросил Джиб. — Нехорошо пачкать ваш меч кровью этого подлеца. Один удар моего топора...

Но тут костлявая рука схватила Корнуэлла за плечо.

— Прекратите говорить об убийстве! — завизжала подошедшая к нему ведьма. — Я заявляю на него свои права. Жалко терять такой прекрасный образчик мужчины. Мне он нужен.

Много ночей прошло с тех пор, как мужчина в последний раз согревал мою постель.

Она нагнулась, осматривая Бекетта, вытянула руку и подняла его голову за подбородок. При виде ее глаза Бекетта остекленели.

— Он не стоит вашего беспокойства, — обратился к ведьме Оливер. — Он сбежит, как только появится такая возможность. И потом эти церберы...

— Ха! — возмущенно сказала ведьма. — Эти щенки знают, что со мной лучше не связываться. Я им покажу свою метлу. А что касается бегства, то я наложу на него заклятье, и он никогда и никуда не убежит. Я его хорошенько использую. Я покажу ему такую любовь, какой он и не видывал.

— Кажется, — обратился Корнуэлл к Бекетту, — теперь у вас есть три возможности: церберы, меч, или...

— Что за ерунда! — завопила ведьма. — Нет у него выбора! Вы слышали — я его забираю. — Она принялась размахивать руками, а изо рта у нее полилась какая-то тарабарщина. При этом ведьма приплясывала и постукивала пятками о землю. — А теперь освободите его!

Хол и Джиб отпустили Бекетта, а Корнуэлл попятился от него. Бекетт повернулся, встал на четвереньки и начал ластиться к ведьме.

— Как пес! — изумленно сказал Корнуэлл.

— Смотрите, какой он милый, — обрадовалась ведьма. — Он меня любит.

Она потрепала его по голове, и Бекетт в экстазе завизжал и начал извиваться всем телом.

— Идем, мой дорогой, — сказала она, повернувшись, и пошла к дому. Бекетт, по-прежнему на четвереньках, побежал за ней.

Пока все это происходило, остальные занимались чаепитием. Ведьма, которой помогало множество добровольцев, принесла чай и печенье. Все это расставили на столе перед камнями, рядом с норой людоеда.

Корнуэлл осмотрелся. Ни неуклюжего гиганта, ни церберов не было видно. Совершенно неожиданно место приобрело счастливый и безмятежный вид. Мягкое осеннее солнце клонилось к горизонту, снизу доносилось бормотание ручья.

— А где лошади? — спросил Корнуэлл.

— Ниже по ручью, — ответил Хол. — Ходят по колено в траве и наслаждаются ею. За ними присматривает Снивли.

На трёх лапах прискакал Енотус, сжимая в четвертой печенье. Хол взял енота на руки. Тот удобно расположился у Хола на коленях и принялся жевать.

— Я думаю, все кончилось, — заявил Корнуэлл. — Присоединимся к остальным.

— Интересно, как будут действовать церберы, когда поймут, что до Бекетта им не добраться? — сказал Джиб.

Корнуэлл пожал плечами:

— Поживем — увидим...

23

Людоед сунул в рот печенье и искоса поглядел на Корнуэлла.

— Кто эта тряпка, что сопровождает тебя? — спросил он у Мэри.

— Он вовсе не тряпка, — ответила девушка, — и если вы будете говорить гадости, то на себе испытаете силу его руки. — Она повернулась к Корнуэллу: — Он вовсе не плохой, просто так привык.

— Не стой здесь, — проворчал людоед. — Садись рядом и бери чай. Я бы предложил и печенье, но его уже нет. Никогда не видел таких прожорливых гостей. Набросились на печенье так, словно с голоду мрут!

— Они не могут умирать с голоду, — сказала Мэри, — после вчерашнего пира.

— Они прозорливы, — посетовал людоед. — Такова их природа. Несмотря на внешнюю привлекательность, это только утробы, прикрепленные к длинным кишкам.

Корнуэлл сел рядом с людоедом, и фея налила ему чая. Чашка была крошечная, и он с трудом держал ее своими большими пальцами.

Чашка была заполнена только наполовину: чая тоже оставалось мало.

— Людоед рассказывал мне о моих родителях, — сказала Мэри. — Похоже, он хорошо их знал.

— Особенно твоего отца, — сказал людоед. — У нас с ним оказалось очень много общих интересов. По вечерам мы часто сидели здесь и разговаривали. Он был разумным и проницательным человеком и разговаривать с ним было приятно. Он был ученый и джентльмен, уважал нашу землю и ее жителей и не боялся их, а это встречается у людей нечасто. Хотя леди я видел реже, мне она тоже очень понравилась. А их девочку я любил, как свою дочь. Впрочем, отвратительно думать, что у меня может быть такая дочь. Я лежал в норме, когда она бросала камни и грязь, и, представляя, как она дрожит и замирает от ужаса, трясся от хохота.

— Трудно представить вас трясущимся от хохота, — сказал Корнуэлл.

— Мой дорогой сэр, это потому, что вы меня не знаете. У меня есть качества, которые обнаруживаются не сразу.

— Со вчерашнего дня я думаю: может, мои родители пришли из того же мира, что и мастер Джоунз? — сказала Мэри.

— Может быть, — ответил людоед. — Не из их слов или поступков, а потому, что в них я вижу что-то общее с этим вашим мастером Джоунзом, какие-то проявления характера, то, как они смотрят на мир, какая-то самоуверенность, которая временами перерастает в высокомерие. Они явились без магических машин, которыми снабжен Джоунз. Напротив, они пришли как скромные пилигримы, с мешками за спинами. Я как раз сидел на солнышке, когда они втроем спустились по склону холма и перешли мост, и это было прекрасное зрелище! Мои

старые глаза не видели лучшего. У них было с собой совсем мало вещей, только самое необходимое.

— И они вам понравились, — вставила Мэри.

— очень. Печален был день, когда они ушли на запад, к Проклятой Долине. Они собирались и тебя взять с собой, но я отговорил их. Я знал, что бесполезно отговаривать их идти. Как я думаю, единственная причина, по которой они оставили тебя здесь, это то, что они не секунды не сомневались, что вернутся обратно. Они успокоили себя тем, что избавят тебя от трудностей пути. Не от опасностей: они не считали, что они их ждут.

— Значит, они ушли на запад, — сказал Корнуэлл. — Что они там искали?

— Не знаю, — ответил людоед. — Они никогда не говорили мне этого. Когда-то мне казалось, что я знаю, но теперь я не уверен. Они что-то искали. И у меня сложилось впечатление, что они хорошо знают, что ищут.

— Вы думаете, что теперь они мертвы? — спросила Мэри.

— Вовсе нет. Я сижу здесь, у входа в мою нору, год за годом, и смотрю на холм. Честно говоря, я не ожидал их, но, если бы они вернулись, я бы не удивился. В них было что-то несгибаемое. Несмотря на свою мягкость, они казались существами бессмертными, как будто смерть существовала не для них. Я знаю, что это звучит странно, и я, несомненно, ошибаюсь, но временами испытываешь чувства, которые оказываются сильнее логики. Я видел, как они уходили, и следил за ними, пока они не скрылись из виду. Теперь я вижу, как уходите вы. Ведь вы собираетесь идти за ними? И она с вами пойдет, ее, наверное, не остановишь.

— Хотел бы я знать, каким способом сделать это, — сказал Корнуэлл.

— Нет такого способа, — отозвалась Мэри, — по крайней мере, пока остается шанс их найти.

— Что я могу на это сказать? — развел руками Корнуэлл.

— Ничего, — согласился людоед. — Надеюсь, вы владеете мечом лучше, чем кажется на первый взгляд. Вы ведь не похожи на воина. От вас пахнет книгами и чернилами.

— Вы правы, — сказал Корнуэлл. — Но я иду в хорошей компании. У меня отличные товарищи, а мой меч сделан из волшебного металла. Я бы только хотел побольше потренироваться с ним.

— Я думал, — задумчиво сказал людоед, — что если к вам присоединится еще один путник, ваша компания станет сильнее.

— Вы имеете в виду Джоунза?

Людоед кивнул:

— Он называет себя трусом, но в его трусости есть огромное достоинство. Храбрость — это болезнь, часто — смертельная. От нее умирают. А Джоунз этого не допустит. Он не предпринимает действий, которые сочтет рискованными. Я думаю, он обладает могущественным оружием, хотя и не знаю, каким именно. У него есть и магия, но не такая, как у нас, более слабая и в то же время более сильная. Его хорошо иметь рядом с собой.

— Не знаю, — неуверенно сказал Корнуэлл. — Есть в нем что-то, от чего мне не по себе.

— Власть его магии, — сказал людоед. — Ее сила и размах. И необычность.

— Может быть, вы и правы. А впрочем, все равно нужно поговорить об этом с ним самим.

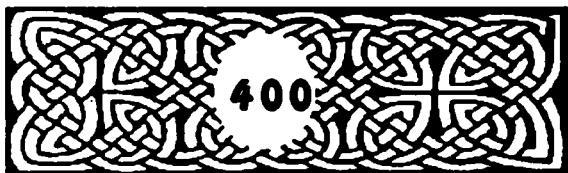
— Может, он этого и ждет, — предположила Мэри. — Он хочет идти дальше в Дикие Земли и боится идти один.

— А вы как? — спросил Корнуэлл у людоеда. — Присоединитесь ли вы к нам?

— Нет, не думаю, — проговорил людоед. — Я давно покончил с глупостями. Если подумать хорошенько, я никогда и не был глупым. А сейчас я вообще понял, что единственное, в чем я нуждаюсь и чего хочу, это спокойно спать в своей норе или сидеть у входа в нее, наблюдая окружающий мир.

— Но вы скажете, что нас ожидает?

— Я могу только повторить разные слухи, — сказал людоед, — а слухов вы и так знаете предостаточно. Их вам любой может пересказать. И если вы будете обращать на них внимание, то

поступите глупо. — Он испытующе посмотрел на Корнуэлла. — Но вы не кажетесь мне глупцом.

24

Лагерь Джоунза выглядел покинутым. Там все еще стояли три полосатые палатки, но нигде не было видно ни души. Грубо сколоченный стол тоже стоял на прежнем месте, а вокруг него и вокруг угасшего огня, на котором готовили еду для пиршества, валялись обглоданные кости и пивные кружки. Два бочонка пива все еще стояли на козлах, где из них наливали пиво.

Заблудившийся ветерок пробежал меж деревьев и взвихрил облако тонкой пыли на дороге.

Мэри вздрогнула.

— Как здесь неприятно. Особенно после прошлой ночи. Куда все подевались?

Лошади, на которых они приехали в лагерь, переступая ногами по земле, нетерпеливо ожидали возвращения на пастбище с высокой травой. Они мотали головами, и удила позванивали.

— Джоунз, — позвал Корнуэлл.

Он, собственно, собирался громко крикнуть, но в последний момент его легкие словно сжало ощущение опасности, и он выговорил имя совсем негромко.

— Пойдем, глянем, что и как, — предложил он Мэри и направился к самой большой палатке. Мэри шла следом.

В палатке было пусто. По-прежнему стояла в углу походная кровать, и стол со стулом были на месте. Угол напротив стола был по-прежнему занавешен, и рядом с ним стоял большой металлический шкаф. Но то, что Джоунз называл свими камерами, исчезло, так же, как и ящик, в котором он хранил разноцветные миниатюры. Не было на месте и множества загадочных предметов, прежде находившихся на столе.

— Он ушел, — сказал Корнуэлл. — Он покинул этот мир и вернулся обратно в свой собственный.

Корнуэлл опустил на кровать и стиснул руки.

— Он ведь столько мог рассказать нам! — произнес он, наполовину обращаясь к самому себе. — То, о чем он начал рассказывать мне прошлой ночью перед появлением церберов.

Он оглядел палатку и впервые почувствовал ее принадлежность к другому миру — ее нездешность. Это таинственное чувство относилось не столько к палатке самой по себе или к вещам, находившимся в ней, сколько к ощущению некоей странности, аромата иного происхождения и иного времени. И впервые с начала путешествия он ощутил укол страха и переполнившее его чувство одиночества.

Он поднял взгляд на Мэри, стоящую рядом с ним, и в какой-то странный волшебный миг ее лицо заслонило для него весь мир — ее лицо и глаза, погруженные в его глаза.

— Мэри, — произнес он, едва сознавая, что заговорил.

Он потянулся к Мэри, и она сразу оказалась в его объятиях. Ее руки обнимали его, и он прижимал ее к себе, чувствуя плавные и мягкие изгибы ее тела. Ее тело, ее тепло, ее запах вызывали в нем ощущение восторга и покоя.

— Марк, — прошептала она ему в самое ухо. Она шептала и шептала его имя как молитву, как обет.

Теснее сомкнув руки, он опустил ее на кровать. Она подняла голову, чтобы поцеловать его, и этот поцелуй длился и длился. Его рука скользнула ей за платье и ощутила ее наготу — нежную полноту груди, упругую гладкость живота, пышность мягких волос ниже...

Окружающий мир стучался в него, пытаясь прорваться, но он был защищен от этого. Он был замкнут вместе с Мэри в маленьком тесном мире, где не было никого, кроме них. Ничто, кроме них двоих, не имело значения.

Полог палатки зашелестел, и возбужденный голос позвал:

— Марк, где вы?

Он поднялся, покинув тесный мир, где были только они с Мэри, и сел, моргая и глядя на фигуру, появившуюся в проеме палатки.

Хол пробормотал:

— Мне очень жаль, мне ужасно неприятно мешать вашему развлечению...

Корнуэлл быстро вскочил на ноги.

— Черт бы вас побрал! — выпалил он. — Это вовсе не развлечение!

Он резко шагнул вперед, но Мэри, быстро вскочив, поймала его руку.

— Марк, все хорошо, — сказала она. — Все в порядке.

— Простите меня, — сказал Хол, — я вел себя неподобающе, но я должен был вас предупредить. Появились черберы.

У входа показался Джиб.

— Что на вас нашло? — гневно спросил он. — Почему вы ушли одни, без остальных?

— Все ведь было спокойно, — ответил Корнуэлл, — и никакой опасности не предвиделось.

— Опасность есть всегда, пока мы на этих землях.

— Я хотел отыскать Джоунза и спросить его, не присоединится ли он к нам. Но, похоже, он ушел и не вернулся.

— Нам не нужен Джоунз, — возразил Хол. — Со Снивли и Оливером нас четверо, а этого вполне достаточно.

25

Маленький народец покинул их, и теперь они шли одни. Приближался вечер, и местность слегка изменилась. Через пять миль от холма, на котором стоял ведьмин дом, началась Проклятая Долина. До самого горизонта тянулась пустыня. Тут и там возвышались песчаные дюны, а между ними земля была выжженной и пустой. Трава, превратившаяся в сено, лежала в низких местах, где когда-то была вода. Но теперь воды здесь

не было. Изредка мертвые деревья поднимали свои высохшие стволы над землей, цепляясь за небо изогнутыми скрюченными пальцами.

Три лошади везли воду, а на двух остальных ехали члены отряда.

Утром Мэри воспротивилась молчаливому соглашению, по которому ей позволялось все время ехать верхом. За исключением песчаных участков, идти было нетрудно, но, конечно, если бы они все ехали верхом, то передвигались бы гораздо быстрее.

Хол и Корнуэлл шли впереди. Хол, сощурился, взглянул на солнце.

— Скоро нужно будет остановиться, — сказал он, — все мы устали, и нужно разбить лагерь до наступления темноты. Как насчет того хребта слева? Он высокий, и нам будет видно все вокруг. И там есть сухое дерево для костра.

— Но костер будет виден за много миль, — возразил Корнуэлл.

— Нам все равно не спрятаться, и вы это знаете. Может, сейчас за нами и не следят, но они знают, что мы выступили, и знают, где нас найти.

— Церберы?

— Кто знает. Может, церберы, а может, и кто-нибудь еще.

— Вы, похоже, беспокоитесь?

— Конечно, беспокоюсь. Глупо было бы не беспокоиться. И даже боюсь. Лучший из советов мы получили от людоеда: не ходить. Правда, мы не смогли ему последовать. Нет смысла зайти так далеко и повернуть назад.

— Совершенно с вами согласен, — кивнул Корнуэлл.

— Во всяком случае, вы с Джибом все равно пошли бы, а остальные плохо бы чувствовали себя, оставив вас одних.

Некоторое время они шли молча, песок и камешки поскрипывали под ногами. Хребет, на который указал Хол, приближался.

— Ну что, согласны? — спросил Хол.

Корнуэлл кивнул.

— Вы у нас лесовик.

— Здесь же нет лесов.

— И все же вы лучше знаете. Я горожанин и плохо разбираюсь в дикой природе.

Когда они поднялись на хребет, Хол указал на ущелье рядом.

— Тут есть сухая трава, — сказал он, — и до темноты лошади еще успеют попасться. Потом мы приведем их в лагерь на ночь. — Когда на холм поднялись все, Хол начал распорядиться: — Марк, напоите лошадей. Не больше, чем по полведра на каждую. После этого пустите их на траву, но до темноты приведите обратно. Мэри, вы на страже. Смотрите во всех направлениях и, если что-нибудь увидите, — крикните. Остальные — за дровами. Их нужно много.

Когда Корнуэлл вернулся с лошадьми, костер уже ярко горел. Угли отгребли в сторону, и Мэри готовила ужин.

Хол занялся лошадьми.

— Идите, поешьте, — обратился он к Корнуэллу. — Остальные уже ели.

— А где Джиб? — поинтересовался Корнуэлл.

— Он ушел на разведку.

Солнце село, но было еще светло, и все вокруг превратилось в мир теней.

— Через час взойдет луна, — сказал Хол.

Корнуэлл сел у костра прямо на землю.

— Голодный? — спросила Мэри.

— Ужасно, — признался он. — И устал страшно. А как ты?

— Все в порядке. — Она наполнила его тарелку. — Кукуруза и немного мяса. Зато подливки много. Она очень жирная и должна тебе понравиться. Плохо, что нет свежего мяса. Холу ничего не удалось подстрелить. Тут водятся только кролики, но их он не поймал.

Мэри села рядом и подняла к нему лицо, чтобы он мог ее поцеловать.

— Мне нужно поговорить с тобой, прежде чем вернутся остальные, — сказала она. — Со мной беседовал Оливер и

собирался поговорить с тобой, но я сказала, что лучше сделаю это сама.

Он удивленно спросил:

— И что же сказал Оливер?

— Ты помнишь, там, в палатке?

— Я никогда не забуду. А ты, Мэри?

— И я никогда не забуду этого. Но дело в том, что нам нельзя. Оливер говорит, что нельзя.

— При чем тут Оливер? Какого дьявола ему нужно? Это касается только тебя и меня. Если ты чувствуешь то же, что и я...

Она взяла его руку и прижалась к ней щекой.

— Я чувствую то же самое. Все эти дни ты не замечал меня, а потом вдруг заметил. Я чуть не заплакала. Ты у меня первый, понимаешь? Первый. хотя я и была прислугой в таверне, но я никогда...

— Я никогда и не думал о тебе, как о прислуге в таверне. И тогда в палатке не думал.

— Но Оливер...

— При чем тут Оливер?!

Она отпустила его руку и повернулась к нему лицом.

— Он все объяснил мне, хотя и очень смущался при этом. Он объяснил, что я должна оставаться девственницей. Он хотел поговорить с тобой, но я сказала...

Корнуэлл отбросил тарелку так, что она покатилась по земле, и хотел вскочить, но Мэри удержала его за пояс.

— Проклятый Оливер! Я сверну ему шею, как цыпленку! Какое он имеет право...

— Рог единорога, — сказала Мэри. — Неужели ты не понимаешь? Его волшебство...

— О, Боже!

— Я вытащила его из дерева. Только я и могла это сделать, потому что никогда не знала мужчины. Рог обладает могучей волшебной силой, но только в моих руках. Оливер говорит, что нам может очень понадобиться эта магия, и ею нельзя рисковать. Я сказала ему, что поговорю с тобой. Это нелегко, но я

Зачарованное паломничество

должна была сказать тебе это. Ведь я знала, что произойдет, если он заговорит с тобой сам. Нельзя допустить, чтобы это случилось. Нам нужно быть всем заодно и нельзя ссориться.

— Прости, — сказал он, — за то, что тебе пришлось сказать это. Я должен был и сам догадаться.

— Мы оба не подумали. Все произошло так быстро, что у нас не было времени подумать. Неужели это всегда происходит так быстро?

Она прижалась к нему, и он обнял ее.

— Не думаю, но я ничего не мог с собой поделать.

— Я тоже. Я так хотела тебя. В каждой женщине сидит самка, и только определенный мужчина может разбудить ее...

— Но это же не будет продолжаться вечно, — сказал он. — Придет время, когда магия рога нам больше не будет нужна. Мы можем подождать.

— А если вдруг придет момент, когда мы не сможем сдержаться себя и забудем о магии...

В костре ярко вспыхнула сухая ветка, а небо на востоке посветлело. Поднималась луна.

Послышались чьи-то шаги, и Мэри встала.

— Я принесу тебе другую тарелку. Еды еще много.

26

В полдень четвертого дня пути, одолев крутой подъем, они увидели замок Зверя Хаоса.

Дальше начиналась сильно изрезанная долина. Когда-то здесь было русло большой реки, но вода пересохла и обнажились многоцветные — красные, желтые, розовые — слои.

Замок выглядел величественно. Когда-то это была могучая крепость, но теперь она наполовину разрушилась, башенки обвалились, у стен лежали груды кирпичей. Сама стена пересекалась большими зигзагообразными трещинами, а на укреплениях росли небольшие деревца.

Путники остановились на вершине и смотрели на замок через пустынное ущелье.

— Такое страшное название, — сказал Снивли, — и всего лишь груда развалин.

— Но все же он может представлять из себя большую угрозу, — заметил Оливер.

— Вокруг нет и следа жизни, — сказал Джиб. — Замок вполне может быть покинут. Мне кажется, что здесь никто не живет. Четыре дня мы видим лишь кроликов да сусликов.

— Может быть, обойдем его стороной? — предложила Мэри.

— Если там кто-нибудь есть, то он о нас уже знает, — сказал Хол.

— А как ты думаешь, Марк? — спросила Мэри.

— Хол прав, — ответил тот. — К тому же через равнину к замку ведет тропа. Может, это единственное место, где можно пересечь равнину. Впрочем, Джиб тоже может быть прав, и замок покинут.

— Но ведь все говорили о Звере Хаоса, — сказала Мэри. — Как будто он еще здесь живет.

— Легенды умирают с трудом, — ответила Снивли. — Однажды рассказанная легенда остается надолго. Я думаю, мало кто бывает в этой местности, и, значит, свежих сведений нет.

Хол начал спуск, ведя лошадей в поводу. Остальные следовали за ним. Спускались медленно: дорога была крутой и опасной.

Идя вслед за Холом, Корнуэлл посмотрел на Енотуса, который устроился на мехах с водой. Когда лошадь покачнулась, тот крепко вцепился в них когтями.

Как он непохож на то гладкое животное, каким был вначале, — подумал Корнуэлл. — Но ведь и остальные точно так же. Дни и мили взяли свое. Дорога была трудной, и никто не знал, когда она кончится: география Диких Земель основывалась в лучшем случае на догадках и опиралась на ориентиры, которых могло не оказаться на месте. Вначале ведьмин дом, — вспоминал Корнуэлл, перечисляя себе важнейшие ориентиры. — Потом

Проклятая Долина, затем замок Зверя Хаоса и, наконец, Туманные Горы.

Он вспомнил рассказы о Том, Кто Размышляет На Горе, и ему пришло в голову, что та гора, возможно, находится именно среди Туманных Гор.

Как только они достигнут Туманных Гор, древние окажутся совсем рядом. Так, во всяком случае, говорил Джоунз, хотя он тоже лишь передавал слухи. Нет точных фактов, — подумал Корнуэлл, — нет реальной информации. Выбираешь направление и идешь, надеясь в конце концов отыскать то, что необходимо.

Они достигли дна ущелья и начали подъем на его противоположный склон. Лошади пошли быстрее, им хотелось поскорее выбраться из этой мрачной местности.

Корнуэлл не оглядывался на склон, чтобы определить, насколько они продвинулись. Он не отрывал глаз от тропы и старался не подходить слишком близко к идущей впереди лошади. Поэтому тропа кончилась неожиданно и быстрее, чем он ожидал.

Перед ним оказалась ровная поверхность. Корнуэлл распрямился, посмотрел через равнину и увидел, что она больше не пустая, как раньше. Сейчас она была черной от массы церберов.

Они находились на некотором расстоянии от путников, но быстро приближались. Впереди бежал тот гигант, который ревел на них около ведьмино дома. Он бежал косолапо, его плоские ступни гулко ударялись о землю, поднимая облачка пыли, но двигался он быстро и намного опередил свору.

Хол наложил стрелу на тетиву лука. В нем не ощущалось волнения. Он стоял спокойно и прямо, как будто предстояло обычное состязание по меткости стрельбы.

Он знает, что нам не устоять перед нападением, — подумал Корнуэлл, — что это конец, что свора церберов сбросит нас в ущелье и там уничтожит поодиночке.

На мгновение Корнуэлл поддался панике. Откуда взялись церберы? — подумал он. — До сих пор их и в помине не было. Может, они скрывались в замке?

Зачарованное наомничество

Рука его потянулась к рукояти меча, и он рывком выдернул оружие из ножен. С удивлением и гордостью он отметил, как ярко сверкает на солнце обнаженное лезвие, и этот блеск побудил его совершить поступок, на который он никогда не считал себя способным.

Быстро шагнув вперед, Корнуэлл поднял меч и яростно взмахнул им над головой, описав огненное кольцо. Из горла его вырвался боевой клич, упрямый вызов без слов — просто рев, какой испускает разъяренный бык, увидев вторжение на свое пастбище.

Продолжая издавать этот клич, Корнуэлл взмахнул мечом раз, другой, и при этом втором взмахе рукоять меча вырвалась из его руки, а колени подогнулись. Он остался стоять — глупый, беззащитный и безоружный.

О, Боже! — мелькнуло в его голове. — Я все испортил. Мне не следовало покидать Вайлусинга и приходить сюда. Что подумают обо мне остальные? Разиня, который даже не сумел удержать меч в руках...

Надеясь, что меч упадет не очень далеко, он хотел броситься за ним, но меч не упал. По-прежнему кружась, он огненным пропеллером полетел прямо к гиганту. Бегущий гигант попытался увернуться, но оказался слишком неуклюжим и медлительным.

Меч угодил ему точно в горло, и гигант начал падать, как будто споткнулся на бегу. Огромный фонтан крови ударил из его шен, заливая грудь, голову и землю вокруг.

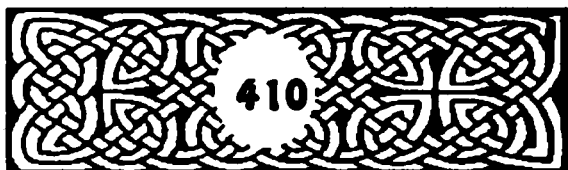
Гигант грохнулся наземь, а меч развернулся и полетел к Корнуэллу, который ухитрился поймать его за рукоять.

— Я же говорил, что это волшебное лезвие! — послышался рядом голос Синвли. — Но такое мне и не снилось. Возможно, все дело в хозяине меча. Вы прекрасно владеете им!

Корнуэлл не ответил. Он стоял с мечом в руке, лишившись дара речи.

Свора церберов отвернула в сторону.

— Стойте на месте, — посоветовал Хол. — Они вернутся.

— Не уверен, — отозвался Джиб. — Меч им не понравился. Хотел бы я, чтобы мой топор был таким же волшебным, как этот меч. Тогда бы мы с ними сразу покончили.

— Что-то происходит там, впереди, — спокойно сказала Мэри. — Вы только гляньте на замок.

Из ворот замка показалась полоса тумана, которая быстро приближалась.

— И что теперь? — спросил Хол. — Как будто мало нам неприятностей и без этого.

— Скорее в туман! — крикнул Снивли. — К замку! Церберы не посмеют войти в него, и там мы будем в безопасности!

— Но замок! — сказал Корнуэлл.

— Оставаться здесь — верная смерть, — ответил Снивли. — Что касается меня, то я предпочитаю Зверя Хаоса.

— Я согласен со Снивли, — сказал Оливер.

— Хорошо, — согласился Корнуэлл. — Идемте.

Туман уже почти достиг их позиции.

— Все к замку! — крикнул Корнуэлл. — Я иду последним!

— А я, сэр ученый, займу место рядом с вами, — сказал Джиб.

Они побежали по коридору из тумана, а позади раздавался яростный лай обманутых церберов.

Путники добежали до ворот замка и ворвались внутрь. Тяжелые ворота захлопнулись за ними.

Двор замка тоже был заполнен туманом. Но вот туман начал подниматься. Перед путниками стоял ряд чудовищ.

Ни одно чудовище не было похоже на другое, и все они были неопишуты. Некоторые были приземистыми, с опущенными крыльями, которые волочились по земле, другие походили на человекообразных жаб с широкими пастями, из которых тянулись струйки слюны. Некоторые были покрыты чешуей, которая местами отпала, словно при проказе. Было там чудовище с огромным животом и лицом на нем, и много-много других. И все были ужасны.

Мэри отвернулась и спрятала лицо на груди Корнуэлла.

Большой Живот выступил вперед и направился к ним. Маленький рот на его животе открылся и произнес:

— Нам нужна ваша помощь. Зверь Хаоса мертв.

27

Им предложили занять помещения в замке, но они отказались и разбили лагерь во дворе. Тут было много дров для костра, и вскоре на костре варилось полдюжины цыплят.

— Только так их и можно приготовить, — сказала Мэри. — Они такие жесткие, что иначе их не съесть.

Хозяева принесли также три буханки свежеспеченного хлеба и корзину овощей: моркови, бобов и кабачков. После этого они исчезли.

Из дальнего угла двора доносилось испуганное кудахтанье.

— Это Енотус, — сказал Хол. — Он гоняется за курицей. Я сказал ему, что здесь будет и для него доля, но он хочет поймать цыпленка сам.

Солнце садилось, и темнота начала сгущаться.

Они собрались вокруг костра в ожидании ужина. Замок возвышался над ними — груда древних камней, поросших мхом. Тощие цыплята бродили по двору, безуспешно роясь в земле. Столь же тощие свиньи рылись в грудах мусора. Половину двора занимал огород. Овощи с него были уже убраны и остались лишь несколько кочанов капусты, да ряд репы.

— Откуда вы знали, что мы будем в безопасности внутри тумана? — спросил Корнуэлл у Снивли.

— Вероятно, это инстинкт, — ответил тот. — В сущности, я ничего не знал. Это можно назвать предчувствием. У вас такого предчувствия быть не могло. У людей этого не бывает. А у меня было. Что-то щелкнуло во мне, и я уже знал.

— И что теперь? — спросил Хол.

— Не знаю, — ответил Снивли. — Пока мы в безопасности. Признаться, я не совсем понимаю. Они говорят, что Зверь Хаоса

мертв, и им нужна наша помощь. Но я не могу представить, какую помощь мы можем им оказать. Меня они беспокоят. Они похожи на отбросы нашего мира. Это не маленький народец, не просто нормальные чудовища, а что-то совсем другое. До нас доходили слухи о таких существах, но их никто не видел. Это были скорее легенды. А если вы спросите меня о Звере Хаоса, то я отвечу, что знаю о нем не больше вашего.

— Ну, по крайней мере, они оставили нас в покое, — сказал Джиб. — Принесли нам пищу и ушли. Я рад этому. При виде их меня начинает тошнить.

— Придется привыкать, — сказал Корнуэлл. — Они вернутся. Им что-то нужно от нас.

— Надеюсь, они сначала дадут нам возможность как следует поесть, — сказал Хол.

Им дали такую возможность. Когда ужин кончился, наступила ночь. Хол расшевелил костер, и тот теперь освещал большую часть двора.

Они пришли только втроем: Большой Живот, Жабье Лицо и третий, похожий на лису, которая начала было превращаться в человека, но на полпути остановилась.

Они подошли к костру и сели. Лис улыбнулся, обнажив острые зубы, остальные остались серьезными.

— Вы удобно устроились и хорошо поели? — спросил Жабье Лицо.

— Да, спасибо, — ответил Корнуэлл.

— Мы приготовили для вас помещения.

— Нам лучше под открытым небом, у костра.

— Люди редко бывают здесь, — сказал Лис и снова улыбнулся, чтобы показать свое дружелюбие. — Двое из вас люди.

— Вы настроены против людей? — спросил Хол.

— Вовсе нет, — ответил Лис. — Нам нужен кто-нибудь, кто не пугается.

— Мы можем пугаться так же, как и вы, — возразил Корнуэлл.

— Возможно, — согласился Лис, — но вы будете бояться не того, чего боялись мы. К примеру, вы не боитесь Зверя Хаоса.

— Но Зверь Хаоса мертв.

— Можно бояться и мертвого, если боялись, пока он был жив.

— Если вы так боитесь, то почему не уйдете отсюда?

— Потому что нам нужно кое-что еще сделать, — ответил Жабье Лицо. — Зверь Хаоса велел нам кое-что сделать после его смерти. Мы знаем, что должны сделать это, но боимся.

— И вы хотите, чтобы мы сделали это для вас?

— Для вас это не составит труда, — сказал Большой Живот. — Вы никогда не знали Зверя Хаоса и не знали, что он может сделать.

— Мертвый он ничего не может сделать, — заметил Джиб.

— Мы сами говорим себе это и все же не верим, — признался Лис. — Мы стараемся убедить себя, но ничего не получается.

— Расскажите нам об этом вашем Звере, — попросил Корнуэлл.

Они в нерешительности переглянулись.

— Расскажите, — повторил Корнуэлл. — Если вы не расскажете, нам не о чем будет говорить. А договориться нужно. Мы можем выполнить для вас это дело, а что сделаете для нас вы?

— Ну, мы думали...

— Вы думали, что уже помогли нам днем?

— Да, — подтвердил Большой Живот, — примерно так.

— Не уверен, что вы так уж нам помогли, — сказал Хол. — Мы справились бы и сами. Волшебный меч Марка и колчан, полный стрел, плюс Джиб с его топором...

— Они же все равно помогли нам! — возразила Мэри.

— Не позволяйте этим фиглярам дурачить нас, — вмешался Снивли. — Они затеяли какое-то грязное дело!

— Я согласен, что днем вы помогли нам, — признал Корнуэлл, — но то, о чем вы просите, гораздо больше.

— Вы с нами торгуетесь? — спросил Лис.

— Скажем так: обсуждаем план дальнейших действий.

— Может, мешок цыплят? — предложил Лис. — Одна-две свиньи?

— Мы можем и ваших лошадей подковать, — вставил Жабье Лицо, — у нас есть кузница.

— Мы пошли не в том направлении, — сказал Джиб. — Сначала нужно узнать, что за дело нас ожидает. Может, мы вообще не захотим за такое братья.

— Работа легкая, — сказал Большой Живот, — если только вы не боитесь Зверя Хаоса. По крайней мере, не так боитесь, как мы. Мы же дрожим от одного звука его имени.

Все трое содрогнулись.

— Вы говорите об этом вашем Звере и дрожите, — резко сказал Снивли. — Так расскажите нам, что делает его таким страшным? И не пытайтесь нас обмануть.

— Он не с Земли, — сказал Лис. — Он упал с неба!

— Тьфу, дьявол! — с отвращением произнес Корнуэлл. — Да половина языческих богов спустилась с неба. Расскажите что-нибудь новенькое.

— Легенды совершенно серьезно утверждают, что он спустился с небес, — продолжил Большой Живот. — Легенды говорят, что он упал на это самое место и лежал во всей своей отвратительности. Люди, жившие здесь, бежали, спасаясь от него. Говорят, что тогда здесь была плодородная почва, и множество людей жили в довольстве и счастье. Но потом на землю напала какая-то болезнь. Не стало дождей, почва утратила плодородие, начался голод, и люди сочли, что все эти несчастья принес Зверь. Посовещавшись, они решили, что Зверь должен быть помещен в загон. Много лет таскали они большие камни и оградили Зверя не только с боков, но и сверху, оставив лишь маленькое отверстие, чтобы в загородку можно было проникнуть в случае надобности. Хотя непонятно, зачем хоть кому-нибудь могло понадобиться пробираться туда. Люди построили над Зверем сводчатый склеп. А отверстие сверху закрыли откидывающимся камнем.

Сделав это, люди стали ждать дождя, но его все не было. Болезнь гуляла по всей округе, и травы умирали. Все начало

заносить песком, но люди цеплялись за землю, которая раньше была такой хорошей, и не могли от нее отказаться так легко. Среди людей нашли такие, что утверждали, будто научились говорить с заключенным в склепе Зверем. Они сказали, что Зверь хочет, чтобы ему поклонялись. Если мы станем поклоняться ему, может быть, он снимет болезнь с нашей земли, — говорили они. Много лет люди работали, чтобы построить этот замок, а потом те, кто научились разговаривать со Зверем, переселились в этот замок, чтобы слушать повеления Зверя и исполнять его волю. Я содрогаюсь при мысли о том, что этот Зверь потребовал.

— Но это не принесло ничего хорошего, — сказал Корнуэлл.

— Откуда вы знаете? — спросил Лис.

— Земля ведь продолжала болеть.

— Вы правы, это не принесло ничего хорошего.

— И все же вы остались здесь после постройки замка, — сказала Мэри. — Ведь это вы, — те, кто говорил со Зверем?

— Мы — те, что остались от них, — ответил Жабье Лицо. — Некоторые из нас умерли, хотя все мы прожили намного больше, чем другие люди. Мы жили долго и изменились, вы сами видите, как.

— Не знаю, верить ли этому, — сказал Оливер. — Мне кажется невозможным, чтобы обычные люди стали такими, как вы.

— Это сделал Зверь Хаоса, — сказал Большой Живот. — Мы чувствовали, как он изменяет нас. Не знаю, зачем, но он это сделал.

— Вы могли и уйти, — сказал Корнуэлл.

— Вы не понимаете, — ответил Лис. — Мы дали клятву остаться со Зверем. Спустя какое-то время все люди ушли, а мы остались. Мы боялись, что если Зверь останется один, он разрушит свод над собой и выберется. Мы не могли допустить этого и должны были стоять между Дикими Землями и Зверем.

— А спустя некоторое время нам уже некуда было идти, — добавил Жабье Лицо. — Мы так изменились, что для нас просто не было иного места.

— Я не склонен верить ни одному их слову, — заявил Снивли. — Они рассказывают, как сформировалась прослойка жрецов — группа самодовольных паразитов, присосавшихся к людям. Они использовали Зверя, чтобы обеспечить себе легкую жизнь. Сейчас, после ухода людей, жизнь у них, может, и не такая легкая, как прежде, но она была именно такой, и поэтому они утверждали, что их цель была благородной, что они стояли между Зверем и Дикими Землями. Они всего лишь банда ловких обманщиков, особенно тот, с лисьей мордой.

— Может и так, — спокойно сказал Корнуэлл, — может, вы и правы, Снивли, но давайте выслушаем их до конца.

— Это все, — сказал Большой Живот. — И каждое слово — правда!

— Но Зверь мертв, — сказал Хол. — Вам больше не о чем беспокоиться. Конечно, он велел вам что-то сделать после его смерти, но вы можете этого и не делать. Теперь он вам уже не страшен.

— Может быть, вам и вашему отряду и нет, а для нас он страшен по-прежнему. Мы так долго жили с ним, что стали его частью, он живет в нас самих и даже после смерти может до нас дотянуться.

— Что ж, это возможно, — согласился Снивли.

— Мы знаем, что он мертв, — продолжал Большой Живот. — Его тело разлагается в склепе. Он умирал долго, и мы умирали вместе с ним. Мы чувствовали, как он умирает. Теперь он мертв, но мы знаем, что он еще здесь. Может, для других это не так, но для нас это правда.

— Ладно, — сказал Хол. — Допустим, мы вам верим. Вы рассказывали долго и с определенной целью. Пора сказать, что это за цель. Вы говорите, что есть дело, которое мы можем сделать, потому что не так боимся Зверя Хаоса, как вы.

— Требуется войти под свод склепа, — пояснил Лис.

— В склеп с мертвым чудовищем? — воскликнула Мэри.

— Но зачем? — с ужасом спросил Корнуэлл.

— Потому, что оттуда нужно кое-что извлечь, — ответил Лис. — Зверь сказал, что это нужно достать.

— Вы знаете, что это?

— Нет. Мы спрашивали, но он не сказал. Мы только знаем, что оно там, потому что снимали крышку и заглядывали туда. Для этого потребовалась вся наша храбрость. Мы заглянули туда и увидели предмет, который нужно вытащить, а потом убежали...

— Так вы хотите, чтобы его вытащили мы?

— Да, пожалуйста.

— Но что же это такое? — спросила Мэри.

— Мы видели только часть его, то есть я полагаю, что это только часть. Мы не можем догадаться, что это такое. Это похоже на клетку. Полосы металла образуют что-то вроде круглой клетки примерно вот такой величины, — Лис развел руки на фут.

— Это погружено в тело Зверя?

— Да.

— Грязная работа, — сказал Джиб.

— Мне это не нравится, — заявил Снивли. — В этом есть что-то злое. Они знают больше, чем говорят нам.

— Возможно, — сказал Корнуэлл. — Но перед ними стоит проблема, а значит есть и цена за ее решение. И цена эта — вовсе не цыплята и свиньи, — добавил он, обращаясь к Лису.

— Тогда, может, добродетельность поступка, — предположил Лис. — Во имя рыцарства.

— Не говори нам о рыцарстве! — воскликнул Оливер. — Рыцарство умерло. Оно долго не продержалось и сгнило на корню. Нам нужно нечто более существенное. Если мы не получим этого, то утром уйдем.

— Вы не посмеете уйти, — нагло возразил Лис. — По равнине бродят церберы, и вы не пройдете и лиги, как вас разорвут на куски. Церберы вас никогда не любили, а теперь, после того, как вы убили гиганта, любят еще меньше.

— Вы полагаете, что мы в ловушке? — спросил Хол.

— Может, и нет, — ответил Большой Живот. — Возможно, мы и поможем вам.

— Они действуют сообща, эти фигляры и церберы! — закричал Снивли. — Они хотят нас шантажировать.

— Если вы думаете, что мы дружим с церберами и с их помощью хотим заставить вас выполнить эту работу, то вы глубоко заблуждаетесь, — сообщил Жабье Лицо.

— Но до прихода к замку мы не видели церберов, — сказал Джиб. — Мы ожидали их, но они не показывались. Они могли захватить нас в любом месте, но ждали-то именно здесь.

— Много лет церберы бродят вокруг замка Зверя, — сказал Лис. — Они надеются застать нас врасплох. С самого начала между нами идет война. Мы несколько раз проучили их, и теперь они знают, на что мы способны. Раз за разом мы поражали их разными видами магии, но они не хотят сдаваться, хотя при виде нас поджимают хвосты и убегают.

— Им нужен замок? — спросил Джиб. — Не вы, а замок?

— Верно, — ответил Лис. — Для них это вопрос чести. Они хотят владеть замком Зверя Хаоса. Они никогда и ничем не владели, эти хулиганы и скандалисты Диких Земель. Их, конечно, боятся, но не уважают. Завладев замком, они надеются получить уважение.

— И вы их проучили?

— Вы думаете, что сможете помочь нам благополучно выбраться из замка? — спросил Корнуэлл.

— Да.

— Мы войдем в склеп и вытащим нужный вам предмет. Дадите ли вы нам охрану до тех мест, где нам не будут угрожать церберы?

— Они же все лгут, — вмешался Оливер. — Они сами боятся церберов точно так же, как Зверя Хаоса.

— А какая разница? — спросила Мэри. — Ведь вы все равно решили вытащить эту штуку из склепа. Вам же интересно, что это такое, и вы все равно не успокоитесь, пока не выясните.

— Но вы обещаете нам охрану? — спросил Корнуэлл у Лиса.

— Да.

— Если вы нас обманете, — пригрозил Хол, — мы вернемся и очистим от вас это ваше гнездо.

Зловоние было ужасным. Оно било в живот, закладывало нос, обжигало горло и вышибало слезы из глаз. От него страшно кружилась голова.

Была в нем какая-то мерзкая чуждость, как будто оно пришло не с земли, а из недр самого ада.

Им пришлось несколько часов работать, чтобы расширить отверстие в своде, установить над ним блок и пропустить через него веревку.

Теперь, когда все было готово, Корнуэлл заглянул в отверстие и увидел гниющую массу: не жидкую и не твердую, а какую-то желеобразную. До сих пор он избегал смотреть на нее. В этой субстанции было нечто отвратительное и выворачивающее наизнанку желудок, как и запах. Сам по себе запах был отвратительным, а уж в комбинации с видом этой массы он оказался просто невыносим. Корнуэлл согнулся пополам, тело его сотрясала сухая рвота, потому что содержимое желудка уже давно было извергнуто.

— Почему вы не пускаете меня, Марк? — спросил стоящий рядом Джиб. — Для меня это не так страшно.

— Вам не страшно, — хрипло возразил Корнуэлл, — поскольку вас уже стошнило так, что вы едва не лишились внутренностей.

— Но я полегче, — настаивал Джиб. — Я вешу втрое меньше вас, и мне проще управиться с веревкой.

— Перестаньте, Джиб, — гневно вмешался Снивли. — Все уже давно обговорено. Конечно, Марк тяжелее вас, но он и сильнее тоже втрое.

— А может, сила тут и не нужна?

— Эту штуку внизу трудно будет вытащить, — сказал Хол. — Она растет из тела Зверя и, может, даже прикреплена к нему.

— Его тело теперь — это масса слизи, — возразил Джиб. — Это же всего лишь грязь.

Зачарованное паломничество

— Если бы это было так, клетка или шар утонули бы. Их бы и видно не было.

— Значит, это сооружение может плавать.

— Давайте прекратим разговоры, — сказал Корнуэлл. — Как сказал Снивли, все уже решено. Мы все обдумали и приняли логичное решение. Я сильнее любого из вас, а сила здесь будет нужна. Я ухвачу эту штуку, а вы вытащите меня вместе с ней. Мне может даже не хватить сил. А кстати, где Мэри?

— Она пошла разводить костер, — сообщил Снивли. — Вам понадобится горячая вода, когда вы выберетесь оттуда.

— Если горячая вода сможет это, — заметил Оливер.

— Большой Живот нам дал мыла, — напомнил Снивли.

— А им-то зачем мыло? — спросил Оливер. — Судя по запаху, они никогда не моются.

— Прекратите болтовню! — прикрикнул на него Корнуэлл. — Причем тут мыло и горячая вода? Если нужно развести костер, это может сделать кто-нибудь другой. А Мэри нужна здесь, чтобы тянуть веревку.

Он вдруг замолчал, устыдившись своего поведения. Почему он на них кричит? Это все запах. Он грызет мозг, дергает нервы и выворачивает внутренности. Со временем он может превратиться человека в вопящего маньяка.

— Давайте начинать, — сказал он, заставляя себя успокоиться.

— Я позову Мэри, — предложил Оливер, — и присмотрю за костром.

— Забудьте об огне, — сказал Хол, — и возвращайтесь вместе с ней. Нам будет нужна ваша помощь.

— Если бы у нас был крюк, — сказал Джиб, — мы могли бы просто подцепить эту штуку.

— Но у нас его нет, — ответил Хол, — и нет металла, чтобы его изготовить. Правда, у них есть кузница, но металла в ней нет.

— Они его спрятали, — сказал Снивли, — и сами попрятались. Их нигде не видно.

— Можно использовать металл одного из наших котлов, — предложил Джиб.

— Обойдемся без крюка, — нетерпеливо сказал Корнуэлл.

— Обвяжите меня веревкой и начнем.

— Вы задохнетесь, — сказал Снивли.

— Нет, я оберну нос и рот платком.

— Проверьте, чтобы узел был хорошо затянут, — предупредил Снивли Хола. — Нельзя ничего упускать из виду. Если Марк упадет туда, мы не сможем его вытащить.

— Я разбираюсь в узлах, — ответил Хол. — Хороший будет узел, затянется накрепко. — Он обратился к Корнуэллу: — Как вы себя чувствуете?

— Хорошо. Давайте шарф.

Корнуэлл обернул лицо платком, закрыв им нос и рот.

— Стойте спокойно, — сказал Джиб. — Я завязываю.

По лестнице торопливо поднялся Оливер в сопровождении Мэри.

— Все в сборе, — сказал Хол. — Беритесь за веревку и держите ее так, словно от этого зависит ваша жизнь. Опускать будем потихоньку.

Корнуэлл перегнулся через край отверстия, и его сразу затошнило. Подействовал не запах — шарф в какой-то мере сдерживал его, — а зрелище: море гниющей плоти, мертвое, разлагающееся существо. В нем было что-то похожее на течение, хотя и трудноуловимое.

Корнуэлл сжал челюсти. Внутренности у него выворачивало наизнанку, глаза слезились. Он знал, что долго ему не продержаться. Нужно было действовать быстро и как можно скорее выбираться назад. Корнуэлл согнул правую руку, как бы желая убедиться, что она подействует, когда будет нужно схватить клетку.

Веревка вокруг его пояса натянулась.

— Осторожнее! Спускайте медленнее!

Запах ударил его, проглотил и раздавил. Шарфа было явно мало. Запах пробрался сквозь ткань, и Марк задохнулся в нем.

Желудок взбунтовался в очередной раз и подскочил к горлу, а потом упал на место. Рот наполнился слюной, выплюнуть которую было невозможно из-за шарфа. Марк ослеп и потерял ориентацию, а когда попытался закричать, не смог издать ни звука.

Внизу под собой он видел отвратительную поверхность гниющей массы, в которой началось яростное движение. Разлагающаяся материя встала волной и потянулась к нему, обхватила, а потом рухнула назад. На ощупь она была отвратительно маслянистой. Вторая волна пробежала по поверхности, ударилась в противоположную стену склепа и завихрилась, но не как вода, а медленно и грозно. В этом движении чувствовалась огромная мощь. Потом эта масса хлынула назад, поднялась и дотянулась до него. Она поднималась вдоль его тела, пропитывая его своей слизью. Корнуэлл в ужасе поднял руки и закрыл лицо, защищаясь от нее. Его непрерывно рвало, но рвота была сухой: в желудке было пусто.

Он почти ничего не видел, и у него появилось ужасное чувство, что он заключен в чем-то чуждом всему живому. Он не чувствовал, как его поднимали, и только ощутив на своем теле чьи-то руки, понял, что его вытаскивают из отверстия.

Колени его подогнулись, и он упал. Рвота продолжалась. Кто-то вытер ему лицо и кто-то сказал:

— Все в порядке, Марк, мы вас вытащили.

Кто-то другой добавил:

— Говорю вам, оно не мертвое. Неудивительно, что эти проходимцы боятся спускаться туда. Нас провели, уверяю вас. Корнуэлл с трудом поднялся на колени.

Кто-то протянул ему воды. Он хотел что-то сказать, но грязный шарф по-прежнему закрывал ему рот. Наконец, шарф сняли, и Корнуэлл увидел Джиба.

— Снимайте одежду и спускайтесь по лестнице. Там лохань с горячей водой и мыло.

Енотус и Оливер сидели на краю лохани.

— Я предлагаю отказаться, — сказал Оливер. — Жители замка знали, что случится, если они спустятся в склеп. Они знали, что существо не умерло.

— Оно мертво, — возразил Снивли, — и гниет там внизу перед нашими глазами. Это магия, вот что это такое. Склеп заколдован.

— Нельзя заколдовать склеп, — заявил Оливер. — Живое существо можно, а камень — никогда.

— Нужно искать другой путь, — сказал Джиб. — Я осмотрел решетку над костром. Если выломать прут и согнуть его, можно сделать крюк...

— Если попробовать там, внизу, с крюком, получится то же самое, — сказал Хол. — Зверь, мертвый он или нет, не позволит подцепить этот предмет.

— Появились Большой Живот и другие? — спросил Корнуэлл.

— Нет, — ответил Хол. — Мы обыскали весь замок. Они где-то прячутся.

— Если понадобится, мы разберем замок по камням и найдем их, — сказал Корнуэлл. — Мы не позволим сыграть с нами шутку.

— Но нам нужно извлечь оттуда эту штуку, — сказала Мэри. — Мы заключили договор с жителями замка. Равнина снаружи кишит черберами, и самим нам никогда отсюда не выбраться.

— А почему вы думаете, что они захотят соблюсти договор? — спросил Снивли. — Они пытались использовать нас. Зачем-то им очень нужно достать эту штуку из склепа.

— Мы можем снести склеп, — предложил Джиб, — но на это потребуется какое-то время.

— Ну, думаю, я уже отмылся, — заявил Корнуэлл. — Пора выбираться из лохани. Дайте мне штаны.

— Они еще не высохли, — сказала Мэри.

— Я надену влажные. Надо что-то делать. Возможно, Джиб и прав. Попробуем снести склеп.

— О чем беспокоиться? — сказал Хол. — Мы можем прорваться сквозь заслон церберов. Гигант мертв, и они больше не такие свирепые.

— У нас всего дюжина стрел, — напомнил Джиб. — И когда они кончатся, других взять будет негде. Тогда останутся только мой топор и меч Марка.

— И меч, и топор хороши, — сказал Снивли. — Лучше не найти.

Енотус вдруг встрепнулся и упал в лохань. Корнуэлл схватил его за загривок и поставил на землю. Енотус встряхнулся, обрызгав всех мыльной пеной.

— Вот твои штаны, — сказала Мэри. — Я же говорила, что они не высохли. Ты простудишься.

— Спасибо. На мне высохнут быстрее.

— Это же хорошая ткань, чистая шерсть, — сказал Хол. — Никто еще не пострадал от влажной шерсти.

Корнуэлл выбрался из лохани и натянул штаны.

— Я думаю, это надо обсудить, — заявил он. — Жители замка хотят что-то получить из склепа. Если это так важно для них, то может оказаться важным и для нас. Я считаю, что нужно извлечь это оттуда и рассмотреть. Когда это будет сделано, мы найдем их всех и поговорим.

— Есть еще один путь, — сказал Оливер. — Рог единорога. Тот, что у Мэри. Магия против магии.

Снивли покачал головой.

— Я не уверен, что это подействует.

— Мне не хотелось говорить об этом, — извиняющимся тоном сказал Оливер. — Посылать такую милую леди...

— Черт возьми! — взорвался Корнуэлл. — Если вы думаете, что это поможет, дайте мне рог и я пойду снова.

— Но в ваших руках он не подействует, — возразил Оливер. — Он силен только в руках Мэри. Спускаться нужно ей.

— Тогда снесем склеп, — заявил Корнуэлл. — Или еще что-нибудь придумаем. Но Мэри туда спускаться не будет.

Зачарованное влечение

— Ты не имеешь права так говорить, — вмешалась Мэри. — Ты не должен указывать, что мне делать! Я — член отряда и имею право делать все, что в моих силах. Я много миль неслася этот рог, и если от него может быть толк...

— Откуда мне это знать? — закричал Корнуэлл. — А если он не подействует? Если ты спустишься туда и...

— Я попробую, — сказала Мэри. — Если есть шанс, что это подействует, я должна спуститься.

— Позвольте мне попробовать первому, — сказал Корнуэлл.

— Марк, вы говорите неразумно, — сказал Хол. — Мы спустим туда Мэри и, если начнется движение, вытащим ее.

— Там ужасно, — сказал Корнуэлл. — Этот запах...

— Если рог подействует, то это займет всего одну минуту, — сказал Оливер.

— Но она не сможет вытащить эту штуковину, — сказал Корнуэлл. — Она наверняка тяжелая, и Мэри не сможет ухватить ее, а если и ухватит, то не вытащит.

— Мы привяжем веревку к крюку, — сказал Хол. — Она зацепит крюк за клетку, а мы вытащим.

Корнуэлл посмотрел на Мэри.

— Ты действительно этого хочешь?

— Конечно, нет. И ты не хотел, но полез туда. Пожалуйста, Марк, позволь мне попробовать.

— Надеюсь, это подействует, — вздохнул Снивли. — Но мне страшно подумать, насколько мала вероятность этого.

30

На этот раз они действовали по-другому.

Для Мэри было приготовлено сиденье, как у детских качелей, к которому она крепко привязалась. К рогу привязали веревку и подвесили его через плечо Мэри так, что ей не нужно было его держать. Обе руки у нее были свободны, и она могла

держат крюк, привязанный к другой веревке. Эта веревка проходила через второй блок.

Наконец, все было готово.

— Вот только мое платье, — сказала Мэри. — Оно у меня единственное, а там оно испачкается.

— Подоткните его, — посоветовал Хол, — и мы его подвяжем.

— Но оно же не отмоеся, — пожаловалась Мэри.

— Тогда снимите его и спускайтесь нагишом, — сказал Снивли. — Нам все равно..

— Нет! — рявкнул Корнуэлл. — Клянусь Господом, я не допущу этого!

— Снивли! — резко сказал Хол. — Ты зашел слишком далеко. Тебе, конечно, неизвестно, что такое скромность...

Джиб обратился к Мэри:

— Вы должны простить его. Он не знает...

— Ничего, — сказала Мэри. — Это мое единственное платье и, если вы обещаете, что никто из вас никогда не скажет...

— Нет! — сказал Корнуэлл.

Мэри негромко ответила:

— Ты ощущаешь мою наготу...

— Нет! — еще решительнее повторил Корнуэлл.

— Я выстираю платье, пока вы будете мыться в лохани, — предложил Оливер. — Возьму побольше мыла и выстираю.

— Все это глупости, — сказал Снивли. — Она плюхнется туда, масса этой грязи накроет ее, а рог не подействует, вот увидите!

Они подвязали ей платье и обернули лицо Мэри куском ткани. Оливер обшарил кухню в замке и нашел там уксус. Ткань была вымочена в уксусе в надежде, что это поможет преодолеть зловоние.

Потом они опустили Мэри в отверстие.

Разлагающаяся плоть чудовища мгновенно вскипела, но потом снова опустилась. Отвратительная масса беспокойно шевелилась, как громадное животное, дрожащее в предсмертной агонии, но оставалась относительно спокойной.

— Действует, — сквозь зубы процедил Джиб. — Рог действует.

Корнуэлл окликнул Мэри:

— Осторожно протяни крюк и будь наготове. Мы приспустим тебя еще на фут.

Она вытянула руку с крюком.

— Опускайте! — приказал Хол. — Она точно над клеткой!

Крюк скользнул между металлическими полосами и закрепился, Джиб натянул веревку.

— Получилось! — крикнул он.

Корнуэлл быстро вытянул Мэри наружу. Несколько рук разом помогли ей перебраться через край отверстия.

Она пошатнулась, когда ноги ее коснулись земли, но Корнуэлл подхватил ее и сорвал ткань с ее лица. Она смотрела на него глазами полными слез, которые он тут же стер с ее лица.

— Ужасно, — прошептала она. — Хотя ты и сам знаешь это, ты же был внизу. Тебе, наверное, было еще хуже.

— Как ты?

— Все в порядке. Вот только запах...

— Сейчас мы уйдем отсюда. Только сначала вытащим эту штуку. — Корнуэлл повернулся к Джибу. — Как она там?

— Не знаю, — ответил Джиб. — Пока не разглядел.

— Давайте вытащим ее, пока ничего не случилось.

— Зверь беспокоится! — сказал Хол.

— Вот оно! — крикнул Оливер.

Сооружение висело на конце веревки, и с него капала слюзь. Это был не шар и не клетка. Шар оказался только его верхней частью.

— Быстрее! — торопил Хол. — Тяните все разом. Зверь внизу поднял целую бурю!

Волна содержимого склепа поднялась над отверстием в своде, закружилась и брызнула мерзостью во все стороны.

Корнуэлл вытянул руку и схватил предмет, висевший на крюке. Он отдаленно напоминал человеческую фигуру. Корзина образовывала подобие головы, тело было цилиндрическим, примерно двух футов в диаметре и четырех в длину, внизу

торчали три металлических стержня, которые могли служить ногами. Рук не было.

Ухватившись за одну из ног, Хол потащил ее через отверстие. Корнуэлл тянул за другую.

Вдвоем они вытащили этот предмет из склепа. Новая волна ударила и забрызгала землю.

Все кубарем скатились по ступеням по двор. Джиб и Хол тащили вытащенный предмет. Во дворе они поставили его на ноги и отступили. Мгновенно он стоял неподвижно, затем шагнул, постоял, сделал второй шаг и медленно повернулся, как бы оглядываясь, хотя никаких глаз заметно не было.

— Он живой, — тихо произнесла Мэри.

Все смотрели, как зачарованные.

— Вы знаете, что это такое? — спросил Хол у Снивли.

Тот покачал головой.

— Он на нас сердится, — заметил Джиб.

— Подождем немного, — остановил его Хол.

Головой существу служила круглая корзина, в которой вращался небольшой шар, временами искривлявшийся. Корзина возвышалась на цилиндрическом теле, в котором было видно множество отверстий, словно кто-то истыкал его гвоздями. Передней или задней части у этого создания не было: оно могло двигаться в любую сторону. Оно казалось металлическим, но полной уверенности в этом ни у кого не было.

— Сын Зверя Хаоса, — задумчиво сказал Корнуэлл.

— Может быть, — подхватил Хол. — Кто знает?

— Жители замка должны знать это, — сказала Мэри.

Однако их по-прежнему нигде не было видно.

31

Они вымылись, постирали одежду, приготовили и съели ужин. Со стороны склепа временами еще доносился слабый запах, но в остальном все было спокойно.

Лошади меланхолично жевали сено, грудой сваленное в углу двора. Тут и там продолжали рыться свиньи, но куры уже перестали кудахтать и отправились на насест.

Жители замка так и не показывались.

— Я начинаю беспокоиться, — сказал Корнуэлл. — С ними что-то случилось.

— Просто они прячутся от нас, — предположил Снивли. — Они заключили договор, заведомо зная, что не смогут выполнить свои обязательства, и теперь ждут, когда мы уйдем. Они хотят просто выждать время.

— Вы не думаете, что они помогут нам против церберов? — спросила Мэри.

— И никогда не думали, — ответил Снивли.

— Церберов-то по-прежнему полно, — заметил Джиб. — Перед заходом солнца я поднимался на стены. Они ждут.

— Что же нам делать? — спросил Оливер. — Нельзя же оставаться здесь навсегда.

— Подождем — увидим, — сказал Корнуэлл. — Что-нибудь вполне может произойти, по крайней мере, ночевать нам надо здесь.

Наступила ночь, и взошла луна. Хол подбросил дров в костер, и пламя взметнулось высоко вверх. Создание, извлеченное из ямы, нетерпеливо бродило по двору, все остальные сгрудились у огня.

— Интересно, что у этой жестяной банки на уме? — рассуждал Хол. — Похоже, он нервничает.

— Он осматривается, — предположил Джиб. — Его вытащили в новый мир, и он еще не вполне уверен в себе.

— Нет, здесь что-то другое, — возразил Хол. — Его поведение меня беспокоит. Может он знает что-то, чего не знаем мы?

— Если и так, он будет держать это при себе, — сказал Снивли. — А нам и без того хватает беспокойства. Мы заперты в этой груде развалин, владельцы которой где-то прячутся, а вокруг бродят церберы. Они знают, что когда-нибудь мы должны будем выйти, и будут наготове со всеми своими зубами.

Зачарованное паломничество

Корнуэлл тяжело встал.

— Пойду схожу на стену.

— Там слева есть лестница, — подсказал Джиб. — Идите осторожнее. Камни стерты и очень скользкие.

Подъем был долгим и крутым, но, наконец, Марк добрался до верха укрепления. Парапет достигал трех футов высоты, но многие камни обрушились. Когда Корнуэлл вытянул руку, чтобы опереться на парапет, оттуда вывалился небольшой камень и упал в ров.

Местность за стеной была вся испещрена тенями, и Корнуэлл понял, что если там и есть церберы, разглядеть их будет нелегко.

Несколько раз ему казалось, что он различает какое-то движение, но полной уверенности у него не было.

С севера дул холодный порывистый ветер. Корнуэлл вздрогнул и тут же подумал, что не только ветер вызвал эту дрожь. Внизу, у костра, он не сознавался в своей озабоченности, но здесь, наверху, можно было быть честным с самим собой. Он знал, что они в ловушке и выхода у них нет. С их стороны было бы глупостью пытаться прорваться. Их единственное оружие — меч, топор и лук с дюжиной стрел. Конечно, меч волшебный, но слишком уж неуклюж его хозяин. Лучник, правда, отменный — Хол, но что он может сделать один? А мужественный владелец топора слишком мал, и первая же атака церберов захлестнет его.

Где-то на темной равнине начала кричать ночная птица, послышалось отчаянное хлопанье крыльев. Что-то ее вспугнуло. Вероятно, равнина просто кишела церберами.

Крик птицы звучал все слабее, она улетала во тьму. Потом послышался какой-то звук, настолько слабый, что Корнуэллу пришлось напрячься, чтобы его расслышать. У него возникло тревожное чувство: где-то он слышал этот звук...

Звук все усиливался, и вдруг Корнуэлл вспомнил: он слышал его в ночь перед тем, как они вышли к полю боя, на котором погиб отряд Бекетта.

Звук превратился в вой, как будто отчаянно рыдало какое-то испуганное существо. Он поднимался и падал, в нем было что-то безумное — дикая, ужасная музыка, от которой леденило кровь. Темный Трубач! — вспомнил Корнуэлл. — Да, снова Темный Трубач.

Позади послышался какой-то шум: небольшой камешек скатился со стены. Корнуэлл резко повернулся: небольшой, странно светящийся шар поднимался снизу. Марк прыгнул в сторону и схватился за меч, но тут же сообразил: по скользким ступеням медленно и осторожно поднимался Жестянка.

И вот он, наконец, выбрался наверх. Его металлическое тело блестело в свете поднимающейся луны, а шар в корзинке головы дружески поблескивал. Корнуэлл заметил, что Жестянка отрастил себе руки, хотя это слово и не совсем подходило здесь. У него появилось несколько веревкообразных щупалец. Они выступали из дырок на теле металлического существа.

Жестянка медленно приближался к Корнуэллу, который пятился от него, пока не уперся в парапет. Дальше пути не было.

Одно щупальце вытянулось и мягко прикоснулось к его плечу, другое указало на равнину, а затем сложилось в форме буквы Z. И это Z нетерпеливо раскачивалось.

Звук прекратился и его сменила полная тишина. Z продолжало раскачиваться, указывая во тьму.

— Ты с ума сошел! — возразил Корнуэлл. — Туда нам идти нельзя.

Z настанвало. Корнуэлл покачал головой.

— Может, я тебя неправильно понял?

Еще одно щупальце вытянулось в направлении ступеней лестницы, ведущей во двор.

— Ладно, — сказал Корнуэлл, — давай спустимся и попробуем разобраться.

Он отошел от парапета и начал осторожно спускаться. Жестянка следовал за ним.

Группа, сидевшая у огня, при виде их повскакивала на ноги. Хол подбежал к основанию лестницы и ждал там.

— Что происходит? — спросил он. — У вас неприятности с нашим новым другом?

— Не думаю, — ответил Корнуэлл. — Он пытался убедить меня покинуть замок. К тому же я снова слышал Темного Трубача.

— Темного Трубача?!

— Да. Помните ночь перед тем, как мы вышли в месту битвы, с церберами?

Хол вздрогнул.

— Не будем говорить о Трубаче другим. Вы уверены, что слышали именно его? Здесь у нас стояла полная тишина.

— Уверен. Но этот парень настаивает, чтобы мы что-то сделали. Мне кажется, он хочет, чтобы мы ушли отсюда.

— Это невозможно, — сказал Хол. — Мы не знаем, что ожидает нас снаружи. Может быть, утром...

Тяжело ступая, подошел Жестянка. Дюжина щупалец выскочила из его тела и замерла, указывая на ворота.

— Он действительно хочет, чтобы мы ушли, — сказал Хол.

— Но почему? — спросил Джиб, услышав слова Хола.

— Может, он знает что-то, что неизвестно нам, — предположил Хол. — Помнится, я совсем недавно говорил об этом.

— Но там же церберы! — воскликнула Мэри.

— Вряд ли он хочет нам зла, — сказал Оливер. — Мы вытащили его из ямы, и он должен быть нам благодарен.

— А может, он вовсе не хотел, чтобы его вытаскивали? — спросил Снивли. — Может, этим мы ему только повредили? Может, он недоволен?

— Во всяком случае, — сказал Корнуэлл, — думаю, нам нужно навьючить лошадей и быть готовыми к отъезду и подъему ворот. Если что-нибудь случится, мы сможем уйти.

— А что может случиться? — спросил Снивли.

— Откуда нам знать? — выпалил Хол. — Может, и ничего, но лучше подготовиться.

Джиб и Оливер уже ловили лошадей, а остальные быстро принесли седла и навьючили тюки и мешки.

Однако, ничего не происходило. Лошади, недовольные тем, что их оторвали от сена, топтались и трясли головами. Жестянка спокойно стоял у огня.

— Посмотрите на него, — с отвращением сказал Снивли. — Начал всю эту заваруху, а теперь не обращает на нас внимания. Не говорите мне, что он чего-то ждет. Обычное недоразумение, вот и все!

— Может, еще не время? — спокойно возразил Джиб. — Не время уходить?

Но в следующую секунду это время внезапно наступило.

На восточном краю неба появилось огненное колесо, которое свистело и ревели. Когда оно достигло зенита, его рев сменился протяжным воем. Оно наклонилось, повернулось и направилось к замку. Своим блеском оно затмило луну и озарило весь двор. Каменные стены покрылись трещинами, черными на фоне ослепительного света, как будто замок был нарисован черно-белыми красками.

Корнуэлл и Джиб бросились к механизму подъема ворот. Хол побежал за ними.

Ворота начали медленно подниматься.

Огненное колесо полетело вниз, наполняя все вокруг ревом и сиянием. Перед ним двигалась волна жара. Колесо пролетело над замком, едва не задев самую высокую из башенок на крыше. Лошади с диким ржанием принялись носиться по двору. Одна из них споткнулась и прокатилась через костер, разбрасывая головешки.

— Ворота подняты, — сказал Корнуэлл. — Нужно ловить лошадей.

Однако лошади не стали ждать, пока их поймают, а в панике бросились к открывшимся воротам.

Корнуэлл схватил одну за узды, пытаясь удержать ее, но узда выскользнула из его пальцев. Копыто ударило его по ребрам, и он кубарем покатился по земле.

Злой и обескураженный он поднялся на ноги. Лошади уже неслись по мосту к равнине. Одно седло оборвалось, и мешки

Зачарованное паломничество

с тюками летели во все стороны, а лошадь брыкалась, чтобы поскорее избавиться от них.

Хол дернул Корнуэлл за рукав и прокричал:

— Пошли отсюда!

Остальные были уже на мосту. Впереди бежал Енотус, низко опустив хвост.

— Вы только посмотрите на него, — с отвращением сказал Хол, — этот енот всегда был трусом.

Равнина была освещена так ярко, словно взошло солнце, но свет огненного кольца бросал странные тени, превращая местность в кошмар.

Корнуэлл вдруг обнаружил, что и он бежит, бежит, потому что бегут остальные, потому что только бегство имеет смысл. Перед ним тяжело топал Жестянка, и Корнуэллу показалось забавным, что даже сейчас он думает, как это странное существо передвигается на трех ногах. Ведь три, — говорил он сам себе, — ужасно неуклюжее число.

На равнине не видно было ни лошадей, ни церберов. Конечно, их не должно было быть. Церберы рассеялись, как только появилось огненное колесо. Корнуэлл с усмешкой подумал, что теперь эта свора три дня будет бежать, не останавливаясь.

И вдруг, прямо перед ним бегущие начали исчезать из виду.

— Мы попали в ловушку! — вслух сказал Корнуэлл неизвестно кому.

Он попытался остановиться, но тут земля исчезла у него из-под ног, и он полетел куда-то. Пролетев несколько футов, он упал, ударившись спиной, и теперь лежал, не в силах вздохнуть от толчка.

Где-то раздался голос Снивли:

— Эта проклятая железка грохнулась прямо на меня!

— Марк, у тебя все в порядке? — спросила Мэри.

Ее лицо склонилось над ним. Он постарался сесть.

— Со мной все в порядке. А что произошло?

— Мы провалились в какую-то яму, — ответила Мэри.

К ним на четвереньках подполз Хол.

— Лучше бы нам оставаться здесь и не высовываться, — сказал он. — Тут мы в укрытии.

— Там, наверху, с полдюжины колес, — сказала Мэри.

— Вряд ли они охотятся за нами, — отозвался Хол. — Все их внимание сосредоточено на замке.

— Лошади исчезли! — донесся откуда-то голос Джиба. — Мы остались безо всего в самом центре пустыни.

— Они все равно растеряли поклажу, — заметил Оливер. — Кое-что из припасов мы сможем подобрать.

Послышался сердитый голос Снивли:

— Слезь с меня, проклятый кусок железа! Я хочу встать!

— Нужно взглянуть, что там с ним такое, — сказал Хол.

Корнуэлл огляделся. Стены канавы или ямы, в которой они очутились, поднимались футов на пять в высоту, защищая их от яркого света вертящихся колес.

Корнуэлл подполз к стене, выходящей в сторону замка, приподнялся и осторожно выглянул. Как и говорил Хол, колес стало больше, они кружились над замком, который был ярко освещен и выделялся на фоне темной местности.

Рев, издаваемый колесами, сменился глубоким гудением, которое сотрясало все тело и глубоко вонзалось в голову. Одна из башенок замка обрушилась, и сквозь гудение колес донесся грохот падающих камней.

— Их там пять, — сказала Мэри. — Ты представляешь, что это такое?

Он не ответил. Да и что он мог сказать? Он подумал, что это волшебство и вспомнил, как Джоунз с насмешкой говорил о привычке вспоминать магию при любой встрече с непонятным.

Несомненно, это что-то такое, с чем человек еще не встречался. Корнуэлл читал многие древние рукописи, но нигде не было упоминаний о таком.

Хотя, подождите... Что-то было, причем в самом неожиданном месте. Книга Эклиезиаста, глава первая. Корнуэлл попробовал вспомнить точно, что там написано, но не смог, хотя знал, что там говорится не только об огненных кольцах, но и о многом другом. Нужно было меньше времени проводить над древними

Зачарованное волшебничество

рукописями и побольше читать Библию! — с досадой подумалось Марку.

Колеса висели над замком и быстро вращались, опускаясь все ниже и ниже, пока над древним зданием не образовался один сплошной огненный круг.

Гудение перешло в пронзительный вой. Набирая скорость, огненное кольцо сжималось, опускаясь в замок.

Одна за другой рушились башни, потом из кольца вырвались синие молнии и раздался раскат грома такой силы, что земля содрогнулась, и по ней словно пробежали волны.

Корнуэлл инстинктивно поднял руки, защищая голову, но, очарованным увиденным, не опускал ее. Мэри прижалась к нему, а справа кто-то — скорее всего, Снивли — завывал от ужаса.

Воздух со свистом прорезали разлетающиеся во все стороны раскаленные обломки, земля дрожала, а грохот стоял такой, что пересекалось дыхание.

Из центра огненного кольца поднималось гигантское облако, и Корнуэлл понял, что это пыль и дым пожара поднимаются вверх, как по трубе камина.

А потом все кончилось. Огненное колесо быстро поднялось в воздух и разделилось на пять меньших колец. Эти кольца понеслись вверх и на восток. Через секунду они исчезли. Стало тихо, и в этой тишине слышался только треск оседавшего камня, доносившийся из груды обломков, в которую превратился замок Зверя Хаоса.

32

На третий день они набрали на воду. Характер местности постепенно изменился. Мрачная пустыня Проклятой Долины постепенно уступила место тоже сухому, но не столь безысходно мрачному плоскогорью.

Вечером первого дня пути по нему они увидели вдалеке голубые вершины Туманных Гор, а теперь, когда они остановились у небольшого ручья, горы возвышались не более, чем в дневном переходе от их стоянки. Грандиозный хребет поднялся к небу прямо из равнины, безо всяких предгорий или холмов.

В полдень второго дня у них кончилась вода, поскольку возле замка им удалось разыскать только один мех, сброшенный бежавшей лошадей. Несколько часов они потратили там впустую, пытаясь добраться до колодца во дворе бывшего замка, но доступ к нему был прегражден громадным завалом из камней.

Разожгли костер и приготовили ужин.

— Припасов осталось только на завтра, и это все, — сообщила Мэри. — Завтра мы съедим последнее зернышко.

— Впереди будет дичь, — сказал Хол. — Идти будет, конечно, трудно, но с голоду мы не умрем.

Снивли спустился с холма и присел у огня.

— Никакого движения, — сообщил он. — Я осмотрел все вокруг. Не видно ничего, ни одного следа, даже старого. Не следовало нам идти сюда, нужно было вернуться.

— Назад идти столько же, сколько и вперед, — заметил Джиб, — может, даже больше. Кроме того, остался еще топор, который мы несем древним.

— Древние, если, конечно, мы их когда-нибудь найдем, разобьют нам головы этим драгоценным топором, — мрачно сказал Снивли.

— Перестаньте хныкать, Снивли, — с упреком сказал Хол. — Конечно, нам пришлось туго, мы потеряли лошадей и большую часть запасов, но из происшествия в замке мы вышли без единой царапины, а это больше, чем можно было ожидать.

— Да, и когда Тот, Кто Размышляет На Горе, спустится с нее и отберет у нас последнее, а потом еще и нападдаст хорошенечко, вы по-прежнему будете утверждать, что нам повезло, — заметил Снивли.

— Перестаньте же! — воскликнула Мэри. — Прекратите каркать! Мы все в сборе и все живы. Мы нашли воду прежде, чем начали серьезно страдать от жажды, и...

— Это верно, — уступил Снивли. — Не знаю как остальные, но я хотел пить так, что уже был готов глотать пыль.

К огню приблизился Жестянка и остановился, не проявляя никакой активности.

— Хотел бы я знать, кто он такой, — сказал Джиб. — Он ничего не делает, не говорит, и, может, даже не слышит ничего.

— Не забудьте, что именно он предупредил нас в замке, — напомнил Корнуэлл.

— И именно он нес большую часть продуктов, — подхватил Хол. — Выпустил свои веревки, которые у него вместо рук, и подхватил тюки...

— Если бы не он, мы никогда не попали бы в эту заваруху, — возразил Снивли. — Говорю вам, колеса охотятся как раз за ним. Из-за нас или тех уродов в замке они не побеспокоились бы, мы для них просто мелочь. Важен либо Зверь Хаоса, либо Жестянка.

— Но если бы не колеса, — заметил Джиб, — мы бы все еще отсиживались в замке. Колеса напугали церберов и, хотя нам тоже досталось, кончилось все хорошо.

— Забавно, как просто мы говорим о колесах, — сказал Оливер. — А ведь в тот момент мы здорово струхнули. Это что-то непонятное, пугающее, выходящее за рамки нашего опыта, и все же мы забываем об этом и говорим так, будто это — самая обычная вещь, которая может попасться нам за любым углом.

— Дело в том, — сказал Хол, — что произошло слишком уж много странного, и мы просто привыкли ожидать чего угодно. Постепенно приходишь к тому, что перестаешь удивляться и воспринимаешь необычное, как обычное. В том мире, откуда мы пришли, мы все жили самой обычной жизнью. День шел за днем, и ничего необычного не случалось. Мы привыкли к этому и считали такой порядок естественным. А в путешествии мы привыкли уже к необычному и больше не находим его

таковым. Мы не задаем себе вопросов. Может, просто потому, что у нас нет на это времени.

— Я много размышлял об этих колесах, — сказал Корнуэлл, — и склонен согласиться со Снивли, что их целью был либо Зверь Хаоса, либо Жестянка. Скорее, Зверь Хаоса, потому что колеса или те, кто их послал, не знали, что он мертв и едва ли могли знать о Жестянке.

— Знать-то они могли, — возразил Снивли. — Если они знали о Звере, то вполне могли рассчитать время, когда должен был появиться Жестянка.

— Это возвращает нас к вопросу, кто же такой Зверь Хаоса, и кто такой Жестянка, — сказал Хол. — Может, Жестянка — это второй Зверь Хаоса и изменится, когда подрастет.

— Возможно, — согласился Корнуэлл. — В Оксфорде есть один очень известный ученый, который недавно объявил, что изучил метод, благодаря которому после ряда метаморфоз червяк превращается в бабочку. Невероятно, конечно, чтобы он оказался прав. Из-за этого заявления он стал объектом насмешек. Но, может, так оно и есть. Может, Жестянка — тот самый червь, из которого в свое время появится новый Зверь Хаоса.

— Я не хочу, чтобы вы говорили так в его присутствии, — возразила Мэри. — Как будто он не существо, как мы все, а просто предмет, о котором можно говорить, что вздумается. А может, он слышит и понимает все, что вы говорите? Если это так, вы его обижаете.

— Посмотрите на Енотуса, — сказал вдруг Оливер. — Он подкрадывается к Жестянке.

Хол привстал, но Корнуэлл взял его за локоть.

— Тише...

— Но Енотус...

— Все в порядке, это он просто играет.

Конец одной из рук Жестянки лежал на земле и слегка подрагивал. Именно к нему и подкрадывался Енотус. Вот он неожиданно прыгнул, но в самый последний момент Жестянка отдернул щупальце. Енотус на лету извернулся, вытянул лапы и схватил щупальце, а потом упал на землю, держась за него.

Зачарованное паломничество

Второе щупальце потянулось к хвосту енота. Тот выпустил первое и бросился на второе.

— Жестянка играет с ним, — прошептала Мэри, — как мы играем с котенком. Он даже позволил ему схватить щупальце. Хол медленно сел на землю.

— Будь я проклят! — выдохнул он.

— Он — человек, — сказала Мэри.

— Нет, он не человек, — возразил Корнуэлл, — но он обладает инстинктом игры, и это делает его похожим на человека.

— Ужин готов, — объявила Мэри. — Ешьте. Продуктов осталось только на завтра.

Енотус и Жестянка продолжали играть.

33

Завтра, — подумал Корнуэлл, — мы дойдем до гор и попытаемся разыскать древних. А что потом?

Конечно, нечего и думать возвращаться через Проклятую Долину без лошадей, тем более, что там, возможно, поджидают церберы.

Корнуэлл сидел на песчаном берегу ручья, прислонившись спиной к камню. Слева в темноте сверкал лагерный костер, и Марку были видны фигуры сидящих. Он надеялся, что они не станут его искать. По какой-то неясной ему самому причине он хотел побыть один. Может, ему хотелось подумать, хотя он и знал, что время размышлений миновало. Думать нужно было раньше, до того, как он пустился в эту немыслимую авантюру. Но тогда он действовал под воздействием импульса. Он бежал из университета как только узнал, что о краже рукописи стало известно. Хотя, если подумать, в бегстве не было никакой необходимости. В университетском городке были сотни мест, где он мог бы спрятаться вполне надежно.

Воображаемая необходимость бегства была для него лишь предлогом для того, чтобы отправиться на поиски древних. И с этого момента началась цепь его невероятных приключений.

Услышав позади легкий звук шагов, он поднялся. Это была Мэри.

— Я подумала, куда ты делся, и пошла тебя искать. Это не страшно?

— Здесь найдется место и для тебя.

Он протянул руку, чтобы помочь ей сесть.

— Что ты здесь делаешь?

— Думаю, размышляю. Есть ли у нас право находиться здесь и что делать дальше? А после этого? И что будет, если мы их не найдем? Пойдем дальше, от приключения к приключению, просто, чтобы идти и искать новое? Это похоже на самоубийство. До сих пор нам просто везло.

— Все будет в порядке, — сказала она. — Мы найдем древних, Джиб отдаст им топор, и все будет, как надо.

— Мы далеко от дома и, может быть, пути назад нет, — сказал он. — Во всяком случае, пути легкого. Что касается меня, то это неважно. У меня никогда не было другого дома, кроме университета, а какой же это дом? Университет — всего лишь временная стоянка. Хотя, для Оливера это не так. Он много лет прожил на стропилах под крышей библиотеки. У Джиба есть болота, у Хола с Енотусом — их дуплистое дерево, даже у Снивли есть его шахта и кузница. А ты...

— После смерти моих приемных родителей у меня тоже никогда не было дома. Мне безразлично, где жить.

— Это был импульсивный поступок, — сказал он, — опрометчивый, безрассудный план, появившийся буквально из ничего. Я интересовался древними — это был не более, чем академический интерес, — но интерес оказался более чем реальным. Я не знаю, в чем его привлекательность, и не могу объяснить тебе этого. Я изучал их язык, вернее, то, что выдавали за их язык. По-видимому, никто не был уверен, что древние действительно существуют. И тут наткнулся на рукопись древнего путешественника...

— И решил сам пойти и посмотреть, — подтвердила Мэри.
— Я не вижу в этом ничего опрометчивого.

— Конечно, ничего, если бы это касалось только меня, если бы умерший отшельник не передал Джибу топор, если бы Джиб не спас меня от волков, если бы Хол не был лесным жителем и другом Джиба, если бы Снивли не выковал волшебный меч, то ничего бы не случилось.

— Но это ведь случилось, — сказала Мэри. — И именно это свело нас с тобой. Ты не имеешь права винить себя, потому что твоей вины тут нет. Никто из нас не оказался здесь вопреки своей воле, и никто не сожалеет об этом.

— А Снивли?

— Ты имеешь в виду его жалобы? Это же просто привычка. Иначе он не может.

Она положила голову ему на плечо.

— Забудь об этом, Марк. Мы пойдем дальше, найдем древних и все будет хорошо. Может, мы даже найдем моих родителей или хотя бы их следы.

— Пока никаких следов не было. Нужно было расспросить в замке, но произошло так много событий, что для этого не было времени. Я виню в этом себя, я должен был подумать и об этом.

— Я расспрашивала это существо с лисьей мордой, — сказала Мэри.

— И что?

— Они останавливались в замке и отдыхали здесь несколько дней. Вокруг было полно церберов. Они каждый день бродили вокруг замка, но церберы их не беспокоили. Подумай об этом, Марк. Они же прошли всю Проклятую Долину через стан церберов!

— Ты не говорила мне, что расспрашивала обитателей замка.

— Ты же сам сказал, произошло так много всего.

— Они шли с миром, — сказал Корнуэлл. — Должно быть, это удивительные люди. Ты их помнишь, Мэри?

— Едва ли. Только красоту моей матери. Я немного помню ее лицо, а отца не помню совсем. Я люблю их, конечно, но за что, не помню.

— И вот ты здесь, — сказал Корнуэлл. — За твоими плечами долгий путь и долгий путь лежит впереди.

— Я там, где и хотела быть, — она подняла голову, и он нежно поцеловал ее.

— Рог единорога подействовал, — сказал он. — Оливер был прав.

— Ты думал об этом?

— Да. Рог все еще у тебя. Нельзя ли потерять его?

— Посмотрим, — сказала она счастливым голосом.

34

Углубившись к горы, они столкнулись с древними. Поднимаясь на крутой отрог, разделявший две долины, они оказались лицом к лицу с ними. Обе группы остановились, удивленно глядя друг на друга с расстояния не больше ста метров. Небольшая группа древних, по-видимому, была охотничьим отрядом. Это были низкорослые, коренастые мужчины, одетые в меха и вооруженные копьями с каменными наконечниками. У большинства волосы и бороды были седые, хотя несколько молодых охотников еще не отрастили ни усов, ни бород. Древних было не больше дюжины.

Двое из них несли на плечах палку, с которой свисала туша, напоминавшая человеческое тело.

Несколько мгновений все молчали, потом Корнуэлл сказал:

— Что ж, наконец-то мы их нашли. Я уже начал сомневаться, существуют ли они вообще.

— Вы уверены, что это они? — спросил Хол. — Никто не знает, как они выглядят, и это меня все время беспокоит. Что мы, собственно, ищем?

— В рукописи древнего путешественника были намеки, — сказал Корнуэлл. — Конечно, не свидетельства очевидцев, а только слухи из вторых уст, что древние человекоподобны. Даже человек, записавший словарь и грамматику древних, никогда не утверждал, что видел их сам. Впрочем, может, и видел: часть рукописи утрачена или уничтожена каким-то церковником столетия назад. Я подозревал, что они человекоподобны, но не был в этом уверен. Топор, который нес Джиб, тоже предназначен для человекоподобного существа.

— Ну, а теперь, когда мы их нашли, что нам с ними делать? — спросил Снивли. — Джиб побежит к ним и отдаст топор? На вашем месте, Джиб, я бы не стал так поступать. Мне не нравится вид добычи.

— Я пойду вперед и поговорю с ними, — сказал Корнуэлл. — Вы оставайтесь на местах и не делайте никаких неожиданных движений. Не нужно их пугать.

— Они не похожи на напуганных, — заметил Снивли.

— Я вас прикрою, — сказал Хол. — Если они настроены враждебно, не стройте из себя героя.

Корнуэлл расстегнул пояс, на котором висел меч, и вместе с мечом протянул его Мэри.

— Нас можно уже считать мертвыми, — мрачно предсказал Снивли. — К вечеру они обгложут наши кости.

Корнуэлл вытянул руки вперед и начал медленно приближаться к группке охотников.

— Мы пришли с миром! — крикнул он на языке древних, надеясь, что он правильно выговаривает слова, и его правильно поймут. — Нет борьбы, нет убийства!

Они ждали, внимательно следя за его приближением. Двое, несшие тушу, бросили ее и присоединились к остальным.

Не отвечая на его слова, те стояли неподвижно, выражение их лиц скрывалось за густыми бородами. Они не делали угрожающих жестов, но Корнуэлл знал, что этого можно ожидать в любую минуту.

В шести футах от них он остановился и опустил руки.

— Мы искали вас и принесли вам дар.

Зачарованное вальонничество

Они молчали, и выражение их лиц не изменилось. Корнуэлл мимолетно усомнился в том, что они поняли хотя бы слово.

— Мы друзья, — произнес он. И стал ждать ответа.

Наконец один из них произнес:

— Откуда нам знать, что вы друзья? Может быть, вы демоны. Демоны принимают много облиций. Мы знаем это, потому что охотимся на демонов.

Он указал на тушу на палке. Древние расступились, и Корнуэлл смог рассмотреть ее. Форма тела была вполне человеческая, но кожа была темной и почти синей. Длинный тонкий хвост, короткие рожки на голове и копыта на ногах дополняли картину.

— Мы его поймали, — сказал тот же древний. — Мы часто ловим их в ловушки. Этот — маленький, молодой и глупый. Но мы ловим и старых. — Он облизал губы. — Хорошая еда!

— Еда?

— Мы жарим их на огне и едим, — он изобразил, как кладет что-то в рот и жует. — А вы едите?

— Едим. Но не демонов и не людей.

— Мы ели людей давно, — сказал древний, — не теперь. Теперь — только демонов. А люди исчезли, и есть некого. Зато демонов много. В старых сказках говорится о поедании людей, но люди не нужны, пока есть демоны. Это — очень нежная еда. — Он указал на тушу. — Но этого мало. Маленький кусочек каждому. Зато вкусно.

При мысли о том, как это вкусно, он широко улыбнулся.

Корнуэлл почувствовал, как спадает напряжение. Древний оказался разговорчивым, и это было хорошим знаком. С человеком, которого собираются убить, болтать не будут.

Корнуэлл быстро взглянул на остальных. Дружелюбия он не заметил, но не было и враждебности.

— Вы уверены, что вы не демоны? — спросил древний.

— Уверен. Я — человек, а остальные — мои друзья.

— Демоны хитры, — сказал древний, — и ненавидят нас. Мы так много их ловим. Они делают все, чтобы нам навредить. Ты говоришь, у вас есть дар для нас?

Зачарованное паломничество

— Да.

Древний пожал плечами.

— Никаких даров нам. Все дары — старику. Таков закон, — он покачал головой. — И все же, возможно, вы — демоны, откуда нам знать? Вы убьете демона?

— Да, мы с радостью убьем его.

— Тогда пойдете с нами.

— Хорошо.

— Мы посмотрим еще одну ловушку, и вы убьете демона, которого мы там найдем. Тогда мы будем знать, что вы не демоны. Демоны не убивают демонов.

— А если ловушка окажется пустой?

— Она будет с добычей. Мы используем хорошую приманку. Ни один демон не пройдет мимо. Это — особая приманка. Демон будет. Вы убьете его, и мы идем домой. Хорошая еда... Еда и танцы. Вы дадите дар старику. Мы будем сидеть и разговаривать: вы будете говорить нам, мы будем говорить вам. Мы хорошо проведем время.

— Мне это нравится, — сказал Корнуэлл.

Двое древних, несших тушу, подняли палку. Демон свисал с нее, хвост его волочился по земле.

Корнуэлл повернулся к своим.

— Все в порядке. Мы идем с ними.

Его спутники быстро спустились с холма.

Разговорчивый древний остался с Корнуэллом, а остальные уже двинулись на север.

— И что происходит? — поинтересовался Хол.

— Они пригласили нас идти с ними. Они охотятся на демонов.

— Вы имеете в виду ту штуку, которую они несут?

Корнуэлл кивнул:

— Надо осмотреть еще одну ловушку. Они хотят, чтобы мы убили демона и этим доказали, что сами не демоны.

— Это ничего не докажет, — заметил Снвали. — Люди убивают людей, почему бы демонам не убивать демонов?

— Может, древние имели в виду что-то другое? — предположил Оливер.

— Они думают, что мы демоны? — удивилась Мэри. — Но как это может быть? Ведь у нас нет ни хвостов, ни рогов.

— Они говорят, что демоны могут изменять свое обличье. Обратившись к древнему, Корнуэлл сказал:

— Мои друзья не умеют говорить на вашем языке. Они просили передать, что будут счастливы идти вместе с вами.

— Скажи им, — заявил древний, — что вечером мы съедем большого демона.

— Скажу, — пообещал Корнуэлл.

Мэри протянула Корнуэллу его меч, но, прежде: чем он успел надеть его, древний сказал:

— Нужно торопиться. Остальные уже далеко. Если мы не будем с ними, они могут сами убить демона, а его должны убить вы.

— Я знаю это, — ответил Корнуэлл. Затем он обратился к спутникам: — Идемте, нельзя задерживаться.

— Когда я смогу отдать им топор? — спросил Джиб, торопливо шагая рядом с Корнуэллом.

— Позже. Вы отдадите его старейшине племени. Племенной закон, вероятно. Предстоит важное событие: большой пир и танцы.

— Пир? — спросил Снивли. — Он подозрительно рассматривал демона, свисавшего с палки. — Если на пиру будут подавать это, я не съем ни кусочка. Умру с голоду, но не съем.

Древний быстро шел впереди.

— Надеюсь, там большой и жирный демон, — произнес он. — Этот — маленький и костлявый, а нам нужен большой и жирный.

Они пересекли хребет и теперь спускались в круглое ущелье. Охотничий отряд двигался немного впереди. Ущелье резко поворачивало и, когда охотники скрылись за поворотом, послышался громкий крик.

Путники торопливо свернули туда же.

Перед ними прыгали охотники, размахивая копьями и крича во всю глотку.

— Подождите! — закричал предводитель отряда. — Не убивайте его! Подождите нас!

Услышав его крик, остальные охотники замолкли, но чей-то голос продолжал вопить:

— Выпустите меня отсюда, черт побери! Что это вы затеяли? Банда грязных дикарей!

Корнуэлл пробрался сквозь толпу охотников и резко затормозил.

— Это не демон, — сказал Джиб. — Это наш старый друг Джоунз.

— Джоунз, — крикнул Корнуэлл, — что вы тут делаете? Что с вами случилось? Как вы сюда попали?

Джоунз стоял посреди небольшой поляны, на которой рос большой дуб. Широкие свисающие полосы образовывали яркий треугольник между тремя металлическими столбиками, поставленными так, что они замыкали всю поляну. Джоунз стоял возле одной из полос, держа в руке какое-то устройство из дерева и металла. К стволу дуба прижималась обнаженная девушка, которая вовсе не казалась испуганной.

— Слава Богу, это вы! — сказал Джоунз. — Откуда вы выскочили? Наверно, прошли сквозь Проклятую Долину? Никогда бы не подумал, что это вам по силам. Я собирался вас искать, но мой велосипед сломался. Выпустите меня отсюда! — Он взмахнул своим странным приспособлением. — Жаль было приканчивать этих бродяг.

Древний возбужденно подпрыгивал на месте.

— Ты можешь разговаривать с ним! — вопил он. — Ты можешь разговаривать с этим демоном?

— Он не демон, — сказал Корнуэлл. — Он такой же, как и мы. Освободите его.

Древний быстро попятился.

— Демоны! — заорал он. — Все вы демоны!

— Стойте на месте! — крикнул Корнуэлл и неуклюже достал из ножен меч. Краем глаза он видел, что древние подняли копья и приближаются, но очень осторожно.

— Держите их! — крикнул Джоунз.

Тут же послышался громкий треск. Облачка пыли и комки вырванной земли прочертили линию перед наступающими охотниками. Конец приспособления Джоунза покраснел, донесся запах паленого.

Охотники замерли, они стояли неподвижно, по-прежнему подняв копья.

— В следующий раз, — спокойно сказал им Джоунз, — я выжгу вам кишки.

Предводитель древних, попятившийся было назад, теперь остановился. Завороженно глядя на меч в руке Корнуэлла, он медленно опустился на колени.

— Бросайте копья! — приказал им Корнуэлл.

Охотники побросали оружие.

— Следите за ними, Хол, — сказал Корнуэлл. — Если только они двинутся...

— Все отойдите в сторону, — сказал Хол. — У Джоунза какое-то оружие, и ему нужно освободить поле для деятельности.

Древний, опустившийся на колени, теперь ползал по земле и стонал. Корнуэлл, по-прежнему с мечом в руке, подошел к нему и рывком поставил его на ноги. Тот отшатнулся.

— Как тебя зовут? — спросил Корнуэлл.

Тот попытался ответить, но зубы его так стучали, что он не смог произнести ни слова.

— Говори, как тебя зовут!

— Сверкающее Лезвие! — завопил вдруг древний. — У нас есть сказания о Сверкающем Лезвии.

Он с испугом посмотрел на блестящий меч.

— Хорошо, — сказал Корнуэлл. — Значит, это — Сверкающее Лезвие. А теперь скажи мне свое имя. Мне кажется, мы должны знать имена друг друга.

— Сломанный Медведь, — произнес древний.

Зачарованное паломничество

— Сломанный Медведь? А я — Корнуэлл. Это странное имя, Корнуэлл. Это волшебное имя. Повтори его.

— Корнуэлл, — послушно повторил Сломанный Медведь.

— Выпустите меня отсюда! — крикнул Джоунз!

Жестянка подошел к сверкающей ограде и ухватился щупальцем за один из столбов. По щупальцам пробежали искры, сверкающая лента задрожала. С заметным усилием Жестянка вытащил столб из земли и отшвырнул его в сторону.

Сверкающих линий больше не было.

— Так кончаются все глупости, — сказал Снивли. — Марк, почему бы вам не пнуть этого вашего друга в зад?

— Ничего не хотел бы больше, — ответил Корнуэлл, — но лучше этого не делать. Нужно быть с ним в дружбе.

Джоунз подошел к Корнуэллу, осторожно держа свое оружие наперевес. Он протянул руку, и Корнуэлл пожал ее.

— Что он такое бормотал? — спросил Джоунз и указал на Сломанного Медведя. — Я не понял ни слова.

— Я говорил с ним на языке древних.

— Значит, это и есть ваши древние? Черт возьми, это самые настоящие неандертальцы! Хотя, должен признать, что ловушка у них хитрая и ловушка подходящая. Эта голая, как новорожденная, девушка, была привязана к дереву и кричала, а вокруг бродили волки...

— Неадер... Что?

— Неандертальцы. Первобытные люди. В моем мире их нет, они вымерли свыше тридцати тысяч лет назад.

— Но вы говорили, что наши миры разошлись не так уж давно.

— Не знаю. Я вообще ничего не знаю. Раньше мне казалось, что я кое-что понимаю, а теперь я понимаю все меньше и меньше.

— Вы говорили, что собирались искать нас. Откуда вы знали, где нас искать? И что с вами случилось? Мы были в вашем лагере, но он оказался пустым.

— Что ж, вы говорили о древних, и у меня сложилось впечатление, что вы обязательно хотите их найти. Я знал, что

для этого вам придется пересечь Проклятую Долину, и решил опередить вас. Вы говорили об университете...

— Значит, вы отправились на поиски этого университета?

— Да. И я нашел его. Погодите, я расскажу вам.

— Но если вы его нашли...

— Корнуэлл, будьте терпеливы. Там есть все: рукописи, книги... но написано все очень странным почерком. Я не смог прочесть ни слова.

— И вы решили, что я смогу?

— Какая разница, Корнуэлл? Наши два мира разделены, и мы принадлежим к разным местам. Давайте вести себя разумно. Вы делаете кое-что для меня, а я — для вас.

— Мне кажется, что лучше двинуться, — вмешался Хол. — Туземцы слишком уж возбуждены.

— Они еще не убедились, что мы не демоны, — сказал Корнуэлл. — Придется им это проглотить. Если в их тупые мозги западет какая-то мысль... — Он повернулся к Сломанному Медведю: — Идем. Мы — друзья. Мы будем есть, танцевать и разговаривать. И мы будем как братья.

Сломанный Медведь продолжал бормотать:

— Сверкающее Лезвие...

— О, Боже! — воскликнул Корнуэлл. — Втемяшилось же ему это лезвие! Какой-то древний миф, столетиями рассказывающийся у костра. Хорошо, я уберу его.

Он сунул меч в ножны, потом сказал, обращаясь к Сломанному Медведю:

— Идем. И заberi вашу приманку. Мы все голодны.

— Хорошо, что у нас есть еще кое-что, кроме этого демона, — проворчал Сломанный Медведь, — иначе получился бы очень голодный пир. Но дома нас ждут медведь, олень и лось. Мясa много, мы съедем все!

Корнуэлл обнял его за плечи.

— Это хорошо! Наши лица будут вымазаны жиром. Мы будем есть, пока сможем.

Сломанный Медведь улыбнулся.

— Вы не демоны. Вы — боги Сверкающего Лезвия. Костры вечером поднимутся высоко, и все будут счастливы, потому что к нам пришли боги.

— Похоже, разговор идет о пире? — спросил Джоунз. — Посмотрите туда, вниз по склону. Сын шлюхи чует запах хорошей еды за миллионы миль!

Это был Сплетник. Лохмотья его развевались по ветру, посох громко стучал о камни. Ворон, сидящий у него на плече, выглядел еще более побитым молью.

За Сплетником хромала маленькая беленькая собачка в очках.

35

Старейшина племени был плох. У него остался только один глаз, а от пустой глазницы через всю щеку до шен шел страшнейший шрам.

Он коснулся пальцами пустой глазницы и провел ими по шраму. На руке не хватало трех пальцев, остались только большой и указательный.

Старейшина посмотрел на Корнуэлла единственным глазом.

— Рука к руке, — торжественно сказал он. — Я и он. Старый медведь, такой же злой, как и я. С этой встречи ушел только я, но не медведь. Мы притащили его домой, зажарили и съели. Ну и жесткое же мясо было у него! Трудно было разжевывать. Но я никогда не ел мяса слаще того! — Он захихикал от этой своей шутки. Зубов у него не было вовсе. — Сейчас я не смог бы его съесть. — Он указал на свой открытый рот. — Зубы выпали. Ты знаешь, почему выпадают зубы?

— Нет, не знаю, — ответил Корнуэлл.

— Я теперь уже не тот, — продолжал старик. — суставы не гнутся, осталась одна добрая рука и нет глаза. Но эти парни не смеют спорить со мной. — Он указал на группу древних, которые присели сзади и по обе стороны от него. — Они знают,

что я злобен и хитер. Я всегда был хитер, иначе не прожил бы так долго. Я слышал, что ты — бог, и что у тебя есть Сверкающее Лезвие.

— Сверкающее Лезвие у меня есть, — ответил Корнуэлл. — Но я не говорил, что я бог. Это Сломанный Медведь...

Старик презрительно фыркнул.

— Сломанный Медведь полон ветра, — сказал он и острым локтем толкнул Сломанного Медведя в ребро. — Верно, Сломанный Медведь?

— Не больше тебя, сломанный человек, — ответил тот. — В тебе больше ветра, чем во всех нас. Ветер исходит из твоего рта.

— Он хочет занять мое место, — сказал старик, — но не займет его. Я задушу его и одной рукой, хорошей рукой, не плохой. Я позабочусь, чтобы это была хорошая рука, — и он беззвучно захихикал.

— Ты говоришь о битве, — вызывающе заявил Сломанный Медведь, — но кому-то придется помочь тебе встать. Сам же ты на ноги не поднимешься.

— Я могу и не вставать, — возразил старик. — Я и сидя справлюсь с тобой.

— О чем они там бормочут? — поинтересовался Джоунз.

— Он хвастается своей силой, — пояснил Корнуэлл.

На каменном выступе, отходящем от пещеры, горели три больших костра. Над кострами были устроены решетки из сырого дерева, и на них жарилось мясо. Вокруг царила суматоха: бегали женщины, возбужденные сознанием важности момента, путались под ногами дети, осторожно подкрадывались стаи собак, следя за ногами, готовыми их пнуть, и в то же время не сводя глаз с аппетитных туш.

Енотус, жавшийся между Холлом и Мэри, выглянул и посмотрел на собак. Мэри прижала его к себе.

— Сиди тихо, — сказала она. — Я знаю, ты стоишь десятка собак, но здесь их слишком уж много.

Хол улыбнулся.

— Им даже не удастся коснуться его зубами. Загоните его в угол, и он покажет, на что он способен.

— И все же пусть он остается здесь, — сказала Мэри. — Ему нечего доказывать. Он справился с теми, кто набросился на него, и на сегодня достаточно.

Джиб кивнул в сторону старейшины:

— Когда можно будет отдать ему топор?

— Со временем, — ответил Джоунз. — Он, вероятно, готовится. Сломанный Медведь должен был сказать ему о даре, так что он знает. Но есть определенный порядок, так сказать, племенной протокол, и протокол очень строгий. Вождь не должен суетиться, он должен беречь свое достоинство.

Тут заговорил старейшина племени:

— Вы долго шли. Вы пришли из неведомых земель, пересекли Проклятую Долину, опередили церберов. Но как вы миновали замок Зверь Хаоса?

— Мы не опередили церберов, — уточнил Корнуэлл. — Церберы бежали от нас. Мы останавливались в замке, но теперь он — груда развалин. Зверь Хаоса мертв.

Старик поднес руку ко рту, выражая свое изумление.

— Должно быть, вы в самом деле боги. И тот, кто пришел с вами, тот, кто не из плоти и ходит на трех ногах, что не подобает делать человеку...

— Он тоже волшебный, как и мое Сверкающее Лезвие.

— А рог, который несет женщина? Он тоже волшебный. Ведь это — рог единорога.

— Ты знаешь о единорогах? Они еще есть здесь?

— В Месте Знаний есть единороги, — старейшина указал во тьму. — За горами. Люди туда не ходят. Место охраняется Теми, Что Размышляют На Горе.

Корнуэлл повернулся к Джоунзу:

— Он говорит о Месте Знаний. Должно быть, имеется в виду университет. А еще он говорит, что проход охраняется Теми, Что Размышляют На Горе. Обратите внимание, во множественном числе.

Джоунз кивнул.

Зачарованное волшебничество

— Несомненно, он должен знать, как назвать. Видимо, кто-то неточно перевел. Чтобы дойти туда, нужно пересечь ущелье. Я знаю это, потому что уже пересекал его.

— Но вы не видели Тех, Что Размышляют На Горе?

— Ни одного. Но ведь я ехал на своем велосипеде, а он, как вы могли заметить, производит дьявольский шум. Может, я их распугал. К тому же я двигался в противоположном направлении: не к университету, а от него. Но я хочу кое о чем с вами поговорить. Этот ваш робот...

— Что такое робот?

— Металлический человек, который пришел с вами.

— Я вам все расскажу позже.

Корнуэлл снова повернулся к старейшине.

— Насчет Места Знаний. Сможем ли мы туда пройти?

— Это значит для вас — идти на смерть.

— Но ведь были и другие, которые прошли туда несколько лет назад. Мужчина и женщина.

— Они были совсем иные, — протянул старейшина.

— Что значит — иные?

— Они шли в мире, рука об руку. У них не было оружия, а только доброта.

— Они останавливались здесь? Ты их видел?

— Они пробыли у нас недолго. Они не могли разговаривать с нами, но им это и не было нужно. Мы знаем, что в них была доброта.

— Вы пробовали предупредить их?

— В этом не было нужды. Они могли в безопасности идти туда, куда только пожелают. Им никто не в силах повредить.

Корнуэлл негромко обратился к Мэри:

— Они говорят, что здесь были твои мать и отец, а потом они ушли в университет. Он говорит еще, что они в безопасности, им никто бы не стал и не смог помешать.

— Если кто-то смог пройти, значит, и мы сможем, — сказал Джоунз.

— Нет, — ответил Корнуэлл. — Родители Мэри — совсем особенные люди. Я не вполне понимаю...

— Сломанный Медведь сказал мне, — вмешался старейшина, — что вы кое-что принесли для нас.

— Верно, — ответил Корнуэлл. — Но это не подарок и не от нас. Это принадлежит вам. — Он кивнул Джибу и сказал: — Отдайте ему топор.

Джиб протянул старейшине сверток. Старик схватил его одной рукой, положил на землю перед собой и развернул. Некоторое время он сидел молча, глядя на топор, потом поднял голову и внимательно посмотрел на Корнуэлла своим единственным блестящим глазом.

— Вы смеетесь над нами, — сказал он.

— Смеемся? — удивился Корнуэлл. — Все, что мы делаем...

— Слушай меня внимательно! — приказал старик.

— Что случилось? — спросил Джиб. — Я что-то сделал не так?

— Предания рассказывают, — говорил между тем старик, — что этот топор был отдан в знак дружбы одному человеку из другого места, который встречался с нами. Вы же принесли его, и теперь дружба кончилась.

— Ничего этого я и слыхом не слыхал, — сказал Корнуэлл.

Старейшина вдруг вскричал:

— Наши головы в пыли! Наш дар бросили нам в лицо! Дружбы больше нет!

Он вскочил и пнул топор ногой. Древние начали вскакивать и хвататься за оружие.

Корнуэлл тоже вскочил, доставая меч. За его спиной послышался металлический щелчок.

— Я смету их всех, — сказал Джоунз. — Отойдите-ка в сторонку.

— Пока не надо, — попросил Корнуэлл, — может, мы сумеем уговорить их.

— Уговорить! — с отвращением фыркнул Джоунз.

— Мы не боимся богов! — кричал старейшина. — И не позволим, чтобы боги смеялись над нами! Умрем, но не позволим!

— Мы же не смеялись над вами, — возразил Корнуэлл. — Но если ты хочешь умереть, то сейчас самое время.

Старейшина поднял руку, как бы предупреждая невидимого врага, и шагнул вперед. В ту же секунду что-то пронзило его грудь, и кровь заструилась по его животу. Потрясенный Корнуэлл отступил на шаг, давая ему возможность упасть. Когда старик рухнул, стало видно, что из его спины торчит копьё.

Позади старейшины с пустыми руками стоял Сломанный Медведь.

— Старый мешок с ветром мертв, — сказал он спокойно. — Теперь мы можем поговорить.

Воцарилась мертвая тишина. Дети перестали бегать и кричать, женщины прекратили болтовню, собаки мгновенно улизнули кто куда. Мужчины, стоявшие рядом со Сломанным Медведем, молчали.

Они стояли неподвижно, с напряженными лицами и поднятыми копьями.

Сломанный Медведь кивнул в сторону упавшего войдя:

— Из-за него были бы убитые, — уверенно произнес он. — Некоторые из вас, а может и все. А мы этого не хотим.

— Не хотим, — согласился Корнуэлл.

— Я по-прежнему не знаю, боги вы или демоны, — продолжал Сломанный Медведь. — Порой мне кажется так, а порой по-другому. Но одно я знаю точно: я не хочу, чтобы вы оставались здесь.

— Мы с радостью уйдем отсюда, — ответил Корнуэлл.

— Но сначала поговорим о наших жизнях.

— Это лишнее. И я хочу поправить тебя: умрут не некоторые из вас, а множество. И ты будешь первым.

— Мы не жадные, — сказал Сломанный Медведь. — Нам нужна только дымящаяся палка.

— Что тут происходит, в конце концов? — спросил Джоунз.

— Ему нужна дымящаяся палка. Он имеет в виду ваше оружие.

— Оно не принесет дураку пользы. Он скорее всего застрелит сам себя. Нужно знать, как им пользоваться. И потом, я же не отдам его.

— Он говорит, что пользоваться этим оружием опасно, — обратился Корнуэлл к Сломанному Медведю. — Это сильное колдовство, и повинуетя оно не каждому. Только великий колдун может владеть им.

— Мы хотим его, — настаивал Сломанный Медведь. — А также рог, который несет женщина, и Сверкающее Лезвие.

— Нет, — коротко отрезал Корнуэлл.

— Будьте же мудры, — посоветовал Сломанный Медведь. — Вы даете нам палку, рог и Лезвие, а мы оставляем вам ваши жизни. — Он ткнул пальцем в сторону мертвого старейшины. — Это лучше, чем предлагал он.

— Вы торгуетесь с этим мерзавцем? — спросил Джоунз.

Корнуэлл рукой отвел его оружие в сторону.

— Они же окружили нас, — заметил Хол, — мы стоим в самой середине. Даже женщины и дети подхватили дубины и камни.

Кто-то сзади грубо отбросил Корнуэлла в сторону.

— Эй, что происходит? — крикнул Джоунз.

Веревкообразное щупальце вырвало меч из руки Корнуэлла.

— Что ты делаешь? — вскричал он.

Другое щупальце обвилось вокруг его груди и повалило на землю. Когда он встал, то увидел множество других щупалец.казалось, весь воздух был заполнен ими. Они тянулись к толпе древних, которые в испуге жались к стене, и выхватывали из их рук копьа.

— Что происходит? — кричал Джоунз. — Он отобрал оружие!

— Жестянка! — взревел Корнуэлл в бешенстве. — Какого дьявола...

Мужчины-охотники прижимались к стене, женщины с дикими криками разбегались, собаки выли, поджав хвосты.

Жестянка методично швырял отобранное оружие в пропасть. Его щупальца подбирали дубинки и камни, в панике брошенные наземь женщинами и детьми, и отправляли их вслед за копьями.

— Он сошел с ума! — воскликнула Мэри. — Он отобрал даже рог!

— Если он повредит ружье, я разберу его на части! — пригрозил Джоунз.

Жестянка напоминал паука, ткущего паутину. Щупальца, казалось, появились из каждого отверстия на его теле. Теперь они подталкивали путников туда, где от пещеры вела тропа.

— Это правильная мысль, — сказал Джоунз. — Пойдемте отсюда.

Снизу доносились плач и вой, должно быть, некоторые женщины и дети в темноте попадали с уступа. Древние, жавшиеся к стене, начали осторожно подвигаться вперед.

Когда путники добрались до тропы, Жестянка протянул Мэри рог, Джибу — топор, Холу — Лук, а Корнуэллу — меч. Ружье Джоунза он отбросил в сторону.

— Черт тебя побери! — вырвалось у Джоунза. — Я просверлю тебя насквозь...

— Пошли! — гаркнул Корнуэлл. — Он знает, что делает!

Щупальце Жестянки обвилося вокруг туши медведя, целиком жарившейся на костре, и подняло ее в воздух. Капли жира упали на лицо Корнуэлла.

— У нас и ужин теперь есть, — сказал Оливер, облизывая губы.

— И нам не придется есть мясо демона, — облегченно добавил Снивли.

36

— Уж здесь-то мы в безопасности, — облегченно выдохнул Хол. — Они не пойдут за нами: не захотят идти в темноту. К тому же они боятся этого ущелья.

— Вы уверены, что они говорили именно об этом ущелье?
— спросил Корнуэлл.

Джоунз кивнул.

— Именно через него я шел по дороге из университета. Я, должно быть, прошел совсем рядом со стоянкой древних и даже не заметил ее. А теперь расскажите мне о вашем роботе. Если бы только у меня был под рукой молоток, я разбил бы его на части. Хотя, признаться, он весьма эффективно вывел нас из затруднительного положения. Хотелось бы только, чтобы он предупреждал о своих планах вовремя.

— Он не мог предупредить нас, — ответил Хол. — Говорить-то он не умеет.

— Такое хорошее было ружье, — горевал Джоунз. — Почему он так сделал, как вы думаете?

— Не знаю, — ответил Корнуэлл. — Он с нами не так давно. Наверное, нужно пробыть с ним годы и годы, чтобы начать его понимать. Очевидно, он решил, что возвращать вам ружье нельзя. Не могу с ним согласиться, но, должно быть, у него были на то причины.

— Может быть, потому что эта штука, которую вы зовете ружьем, не из нашего времени, — вставил Снивли. — Может, он почувствовал, что она не имеет права находиться здесь. Есть слово для таких вещей, кажется... анахронизм.

— Хотя я и жалею о нем, — сказал Джоунз, — возвращаться за ним мне не хочется. К тому же оно, вероятно, сломано. Этот ваш Жестянка швырнул его с силой, и оно, ударившись, даже подпрыгнуло на скалах.

Пройдя несколько миль в свете ущербной луны, они, наконец, остановились и развели костер под прикрытием груды развалин, поужинали и начали разговаривать.

— Я умираю от желания узнать, что с вами случилось за это время, — сказал Джоунз. — Расскажите же.

Прислонившись к камню, Корнуэлл с помощью остальных рассказал обо всех событиях на их пути. Особенно помог ему Снивли.

— Огненное кольцо! — воскликнул Джоунз. — Похоже на летающие блюда, которые поразили воображение всего мира. Говорите, они разрушали замок?

— Совершенно верно, — подтвердил Корнуэлл. — Они просто стерли замок с лица земли. После смерти Зверя Хаоса.

— Мы думаем, что он умер, — сказал Хол. — У нас была возможность убедиться в этом. Но мы не знаем доподлинно, почему появились огненные кольца. Скорее всего, цель их нападения — Жестянка. Вероятно, они рассчитывали уничтожить замок в момент его рождения. Но мы ускорили его на несколько часов.

— Зверь Хаоса, должно быть, знал об этой опасности, — сказал Джоунз, — поэтому и приказал жителям замка вытащить Жестянку сразу после своей смерти.

— Жестянка, вероятно, тоже об этом знал, — добавил Джиб. — ведь это он настоял на том, чтобы мы покинули замок.

Джоунз спросил:

— Вы не пытались изучать этого робота? Есть ли у вас хоть какие-нибудь данные?

Корнуэлл нахмурился.

— Если под данными вы подразумеваете факты и наблюдения, тщательно организованные и классифицированные, то нет. Ваш мир, вероятно, больше интересуется данными. Мы знаем немного: он как будто сделан из металла, глаз у него нет, но тем не менее, он видит. Он не может говорить и есть, но все же мне кажется...

— Он же предупредил нас, чтобы мы бежали из замка, — напомнил Джиб. — А когда мы пересекали Проклятую Долину, он превратился во вьючную лошадь и нес больше, чем приходилось на его долю. И он же разрушил магию ловушки для демонов, да и сегодня вытащил нас из переплета, который мог стоить нам всей жизни.

— И он играет с енотом, — добавила Мэрн. — Енотус любит его. И мне еще кажется, мы не должны так говорить о нем, когда он стоит рядом. Он, наверное, понимает, о чем мы говорим, и обижается на нас.

Жестянка, впрочем, совсем не выглядел обиженным. Он стоял по другую сторону костра и все его щупальца, за исключением одного, были втянуты внутрь корпуса. Оставшееся щупальце выступало лишь наполовину и было сложено на том, что можно было бы обозначить как грудь.

— Любопытные у него щупальца, — сказал Оливер. — Может, форма их имеет какое-то значение?

— Это просто ритуал, — предположил Снивли. — Глупый ритуальный жест.

Джоунз, прищурясь, коротко взглянул на него.

— Я думаю, он не с Земли. И Зверь Хаоса тоже не с Земли, как и огненные кольца. Здесь мы имеем дело с чуждыми нам существами из глубин космоса. Все они прилетели с далеких звезд.

— Но как это возможно? — изумился Корнуэлл. — Ведь звезды — это небесные огни, зажженные по Божьей милости. Может, из волшебного мира или запретного для нас места, но не со звезд.

— Я отказываюсь обсуждать с вами открытия астрономов моего мира, — холодно заметил Джоунз. — Это напрасная трата времени. Вы слепы ко всему, кроме волшебства. Достаточно вам встретиться с чем-то непонятным, чтобы тут же появилась эта всеобъясняющая концепция.

— В таком случае, вообще не будем обсуждать это, — умиротворяюще сказал Хол.

— Мы вам все о себе рассказали, — сказала Мэри. — Почему бы вам теперь не поведать о своих приключениях? Мы ходили искать вас, чтобы спросить, присоединяетесь вы к нам или нет, но вас не оказалось на месте.

— В этом виноват Корнуэлл, — усмехнулся Джоунз. — Он намекнул мне на существование университета, и это меня очень заинтересовало. Хоть он этого и не говорил, но я решил, что его истинная цель — именно университет, и я решил опередить его.

— Но откуда вы узнали, где он расположен? — спросил Корнуэлл. — И как вы туда добрались?

— Я догадался, — сказал Джоунз, улыбаясь. — И я как следует изучил карту.

— Но здесь нет никаких карт!

— В моем мире они есть. Там нет ни Туманных Гор, ни Проклятой Долины. У нас это — обычная местность, населенная обычными людьми. Местность эта изучена, нанесена на карты, и вся изрезана дорогами. Итак, я воспользовался машиной, соединяющей наши миры, и вернулся в свой мир. Там я изучил карту, нанял грузовик — это другая машина — и добрался до места, где, по моим предположениям, должен был находиться университет в вашем мире. Если все это звучит для вас непонятно...

— Именно так, — подтвердил Снивли. — Но все равно, продолжайте.

— Потом я вернулся в этот мир, и моя догадка подтвердилась. Я оказался всего в нескольких милях от университета. Я провел там несколько дней и понял, что нуждаюсь в помощи. Как я уже говорил, я нашел книги и рукописи, но не смог их прочесть. Тогда я подумал о вас. Я знал, что вы собираетесь пересечь Проклятую Долину, и надеялся, что Корнуэлл, с его годами занятий в Вайлусинге, сможет прочесть нужные мне книги. К тому же я подумал, что вы тоже можете нуждаться в помощи. Поэтому я двинулся в путь. Остальное вы знаете. А университет?.. Я никогда и нигде не видел ничего подобного! Это одно огромное здание, хотя издаലെка кажется, что зданий там много. Можно подумать, что оно построено феями! Это здание, сэр Марк, построено вашей магией. Это похоже на пену и кружево, как будто рука человека не прикасалась к нему.

— Может, и не касалась, — заметил Снивли.

— Вокруг — поля и сады, и, хотя урожай уже был собран, ясно, что кто-то его вырастил и убрал. Там есть еноты, свиньи, куры, несколько костлявых лошадей, павлины, утки, гуси, голуби. Там достаточно скота и дичи, чтобы прокормить значительное население. Но я никого там не видел. Иногда мне казалось, что за мной следят, иногда — будто кто-то прячется от меня, но никто не вышел мне навстречу, никто не смотрел,

как я уйду оттуда. Кто бы они ни были, они прятались от меня.

— Мы были бы очень рады выслушать ваш рассказ до самого конца, — сказал Снивли, — он очень интересен. Вопрос только в том, что нам делать теперь?

— Надо идти вперед, — уверенно сказал Корнуэлл. — Мы не можем возвратиться через Проклятую Долину. Без лошадей нам просто не дойти.

— К тому же там церберы, — добавил Джиб.

— Вы говорите, что мы не можем вернуться, — сказал Снивли. — Это потому, что вам смертельно хочется увидеть университет. Но дело в том, что вы не должны его видеть. И никто из нас не должен. У вас есть свои священные места, а у нас — свои. Многие наши святыни осквернены, но университет — одна из немногих оставшихся. Он сохранился только потому, что сведения о нем строго охранялись:

— Не знаю, как вы, — сказала Мэри, — а я пойду. Мои родители прошли здесь, и, если они еще живы, я намерена их найти.

— О ваших родителях я знаю очень мало, — сказал Джоунз. — Я перерыл весь ведьмин дом в поисках свидетельств, но ничего не нашел. Я думаю, что, если бы мы подвесили эту ведьму за ноги и развели под ней костер, то быстро нашли бы все сведения. Но тут у меня не хватает пороха. В моем мире о них нет упоминаний. Нет никаких данных о тех, кто побывал в этом мире, кроме меня. Может они родились через несколько столетий после меня. Для передвижения я использую механическую конструкцию, а они — нет. Может, в будущем исследователи из моего мира будут путешествовать без машин.

— В том, что Снивли говорил об университете, много истинного, — глубокомысленно заметил Корнуэлл. — Нам не следовало бы вторгаться туда, куда нас не звали, но дело в том, что нам некуда больше идти. Я думаю, все согласны, что возвращаться тем же путем мы не можем. И дело не только в церберах на Проклятой Долине. Есть еще и древние. Утром они подберут свои копыта, и к ним вернется храбрость. Сомневаюсь,

чтобы они последовали за нами через ущелье, они его искренне боятся. Но пытаться пройти мимо них — опасно. Мы можем только пообещать вам, Снивли, что будем держать рот на замке и не допустим осквернения святыни.

Снивли хмыкнул.

— Я бы не стал полагаться на это. Большинство людей при случае становятся болтунами. Но, вероятно, мы вынуждены принять такое решение. Я согласен, что мы не можем возвращаться тем же путем, каким пришли сюда.

— Все это с самого начала было опрометчиво и глупо, и я чувствую свою ответственность, — сказал Корнуэлл.

— Вина лежит главным образом на мне, — возразил Джиб. — Я настаивал на том, что должен собственными руками вручить топор древним.

— Ничья это не вина! — сказала Мэри. — Ну кто же мог знать, что древниеотреагируют именно так?

— Стало быть, мы идем вперед, — сказал Хол. — Интересно, что мы там обнаружим?

Где-то вдалеке завыл волк. Вслушиваясь в далекий вой, путники ждали ответного, но его не было. Костер почти прогорел, и Хол подбросил дров.

Выше по склону громко треснула ветка, и все вскочили на ноги.

По склону спускалась оборванная фигура, опиравшаяся на посох. Изъеденный молью ворон отчаянно цеплялся за плечо, а сзади хромала белая собачонка.

— Боже! — воскликнул Корнуэлл. — Это же Сплетник! Мы совсем забыли о нем.

— Он этого и добивался, — ядовито заметил Снивли. — Такова его природа. Сейчас ты его видишь, а в следующее мгновение — нет. А когда не видишь, то и думать о нем перестаешь. Его легко забывают, потому что он не хочет, чтобы о нем помнили. Скользкий тип.

— Эй, вы! — закричал Джоунз. — Где вы были? И куда вы запропастились?

Зачарованное паломничество

— Если нос меня не обманывает, — сказал Сплетник, приблизившись, — тут есть отличное жареное мясо. А я ужасно голоден.

— Черт! — сказал Джоунз. — Вы навечно обречены быть ужасно голодным.

37

К полудню путники почти миновали ущелье, когда в небе появилась первая точка. Потом к ней присоединилась вторая.

— Это всего лишь птицы, — сказал Джиб. — Мы становимся слишком нервными. Мы уже почти на месте, но древние убедили нас, что что-то должно случиться. Вы говорите, мастер Джоунз, что мы уже почти перешли через ущелье?

Джоунз кивнул.

— Меня в этих точках беспокоит одно обстоятельство, — сказал Хол. — Когда древние говорили о Тех, Что На Горе, может речь шла о птицах? Они ведь высжиживают яйца!¹

— Вы проходили через ущелье? — спросил Корнуэлл у Джоунза. — И с вами ничего не происходило?

— Я убежден, — сказал Джоунз, — что у меня все шло гладко только потому, что я шел в обратном направлении. Те, кто здесь скрываются, охраняют университет от пришельцев. Они не обращают внимания на уходящих оттуда.

Точек стало больше. Они кружили в воздухе и постепенно снижались.

Стены узкого ущелья круто поднимались к небу, закрывая солнце. Только в полдень могло оно осветить дно ущелья. Тут и там росли деревья, главным образом кедры. Они упрямо

¹ Brood (англ.) - 1. размышлять; 2. высжиживать яйца.

карабкались на склоны, используя трещины и карманы зелени на уступах. Зловеще выл ветер.

— Мне не нравится это место, — проговорил Снивли. — У меня от него холодеет внутри.

— А я совершенно безоружен, если не считать дубины, — жаловался Джоунз. — Если бы у меня было ружье, если бы этот глупый робот не вышвырнул его...

Глупый робот стоял, не обращая внимания на слова Джоунза — если вообще слышал их. Все его щупальца, кроме одного, были втянуты.

Точки приблизились, и теперь стало видно, что это большие птицы с огромным размахом крыльев.

— Будь у меня бинокль, я рассмотрел бы их, — сказал Джоунз. — Но у меня его, конечно, нет. Я убедил себя, что должен путешествовать налегке. Удивительно, что я вообще что-то захватил. Я рассчитывал лишь на ружье и мотовелосипед, а теперь у меня нет ни того, ни другого.

— Я могу сказать, что это, — заметил Хол.

— У вас острое зрение, мой друг.

— У него глаза лесного жителя, — сказал Джиб. — Глаза охотника.

Хол сказал:

— Это гарпии.

— Самые злобные существа Очарованных Земель! — завизжал Снивли. — Они еще злее, чем церберы. А мы на открытом месте.

Корнуэлл достал меч.

— Вы уже достаточно овладели им, — сказал Хол. — Еще немного тренировок...

Гарпии пикировали, полусложив крылья и вытянув человекоподобные головы, вооруженные смертоносными клювами.

Щелкнула тетива лука Хола, и одна из гарпий, прервав свое пикирование и неуклюже растопырив крылья, полетела вниз. Снова звон тетивы, и вторая гарпия последовала за первой.

Путники ждали приближения остальных.

Зачарованное паломничество

Сплетник, прижавшись спиной к стене, поднял посох. Маленькая собачка у его ног сжалась в комок, ворон резко закричал.

— Мне бы только добраться до них, — бормотал Сплетник словно бы самому себе. — Я сломаю их глупые шеи. Я ненавижу этих мерзких тварей. Мне не следовало бы оставаться здесь, но я не могу уйти просто так. Я пировал с этой компанией не один раз, а мой Финдо подружился с их енотом.

— Вниз! — сказал Корнуэлл Мэри. — Прижмись к земле.

Снивли и Оливер торопливо собрали куски камней и теперь стояли, сжимая их в руках.

Гарпии изменили направление полета, повернувшись в воздухе так, что теперь к путникам были обращены их клювастые головы и массивные когти.

Корнуэлл взмахнул мечом, и лезвие отсекло лапы нападавшей гарпии. Тяжелое тело ударилось о землю и покатилось, злобный клюв раненого чудовища нацелился на ногу Хола, но промахнулся.

Стоя рядом со Сплетником, Жестянка превратился в центр бьющейся сети щупалец. Он хватал гарпий и швырял их о скалы.

Джоунз, взмахивая дубиной, сбил двух нападавших на него гарпий, но третья одной лапой вцепилась ему в руку, второй пытаясь дотянуться до лица. Хол, услышав крики Джоунза, повернулся и послал стрелу в тело чудовища.

Гарпия и Джоунз тяжело упали. Джоунз высвободился и дубиной добил гарпию. Его окровавленная правая рука бессильно повисла.

Сплетник отбивал нападение посохом, ворон его торжествующе кричал. Оливер и Снивли швыряли камни.

Одна из гарпий, промахнувшись в своем нападении на Снивли, вцепилась в пояс гнома и начала подниматься в воздух. Снивли в ужасе закричал, а Хол, увидев, что происходит, поразил стрелой шею чудовища. Гарпия тяжело упала, потащив за собой гнома.

Остальные твари, мощно работая крыльями, поднялись к небу.

Корнуэлл опустил меч и огляделся. Мэри скорчилась у его ног. Снивли, выкликая проклятия, высвобождался из когтей мертвой гарпин. Хол опустил лук и смотрел на отступающих птиц.

— Они вернутся, — сказал он. — Им нужно лишь перестроиться. А у меня осталось только три стрелы. Можно извлечь несколько из тел убитых гарпий, но для этого нужно время.

Снивли, хромая, подошел к Холу.

— Ваша стрела чуть не проткнула меня. Я ощутил ветер, когда она пролетела мимо моего лица.

— Вы предпочли бы, чтобы гарпия утащила вас? — спросил Хол.

— Поосторожнее нужно быть! — обидчиво выкрикнул Снивли.

Корнуэлл повернулся к Джоунзу.

— Вы тяжело ранены?

— Глубокий порез на руке. Боюсь, что занесена инфекция. Затем он сказал, обращаясь к Холу:

— Благодарю вас за выстрел.

— В следующий раз нам придется хуже, — сказал Корнуэлл.

— Пока нам просто повезло, думаю, наше сопротивление удивило их.

Ущелье скрылось в тени. Солнце больше не освещало его дно, а только верхние края стены.

— Есть способ получить помощь, — сказал Сплетник. — Я не уверен, что он подействует, но попробовать можно.

Жестянка неподвижно стоял на месте, втянув щупальца, за исключением одного, которое было сложено у него на груди.

Сплетник вытянул посох и коснулся им конца щупальца.

— Дай мне это, пожалуйста, — сказал он. — Может, именно эта вещь спасет нас.

Жестянка шевельнулся и начал разворачивать щупальце. Когда он это сделал, все увидели, что он держит ручной топор древних.

— Он очищал дно пещеры от всех камней и дубин, — сказал Джиб. — Наверное, тогда и подобрал его.

Жестянка протянул топор Сплетнику.

Тот высоко подбросил его и завел дикую, но мелодичную песню. Звуки отражались от стен ущелья, и вскоре все пространство заполнилось множеством голосов, как будто пел целый хор. Пение продолжалось, а тени все углублялись, и вот в тени что-то зашевелилось и послышался топот множества ног.

Мэри закричала, а Корнуэлл поднял меч, но потом медленно опустил его.

— Боже, спаси нас, — пронзнес он.

Их были сотни — теней в тени — и можно было разглядеть, что это огромного роста мускулистые люди, большей частью обнаженные, хотя некоторые носили повязки на бедрах. Ноги их не распрямлялись, и они шли, полусогнувшись. Они несли грубые каменные топоры, и глаза их сверкали.

Высоко в небе гарпии прекратили свой полет и начали пикирование. Они неслись к земле, и Корнуэлл понял, что на этот раз их не остановить. Он обнял Мэри свободной рукой и привлек к себе.

Свирепые крики заглушили пение Сплетника. Мускулистые люди яростно кричали и потрясали оружием навстречу гарпиям. Казалось, все ущелье заполнено ими.

Гарпии ринулись вниз, между узких стен, но внезапно прервали свою атаку. Они забили в воздухе крыльями, сталкиваясь друг с другом и крича от удивления и гнева, а внизу под ними мускулистые люди возбужденно выли, торжествуя.

Сплетник прекратил петь и громко крикнул:

— Бегите, спасайте жизнь!

Корнуэлл подтолкнул Мэри.

— За мной и не отставай. Я проложу дорогу.

Он опустил голову и двинулся вперед, ожидая встретить сопротивление теснившихся тел. Но сопротивления не было. Они пробирались сквозь мускулистых людей так, словно те были всего лишь поднятыми бурей осенними листьями. Перед ним оступился и упал Джоунз. Ударившись раненой рукой о камень, он вскрикнул. Корнуэлл наклонился, подхватил его и взвалил себе на плечи. Теперь все остальные, включая Мэри,

шли перед ним, проходя сквозь толпу мускулистых людей. Подняв голову, Корнуэлл увидел, что гарпии вырвались из узкого ущелья в залитое солнцем небо.

Вскоре ущелье кончилось, и началась равнина. Мускулистые люди исчезли. Корнуэлл обогнал Сплетника, который торопился изо всех сил, крихтя от усилий. Перед Сплетником бежала, прихрамывая, собачка, а рядом с ней — енот.

Наконец они выскочили из ущелья и замедлили бег. Перед ними на небольшой равнине, окруженной со всех сторон горами, высилось причудливое здание, как и описывал Джоунз, все из пены и кружев. Даже в своей невещественности оно производило грандиозное впечатление.

— Спустите меня, — сказал Джоунз. — Спасибо за то, что вынесли.

Корнуэлл остановился и поставил Джоунза на ноги.

Джоунз указал на раненую руку:

— Проклятье, она вся в огне и гудит, как колокол.

Он пошел рядом с Корнуэлл.

— Моя машина впереди. Вы можете увидеть ее вон там, справа. У меня есть шприц... Только не просите объяснить, что это такое. Это такая волшебная игла. Вы поможете мне с ней.

Между ними и прекрасным зданием двигалась группа существ. Они были слишком далеко, чтобы разглядеть подробности, видно было только, что один ростом выше остальных.

— Будь я проклят! — сказал Джоунз. — Когда я бродил здесь, никто не вышел мне навстречу, а теперь здесь целая делегация.

Впереди всех бежала крохотная фигурка. Существо громко кричало от радости и кувыркалось.

— Мэри! — закричало оно.

— Да ведь это Скрипичные Пальцы! — удивленно воскликнула Мэри. — А я все гадала, куда же девался этот маленький мошенник.

— Это тот, который делал с тобой пироги из грязи? — спросил Корнуэлл.

— Он самый, — ответила Мэри.

Зачарованное волшебничество

Она наклонилась, и домовый с криком бросился к ней в объятия.

— Мне сказали, что ты идешь, — радостно кричал он, — но я не мог в это поверить.

Он высвободился и попятился, чтобы взглянуть на нее.

— Ты выросла, — обвиняюще сказал он. — А я все такой же.

— Я спрашивала о тебе в ведьмином доме, и мне сказали, что ты исчез.

— Я здесь уже много лет, — сказал маленький домовый. — Мне столько нужно показать тебе.

Тем временем группа приблизилась настолько, что можно было рассмотреть всех. В основном это был маленький народец, танцующие и подпрыгивающие домовые, тролли, эльфы, феи. Среди них двигалась маленькая человекоподобная фигура, одетая в длинное черное платье с черным капюшоном, брошенным на голову и лицо. Казалось, что у этого существа лица вообще не было, а может, капюшон просто бросал на него тень. И вообще, фигуру покрывала какая-то дымка, какой-то туман, скрывавший ее очертания.

Подойдя ближе, фигура остановилась и произнесла голосом, таким же мрачным, как и ее одежда:

— Я — сторож. Добро пожаловать. Вероятно, у вас были неприятности с гарпиями: иногда они слишком ретивы.

— Не очень значительные, — ответил Хол. — Мы их слегка потеснили.

— Мы не очень-то следим за ними, — сказал сторож, — потому что у нас редко бывают посетители. Мне кажется, моя дорогая, — обратился он к Мэри, — что ваши родители были здесь несколько лет назад. С тех пор у нас не было гостей.

— Я был здесь несколько дней назад, — заявил Джоунз, — и вы не обратили на меня внимания. Вы даже постарались сделать вид, что это место покинуто...

— Мы заметили вас, сэр, — ответил сторож, — но прежде чем показаться, мы хотели выяснить, кто вы такой. А вы ушли несколько торопливо...

Мэри прервала его:

— Вы говорите, мои родители были здесь? Значит, их тут больше нет?

— Они ушли в другое место, — ответил сторож. — Немного позже я расскажу вам об этом и о многом другом. А теперь пора за стол.

— Услышав ваши слова, я почувствовал, что ужасно голоден, — сказал Сплетник.

38

Сторож сидел во главе стола и теперь стало очевидно, что у него действительно нет лица. На том месте под капюшоном, где оно должно было находиться, виднелось нечто туманное, в чем изредка сверкали две красные искорки на месте глаз.

Сторож не ел, он просто сидел и разговаривал, расспрашивал о путешествии, говорил об урожае, обсуждал капризы погоды.

А туманность и неясность охватывают не только его лицо, — подумал Корнуэлл, — но и всю фигуру тоже, как будто он привидение. Не будет ничего удивительного, если он вдруг рассеется, унесенный ветром.

— Не знаю, что и подумать о нем, — шепотом сказал Корнуэлл Снивли. — Он не походит ни на одно существо Диких Земель. Можно подумать, что это дух. Но он не дух, в этом я убежден. Мне не нравится эта туманность.

Пища была простая, но хорошая, и ее было много. Сторож уговаривал их есть вволю.

Когда стало ясно, что все наелись, сторож сказал:

— Ну вот, теперь вы кончили и можно объясниться. Вероятно, у вас есть немало вопросов.

Снивли торопливо пропищал:

— Мы раздумывали...

Однако сторож остановил его:

— Не вы один думали, кто я такой, и я отвечу вам всем, но в свое время. Я сказал вам, что я сторож. Так оно и есть. Но меня можно назвать и философом, хотя это слово не совсем подходит. В вашем мире нет слова, которое точно соответствовало бы моему званию. Может, лучше всего подойдет философский инженер, и если вы, мастер Джоунз, и вы, сэр Марк, хотите обсудить этот вопрос, я прошу вас подождать.

— Мы подождем с расспросами, — сказал Корнуэлл, — но одно я все же хотел бы узнать. Вам известны наши имена, хотя мы их и не называли.

— Вам не понравится то, что я скажу, — ответил сторож, — но честный ответ таков: я могу читать ваш мозг очень глубоко, но это было бы невежливо, поэтому я беру только то, что лежит на поверхности. Только поверхностная информация: кто вы и откуда. Но, даже если бы я заглянул глубже и проник в ваши сокровенные тайны, вам не следовало бы смущаться. Я не с вашей планеты, и мои ценности совсем иные, нежели у вас. Даже если бы они совпали, я не стал бы судить вас, потому что по многовековому опыту знаю о великом расхождении разумов.

— Я хотела бы знать, что с моими родителями, — торопливо вставила Мэри.

— Они вернулись домой, — ответил сторож.

— Без меня? Они не пожелали вернуться за мной?

— Вы, возможно, возненавидите меня за это, — ответил сторож, — и будете иметь на это право. Это я убедил их и даже представил доказательства того, что вы умерли.

— Какая низость! — возмущенно сказала Мэри. — Надеюсь, у вас хоть были причины для...

— Были, моя дорогая, были. И я утешал себя тем, что в конце концов все будет хорошо.

— Значит, вы еще и ясновидящий, — заметил Джоунз, — вдобавок к вашим прочим качествам?

— Не совсем, — ответил сторож. Было заметно, что он польщен. — Я умею чувствовать, что предначертано судьбой, я чувствую, что необходимо сделать и...

— Забудьте о судьбе, — произнесла Мэри холодно. — Расскажите нам о действительно важном.

— Если только вы перестанете кричать и дадите мне возможность говорить.

— Я не кричала!

— Мы даем вам такую возможность, — сказал Корнуэлл, — но предупреждаю вас, сэр, что у вас должна быть основательная причина.

— Вероятно, мне следует начать с самого начала, — сказала сторож. — Это нужно было сделать сразу. Моя раса — очень древняя, и возникла на планете в самом сердце Галактики задолго до появления человека, может даже, задолго до того, как первое живое существо выползло из моря. Мы создали великую цивилизацию. Я вижу, сэр Марк, что вы рассержены.

— Он будет в порядке, — сказал Джоунз, — и задаст свои вопросы позже. Он уже понял, что здесь нечто большее, чем магия. Пожалуйста, продолжайте.

— Хорошо, — согласился сторож. — Мы могли бы создать величественную культуру, единственную в Галактике, а может, и во всей Вселенной. У нас первых развился разум, и начали мы раньше остальных. Мы могли бы создать образ жизни, превосходящий всякое воображение. Но среди нас в древние времена нашли люди, которые поняли, к чему может привести такой курс. Они поняли, что если мы пойдем таким путем, то окажемся в одиночестве,отрежем себя от остальной жизни. Требовалось принять решение, и оно было принято. Мы будем жить не для себя, а для других разумов, которые могут возникнуть в Галактике.

— Мастер, — хрипло сказал Джоунз, — я знаю ваше племя. В моем мире мы по горло сыты вами. Миротворцы, вмешивающиеся в дела других народов, хотя народы эти вовсе не желают никакого вмешательства.

— Вы ошибаетесь, — возразил сторож, — мы только наблюдатели, и стараемся не вмешиваться. Только в кризисных ситуациях мы...

— И вы считаете, что именно сейчас возникла кризисная ситуация?

— Это вполне возможно. Не потому, что грозит катастрофа, а потому что может не произойти то, что могло бы вот-вот произойти. Здесь, на этом маленьком клочке земли, существует возможность величия. Если этого не произойдет, уникальная культура будет потеряна для Галактики. Если это доставит вам облегчение, мастер Джоунз, то я озабочен не судьбами вашего народа, а будущим граждан Галактики. Я хочу убедить вас, что мы не миссионеры. Мы не создатели всеобщего благополучия, а просто наблюдатели. Мы лишь следим и надеемся. Мы обнаруживаем себя и вмешиваемся только тогда, когда не видим иного выхода.

— Все это просто замечательно, — сказал Корнуэлл, — но я все еще не очень хорошо понимаю, в чем вы видите величие этого места? Конечно, это хранилище преданий Диких Земель, и его нужно сохранить, но...

— Не только Диких Земель, друг мой, но предания, надежды и возможности трех цивилизаций, происходящих из общего источника, трех расходящихся философий, которые, если их совместить...

— Трех? — прервал его Джоунз. — Кажется, я понимаю, к чему вы ведете. Только цивилизаций - две, а не три. Культура Диких Земель и мира Корнуэлла, и моего мира. Магия и технология. Согласен, они могут сосуществовать.

— Есть еще один мир, — сказал сторож. — Мир родителей Мэри. Ваш мир раскололся не один раз, а два. У вас три мира в одном.

— У меня достаточно проблем с двумя мирами, а тут еще третий, — сказал Корнуэлл. — Мы думали, что родители Мэри пришли из того же мира, что и Джоунз, только на несколько столетий позже.

— Я не мог, — начал было сторож, но Мэри перебила его:

— И в этот третий мир вернулись мои родители? Почему это было так важно?

— Я не мог упустить их, — повторил сторож. — Если бы с ними что-либо случилось, не было бы никакой гарантии, что появится еще кто-нибудь из третьего мира. Я убедил их вернуться в свой мир и принести сюда материалы, касающиеся культуры их мира.

— У вас все предусмотрено, — сказал Джоунз. — Все разложено по полочкам так аккуратно и просто.

Сторож кивнул:

— Надеюсь, что да. Это место будет хранилищем знаний трех миров. Из вашего мира, мастер Джоунз, — технология. Из мира родителей Мэри — великая гуманистическая концепция, которую оба ваших мира, по-видимому, утратили. Возьмите все это, соедините воедино, и получится культурная концепция, которой нет ни в одном мире, но которая будет воплощать все лучшее из них.

— Я понял, что у вас здесь большое количество древних рукописей, — сказал Корнуэлл. — Я не могу дождаться, когда смогу взглянуть на них. У меня есть некоторые познания в древних языках, а у моего друга гоблина их еще больше. Он провел много лет в библиотеке Вайлусинга.

— Это прекрасно, — сказал Джиб, — но как же остальные? Вы можете заняться древними рукописями, и ваша жизнь будет заполнена. Но у Хола, у Енотуса и у меня здесь дел нет. Мы завершили то, что намерены были сделать. Мы отдали топор древним, хотя можно было сберечь время и не делать этого.

— Мы даже не умеем читать, — подхватил Хол, — нас никто этому не учил: ни болотников, ни жителей холмов...

— И меня тоже, — сказал Снивли. — Хотя я хочу вернуться не потому. Меня ждет шахта, и у меня там остались друзья. Но возвращаться тем же путем нам не хочется.

— Я могу отвезти вас назад, — сказал Джоунз. — Я должен вернуться в свой мир, чтобы вылечить руку. С инъекцией, которую сделал Марк, и с перевязкой Мэри все пока идет хорошо, но...

— Я уверен, что если бы мне дали возможность покопаться в старых манускриптах, я бы нашел подходящие заклинания...

Джоунз застонал.

— Я по горло сыт вашей магией и возвращаюсь к антибиотикам! Я могу взять с собой остальных, перевезти их в соответствующее место моего мира и аккуратно вернуть домой. Только им придется прятаться. Нельзя чтобы их увидели.

— С удовольствием, — сказал Джиб. — Мы будем сидеть тихо, как мыши.

— Но вы еще вернетесь? — спросил сторож у Джоунза.

— Боже мой, конечно! — воскликнул тот. — Ни за что на свете я не упущу такой возможности. Но не ради вашей драгоценной Галактики или ради создания величественной культуры, о которой вы тут разливались. Просто это очень интересно.

— И вы захватите с собой основные материалы по вашей технологии, труды ваших философов, работы ваших великих ученых?

— Вы, наверное, шутите? — сказал Джоунз. — Вы не знаете, о чем говорите. Даже если я привезу с собой тонны и тонны, останется еще намного больше. Что вам нужно? Технические руководства, чертежи, теории, книги, научные журналы? О, дьявол! Я постараюсь привезти все лучшее, а потом буду стоять и смеяться, когда вы попытаетесь разобраться во всем этом.

— Я рад, что у вас будет развлечение, — сказал сторож.

— Итак, трое из нас, несомненно, останутся, — сказал Корнуэлл. — И, вероятно, Жестянка тоже. Кстати, вы кажется говорили, что умеете читать наши мысли? А как насчет него? Он не может разговаривать с нами, хотя временами кажется, что он все понимает. Не скажете ли нам, что вы знаете о нем?

— Он расположен к вам, — сказал сторож, — если вы об этом спрашивали. Он благодарен вам, и он — ваш друг. Вы можете полностью доверять ему. Но вот что он такое — я не знаю, потому что он сам этого не знает. Возможно, знание придет со временем, но сейчас он еще слишком молод. В нем воплощено какое-то знание его родителя, который, по-видимому, был беглецом из далекого космического мира. Как вам известно, он — не повторение своего родителя. Вероятно, их

раса может изменять генетику своего потомства и придавать ему любую форму по своему желанию. Родитель Жестянки сформировал его таким образом, чтобы он обладал нужными для выживания качествами, чтобы он мог спастись от охотников, которые всю свою ненависть перенесли с родителя на потомка. Но я знаю, что Жестянка не осознает способностей, вложенных в него родителем. Вероятно, он обнаружит их, когда в этом возникнет необходимость, а пока мы должны признать его неопределенным фактором.

— Чертовски забавно! — сказал Джоунз.

— Возможно, мастер Джоунз. Но вы, надеюсь, согласитесь, что именно в неизвестных факторах могут заключаться величайшие надежды?

— Я надеюсь, что этот неизвестный фактор не разнесет нас на куски, — заметил Джоунз. — После случая с ружьем...

— Минутку, мастер Джоунз, — сказал сторож. — Среди нас есть тот, кто еще не высказался. Мастер Сплетник, есть ли у вас что сказать нам?

— Я всего только посыльный, — ответил Сплетник. — Я — вестник, исполнитель мелких поручений. Я слежу, чтобы все было на месте и ничего не забывалось.

— Вы ничего не хотите сказать?

— Мне нужно сделать много дел и пройти много миль. Пора начинать. — Он сунул руку в карман и извлек топор древних. — Поскольку древние отказались от него, его следует вернуть тому, кто нес его и оберегал в опасном пути. Может, это и незначительная плата за все неприятности, но, по крайней мере, память.

Он бросил топор, и Джиб, улыбаясь, поймал его.

— Будет, что показать, когда стану рассказывать! Спасибо, Сплетник.

Сплетник протянул Мэри костлявую руку.

— А теперь, пожалуйста, рог единорога. Он вам больше не нужен, поэтому отдайте его мне.

— Охотно, — ответила Мэри, — но я не понимаю...

— Его нужно снова воткнуть в дуб, где он будет ожидать новых пилигримов. Таких рогов осталось очень мало, и нужно использовать их по назначению.

39

И вот они ушли, добрые товарищи по паломничеству, исчезли вместе с машиной Джоунза.

Корнуэлл вслед за остальными тяжело пошел по ночному лугу к прекрасному зданию, сверкающему в лунном свете. Суетились маленькие существа, среди них как бы плыл сторож. В стороне неровной походкой ковылял Жестянка.

Вот и конец. — подумал Корнуэлл. — Конец долгого пути, начавшегося в Вайлусинге, когда я нашел спрятанную рукопись.

Такого конца он не мог себе представить. Он искал древних, а теперь древние уже не имели значения: они оказались совсем не такими, как он думал.

Он вспомнил вечер, когда они впервые после Проклятой Долины нашли воду. Он тогда еще винил себя в том, что увлек всех в это паломничество. Он знал, что возвращение тем же путем сулит верную гибель. Но теперь все кончилось, и не было необходимости возвращаться. Перед ним было занятие на всю жизнь и даже больше.

Значит, если прав сторож, есть возможность слить воедино три великие культуры, с помощью ученых из чужих миров, вооруженных неизвестными знаниями и философией. К тому же есть и неизвестный фактор — вот этот самый Жестянка. И нет даже намек на то, к чему это может привести.

Позади Мэри сказала:

— Не печалься, Марк, они возвращаются домой.

Он покачал головой.

— Я ничего не смог сказать им. А ведь они так много сделали для меня...

— Но и ты много сделал для них, Ты наполнил их жизни. Много зимних ночей проведут они, рассказывая об этом паломничестве: Снивли — в шахте, Хол с Енотусом — в дуплистом дереве, а Джиб — в своем болоте.

— Спасибо, Мэри, ты всегда знаешь, что сказать. Ты сняла мою боль.

Некоторое время они шли молча, а потом Мэри произнесла:

— Скрипичные Пальцы сказал, что для нас готова новая одежда. Это нам необходимо: у тебя дыры на коленях и локтях, а мое платье годится только на тряпки. Он говорит, что если я захочу, у меня будет золотое платье. Можешь себе представить меня, одетой в золото? Я буду как принцесса!

Он остановился.

— Ты и без золотой одежды — принцесса! Я люблю тебя и в этом платье, которое еще немного пахнет Зверем Хаоса, в этом поношенном и порванном, засаленном и измазанном жиром платье. Обещай, что никогда не станешь его использовать в качестве половой тряпки.

Она обняла его, и он плотнее прижал ее к себе.

— У нас будет хорошая жизнь, Марк, — прошептала она. — Будет платье золотым или нет, — но нас ждет хорошая жизнь!

Содержание

Братство талисмана. Перевод Н.Бобровой	5
Зачарованное паломничество. Перевод И.Южаковой	281

Серия
МИР МИСТИКИ

Художник *Ф.Е.Барышев*

Редактор *Н.Р.Боброва, Л.Г.Кротов*
Корректор *М.Л.Кротова*
Технический редактор *Л.Г.Кротов*

Сдано в набор 2.09.92. Подписано в печать 12.10.92.
Гарнитура Палатино. Печать офсетная. Формат 84×108 1/32.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,3. Уч. изд. л. 23,7.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 3862. Цена договорная.

Издательство «Ренессанс» СП «ИВО Сид»
Москва, 1-й Басманный пер., д. 5/20 строение 2

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПП «Нижполиграф».
Н. Новгород, ул. Варварская, 32.

Уважаемые читатели!

**Серия МИР МИСТИКИ
предлагает вам**

**произведения отечественных и зарубежных авторов:
мистика, магия, приключения, фантастика —
в сочетании с тончайшими гуманистическими
исследованиями
человеческой души.**

**Столь разных писателей объединяет вера
в потусторонние силы.**

**В рассказах, повестях и романах раскрыта
сфера деятельности этих сил —
в нашей «реальной» действительности.**

ЭТО:

Папюс
ПРАКТИЧЕСКАЯ МАГИЯ
в трех частях

ПРОФЕССОР БЕССМЕРТИЯ
*Сборник мистических произведений
русских писателей*
(А.Н.Апухтин, М.В.Лодыженский, К.К.Случевский)

ПРИЗРАКИ
*Сборник мистических произведений
русских писателей*

Райдер Хаггард
НЕВЕДОМЫЕ БОГИ
Сборник

Райдер Хаггард
СВЯЩЕННЫЙ ЦВЕТOK
Сборник

ВЫЗЫВАЮЩИЙ ДУХОВ
Книга первая
Сборник
окультных и мистических произведений

ВЫЗЫВАЮЩИЙ ДУХОВ
Книга вторая
Сборник
окультных и мистических произведений

Федор Сологуб
НАВЬИ ЧАРЫ
(Творимая легенда)

ТРАКТАТ О ВЕДЬМАХ
Книга первая
Сборник

ТРАКТАТ О ВЕДЬМАХ
Книга вторая
Сборник

ПОРОЖДЕНИЯ ТЬМЫ

Книга первая

Сборник оккультных и мистических произведений

ПОРОЖДЕНИЯ ТЬМЫ

Книга вторая

Сборник оккультных и мистических произведений

МЕРТВЫЙ ГОСТЬ

Книга вторая

Сборник рассказов о привидениях

ОНИ ПОЯВЛЯЮТСЯ В ПОЛНОЧЬ

Книга первая

Антология редкой литературы о вампирах

ОНИ ПОЯВЛЯЮТСЯ В ПОЛНОЧЬ

Книга вторая

Антология редкой литературы о вампирах

ЧЕРНАЯ МАГИЯ. ЧЕРНАЯ МЕССА

Доктор Жав, доктор Кофейнон

История, теория и практика черной магии

Антология мистических существ

РОКОВОЙ ПОРТРЕТ

Сборник мистических произведений

МЩЕНИЕ ОГНЕННОЙ СТИХИИ

Сборник оккультных и мистических произведений

ОТВЕРЖЕННЫЙ ДУХ
Сборник
(Уильям П.Блэтти “Экзорсист”.
Маргрит Стин “Отверженный дух”)

МЕССА ПРИВИДЕНИЙ
Книга первая
Сборник
оккультных и мистических произведений

Аллан Кардек
КНИГА ДУХОВ

Аллан Кардек
КНИГА МЕДИУМОВ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
СУЕВЕРИЙ И ВОЛШЕБСТВ

ВАМПИРЫ
Сборник

Говард Филипс Лавкрафт
ЗАТАИВШИЙСЯ СТРАХ
Сборник

Густав Майринк
АНГЕЛ ЗАПАДНОГО ОКНА
Сборник

Юстинус Кернер
ЯСНОВИДЯЩАЯ ИЗ ПРЕФОРСТА
Роман

Деннис Уитли
ИМ ПОМОГАЛИ СИЛЫ ТЬМЫ
Роман

К. Гюисманс
ТАМ, ВНИЗУ. БЕЗДНА
Романы

Е. Шабельский
Сатанисты двадцатого века

ВОЛШЕБНЫЕ БРАТСТВА САЙМАКА
Клиффорд Саймак
Братство талисмана. Зачарованное паломничество
Романы

ТАИНСТВЕННЫЕ ДВОЙНИКИ
Сборник мистических произведений

Готовятся к печати:

Серия "МИР МИСТИКИ"

Говард Филипс Лавкрафт
ЗАТАИВШИЙСЯ СТРАХ

Сборник

Говард Филипс Лавкрафт (1890—1937) — американский писатель, создатель "мифологии ужаса", мастер жанра "черной фантастики". При жизни публиковался в журналах и только после смерти сборники его рассказов и повестей стали выходить отдельными изданиями.

"Черная фантастика" XX века соотносит ужасное с обыденным. В "естественном" плане ее герой — зачастую обычный человек. Даже обнаруживая в себе какую-нибудь сверхъестественную способность, он, по большей части, не в состоянии совладать с нею. Порой ужасное заключается в странности необычных ситуаций, в которые попадают обыкновенные люди. Изумление рождается в момент внезапного соприкосновения обычных умов с необычным для них миром...

В сборник вошли рассказы и повести "Тень над Иннсмутом", "Тень из времени", "В поисках неведомого Кадафа".

Серия "МИР МИСТИКИ"

МЕССА ПРИВИДЕНИЙ

Сборник религиозно-мистической прозы

Сборник состоит из четырех разделов: религиозно-мистические сказки, легенды и аллегории, мистические оккультные рассказы, видения загробного мира. Большая часть публикуемых произведений вышла в свет на русском языке еще до революции и с тех пор не переиздавалась. Сборник не только знакомит широкого читателя с новыми именами, плодотворно работавшими в жанре религиозно-мистической прозы, но и открывает новые грани в творчестве некоторых хорошо знакомых

нам писателей. Произведения, вошедшие в сборник, зачастую непривычны, отличаются особым языком. Но в этом и заключается их прелесть. В той или иной форме все они утверждают абсолютную ценность таких человеческих качеств, как сострадание, верность, терпимость, доброта, любовь, неуспокоенность, стремление к совершенству.

Серия "МИР МИСТИКИ"
ТРАКТАТ О ВЕДЬМАХ. Книга первая
Сборник

Ведьма... Она знакома вам и непостижима. Она сопровождает вас с рождения и вечно ускользает. Она — ваша мать, ваша сестра, ваше внутреннее "я". Вы ее любите и боитесь. Вы ее боитесь, но она влечет вас неудержимо. Ее прапрапрапрапрапрапрапрародительница — Иштар-Диана-Деметра. Ее отец — человек, мужчина. Ее повитуха — человеческий страх. Мучитель и гонитель ее — тоже человеческий страх. И палач ее — человеческий страх. Человеческий страх извлек на свет Божий ее черную, злую силу. Зато у силы целительной и доброй нет другой матери и повитухи, кроме самой ведьмы.

Она напоминает людям, что совсем близко, по соседству, существует иной мир, куда из нашего земного, реального мира ведут тысячи ходов, и наткнуться на них можно в самых немыслимых и неожиданных местах. Ступите чуть в сторону — и неожиданно-негаданно окажетесь в волшебном мире...

Об этом необычном в нашем "обычном" мире и о его обитателях — ведьмах, магах, чародеях — наш сборник.

Серия "МИР МИСТИКИ"
Густав Майринк
Ангел западного окна
Сборник

Густава Майринка относят к представителям "черного романтизма". В этом ряду и русские писатели Федор Сологуб и Леонид Андреев. Направление во многом наследует традиции "проклятых писателей" второй половины XIX века — По,

Уайльда, Бодлера, Лотреамона. И, конечно, без него не было бы “черной фантастики” наших дней и сюрреализма. “Магический реализм”, как еще называют творчество Майринка, вводит читателя в мир Каббалы и алхимии, западного герметизма и буддизма, в мир загадочный и сложный, герои которого, путешествуя по лабиринтам человеческого духа, ищут пути, выводящие к разрешению вечных вопросов Бытия.

В книгу вошли романы “Ангел западного окна”, “Голем” и рассказы из сборника “Летучие мыши”.

Серия “МИР МИСТИКИ”

ВАМПИРЫ

Сборник

Вечная жизнь, о которой люди так часто склонны мечтать, оказывается вампирической маятой, чередованием актов насилия с иступленными выплесками сверхъестественной энергии, когда насилуемый на следующем витке сам становится насильником, когда уже невозможно говорить о человеческой подлинности, о тождестве человека себе самому, но остается только неутомимая, нескончаемая, захлестывающая весь мир пульсация кровавого колеса. И напротив, отстаивая свое право умереть, человек тем самым борется за единственный доступный ему вид самосохранения, за возможность пройти до конца предназначенную ему дорогу — жить и умереть самим собой...

В сборник вошли два романа: “Вампир” польского писателя Владислава Реймонта и фантастический роман барона Олшеври из семейной хроники графов Дракула-Карди “Вампиры”, объединенные общей темой — традиционным мифом о Вампире.

Серия “МИР МИСТИКИ”

ПРОФЕССОР БЕССМЕРТИЯ

Сборник мистических произведений русских писателей

В сборник вошли мистические произведения русских писателей конца XIX—начала XX века: А.Н.Апухтина, М.В.Лоды-

женского, К.К.Случевского, объединенные одной темой — темой смерти и загробного существования.

Впервые переиздается повесть М.В.Лодыженского “Невидимые волны”, написанная на основе действительных событий, и посмертная книга философско-мистических стихов К.К.Случевского “Загробные песни” (до сих пор никогда отдельным изданием не выходившая и известная лишь по периодическим изданиям).

Книга рассчитана на широкий круг читателей и, особенно, на читателей, интересующихся вопросами религиозной мистики.

Уважаемые читатели!

Книги серии "Мир мистики" выпускаются издательством "Ренессанс" (СП "ИВО-С&Д"), вы можете приобрести по подписке в нашем фирменном магазине.

Адрес магазина: Москва, Товарищеский переулок, дом 29
(станция метро "Тяганская")

Фамилия подписчика _____

Абонемент № 1

На книжную серию

МИР МИСТИКИ

в 9 выпусках

За подписку внесен аванс в размере 25 рублей

При утере не возобновляется

Без печати недействителен

СП "ИВО-С&Д"

Издательство "Ренессанс"

1. Памос. ПРАКТИЧЕСКАЯ МАГИЯ. В трех частях.
2. ОТВЕРЖЕННЫЙ ДУХ. Сборник
3. Брэм Стокер. ДРАКУЛА.
4. ВАМПИРЫ. Сборник.
5. ПРИЗРАКИ. Сборник мистических произведений русских писателей.
6. Аллан Кардек. КНИГА ДУХОВ.
7. Аллан Кардек. КНИГА МЕДИУМОВ.
8. ТРАКТАТ О ВЕДЬМАХ. Сборник.
9. ПОРОЖДЕННИИ ТЬМЫ. Сборник оккультных и мистических произведений.

Фамилия подписчика _____
Абонемент № 2
На книжную серию
МИР МИСТИКИ
в 9 выпусках

За подписку внесен аванс в размере 25 рублей
При утере не возобновляется
Без печати недействителен

СП "ИВО-САД"
Издательство "Ренессанс"

1. Говард Филлипс Лавкрафт. ЗАТАЙВИШИЙСЯ СТРАХ. Сборник.
2. МЕССА ПРИВИДЕНИЙ. Сборник религиозно-мистической прозы.
3. Густав Майринк. АНГЕЛ ЗАПАДНОГО ОКНА. Сборник.
4. МЕРТВЫЙ ГОСТЬ. Сборник рассказов о привидениях.
5. ПРОФЕССОР БЕССМЕРТИЯ. Сборник мистических произведений русских писателей.
6. ОНИ ПОЯВЛЯЮТСЯ В ПОЛНОЧЬ... Антология редкой литературы о вампирах.
7. Райдер Хаггард. СВЯЩЕННЫЙ ЦВЕТOK. Сборник.
8. МШЕНИЕ ОГНЕННОЙ СТИХИИ. Сборник окулальных и мистических произведений.
9. ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СУЕВЕРИЙ И ВОЛШЕБСТВ.

Фамилия подписчика _____
Абонемент № 3
На книжную серию
МИР МИСТИКИ
в 9 выпусках

За подписку внесен аванс в размере 50 рублей
При утере не возобновляется
Без печати недействителен

СП "ИВО-САД"
Издательство "Ренессанс"

1. ВОЛШЕБНЫЕ БРАТСТВА САЙМАКА. Романы.
2. К. ГОССЕЛАНС. ТАМ, ВНИЗУ. БЕЗДУНА. Романы.
3. ВЫЗЫВАЮЩИЙ ДУХОВ. Книга 1. Сборник оккультных и мистических произведений.
4. ЧЕРНАЯ МАГИЯ И ЧЕРНАЯ МЕССА.
5. МЕРТВЫЙ ГОСТЬ. Книга 2. Сборник.
6. ТРАКТАТ О ВЕДЬМАХ. Книга 2. Сборник.
7. Дэнис Уитли. ИМ ПОМОГАЛИ СИЛЫ ТЬМЫ. Роман.
8. АНТОЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ.
9. РОКОВОЙ ПОРТРЕТ. Сборник мистических произведений.

Совместное
российско-словенское
предприятие
"ИВО-Савенков
и Джурович" предлагает:

- книги
- гампластинки

**Контактные телефоны
для
оптовых покупателей:**
267-39-26
272-44-35
267-24-28

**В издательстве
"РЕНЕССАНС"
СП "ИВО—С&Д"
подготовлены
и готовятся в выпуску:**

⇒ многотомная иллюстрированная серия "Классическая библиотека детектива, приключений и фантастики", серийные издания "Мир мистики", "Детектив США", "Детектив Великобритании", "Детектив Франции", "Детектив Германии" и "Зарубежный детектив";

⇒ богато иллюстрированные книги для детей младшего и среднего возраста;

⇒ несколько научных серий по философии, психологии, богословию, истории религии и церкви.

Издательство "Ренессанс"
— это высокое качество подготовки текстов, художественного оформления, макетирования и полиграфического исполнения.

RENAISSANCE
EWO-510

